

ВАДИМ РОГОВИН

Мировая революция

и

мировая война

Введение

В данной книге рассматриваются политические события в СССР и во всём мире, происходившие в канун второй мировой войны.

Первая часть книги посвящена анализу экономических, социальных, политических и духовно-идеологических процессов в СССР непосредственно после великой чистки 1936-1938 годов, т. е. тогда, когда окончательно сформировался тот общественный строй, который обычно называют сталинизмом. Рассматривая основные сферы социально-экономической и общественно-политической жизни СССР в том виде, как они сложились в предвоенные годы, мы получаем возможность раскрыть социальную анатомию сталинистского режима, отделить те его черты, которые отошли в прошлое со смертью Сталина, от тех, которые сохранились в несколько модифицированном виде на протяжении последующих десятилетий и определили в конечном счёте распад СССР и реставрацию капитализма в его бывших республиках.

Во второй части книги анализируются политические события, которые развёртывались во второй половине 30-х годов на международной арене. Мне хотелось бы, не предваряя освещение этих событий какими-либо оценками, высказать лишь некоторые соображения, касающиеся заключения советско-германского пакта - события, наложившего неизгладимый отпечаток на весь дальнейший ход мировой истории.

Как известно, вплоть до конца 80-х годов в СССР накладывалось жёсткое табу на любую попытку пересмотра сталинистских оценок пакта "Молотов-Риббентроп", обозначившего коренной поворот в советской внешней политике и в международном коммунистическом движении. Такое положение, казалось бы, изменилось в 1989 году, когда I съезд народных депутатов СССР образовал комиссию под председательством А. Яковлева, которой было поручено дать политическую и правовую оценку пакта, подписанного Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 года. Спустя полгода Яковлев изложил на II съезде народных депутатов результаты работы этой комиссии.

Как и в предыдущих томах исследования "Была ли альтернатива сталинизму в СССР и международном коммунистическом движении?", я не вступаю в этой книге в прямую полемику с историческими версиями и мифами, сконструированными прежними и нынешними фальсификаторами истории. Единственное исключение сделано мною по отношению к данному докладу Яковлева, поскольку он является своего рода государственным документом (основные его выводы вошли в постановление, принятое тогдашним высшим органом власти СССР) и одновременно - последним словом советской историографии, принадлежащим к тому же главному идеологу "перестройки".

По ходу изложения будут рассмотрены наиболее вопиющие ошибки, выдумки и передержки, содержащиеся в докладе Яковлева. Здесь же я остановлюсь только на одном примере, касающемся "методологии" этой работы. Отказавшись от классового анализа и социальных оценок важнейших исторических событий, Яковлев подменил их словами о том, что при подписании пакта оказались нарушенными "какие-то глубинные элементы демократического

мироощущения в целом". Эти "нарушения" он связывал с тем, что "предвоенные события развивались в другой (чем ныне - В. Р.) системе координат. Тогда страны ещё не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и государственному сознанию... Судьбы мира решались замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и отстранённостью от масс"¹.

Весь этот набор высокопарных фраз призван был создать впечатление, что названные негативные тенденции в международных отношениях преодолены или по крайней мере преодолеваются на путях горбачёвско-яковлевского "нового мышления". Сегодня, в свете исторического опыта 90-х годов, мы вправе поставить следующие вопросы: кем в наши дни вершатся "судьбы мира"? Какими глобальными или региональными "идеалами" были вдохновлены такие события, как междоусобные войны в республиках Закавказья, Таджикистане или в странах, возникших после распада Югославии? На основе какой "системы координат" произошли чеченская бойня или расстрел российского парламента, одобренный лидерами капиталистического мира, ратующими за "демократию" и "правовое государство"?

С учётом всего исторического опыта нашего столетия становится особенно ясно, что заключение советско-германского пакта 1939 года представляло одно из самых зловещих сталинских преступлений, коварную политическую сделку, путь к которой прокладывался двумя тоталитарными диктаторами на протяжении длительного времени. Во второй части книги я пытался показать, как в ходе секретных переговоров, предшествовавших подписанию пакта, замыслы Сталина и Гитлера приобретали всё более конкретные очертания, как партнёры по переговорам постепенно приоткрывали свои карты, двигаясь от обтекаемых формулировок типа "выяснение отношений" ко всё более откровенному раскрытию своих экспансионистских замыслов.

История подготовки пакта и само его содержание наглядно опровергают миф об "идеологизированном" характере сталинской внешней политики, якобы связанной преемственностью с большевистским курсом на международную социалистическую революцию. В действительности Сталин руководствовался не какими-либо идеологическими мотивами, никогда не игравшими существенной роли в его внешней и внутренней политике, а чисто геополитическими соображениями. Привнесение в переговоры "идеологических" мотивов, как сможет убедиться читатель этой книги, осуществлялось нацистскими политиками и дипломатами, которые не раз говорили своим советским партнёрам об "общности" интересов Германии и СССР, как государств, враждебных западным демократиям по всему своему духу. Подобная политическая демагогия ставила целью подчеркнуть близость тоталитарных режимов в противовес "плутократическим" державам.

Советско-германское "сближение" являлось целью Сталина с момента прихода Гитлера к власти. Что же касается Гитлера, то, по его собственным сло-

¹ Правда. 1989. 24 декабря.

вам, он принял "решение идти вместе со Сталиным" осенью 1938 года¹. Немаловажными факторами в принятии этого решения было его восхищение личностью Сталина (см. гл. XVIII) и презрение к лидерам буржуазно-демократических государств. "Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их узнал в Мюнхене, окажутся слишком трусливыми, чтобы напасть (на нас)", - говорил он 22 августа 1939 года своим генералам².

Конечно, не одна лишь воля двух тоталитарных диктаторов определила расстановку политических сил в начале второй мировой войны. Сам советско-германский союз оказался возможным потому, что в центре тогдашней мировой политики стояли не противоречия между СССР и его капиталистическим окружением, а противоречия между главными капиталистическими державами, выступавшие порождением глубокого кризиса, который мировой капитализм переживал в 30-е годы. Острота этих межимпериалистических противоречий была так велика, что исключала создание единого антисоветского блока крупнейших капиталистических государств.

Как свидетельствуют многочисленные исторические документы, в 1939 году, когда Сталин сделал окончательный выбор в пользу советско-германского альянса и тем самым, по мнению историков типа Яковлева и Волкогонова, оттянул нападение Германии на СССР, никакой непосредственной военной угрозы Советскому Союзу со стороны Германии не существовало. Гитлеровское политическое и военное руководство не чувствовало себя готовым к войне с СССР и поэтому даже не разрабатывало в то время планов такой войны.

В большинстве работ о причинах второй мировой войны, опубликованных в нашей стране и за рубежом, основное внимание сконцентрировано на замыслах и действиях узкого круга политиков и дипломатов. События, происходившие в международном рабочем и коммунистическом движении 30-х годов, как бы выводятся за рамки этой темы. В исследованиях буржуазных историков, как правило, игнорируются работы Троцкого, содержавшие суждения о социальной сущности надвигающейся и начавшейся войны. Столь же тщетно искать в буржуазной и тем более в советской историографии труды, в которых политические события тех лет анализировались бы с учётом непрекращающейся борьбы между Сталиным и сталинизированным Коминтерном, с одной стороны, Троцким и троцкистским движением - с другой. В третьей части этой книги я ставил задачу заполнить этот пробел, показать тесную связь сталинской внутренней политики, событий, развёртывавшихся на мировой дипломатической арене, и борьбы сталинизма и троцкизма, проявлявшейся на всех континентах нашей планеты.

Мне представляется, что вдумчивый и непредвзятый читатель, внимательно прочитавший эту книгу, правильно оценит смысл глобальной исторической альтернативы, обозначенной в её заглавии.

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне "третьего рейха" против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 95.

² Там же.

Часть 1

СССР после великой чистки

I

Экономика

Во второй половине 30-х годов социально-экономическое положение СССР было более благоприятным, чем в предшествующее пятилетие. Если реальные итоги первой пятилетки оказались значительно ниже запланированных показателей, то показатели итогов второй пятилетки по основным позициям вплотную приближались к плановым. Вторая пятилетка была перевыполнена по производству стали, тракторов и кожаной обуви, выполнена на 84-95 % по производству электроэнергии, чугуна, сахарного песка. Несколько ниже были показатели выполнения плановых заданий по производству угля (72 %), бумаги (69 %), зерновых (76 %). Самыми низкими были показатели выполнения плана по производству цемента (49 %), хлопчатобумажных тканей (34 %), нефти (25 %), товарных вагонов (22 %) ¹.

О росте производства основных видов промышленной продукции за годы первых пятилеток свидетельствуют следующие цифры.

Таблица 1

	1928 г.	1940 г.
Электроэнергия (млрд. кВт-ч)	5,0	48,3
Нефть (млн. т)	11,6	31,1
Уголь (млн. т)	35,5	165,9
Чугун (млн. т)	3,3	14,9
Сталь (млн. т)	4,3	18,3
Цемент (млн. т)	1,8	5,7
Станки металлорежущие (тыс. шт.)	2,0	58,4
Автомобили (тыс. шт.)	0,8	145,4
Тракторы (тыс. шт.)	1,3	31,6
Комбайны зерноуборочные (тыс. шт.)	-	12,8
Бумага (тыс. т)	285	812
Хлопчатобумажные ткани (млн. пог. м)	2678	3954
Обувь кожаная (млн. пар)	58	211

Источник: Народное хозяйство СССР в 1969 г., с. 235-237; Народное хозяйство СССР в 1972 г., с. 96-99, 170-175.

¹ Наука и жизнь. 1989. № 4. С. 42.

За 1928-1940 годы особенно резкий скачок был достигнут в развитии энергетики и металлургии. Возник целый ряд новых отраслей: авиационная, автомобильная, алюминиевая промышленность, производство подшипников, трактор- и танкостроение.

По темпам развития промышленности СССР в эти годы существенно обогнал передовые капиталистические страны, которые долгое время не могли оправиться от последствий великой депрессии. В 1937 году объём промышленной продукции в СССР составил 429 % от уровня 1929 года, в то время как в капиталистических странах - всего 104 % (в том числе в США - 103 %, в Англии - 124 %, в Италии - 99 %, во Франции - 82 %)¹. Доля СССР в мировом промышленном производстве достигла почти 10 %. По объёму промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе - в мире.

Менее благоприятно было положение в сельском хозяйстве. Стоимостная оценка валовой сельскохозяйственной продукции в последние предвоенные годы превышала соответствующие показатели конца 20-х годов лишь на 5 %. Это было достигнуто в основном за счёт более успешного развития производства технических культур. Что же касается отраслей, обеспечивающих страну продуктами питания, то здесь дело обстояло хуже, чем в конце 20-х годов, - при том, что к началу 40-х годов население СССР выросло по сравнению со второй половиной 20-х годов примерно на 20-25 %. Ежегодное производство зерна и продуктов животноводства в расчёте на душу населения составляло в конце 30-х годов 85-90 % среднегодового производства времён нэпа².

Даже по абсолютной величине среднегодовые валовые сборы зерна во второй пятилетке были ниже, чем в первой (соответственно 4 млрд. 556 млн. и 4 млрд. 600 млн. пудов). Несмотря на то, что 1937 год был самым благоприятным в метеорологическом отношении и самым урожайным за весь предвоенный период, средняя урожайность зерновых в 1933-1937 годах оказалась ниже, чем в 1922-1928 годах³.

В 1938-1940 годах среднегодовые сборы зерна (амбарного) несколько возросли. Наилучшие показатели за этот период были достигнуты в 1940 году (5 млрд. 830 млн. пудов). Но и это было немногим выше, чем в 1913 году, когда было произведено 5 млрд. 253 млн. пудов зерна⁴.

Ещё более тяжёлое положение сложилось в животноводстве. Эта отрасль к началу 40-х годов не восполнила потерь, понесённых в годы коллективизации в результате массового убоя скота крестьянами. поголовье рогатого скота, сократившееся за 1929-1933 годы вдвое (на 33 млн. голов), к началу 1941 года достигло 54,5 млн. голов, что было на 3,7 млн. голов меньше, чем на 1 января 1929 года⁵. Ежегодное производство мяса в расчёте на душу населения коле-

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. I. М., 1956. С. 11.

² Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 76.

³ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С. 196.

⁴ Исторический архив. 1994. № 2. С. 27.

⁵ Наука и жизнь. 1989. № 4. С. 42.

балось в 1936-1940 годах в пределах 20-30 кг, тогда как в конце 20-х годов оно превышало 30 кг.¹

Национальный доход СССР, по официальным данным, вырос за 1928-1940 годы в пять с лишним раз, валовая продукция промышленности - в 6,5 раза². Некоторые современные российские экономисты считают эти цифры завышенными. В таких суждениях есть известный резон, так как данные о выполнении пятилеток зачастую давались не в натуральных показателях, а в процентах или в стоимостных показателях, конструируемых без учёта роста оптовых цен. Однако и согласно расчётам, сделанным специалистами Центрального разведывательного управления США (очевидно, по более совершенным методикам), среднегодовой рост валового национального продукта в СССР составил за 1928-1940 годы 6,1 %, что было существенно выше соответствующих показателей в передовых капиталистических странах³.

Вместе с тем, даже в реконструированных или заново созданных отраслях тяжёлой и оборонной промышленности СССР производительность труда была существенно ниже, чем в США и странах Западной Европы, хотя техническая оснащённость этих отраслей, оборудованных импортной новейшей техникой, немногим уступала американской или западноевропейской.

Даже во второй пятилетке - наиболее благополучной с точки зрения основных экономических показателей - обнаружились серьёзные диспропорции в развитии различных народнохозяйственных отраслей. Так, среднегодовые темпы прироста производства стали возросли с 8,2 % в первой до 24,6 % во второй пятилетке, а темпы производства цемента сократились соответственно с 17,1 до 9,4 %⁴.

Наиболее высокие темпы роста промышленного производства были достигнуты в 1936 году. В последующие два года они упали более чем вдвое. Ещё в большей степени снизилась за эти годы производительность труда.

В 1939-1940 годах начала действовать тенденция к снижению производства основных видов промышленной продукции. В 1939 году сократилось по сравнению с 1938 годом производство стали, чугуна, проката. Производство автомобилей в 1940 году по сравнению с 1939 годом уменьшилось на 28 %, тракторов - на 25 %⁵.

Одной из главных причин экономического спада были последствия массовых репрессий, распространившихся на значительную часть инженерного и руководящего персонала промышленности. В 1940 году на Макеевском металлургическом заводе осталось всего два дипломированных инженера и 31 техник, на гигантском Магнитогорском комбинате - 8 инженеров и 66 техников. Все остальные дипломированные специалисты были арестованы, и их пришлось заменить практиками⁶.

¹ Гордон Л. А., Клюпов Э. В. Что это было? С. 106.

² Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967. С. 29.

³ Альтернативы. 1995. № 4. С. 27.

⁴ Наука и жизнь. 1989. № 4. С. 41.

⁵ Некрич А.М. 1941 22 июня. М., 1965. С. 70.

⁶ Данилов В. Феномен первых пятилеток. - Горизонт. 1988. № 5. С. 36.

В силу дефицита квалифицированных специалистов была очень велика их сменяемость. Так, в 1940 году из 153 начальников крупнейших цехов в металлургической промышленности 75 работали на этой должности менее года¹.

Приход к руководству промышленными предприятиями неопытных и зачастую необученных людей не мог не сказаться самым неблагоприятным образом на стабильности и динамизме экономического развития.

Обобщая основные тенденции развития советской экономики, Троцкий писал, что главное завоевание Октябрьской революции - национализация собственности на средства производства сохраняет своё прогрессивное значение, поскольку позволяет при плановом ведении хозяйства обеспечивать быстрое развитие производительных сил - основного фактора человеческой культуры. Правда, официальная статистика СССР не заслуживает доверия, так как она систематически преувеличивает успехи и скрывает провалы экономического развития. Тем не менее невозможно отрицать тот факт, что производительные силы советского общества развиваются такими темпами, каких не знает ни одна другая страна мира. Это позволяет укреплять экономический фундамент социализма, который невозможно воздвигнуть на отсталости и нищете².

Таким образом, за 20 лет после Октябрьской революции сделан огромный шаг вперёд в создании технических предпосылок социализма. Однако в этом менее всего заключается заслуга бюрократии, которая превратилась в величайший тормоз развития производительных сил. Она задушила партийную, советскую и производственную демократию, которая представляет не какой-то отвлечённый принцип, безразличный к развитию экономики, а единственно возможный механизм для успешного развития подлинно социалистической системы хозяйства. Только путём демократических дискуссий, свободного обсуждения различных хозяйственных альтернатив можно выбрать наиболее эффективные пути планового управления экономикой. Кроме того, "социалистическое хозяйство должно по самой своей сути руководствоваться интересами производителей и потребностями потребителей. Эти интересы и потребности могут найти своё выражение только через посредство развёрнутой демократии производителей и потребителей"³. Правящая каста СССР не может допустить такой демократии по той простой причине, что она беспощадно обирает и тех и других. Так характер распределения национального дохода определяет характер политического режима, который, в свою очередь, тормозит экономическое развитие страны.

¹ Вопросы истории КПСС. 1964. № 11. С. 73.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 19.

³ Там же.

II

ХVIII съезд ВКП(б)

о главной экономической задаче СССР

Троцкий предупреждал, что высокие темпы промышленного роста, достигнутые в период переноса в СССР капиталистической техники, будут неизбежно снижаться при сохранении прежних методов руководства экономикой. "Строить гигантские заводы по готовым западным образцам можно и по бюрократической команде, правда, втридорога. Но чем дальше, тем больше хозяйство упирается в проблему качества, которая ускользает от бюрократии, как тень. Советская продукция как бы отмечена серым клеймом безразличия. В условиях национализированного хозяйства качество предполагает демократию производителей и потребителей, свободу критики и инициативы, т. е. условия, несовместимые с тоталитарным режимом страха, лжи и лести"¹.

Качественный прогресс экономики немыслим без самостоятельного технического и культурного творчества, которое невозможно в условиях бюрократического управления хозяйством. Его язвы не столь заметны в тяжёлой промышленности, но зато разъедают отрасли, непосредственно обслуживающие потребности населения, и подготавливают общий спад темпов экономического роста.

Однако бюрократия, упоенная успехами промышленности, надеялась сохранить и даже увеличить достигнутые темпы в будущем. На этой основе она надеялась добиться решения главной экономической задачи СССР - преодоления технико-экономического отставания от передовых капиталистических стран, т. е. отставания по производству основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в расчёте на душу населения.

Уже XVI съезд партии (1930 год) поставил задачу "в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении"². В докладе на VI съезде Советов (март 1931 г.) Молотов конкретизировал понятие "кратчайшего исторического срока", заявив, что СССР должен догнать и перегнать передовые капиталистические страны в течение ближайшего десятилетия³.

В возможности решения этой задачи сталинисты были убеждены, во-первых, потому, что на протяжении 30-х годов производительные силы капиталистических стран развивались медленным темпом, а в отдельные годы в этих странах наблюдался значительный спад производства. За период великой депрессии 1929-1933 годов в США валовой национальный продукт снизился на треть, а за последующие предвоенные годы едва достиг уровня 1929 года⁴. С осени 1937 года наиболее богатые капиталистические страны оказались

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 228.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 4. С. 409.

³ Известия. 1931. 10 марта.

⁴ Альтернативы. 1995. № 4. С. 28.

охвачены новым экономическим кризисом. В США к концу 1937 года выпуск промышленной продукции снизился почти на треть. Во Франции объём промышленной продукции упал во второй половине 1937 года до 70 % от уровня 1929 года¹.

Во-вторых, экономические успехи СССР существенно сократили разрыв между Советским Союзом и передовыми капиталистическими странами по абсолютному объёму производства промышленной продукции.

Таблица 2
Соотношение производства некоторых видов промышленной продукции в СССР и крупнейших капиталистических странах²

Страны	1928 год			1940 год		
	электро-энергия млрд. кВт ч	сталь млн. т	чугун млн. т	электро-энергия млрд. кВт ч	сталь млн. т	чугун млн. т
СССР	5	4	3	48	18	15
Германия	17	15	14	37	18	15
Англия	16	9	7	40	13	8
Франция	15	9	10	20	8 (1937 г.)	8 (1937 г.)
США	113	52	39	188	62	43

К началу 40-х годов Советский Союз преодолел абсолютное отставание от крупнейших государств Западной Европы по выпуску основных видов промышленной продукции. Производство электроэнергии, топлива, стали, цемента в 1940 году превзошло соответствующие показатели Германии, Англии и Франции или вплотную приблизилось к ним. По абсолютному объёму только в США производилось намного больше промышленной продукции, чем в СССР.

Совершенно иным представало соотношение между СССР и передовыми капиталистическими странами при сравнении производства тех же видов промышленной продукции в расчёте на душу населения.

Таблица 3
Соотношение производства некоторых видов промышленной продукции в расчёте на душу населения в СССР и в капиталистических странах (1937 год)³

	СССР в процентах			
	к США	к Англии	к Франции	к Германии

¹ Всемирная история. Т. IX. М., 1962. С. 359, 412.

² Знание - сила. 1988. № 3. С. 4.

³ Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 188-189.

Электроэнергия	18	30	43	29
Уголь	21	14	66	17
Чугун	30	48	46	23
Сталь	27	38	56	23
Цемент	21	21	32	13
Хлопчатобумажные ткани	26	22	46	

Из этой таблицы видно, что душевое производство важнейших видов промышленной продукции в СССР составляло от 1/5 до 2/3 уровня, достигнутого передовыми капиталистическими странами.

Однако Сталин и его приспешники продолжали считать возможным догнать и перегнать (опять-таки в "кратчайший исторический срок", хотя и растянутый на следующее десятилетие) все капиталистические страны - даже отвлекаясь от конъюнктурных колебаний, характерных для капиталистической системы и ориентируясь на самые высокие показатели, достигнутые когда-либо той или иной капиталистической страной. В докладе на XVIII съезде Сталин специально оговаривался, что при решении главной экономической задачи СССР следует иметь в виду не уровень 1938 кризисного года, когда США произвели всего 18,8 млн. тонн чугуна, а уровень 1929 года, когда в США производилось около 43 млн. тонн чугуна. Поэтому он выдвинул в качестве ориентира для советской экономики ежегодную выплавку 50-60 млн. тонн чугуна, что означало превышение показателя 1940 года в 3,5-4 раза¹.

Как указывалось в резолюции съезда, "теперь мы можем и должны практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединённые Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени"². Конкретизируя эту установку, Совнарком в начале 1941 года поручил Госплану составить генеральный план развития СССР на 15 лет, в котором содержались бы директивные показатели, позволяющие к концу этого срока "перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения - чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления"³.

К вопросу о решении главной экономической задачи Сталин вернулся в речи перед избирателями в феврале 1946 года, где он назвал показатели некоторых видов промышленной продукции, которых следует достичь за ближайшие 10-15 лет, чтобы догнать и перегнать ведущие капиталистические страны. Далее этот вопрос был поднят спустя ещё 15 лет, на XXII съезде КПСС, где Хрущёв назвал новые директивные показатели, достижение которых к 1980

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1939. С. 18.

² Там же. С. 651.

³ Правда. 1941. 22 февраля.

году, по его словам, позволило бы обогнать США по уровню экономического развития.

Все эти неграмотно составленные расчёты механически экстраполировали на будущее относительно высокие темпы экономического роста СССР в определённые периоды и относительно низкие темпы роста экономики капиталистических стран - также в отдельные периоды. Кроме того, они игнорировали указанные Троцким ещё в 30-е годы хронические болезни советского народного хозяйства, неминуемо обрекавшие его на уменьшение коэффициентов экономического роста.

III

Социальный состав и жизненный уровень населения СССР

За годы предвоенных пятилеток коренным образом изменился социальный состав населения СССР. Это нашло выражение прежде всего в росте численности рабочего класса. Общая численность рабочих увеличилась с 8-9 млн. в 1928 году до 23-24 млн. в 1940 году, численность промышленных рабочих - соответственно с 4 до 10 миллионов¹. Рабочие и служащие (в эту категорию включались и работники совхозов) составляли в конце 30-х годов более половины занятого населения.

За 1928-1940 годы почти вдвое увеличилась численность городского населения. Этот рост был обусловлен прежде всего форсированным строительством новых индустриальных предприятий и притоком сельского населения в города. В течение 30-х годов из сельского хозяйства высвободилось примерно 15-20 млн. человек. Доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80 % всего работающего населения в 1928 году до 54 % в 1940 году².

Быстрыми темпами росла численность интеллигенции, особенно инженерно-технической. Число специалистов, занятых в народном хозяйстве, поднялось с 0,5 млн. в 1928 году примерно до 2,5 млн. в 1940 году³.

При этом, однако, ухудшились качественные характеристики интеллигенции, особенно её "верхних" слоёв. Как отмечал немецкий историк Раух, в 30-е годы на смену всесторонне образованным интеллигентам, народным трибунам пришли немногословные, жёсткие организаторы и бюрократы. В отличие от Запада, типичной фигурой в сфере управления стал инженер (человек с инженерным образованием), а не юрист или экономист.

Раух усматривал симптомы обуржуазивания советского общества в усилении дифференциации внутри социальной группы служащих и в особенности внутри офицерского корпуса - в результате введения служебных званий, мундиров и других знаков отличия. Новая иерархическая структура породила новые социальные барьеры, особенно ощутимые в армии⁴.

В середине 30-х годов рабочий класс был лишён имевшихся у него образовательных льгот (преимущественных условий при поступлении в вузы). Эта тенденция в сфере образования достигла кульминационного момента в 1940 году, когда была введена плата за обучение в старших классах средней школы и в высшей школе. Данная мера замедлила рост образовательного уровня рабочего класса и положила начало процессу самовоспроизводства интеллигенции.

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 63.

² Труд в СССР. М., 1968. С. 20.

³ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 193.

⁴ Rauch G. von Wandlungen der Sowjetischen Gesellschaftsstruktur. - In: "Geschichte". H. II. Stuttgart, 1967. S. 641, 643.

Основная часть рабочих и служащих продолжала находиться в крайне тяжёлых жизненных условиях. Их реальные доходы снизились в силу действия инфляционных тенденций, характерных для периода форсированной индустриализации. В 1928-1940 годах происходило повышение и цен, и заработной платы, причём рост цен обгонял рост оплаты труда. В целом государственные розничные цены в 1940 году были в 6-7 раз выше, чем в 1928 году, а средняя номинальная заработная плата рабочих и служащих возросла за этот период в 5-6 раз, составив в 1940 году 300-350 рублей¹. Таким образом, покупательная способность заработной платы в конце 30-х годов была ниже, чем во второй половине 20-х годов.

Другим показателем снижения жизненного уровня рабочих и служащих было ухудшение их жилищных условий. Общая (полезная) площадь жилого фонда в городах и поселках городского типа увеличилась с 180 млн. м² в 1913 году до 421 млн. м² в 1940 году. За это же время численность населения городов и поселков городского типа поднялась с 28 до 63 млн. человек, т. е. росла примерно тем же темпом, что и городской жилищный фонд. В итоге в 1940 году на каждого городского жителя приходилось немногим более 6 м полезной и около 5 м² жилой площади, т. е. примерно столько же, сколько до революции, и почти в полтора раза меньше, чем в середине 20-х годов².

Ещё ниже был жизненный уровень жителей деревни, которая в конце 30-х годов по-прежнему вносила в национальный доход государства больше средств, чем промышленность³. В результате административных мер по перекатке средств из деревни в город резко возросла товарность сельского хозяйства. Доля зерна, потребляемого вне деревни, увеличилась с 15 % в 1928 году до 40 % в 1940 году, т. е. почти в 2,7 раза, тогда как численность сельского населения уменьшилась в значительно меньшей пропорции⁴. Таким образом, нерешённость продовольственной проблемы тяжелее всего сказывалась на положении сельских жителей, составлявших в конце 30-х годов более половины населения страны.

В 1940 году даже у тех колхозников, кто не пропустил ни одного рабочего дня в течение всего года, денежная оплата труда едва достигала 50 руб. в месяц, а с добавлением натуральной оплаты немногим превышала 100 рублей. Доходы от подсобного хозяйства были выше доходов от участия в колхозном производстве на 20-30 %. В итоге среднемесячный трудовой доход полностью занятого в общественном хозяйстве колхозника составлял 200 руб.⁵

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 98-99.

² Там же. С. 110.

³ История СССР. 1990. № 4. С. 24.

⁴ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 80.

⁵ Там же. С. 100.

IV

Сталинизм и крестьянство

Добившись в 1934 году "усмирения" крестьянства после шести лет фактической гражданской войны в деревне, бюрократия продолжала упорную борьбу с крестьянством, то идя на некоторые уступки ему, то отбирая имевшиеся у него льготы. Период "уступок" падает на 1937-1938 годы, когда ЦК принял несколько постановлений об "ошибках", допущенных по отношению к колхозникам и единоличникам партийно-советским руководством Калининской, Ленинградской, Оренбургской и некоторых других областей. В этих постановлениях отмечались значительные масштабы выхода и исключения из колхозов; "факты произвола в отношении единоличников, озлоблявшие их и отталкивающие от колхозов"; уменьшение во многих колхозах размеров приусадебных участков ниже установленных норм; фактическое лишение колхозников возможности покупать лес; установление колхозам заданий по посеву, превышающих имевшиеся у них ресурсы земли и т. д. Все эти явления объяснялись сознательным вредительством со стороны бывших партийных и советских руководителей краёв и областей с целью создать "запущенное состояние" сельского хозяйства.

Для "ликвидации последствий вредительства в деле колхозного устройства" и "оказания помощи колхозному крестьянству" в постановлениях ЦК предусматривалось расширение размеров приусадебных участков и сокращение посевных заданий колхозам ряда областей. Наряду с этим предписывалось разрешить колхозникам и единоличникам беспрепятственно пасти свой скот в лесах; списать с колхозов некоторых областей задолженность по зерновым ссудам; снять с колхозников числящиеся за ними с 1934 года недоимки по штрафам и т. д.

Одновременно устанавливался ряд льгот и для единоличников, вступающих в колхозы. С них снимались все недоимки по задолженности прежних лет. Предусматривалось наделение их приусадебными участками по нормам, установленным для колхозников¹.

В сентябре 1938 года неуставные артели (для спецпоселенцев, т. е. "раскулаченных", депортированных в отдалённые районы страны) были переведены на общий устав сельхозартели. 22 декабря того же года было принято постановление Совнаркома, согласно которому спецпоселенцам "при примерном поведении" выдавались паспорта и они получали право выезжать в бывшие места проживания. На 1 января 1941 года в спецпоселениях осталось 930 221 человек, которые трудились в условиях, близких к обычным в стране².

Все эти послабления крестьянству вызвали усиление заинтересованности колхозников в ведении своего личного подсобного хозяйства и падение их

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 3, д. 993, л. 88, 89; д. 994, л. 55; д. 995, л. 32; д. 997, л. 49-51.

² Депортация - Коммунист. 1991. № 3. С. 101; История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 182.

трудоу активности в общественном производстве колхозов. Поэтому сталинское руководство уже в 1939 году решило нанести удар по "частнособственническим" тенденциям и административным путём более тесно "привязать" крестьян к колхозам. В этих целях в мае 1939 года был созван пленум ЦК, на котором был поставлен вопрос "О мерах охраны общественных земель от разбазаривания". Эти меры концентрировались вокруг двух пунктов: 1) ограничение размеров земельных участков, находящихся в личном пользовании колхозников и единоличников; 2) установление дифференцированного по регионам страны минимума трудодней, который требовалось отработать каждому колхознику.

Сталин выступил на пленуме с речью по этому вопросу и активно вмешивался в выступления других ораторов. В прениях выступали в основном "новички", состоящие в ЦК всего несколько месяцев. Все они стремились подчеркнуть мудрость Сталина, который своей речью, как говорил Штыков, "вывел нас, низовых практических работников, из тупика, в котором мы стояли"¹. Некоторые ораторы доходили до вершин подобострастия, уверяя, что колхозники примут с энтузиазмом меры, намеченные Центральным Комитетом. В этом отношении особенно показательным выступление секретаря Орджоникидзевого крайкома Сулова, который в подтверждение "исключительной своевременности" предлагаемых мер, рассказал о том, что недавно проехал по ряду колхозов, где беседовал с колхозниками по поводу проводимых отрезков у них приусадебной земли. Он передал разговор, якобы состоявшийся с одним колхозником, которому от приусадебного участка размером 1,39 га оставили 0,35 гектара. "Вот я спрашиваю у него: "Ну как, жалко, наверное, что отрезали у вас этот приусадебный участок?". Говорит: "Как сказать, совесть мучила меня... Приходишь, говорит, домой, работать в колхозе хочется, а жена журит, почему свой приусадебный участок не обрабатываешь. И дома покоя не находишь"².

В начале обсуждения некоторые участники пленума выступали за установление льгот для стариков и многодетных женщин при определении обязательного минимума трудодней. Однако Сталин своими репликами явно показал недовольство такими предложениями. Так, Чубин заявил, что установленный для хлопковых хозяйств минимум в 100 трудодней слишком тяжёл для женщин, имеющих детей до 12 лет, и предложил ограничить для них минимум 50-60 трудоднями. После этого состоялся следующий диалог между Сталиным и Чубиным.

Сталин. Отвергли (это предложение) в комиссии. Нельзя умалять женщину.

Чубин. Женщину - главу семьи.

Сталин. Тем более³.

Выступивший после этого Штыков заявил: "Тут товарищи ссылались на возраст, но я могу назвать целый ряд колхозов, в которых 80-летние колхозни-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 646, л. 61, 62.

² Там же. л. 145-147.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 652, л. 36.

ки работают, причём нормы перевыполняют, зарабатывают по 500 трудодней¹.

Сталин, прерывая выступавших, требовал ужесточения предлагаемых мер и неуклонно поддерживал тех ораторов, которые сами предлагали такое ужесточение. Когда Штыков заявил, что "размеры приусадебного участка единоличников нужно как можно более ограничить", Сталин тут же откликнулся репликой: "Всё равно от них (единоличников - В. Р.) пользы, как от козла молока. Оставить единоличникам приусадебный участок 1/8 гектара"².

В принятой пленумом резолюции предписывалось произвести обмер всех земель, находящихся в личном пользовании колхозников, а после этого обмера изъять из приусадебных земель колхозников и прирезать к колхозным землям "все излишки против норм", установленных в уставе сельхозартели; все земли личного пользования колхозников, находящиеся вне усадеб, изъять и присоединить к колхозным землям; ограничить минимальными нормами размеры земли, находящейся в личном пользовании единоличников.

В постановлении намечались и прямые репрессивные меры, например против колхозников и колхозниц, выработывающих в течение года меньше установленного обязательного минимума трудодней. Такие лица должны были исключаться из колхоза и лишаться прав колхозников.

Ещё более свирепые меры предусматривались против председателей колхозов, допускающих сдачу земель в колхозных полях, лугах и лесах под индивидуальные сенокосы колхозников или лиц, не состоящих в колхозах. Такие работники подлежали исключению из колхоза и отдаче под суд.

Попытки урезать колхозные земли в пользу личного хозяйства колхозников, а также увеличение приусадебных участков свыше установленных норм были объявлены уголовным преступлением. Секретари райкомов, председатели райисполкомов и другие партийные и советские работники, допускающие такую практику, подлежали снятию с постов, исключению из партии и отдаче под суд³.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 646, л. 74.

² РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 654, л. 17.

³ Правда. 28 мая 1939г.

V

Социальное неравенство

Разумеется, официальная пропаганда изображала положение советского народа в более благоприятном свете, чем оно складывалось в действительности. По этому поводу Троцкий замечал, что социальная реакция всегда вынуждена маскировать и искажать истинное положение вещей. Это в особой мере относится к сталинизму, представляющему продукт борьбы новой аристократии против масс, поднявших её к власти. Поэтому Сталин и его апологеты постоянно прибегают к лжи и подлогу при характеристике социальной природы своего режима и жизненного уровня населения.

Механику этих подлогов Троцкий вскрывал при анализе раздела сталинского доклада на XVIII съезде, в котором говорилось о росте народного благосостояния. В этом разделе, по словам Троцкого, действительную важность представляло не то, что Сталин сказал, а то, о чём он умолчал. Это умолчание проявилось уже при описании социальной структуры советского общества. Сталин утверждал, что численность рабочих и служащих поднялась с 22 млн. человек в 1933 году до 28 миллионов в 1938 году. Комментируя эти слова, Троцкий писал: "Категория "служащих" охватывает здесь не только приказчиков в кооперативе, но и членов Совнаркома. Рабочие и служащие соединены здесь вместе, как всегда в советской статистике, чтобы не обнаруживать, как многочисленна и как быстро растёт бюрократия, а главное, как быстро растут её доходы".

Сталин полностью умолчал и о дифференциации населения по уровню доходов. Он ограничился приведением средних цифр заработной платы, т. е. приёмом, к которому "прибегали всегда наиболее низкопробные апологеты буржуазии. В культурных странах этот метод почти оставлен, так как он не способен больше обмануть никого. Зато он стал излюбленным методом в стране осуществлённого социализма, где все социальные отношения должны были бы отличаться полной прозрачностью. "Социализм - это учёт", - говорил Ленин. "Социализм - это надувательство", - учит Сталин"¹.

Это надувательство ярко проявилось в рассуждениях Сталина о годовом фонде заработной платы, который, по его словам, увеличился за пять лет, прошедших между XVII и XVIII съездами, с 35 млрд. до 96 млрд. рублей, т. е. почти в три раза. Разумеется, здесь Сталин говорил о номинальной, а не о реальной заработной плате, отражающей движение цен. При применении этого показателя легко обнаружилось бы, что жизненный уровень трудящихся за названный Сталиным период увеличился весьма незначительно. Кроме того, Сталин не сказал ни слова о том, как распределяется годовой фонд заработной платы между разными слоями рабочих и служащих. Он сообщил лишь, что "среднегодовая заработная плата рабочих промышленности, составлявшая в

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 12.

1933 г. 1513 рублей, поднялась до 3477 рублей в 1938 г.¹. "Здесь говорится неожиданно только о *рабочих*, - комментировал это утверждение Троцкий, - но не трудно показать, что речь идёт по-прежнему о рабочих и служащих: достаточно помножить среднегодовую заработную плату (3447 рублей) на общее число рабочих и служащих (28 миллионов), и мы получим указанный Сталиным общий годовой фонд заработной платы рабочих и служащих, именно 96 миллиардов рублей. Чтоб приукрасить положение рабочих, "вождь" позволяет себе, следовательно, грубейшую подтасовку, которой постыдился бы наименее добросовестный капиталистический журналист. Средняя заработная плата в 3447 рублей, если оставить в стороне изменение покупательной силы денег, означает, следовательно, лишь то, что если сложить заработную плату чернорабочих, квалифицированных рабочих, стахановцев, инженеров, директоров трестов и народных комиссаров промышленности, то в среднем получится на душу менее 3500 рублей в год. Насколько повысилась за пять лет оплата рабочих, инженеров и высшего персонала? Сколько приходится ныне в год на чернорабочего? Об этом ни слова".

Троцкий указывал, что было бы грубейшей ошибкой думать, будто в приведённую Сталиным цифру совокупной заработной платы рабочих и служащих включены *все* доходы высших "служащих", т. е. правящей касты. "На самом деле вдобавок к официальному, сравнительно скромному жалованью, так называемые "ответственные работники" получают секретное жалованье из кассы Центрального или местных комитетов; пользуются автомобилями... прекрасными квартирами, дачами, санаториями, больницами. Для их нужд или для их тщеславия строятся всякого рода "советские дворцы"... Все эти гигантские доходы (для государства - расходы), конечно, не входят в те 96 миллиардов, о которых говорил Сталин. Несмотря на это, Сталин не смеет даже подойти к вопросу о том, как легальный фонд заработной платы (96 миллиардов) распределяется между рабочими и служащими, между чернорабочими и стахановцами, между низшими служащими и высшими. Можно не сомневаться, что львиная доля прироста официального фонда заработной платы ушла на стахановщину, премии инженерам и пр. Орудия при помощи средних цифр, правильность которых сама по себе не внушает никакого доверия; соединяя в одну категорию рабочих и служащих; растворяя в служащих высшую бюрократию; умалчивая о многомиллиардных секретных фондах; "забывая" при определении "средней заработной платы" упомянуть о служащих и говоря только о рабочих, Сталин преследует простую цель: обмануть рабочих, обмануть весь мир, скрыв колоссальные и всё возрастающие доходы касты привилегированных"².

К вопросам социальной структуры и образа жизни советского общества Сталин вернулся при рассуждениях об изменении функций советского государства. Он объявил, что "вместо функции подавления (прежних господствующих классов - В. Р.) появилась у государства функция охраны социалистиче-

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 24.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 12-13.

ской собственности от воров и расхитителей народного добра"¹. "Оказывается, таким образом, - комментировал эти слова Троцкий, - что государство существует не только против иностранных шпионов, но и против своих собственных воров, причём роль этих воров так значительна, что оправдывает существование тоталитарной диктатуры и даже ложится в основу новой философии государства. Совершенно очевидно, что, если одни люди воруют у других, значит в обществе ещё царят жестокая нужда и резкое неравенство, провоцирующие на воровство. Здесь мы подходим ближе к корню вещей. Социальное неравенство и нужда - очень серьёзные исторические факторы, которые уже сами по себе объясняют существование государства. Неравенство всегда нуждается в охране, привилегии требуют защиты, посягательства обездоленных требуют кары: в этом ведь и состоит функция исторического государства!"

"Сталин вынужден лгать насчёт социальной природы своего государства, - суммировал свои выводы Троцкий, - по той же причине, по которой он вынужден лгать насчёт заработной платы рабочих; и в том и в другом случае он выступает как представитель привилегированных паразитов. В стране, прошедшей через пролетарскую революцию, невозможно культивировать неравенство, создавать аристократию, накапливать привилегии иначе, как обрушивая на массы потоки лжи и всё более чудовищные репрессии"².

Эти выводы Троцкого были подтверждены всем последующим развитием сталинского режима. Напор социальных антагонизмов, разъедавших советское общество, оказался к концу сталинского периода столь велик, что после смерти Сталина его преемники были вынуждены пойти на существенные уступки народным массам в области социальной политики. Начиная с 1953 года были осуществлены крупномасштабные социальные программы и реформы, направленные на уменьшение огромных разрывов в жизненном положении различных социальных групп советского общества. В результате этого стали ослабляться преимущественные позиции бюрократии и примыкающих к ней по своему жизненному положению социальных слоёв (верхушка научной, технической и творческой интеллигенции). В этих условиях бюрократия, озабоченная сохранением своего привилегированного положения, оказалась особенно податливой к протекционизму и другим формам коррупции. Коррупция и массовые хищения общественной собственности превратились в основной фактор загнивания постсталинского режима. Обозначилось новое социальное противоречие между бюрократией, сохранявшей в своих руках рычаги власти, жадно цеплявшейся за свои официальные и неофициальные привилегии, и верхушечными слоями интеллигенции, болезненно воспринимавшими утрату своих материальных преимуществ. Реальные доходы, получаемые этими слоями в виде высоких окладов, премий и других поощрений господствующего режима, стали относительно снижаться в условиях повышения доходов низко- и среднеобеспеченных категорий трудящихся, а также действия инфляционных тенденций. На падении покупательной силы рубля и возникновении всё более

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 35.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 12-13.

многочисленных дефицитов паразитировал новый слой дельцов теневой экономики.

Реставрация капитализма в республиках, образовавшихся на развалинах СССР, подтвердила прогноз Троцкого о том, что "противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью"¹. На практике в конце 80-х - начале 90-х годов реализовался первый вариант этого прогноза. Коррумпированные и теневые элементы "старой" социальной структуры стали той средой, из которой рекрутировался класс новой буржуазии. Рост доходов этого класса происходит синхронно со всё новыми ударами по социальным интересам и жизненному положению основной массы населения.

Теперь коснемся того, как Троцкий представлял эволюцию норм распределения в обществе, действительно движущемуся к социализму. Разумеется, его идеал никогда не сводился к "поравнению всего населения в бедности". Ход его мысли был принципиально иным и резюмировался в следующих теоретических положениях. Социалистическая власть должна ввести "буржуазные нормы распределения" в пределы строгой экономической необходимости, а затем, по мере роста общественного богатства, заменять их социалистическим равенством, т. е. последовательным выравниванием различных групп населения в благосостоянии и достатке.

Такой путь не был испробован на практике ни одним из государств, именовавших себя социалистическими. Во всех них, развивавшихся по образу и подобию СССР, возникли новые системы социального неравенства и привилегий и, соответственно, не отмирала, а укреплялась главная функция всякого государства: охрана имущественных привилегий меньшинства против подавляющего большинства общества. Этим определялась динамика социальных, экономических и политических противоречий, в конечном счёте приведших к крушению господствующих режимов в СССР и странах Восточной Европы.

Возвращение к социалистическим принципам организации общества предполагает чёткое понимание того, что при признании исторической неизбежности неравенства в переходный период от капитализма к социализму остаются открытыми вопросы о допустимых пределах этого неравенства на каждом историческом этапе. Решение этих вопросов должно определяться интересами и волей народных масс, получающими выход только на почве подлинного развёртывания социалистической демократии.

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 202-203.

VI

Общественные нравы

Повседневная нужда подавляющего большинства населения страны и воцарившееся резкое материальное неравенство порождали борьбу за необходимые предметы потребления, выражавшуюся в массовом воровстве, обходе законов и установленных правил, обмане государства и потребителя. Бюрократия, выступавшая в этой борьбе судьей, контролером и карателем, сама всё глубже погружалась в коррупцию. В 1939 году Троцкий писал: "Разумеется, в науке, в технике, в хозяйстве, в армии, даже в бюрократическом аппарате, везде есть честные и преданные делу люди. Но они-то и опасны. Против них-то и необходим подбор особых ловкачей, орден стопроцентных сталинцев, иерархия социальных отщепенцев и отбросов. Эти люди натасканы на ложь, на подлог, на обман. Никакой идеи, которая возвышалась бы над их личными интересами, у них нет. Можно ли ждать и требовать от людей, которым подлог служит узаконенной техникой служебной работы, чтоб они не применили подлога для своих личных целей? Это было бы противно всем законам естества!"¹.

Троцкий подчёркивал, что официальные привилегии бюрократии, не имеющие никакой опоры не только в принципах социализма, но и в законах страны, являются ни чем иным, как воровством. "Кроме этого легализованного воровства, имеется нелегальное сверхворовство, на которое Сталин вынужден закрывать глаза, потому что воры - его лучшая опора. *Бонапартистский аппарат государства является, таким образом, органом для охраны бюрократических воров и расхитителей народного достояния...*

Хищение и воровство, основные источники доходов бюрократии, не являются системой эксплуатации в научном смысле слова. Но с точки зрения интересов и положения народных масс, это неизмеримо хуже всякой "органической" эксплуатации. Бюрократия не есть в научном смысле слова имущий класс. Но она заключает в себе, в удесятерённом размере, все пороки имущего класса... Для охраны систематического воровства бюрократии её аппарат вынужден прибегать к систематическим актам разбоя. Всё вместе создаёт систему бонапартистского гангстеризма"².

Сегодня слова о "нелегальном сверхворовстве" бюрократии применительно к действительности 30-х годов могут показаться преувеличением. Именно так расценивают указание Троцкого на "бюрократическую безнаказанность" и "все виды распушенности и разложения", вытекающие из "полицейской монолитности партии", даже некоторые серьёзные исследователи его идейного наследия. Они относят такого рода явления лишь к 60-80-м годам, называя их "брежневским феноменом"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 32.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 13.

³ Козлов В., Плимак Е. Концепция советского термидора. - Знамя. 1990. № 7. С. 169.

Однако непредвзятый исторический анализ убеждает в том, что коррупция в советском обществе зародилась отнюдь не во времена правления Брежнева. Уже в 20-е годы активный протест и тревогу в рабочей и коммунистической среде вызывало коррупционное перерождение части партийной и советской бюрократии, паразитировавшей на внутренних противоречиях нэпа. Но если тогда казнокрады и взяточники наказывались как в партийном, так и в судебном порядке, то в последующие годы власть, сконцентрировавшая свои усилия на подавлении оппозиционности и всякого инакомыслия вообще, уделяла борьбе с коррупцией всё меньше внимания. К тому же на смену прежнему правящему слою, почти целиком истреблённому в годы большого террора, пришли люди, как правило, лишённые нравственных принципов и моральных тормозов и поэтому особенно податливые к различным видам коррупции. Уже в 1937 году меньшевистский журнал "Социалистический вестник" справедливо отмечал, что "тот привилегированный слой, который Сталин любовно вырачивает и на который он опирается, прямо кишит "использователями революции", хищниками и рвачами, готовыми продаться любому "победителю"¹. В этой среде пышным цветом расцвели кумовство, корыстная взаимоподдержка и протекционизм.

Ленин не раз подчёркивал, что главная трудность построения социализма состоит в том, что его приходится строить людям, в своём моральном сознании, нравах, привычках несущим наследие старого мира. Именно на эти стороны нравственного облика или "человеческой природы", отравленной тысячами годами господства эксплуататорских отношений, опирался сталинизм. Постоянно осуществляя тоталитарное давление на личность, он заставлял людей лгать, лицемерить, активно или пассивно (например, голосованием на массовых митингах и собраниях) поддерживать самые чудовищные акции господствующего режима. Такое поведение приводило к тому, что моральное наследие старого мира воскресало и торжествовало, нередко в гипертрофированных формах, превосходящих худшие стороны буржуазного общества. В этом смысле ни одному человеку нельзя было остаться так или иначе нравственно замаранным, причём замаранность эта была тем сильнее, чем успешнее человек реализовал своё стремление к карьере и преуспеванию.

Многочисленные меткие наблюдения над состоянием общественных нравов и в особенности над моральным разложением "верхушки", нравственный и духовный уровень которой опустился ниже "среднего уровня страны", содержатся в дневниковых записях академика В. И. Вернадского.

"1939 год. 11 апреля. Одно время я думал, что происходящий гнёт и деспотизм может быть не опасен для будущего. Сейчас я вижу, что он может разложить и уничтожить то, что сейчас создаётся нового и хорошего. Резкое падение духовной силы коммунистической партии, её явно более низкое умственное, моральное и идейное положение в окружающей среде, чем средний уровень моей среды, создаёт чувство неуверенности в прочности создающегося положения.

¹ Социалистический вестник. 1937. № 3. С. 4.

5 октября. Поражает "наживной" настрой берущих верх массы коммунистов. Хорошо одеваться, есть, жить - и все буржуазные стремления ярко расцветают. Друг друга поддерживают. Это скажется в том реальном строе, который уложится. Все отбросы идут в партию.

23 октября. Слишком большое количество щедринских типов сейчас входят в партию и получают власть. Потом где-то вскрываются и наказываются, но дело своё делают. Значительная часть "вредительства" имеет такое происхождение.

1940 год. 1 января. Они (власти) жалуются, что трудно найти людей. В действительности, выбор определяется, как никогда раньше, "благонадёжностью". А затем, как всегда в таких случаях, создаются "котерии", которые поддерживают друг друга. Как-то я сказал Кржижановскому: "И откуда вы выбираете таких гоголевско-щедринских типов!"

1941 год. 21 января. Модный теперь курс, взятый в Академии наук, - аналогичный тому яркому огрублению жизни и резкому пренебрежению к достоинству личности, который сейчас у нас растёт в связи с бездарностью государственной машины... Полицейский коммунизм растёт и фактически разъедает государственную структуру. Всё пронизано шпионажем (т. е. слежкой агентов НКВД - В. Р.). Всюду всё растущее воровство. Продавцы продуктовых магазинов повсеместно этим занимаются. Их ссылают - через несколько лет они возвращаются, и начинается та же канитель.

4 февраля. Давление, сыск и формализм невежд и дураков, своеобразных представителей "дельцов" - государственных младенцев, среди которых, с одной стороны, идейные, с другой - полицейские".

Особую тревогу Вернадского вызывал "маразм научной работы при наличии талантливых и работающих людей", который он объяснял "гниением центра" и "безответственной ролью в Академии партийной организации из молодёжи... все усилия которой направлены на "лучшую" жизнь - на всяческое получение денег". Для партийных работников Академии, как отмечал Вернадский, характерны "резко более низкий научный уровень, делёж пирога и чисто буржуазное желание больше зарабатывать... Мы всё это видим и знаем. Интриги - характерное явление среди партийцев, к сожалению и к огромному вреду для государства"¹.

Моральное разложение и стремление к "весёлой жизни" проявлялись среди "новобранцев 1937 года" даже в годы войны. Приведем в этой связи пример, тем более любопытный, что он касается, в частности, поведения молодого Брежнева.

В 1942 году старший политрук Айзон, до своего прибытия на фронт работавший в Днепропетровском обкоме ВКП(б), направил в ЦК ВКП(б) заявление, описывавшее бытовые "подвиги" второго секретаря обкома Грушевого. Как явствует из этого заявления, Грушевой, уезжая из Днепропетровска в тогда тыловой Сталинград, прихватил с собой обкомовские ковры, мешок с кожей и двух девушек, которых он во время дороги, не стесняясь попутчиков, забирал к себе в спальню. В конце ноября 1941 года в Сталинград, где Груше-

¹ Независимая газета. 1992. 9 июня.

вой работал уполномоченным Военного совета Южного фронта, прибыл заместитель начальника политуправления фронта Брежнев и бывший секретарь Днепропетровского обкома Кучмий. Описывая это событие в своей книге воспоминаний, Грушевой писал: "Встреча получилась душевной, радостной.. Л. И. Брежнев... дал много полезных советов как нашей оперативной группе, так и товарищам, которые работали на предприятиях"¹.

В заявлении Айзона предстает иная картина: "Начались встречи, попойки, и Грушевой поставлял им (Брежневу и Кучмию) Аню и Катю... Попойки продолжались систематически. Когда же Брежнев уезжал из Сталинграда после своих пьянок, он меня позвал и сказал, чтобы я держал язык за зубами".

При разборе заявления Айзона ЦК КП(б) Украины констатировал, что "факты нетактичного поведения т. Грушевого... в основном подтверждаются", но отложил рассмотрение вопроса о нём "в связи с тем, что Грушевой в настоящее время находится в Красной Армии и рассмотреть этот вопрос в его присутствии не представляется возможным"². Грушевой и Брежнев не понесли никакого наказания и успешно продолжали своё карьерное восхождение. Во время правления Брежнева Грушевой стал генерал-полковником и кандидатом в члены ЦК КПСС.

В послевоенные годы экономическая преступность и коррумпирование бюрократии стали одним из факторов социального расслоения советского общества. Эти явления ярко описаны в произведениях В. Дудинцева, В. Овечкина, В. Пановой и других советских писателей 50-х годов, а также в романах "Жизнь и судьба" В. Гроссмана, "Раковый корпус" и "В круге первом" А. Солженицына, ретроспективно освещавших действительность позднего сталинизма.

Существенные изменения в социальных качествах аппаратчиков призыва 1937 года в полной мере стали ощутимыми в годы застоя. В этот период те, кто пришли к власти после репрессий 30-х годов, составляли основную часть аппарата, управлявшего партией и страной. Эта, пришедшая на смену первому поколению советской бюрократии, генерация аппаратчиков прошла через новый виток политического, бытового и нравственного перерождения. Используя в своекорыстных целях "либерализм" брежневской внутренней политики, эти люди ощутили свободу от всяких моральных запретов, поскольку полученное ими политическое воспитание, требующее исполнения самых безразличных акций, отнюдь не способствовало формированию внутренних регуляторов социального поведения. Бюрократический аппарат, в котором больше не оставалось носителей нравственного наследия Октябрьской революции, в значительной своей части срастился с уголовными элементами, дельцами теневой экономики и сам принял активное участие в разнузданном казнокрадстве. Всем этим объясняется разочарование подавляющего большинства населения в партии, следствием чего стала её беспрепятственная ликвидация в 1991 году.

¹ Грушевой К. Тогда, в сорок первом. М., 1977. С. 297.

² Аргументы и факты. 1995. № 36.

VII

Политический режим: партия

В современной исторической публицистике часто проводится аналогия между большевистской и нацистской партией. Между тем судьбы этих партий были глубоко различны. Гитлер сам создал свою партию, в силу чего состав её руководящих кадров и рядовых членов после уничтожения в 1934 году группы штурмовиков во главе с Рэмом оставался стабильным. Сталин получил большевистскую партию "в наследство" от ленинского режима, что побудило его непрерывно чистить её кадры, вплоть до их почти поголовного истребления в годы большого террора. В целом Сталин подверг репрессиям больше коммунистов, чем это сделали в своих странах фашистские диктаторы: Гитлер, Муссолини, Франко и Салазар, вместе взятые.

О том, *что* осталось от ленинской партии после великой чистки, свидетельствуют следующие данные. В начале 1939 года в партии состояло 1589 тысяч членов и 889 тысяч кандидатов. Среди членов партии лица с партийным стажем до 1917 года составляли 0,3 % (примерно 500 человек), вступившие в партию в 1917 году - 1 % (1600 человек) и вступившие в 1918-1920 годах - 7 % (12500 человек)¹. В 1941 году в партии осталось всего 6 % коммунистов, вступивших в её ряды при жизни Ленина².

Не менее выразительны сравнительные данные о делегатах XVII и XVIII съездов. 80 % делегатов XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы подполья и гражданской войны, т. е. до 1920 года включительно. На XVIII съезде таких делегатов было 19,4 %. При этом подпольщики составляли в 1934 году 22,6 % и члены партии с 1917 года - 17,7 % делегатов. В 1939 году их доля среди делегатов съезда составляла соответственно 2,4 % и 2,6 %³.

Резко изменился и возрастной состав делегатов. Половина делегатов XVIII съезда с правом решающего голоса была в возрасте не старше 35 лет. Делегаты в возрасте от 36 до 40 лет составляли 32 %, от 40 до 50 лет - 15,5 %, старше 50 лет - 3 %⁴.

Не менее существенны были изменения в социальном составе партии, вызванные не только массовыми репрессиями, но и новыми условиями приёма в партию (отмена преимуществ, установленных для рабочих), закреплёнными в Уставе ВКП(б), принятом на XVIII съезде. 28 мая 1941 года организационно-инструкторский отдел ЦК направил секретарям ЦК докладную записку, в которой указывалось, что за 1939-1940 годы в партию было принято 1321,5 тыс. человек, среди которых рабочие составляли 20 %, колхозники - 20 %, "служа-

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 147-148.

² Правда. 1989. 13 октября.

³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1934. С. 303; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 148.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 149.

щие и все остальные" - 60 %. Среди 3222,6 тыс. членов и кандидатов партии, насчитывавшихся на 1 января 1941 года, рабочих (по роду занятий) было 18,2 %, крестьян - 13 %, служащих - 62,4 %, учащихся и прочих - 6,4 %. Среди рабочих доля членов и кандидатов в члены партии упала за 1933-1940 годы с 8 % до 2,9 %, а среди служащих возросла с 16,7 % до 19,2 %. При росте за этот период количественного состава рабочего класса на 25,8 % численность коммунистов-рабочих уменьшилась с 1312 тыс. человек до 584,8 тыс. человек (это косвенно свидетельствует о том, что рабочие явились одним из главных объектов партийных чисток 1933-1936 годов и массовых репрессий 1937-1938 годов). В 1941 году один коммунист приходился на 35 рабочих и на 5 служащих¹. Среди коммунистов-служащих был особенно велик удельный вес управленцев, военнотружущих и работников карательных органов.

Характеризуя изменения, происходившие в составе партии в годы большого террора, один из лидеров меньшевиков Ф. Дан писал в 1938 году: "Похоже на то, что перед нами развёртывается процесс самопожирания и исчезновения с исторической сцены *всего* старого большевизма, сталинского и антисталинского, без остатка. Похоже на то, что действительным победителем и триумфатором окажется в конце концов то новое, "молодое" поколение советской бюрократии, которому чужды революционные традиции и революционные идеалы, которое хочет лишь одного... закрепить "твёрдыми нормами закона" и обеспечить и за своим потомством наследственное пользование той "весёлой и зажиточной жизнью", до которой оно дорвалось и в которой для него и заключается весь смысл грандиозной революции"².

Правота этих слов подтверждается наблюдениями академика Вернадского, который в своём дневнике неоднократно отмечал, что Сталин "из мести или страха" уничтожил "цвет людей своей партии". В 1941 году Вернадский писал о сращении партии с карательными органами, которые представляют "нарост, гангрену, разъедающую партию, - но без неё не может она в реальной жизни обойтись. В результате - миллионы заключённых-рабов, в том числе, наряду с преступными элементами - и цвет нации, и цвет партии".

К этим мыслям Вернадский возвратился во время войны, когда он писал, что казнены либо находятся в тюрьмах и лагерях "лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны". В результате этого сильно понизился культурный уровень партии, чем объясняются "крупные неудачи нашей власти". "Средний уровень коммунистов - и морально, и интеллектуально - ниже среднего уровня беспартийных... Причинённые всем этим потери невознаградимы, т. к. реальные условия жизни вызывают колоссальный приток всех воров, которые продолжают лезть в партию, уровень которой в среде, в которой мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных"³.

Во второй половине 30-х годов завершился процесс полного отстранения рядовых коммунистов от участия в управлении делами государства и общества и в формировании политики партии. Л. А. Оников неоднократно указывал, со

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 199-201.

² Дан Ф. Новая бойня в Москве. У последней черты. - Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 5.

³ Литературная газета. 1988. 16 марта.

ссылкой на статистические источники, что властные функции с этого времени и вплоть до ликвидации КПСС в 1991 году выполняли лишь 0,3 % членов партии - члены бюро партийных комитетов, начиная с райкомов и кончая аппаратом ЦК КПСС¹.

К этому можно добавить, что фактически была исключена возможность проникновения в этот правящий слой ярких и выдающихся личностей, поскольку все аппаратчики проходили постоянную проверку на бездумную исполнительность, личную преданность очередному "вождю", конформизм и угодничество перед вышестоящими партийными функционерами. Ещё в 1935 году Бабель, раскрывая в беседе с Эренбургом свой взгляд на положение в партии, говорил, что "пора дискуссий, пора людей интеллигентных, анализирующего типа кончилась"². После великой чистки 1936-1938 годов из рядов партийного аппарата на протяжении пяти с половиной десятилетий не выдвинулся ни один человек, способный самостоятельно и творчески мыслить, обобщать уроки прошлого и выдвигать реалистические и смелые задачи на будущее. Этим, в частности, объясняется крах "перестройки", первоначально задуманной как "обновление" и "возрождение" социализма.

К концу 30-х годов завершился процесс сосредоточения в руках партаппарата основных функций государственного управления. Если в начале 20-х годов среди пяти отделов ЦК не было ни одного, который бы выполнял эти функции, то в 1934 году по решению XVII съезда ВКП(б) в ЦК, обкомах и крайкомах впервые были созданы отраслевые отделы (промышленный, транспортный и т. д.). В предвоенные годы в прямое подчинение ЦК ВКП(б) перешли все органы обороны, народного хозяйства и культуры.

Основные функции законодательной и исполнительной власти были закреплены за Политбюро, превратившимся в своего рода "сверхправительство". Ещё в 1933 году Троцкий отмечал, что важнейшие экономические и политические вопросы решаются в канцелярских тайниках, в недрах Политбюро, состоящего "из средних бюрократов, опьянённых вырванной ими у партии властью, утративших почву под ногами и больше всего озабоченных сохранением собственного дутого престижа"³.

Большинство членов Политбюро конца 30-х годов было многократно проверено Сталиным на личную преданность в ходе борьбы с легальными и нелегальными оппозиционными группами. Поэтому доля репрессированных в годы большого террора членов Политбюро была значительно ниже доли репрессированных членов ЦК, аппаратчиков всех ступеней и рядовых коммунистов. После XVIII съезда партии состав Политбюро изменился незначительно. Двое (Жданов и Хрущёв) были переведены из кандидатов в члены Политбюро и двое (Берия и Шверник) впервые вошли в состав Политбюро в качестве кандидатов.

¹ Оников Л. А. КПСС: Анатомия распада. М., 1996. С. 75, 91, 169.

² Поварцов С. Причина смерти - расстрел: хроника последних дней Исаака Бабея. М., 1996. С. 130.

³ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 2.

В состав ближайшего сталинского окружения в конце 30-х годов вступил единственный новый человек - Щербаков, избранный в 1941 году кандидатом в члены Политбюро. В годы войны Щербаков совмещал больше постов, чем кто-либо другой из сталинских приспешников; он был одновременно секретарем ЦК, секретарем МГК и МК, начальником Политического Управления Красной Армии, заместителем наркома обороны и руководителем Совинформбюро.

С середины 30-х годов роль Политбюро как коллективного органа власти постепенно стала сходить на нет. "Когда я стал членом Политбюро после XVIII партийного съезда в 1939 году, - вспоминал Хрущёв, - то уже не помню случая, чтобы проводились даже регулярные заседания"¹. В 1934 году было проведено 18 заседаний Политбюро (с участием членов и кандидатов в члены ЦК, членов бюро Комиссий партийного и советского контроля), в 1935 году - 16 заседаний, в 1936 году - 7, в 1937 году - 7, в 1938 году - 5, в 1939 и 1940 годах - по 2 заседания². Подавляющее большинство решений Политбюро (а их общее количество ежегодно исчислялось тысячами) принималось опросом.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 73.

² Подсчитано по книге: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 231-254.

VIII

Политический режим: государство и бюрократия

Социально-политическая доктрина марксизма всегда сводилась к двум основным тезисам:

1. В переходный период от капитализма к социализму формируется эгалитарное общество, в котором высший чиновник не может получать более высокого вознаграждения за свой труд, чем квалифицированный рабочий.

2. На основе движения к социальному равенству в обществе устанавливаются гармоничные социальные отношения, которые открывают путь к отмиранию государства, т. е. к резкому сужению сферы принуждения, расцвету гражданских прав, духовных и политических свобод.

Неоднократно возвращаясь к конкретизации этих тезисов, Троцкий указывал, что "диктатура пролетариата есть лишь временное учреждение, необходимое трудящимся для того, чтобы справиться с сопротивлением эксплуататоров и подавить эксплуатацию. В обществе без классов государство как аппарат насилия должно постепенно отмирать и заменяться свободным самоуправлением трудящихся". В этой связи он подчёркивал, что советское государство с середины 20-х годов развивалось в полном противоречии с принципами, зафиксированными во второй программе партии, принятой в 1919 году, и через двадцать лет после Октябрьской революции "стало самым централизованным, деспотическим и кровавым аппаратом насилия и принуждения"¹.

Характеризуя сталинизм как грандиозную бюрократическую реакцию против пролетарской диктатуры, утвердившейся в отсталой и изолированной стране, Троцкий писал: "Октябрьская революция низвергла привилегии, объявила войну социальному неравенству, заменила бюрократию самоуправлением трудящихся, ниспровергла тайную дипломатию, стремилась придать характер полной прозрачности всем общественным отношениям. Сталинизм восстановил наиболее оскорбительные формы привилегий, придал неравенству вызывающий характер, задушил массовую самодеятельность полицейским абсолютизмом, превратил управление в монополию кремлёвской иерархии и возродил фетишизм власти в таких формах, о которых не смела мечтать абсолютная монархия"².

Над обновлённым обществом постепенно поднялась бюрократия, социальная природа которой существенно отличалась от социальной природы бюрократии в передовых капиталистических странах. Троцкий не раз подчёркивал, что советскую бюрократию нельзя считать новым классом, поскольку каждый класс связан с определёнными формами собственности. Бюрократия в СССР лишена этих социально-экономических признаков, она не имеет самостоятельных имущественных корней. Это, однако, нисколько не противоречит то-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 20.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 13.

му факту, что правление советской бюрократии оказывается менее демократичным, чем политическое господство имущих классов в буржуазно-демократических странах. "В отличие от буржуазного общества, где имущий и образованный правящий класс располагает бесчисленными средствами контроля над своей администрацией, советская бюрократия, политически экспроприировавшая пролетариат, пользуется бесконтрольной и не ограниченной законами властью"¹. Своим некомпетентным командным управлением она бессмысленно расточает значительную часть национального богатства, превращаясь в величайший тормоз развития производительных сил.

Рассматривая более конкретно последствия бюрократического управления экономикой, Троцкий отмечал, что "нынешняя правящая клика заменила советскую, партийную, профессиональную и кооперативную демократию командованием чиновников. Но бюрократия, если бы она даже сплошь состояла из гениев, не могла бы из своих канцелярий обеспечить необходимую пропорцию всех отраслей хозяйства, т. е. необходимое соответствие между производством и потреблением. То, что на языке сталинской юстиции называется "саботажем", есть, на самом деле, злосчастное последствие бюрократических методов командования. Явления диспропорции, расточительности, путаницы, всё более возрастая, угрожают подорвать самые основы планового хозяйства. Бюрократия неизменно ищет "виноватого". Таков, в большинстве случаев, сокровенный смысл советских процессов против саботажников"².

Далеко не случайно, что в разряд "саботажников" и "вредителей" попадали лучшие люди страны. "Все передовые и творческие элементы, которые действительно преданы интересам хозяйства, народного просвещения или народной обороны, неизменно попадают в противоречие с правящей олигархией, - писал по этому поводу Троцкий. - Так было в своё время при царизме; так происходит, но несравненно более высоким темпом, сейчас при режиме Сталина. Хозяйству, культуре, армии нужны инициаторы, строители, творцы. Кремлю нужны верные исполнители, надёжные и беспощадные агенты. Эти человеческие типы - агента и творца - непримиримо враждебны друг другу"³.

Троцкий различал две функции системы управления: властвование и администрирование. Всякая управленческая система нуждается в надёжных администраторах. В этом смысле можно говорить об администраторском (организационном) таланте. Однако подавление инициативы и творчества, которыми обладали способные управленцы, вело к тому, что нередко пробуксовывали административные методы, которыми пользуется любое государство. Иными словами, при сталинском режиме две основные функции управленческой системы вступали в острое противоречие между собой. "Чтобы обеспечить хорошее администрирование, нужно ликвидировать тоталитарную власть. Чтоб сохранить власть, нужно громить самостоятельных и способных администраторов"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 13.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 19.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 3.

⁴ Там же.

Троцкий не раз указывал на насквозь фальшивый характер "сталинской конституции", которую он называл бюрократическим фарсом и "провинциальным плагиатом у Геббельса"¹. В особенности это относилось к комедии провозглашённых в этой конституции "самых демократических в мире выборов". "Гитлер и Геббельс не раз уже проделывали то же самое и теми же самыми методами. Достаточно прочитать то, что сама советская печать писала о плебисцитах Гитлера, чтобы понять тайну "успеха" Сталина. Тоталитарные парламентские опыты свидетельствуют лишь о том, что, если разгромить все партии, в том числе и свою собственную, задушить профессиональные союзы, подчинить печать, радио и кинематограф гестапо или ГПУ, давать работу и хлеб только покорным и молчаливым и приставить револьвер к виску каждого избирателя, то можно достигнуть "единодушных" выборов"².

Развивая эти мысли, Троцкий писал: "Сущность советской конституции, "самой демократической в мире", состоит в том, что каждый гражданин обязан в определённые часы голосовать за единственного кандидата, указанного Сталиным или его агентами. Печать, радио, пропаганда, агитация, народное просвещение находятся целиком в руках правящей клики. Из партии за пять лет исключено, по официальным данным, не менее полумиллиона (сегодня, на основе обнародованных в последние годы данных, можно с уверенностью утверждать, что эта цифра из-за недостаточной информированности Троцкого была существенно занижена по сравнению с действительными масштабами репрессий, обрушившихся на коммунистов - В. Р.). Какая часть из них расстреляна, заключена в тюрьмы и концентрационные лагеря, выслана на окраины, мы точно не знаем. Но дело идёт во всяком случае о сотнях тысяч, разделяющих участь миллионов беспартийных. Этим миллионам, их семьям, родственникам и друзьям трудно было бы втолковать в головы, что сталинское государство отмирает. Оно душит других, но само несколько не отмирает. Наоборот, оно достигло такого бешеного напряжения, равного которому не знала человеческая история"³.

Размышляя над суждениями Троцкого о советском государстве и отыскивая аналогии сталинскому режиму, невольно вспоминаешь работу Маркса "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", содержащиеся в ней характеристики тогдашнего режима во Франции. "Государственная машина, - писал Маркс, - настолько укрепила своё положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе... какого-то явившегося с чужбины авантюриста... Отсюда малодушное отчаяние, чувство несказанного унижения, позора, которое сдавливает грудь Франции и не даёт ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обесчещенной"⁴. Определённую аналогию с характеристикой сталинской бюрократии содержит суждение Маркса о том, что "Бонапарт вынужден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима - вопрос о

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 140.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 21.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 9.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 8. С. 207.

хлебе насущном"¹. Наконец, Маркс дал яркую характеристику такого политического режима, который в XX веке стал именоваться тоталитарным и который Троцкий описывал понятием "бюрократического абсолютизма". "В такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своём распоряжении более чем миллионную армию чиновников, т. е. постоянно держит в самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частным существованием отдельных индивидов, где этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим и приобрел повышенную эластичность и подвижность, которые находят себе параллель лишь в беспомощной несамостоятельности, затхлости и бесформенности действительного общественного организма, - в такой стране само собой ясно, что Национальное собрание... теряет всякое действительное влияние..."². Эти слова полностью применимы к советскому государству и его законодательной и представительной власти.

Все эти аналогии объясняют тот факт, что Троцкий при характеристике сталинского политического режима часто использовал понятие "бонапартизм".

Одна из наиболее ярких работ Троцкого - статья "Бонапартистская философия государства" представляла отклик на доклад Сталина на XVIII съезде партии, центральным местом которого Троцкий считал "возвещение новой теории государства". В противовес учению Маркса, Энгельса и Ленина о постепенном отмирании государства в социалистическом обществе здесь была выдвинута "теория" об усилении государства не только при социализме, но даже и при коммунизме, который, согласно "открытию" Сталина, сделанному в том же докладе, также можно построить в одной стране. При этом, как подчеркнул Троцкий, "социализм объявлен осуществлённым. Согласно официальной версии, страна находится на пути к полному коммунизму. Кто сомневается, того Берия убедит"^{3*}. Но тут открывается основное затруднение. Если верить Марксу, Энгельсу и Ленину, государство есть организация классового господства... Что же означает в таком случае государство в стране, где "классы

¹ Там же. С. 212.

² Там же. С. 157.

³ О том, что эта саркастическая фраза Троцкого имела почти буквальное подтверждение в действительности, свидетельствуют воспоминания троцкиста М. Байкальского о том, как проходили "беседы" с ним при допросах в НКВД: "Наиболее блестящий из моих следователей... ораторствовал часами. Аудитория состояла из меня одного. Так как привычка к сильным выражениям стала поистине его натурой, то лекция получалась такая:

- Понимаешь ли ты, - говорил он, обращаясь к своей одиночной аудитории, - что такое коммунизм, мать твою так и перетак? Коммунизм, я твою душу мотал, есть наша самая благородная цель. Мы не можем допустить в коммунистическое общество, так и растак тебя, в сердце, в душу и в Христа бога мать, всякую сволочь, вроде тебя...

И дальше в том же стиле, но куда выразительней, чем изобразило мое бледное перо. Ты выходил из его уютного кабинета убеждённым на сто процентов - докладчик он был толковый. Он знал, что есть троцкизм, и теорию его знал, и практику, и боролся с ним, и победил". (М. Байкальский. Тетради для внуков. Рукопись, хранящаяся в личном архиве Р. А. Медведева. С. 90).

уничтожены"? Над этим вопросом кремлёвские мудрецы не раз ломали себе головы... Нужно было дать хоть подобие теоретического объяснения сталинского абсолютизма".

На XVII съезде Сталин и Молотов объявили, что государство необходимо для борьбы с "остатками" старых господствующих классов и в особенности с "осколками" троцкизма, которые хотя и "ничтожны", но зато крайне "ожесточены". Поэтому борьба с ними требует высшей бдительности и беспощадности. "Теория эта, - писал Троцкий, - больше всего поражала своей глупостью. Почему для борьбы с бессильными "остатками" понадобилось тоталитарное государство, тогда как для низвержения самих господствующих классов вполне достаточно было советской демократии? На этот вопрос никто не дал ответа".

Теорию периода XVII съезда пришлось отбросить и потому, что пять лет после этого съезда ушли на истребление "осколков троцкизма". При этом "дело зашло так далеко, что Сталин на последнем съезде вынужден был для успокоения своего собственного аппарата обещать, что в дальнейшем не будет прибегать к суммарным чисткам. Это, конечно, неправда: бонапартистское государство вынуждено будет и впредь пожирать общество не только духовно, но и физически. Однако Сталин в этом признаться не может. Он клянётся, что чистки не возобновятся. Но если так, если "осколки" троцкизма вместе с "остатками" старых господствующих классов истреблены окончательно, то спрашивается: против кого же нужно государство?"¹.

На XVIII съезде Сталин ответил на этот вопрос следующим образом: необходимость государства вызывается капиталистическим окружением и вытекающими из него опасностями для страны социализма. Поэтому армия, карательные органы и разведка "своим остриём обращены уже не во внутрь страны, а во вне её, против внешних врагов"².

"Новая теория Сталина, - замечал Троцкий, - верна лишь в той части, в какой она опровергает его старую теорию; во всём остальном она никуда не годна"³. Особенно чётко это видно из рассуждений Сталина о функциях карательных органов и разведки, которые, по его словам, необходимы "для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой"⁴. В этой связи вставал вопрос о том, какое место занимают шпионы, террористы и саботажники по отношению к большинству советских граждан. Ведь такого рода элементы нуждаются в прикрытии, в сочувственной среде. Между тем сам Сталин много раз говорил в своём докладе о внутренней солидарности и пресловутой "монолитности" советского общества. "Чем выше солидарность общества и его привязанность к существующему режиму, - писал по этому поводу Троцкий, - тем меньше простора для антисоциальных элементов. Как же объяснить, что в СССР, если верить Сталину, совершаются на каждом шагу такие преступления, подобных которым не

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 9-10.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 35.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 11.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 35.

встретить в загнивающем буржуазном обществе? Не достаточно ведь одной злой воли империалистских государств! Действие микробов определяется не столько их вирулентностью, сколько силой сопротивления живого организма. Каким же образом в "монолитном" социалистическом обществе империалисты могут находить бесчисленное число агентов, причём на самых выдающихся постах?... Наконец, если социалистическое общество в такой степени лишено внутренней упругости, что спасать его приходится посредством всеисильной универсальной и тоталитарной разведки, то дело выглядит очень плохо, раз во главе самой разведки оказываются негодяи, которых приходится расстреливать, как Ягуду, или с позором прогонять, как Ежова. На что же надеяться? На Берию? Но и его час пробьёт!".

Троцкий указывал, что в действительности НКВД истребляет не шпионов и империалистических агентов, а политических противников правящей клики. Каковы же те причины, которые вынуждают бюрократию маскировать свои действительные цели и именовать своих революционных противников иностранными шпионами? Наличие этих подлогов нельзя объяснить действиями капиталистического окружения. "Причины должны быть *внутреннего* порядка, т. е. вытекать из структуры самого советского общества"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 11-12.

IX

Политический режим и социальные отношения

Троцкий выводил тоталитарный характер сталинистского политического режима из сложившихся в СССР социальных отношений, прежде всего отношений в сфере распределения. Подчёркивая поверхностность объяснения тоталитарного характера власти личным властолюбием Сталина, он писал: "Власть не есть нечто бестелесное. Власть даёт возможность распоряжаться материальными ценностями и присваивать их себе". Узурпировав власть рабочего класса, бюрократия, вынужденная ещё приспособляться к традициям и завоеваниям Октябрьской революции (национализированная собственность и плановое хозяйство), эксплуатирует эти завоевания ради собственных интересов, враждебных интересам народа и социалистического развития страны.

Считая главным принципом социализма полное социальное равенство, Троцкий указывал на то, что такого равенства нельзя достигнуть одним скачком. На данной стадии развития СССР сохранение дифференциации в оплате труда диктуется интересами развития производительных сил и объективно выступает "буржуазным орудием социалистического прогресса". Решающее значение для оценки социальной природы общества имеет, однако, не статика, а динамика социальных отношений, т. е. основное направление развития общества - развивается ли оно в сторону равенства или в сторону роста привилегий. Ответ на этот вопрос не оставляет места ни для каких сомнений. Социальная дифференциация в советском обществе давно вышла за пределы экономической необходимости. "Переходный характер нынешнего строя несколько не оправдывает тех чудовищных, явных и тайных привилегий, которые присваивают себе бесконтрольные верхи бюрократии"¹. Эти материальные привилегии нарастают как лавина. Страхась своей изолированности от масс, бюрократия пытается создать себе социальную опору в виде рабочей и колхозной аристократии.

Главную причину тоталитарного перерождения советского государства Троцкий видел в том, что советское общество "развивается не в сторону социализма, а в сторону возрождения социальных противоречий. Если процесс пойдёт и дальше по этому пути, он неизбежно приведёт... к ликвидации планового хозяйства и к восстановлению капиталистической собственности"².

Против такого объяснения обычно выдвигалось в качестве аргумента положение Маркса о неизбежности социального неравенства и несправедливости на первых этапах социалистического строительства. Называя этот аргумент "жвачкой, которую жуют все наёмные адвокаты Сталина", Троцкий писал, что, разумеется, "на первых ступенях социализма не может быть полного равенства, что это задача коммунизма. Вопрос, однако, совсем не в этом, а в том, что за последние годы, вместе с ростом всевластия бюрократии, чудовищно

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. С. 7-8.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 20.

растёт неравенство... В СССР неравенство не смягчается, а обостряется, причём не по дням, а по часам. Приостановить этот рост социального неравенства невозможно иначе, как революционными мерами против новой аристократии. В этом и только в этом суть нашей позиции"¹.

Экономические успехи Советского Союза, достигнутые в годы первых пятилеток, укрепили правящий бюрократический слой, который за этот период сконцентрировал в своих руках такое богатство и могущество, как ни один класс в истории. Троцкий неоднократно указывал, что "верхний слой бюрократии ведёт примерно тот же образ жизни, что буржуазия Соединённых Штатов и других капиталистических стран"², тогда как основная масса трудящихся обречена на неизмеримо более худшие условия жизни, чем сопоставимые категории населения в экономически развитых капиталистических странах. Всем этим бюрократия "поставила себя в возрастающее противоречие с народом, который прошёл через три революции и опрокинул царскую монархию, дворянство и буржуазию. Советская бюрократия сосредотачивает в себе ныне, в известном смысле, черты всех этих низвергнутых классов, не имея ни их социальных корней, ни их традиций. Она может отстаивать свои чудовищные привилегии только организованным террором, как она может обосновывать свой террор только ложными обвинениями и подлогами"³.

К концу 30-х годов в СССР утвердилась система жёсткого социального ранжирования общества, закреплённая обилием чинов, званий и орденов и культивирующая кастовый дух. Всё это повлекло существенные изменения в общественной психологии и морали. В новых привилегированных группах стало формироваться чувство социальной исключительности и пренебрежительное отношение к низам.

Беспощадно выжигая первое поколение большевиков с его нравственным принципом: "жить не лучше других", Сталин одновременно с помощью грубого материального подкупа утверждал умонастроение, характеризующееся прямо противоположной установкой: "жить непременно лучше других", готовность ради достижения этой цели идти на любые нравственные компромиссы, повседневно поступаться совестью. Раскрывая преломление этой установки в сознании и поведении привилегированных групп, Н. Я. Мандельштам писала: "Люди гордились литерами своих пайков, прав и привилегий и скрывали полочки от низших категорий"⁴.

При всём этом сталинизм, объявлявший себя наследником ленинской политики, не мог открыто выступить с обоснованием своей социальной политики, направленной на утверждение в обществе социального расслоения, установление резко очерченных вертикальных и горизонтальных перегородок. Специфической чертой советской бюрократии было стремление скрыть свою социальную физиономию, свои реальные доходы и привилегии. Своё привилегированное материальное положение бюрократия камуфлировала идеологиче-

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 11.

² Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 8.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 3

⁴ Юность. 1988. № 8. С. 60.

скими фантомами о "ведущей роли рабочего класса" и "руководящей роли партии", призванными затемнить факт узурпации ею власти партии и рабочего класса.

В отличие от капиталистических режимов, открыто утверждающих и охраняющих привилегии меньшинства, сталинизм стремился скрыть образ жизни господствующих и покровительствуемых слоёв от глаз непривилегированных покровом безгласности и секретности. В этом смысле прав Солженицын, когда он указывает, что шпиономания "не была только узколобым пристрастием Сталина. Она сразу пришлась удобной всем, вступающим в привилегии. Она стала естественным оправданием уже назревшей всеобщей секретности, запрета информации, закрытых дверей, системы пропусков, огороженных дач и тайных распределителей. Через броневую защиту шпиономании народ не мог проникнуть и посмотреть, как бюрократия сговаривается, бездельничает, ошибается, как она ест и как развлекается"¹.

Всеми средствами пропаганды в сознание масс настойчиво внедрялся миф о бытовой скромности, даже аскетизме Сталина и его приспешников. Однако многочисленные факты, обнародованные в последние годы, свидетельствуют о прямо противоположном - о жадности правящей касты и прежде всего самого Сталина к материальным благам, находившимся в их бесконтрольном распоряжении. Приверженность к необузданной роскоши в быту передалась от Сталина и его ближайшего окружения последующим поколениям партийной элиты, которые в отличие от старой большевистской гвардии были весьма далеки от готовности разделять с народом выпадавшие на его долю материальные тяготы и лишения.

Разительный отрыв привилегированных групп от большинства советских людей, получавших мизерную заработную плату и живших в невыносимых жилищных условиях и в обстановке скудного снабжения даже самыми необходимыми предметами потребления; возникновение оазисов роскоши среди пустыни народной нищеты - всё это не могло не восприниматься с возмущением "народным инстинктом" (Энгельс), стихийно-интуитивно схватывавшим несправедливость существующих социальных порядков. Ещё более серьёзный социальный протест вызревал в среде коммунистов, сохранявших приверженность социальным и нравственным принципам Октябрьской революции. Разгул массовых политических репрессий был в немалой степени вызван стремлением подавить даже малейшие зёрна этого протеста, полностью выжечь ту часть партии, которая - пусть даже общественно безгласно - отвергала социальные устои сталинизма. Эти репрессии, как и сталинистский режим в целом, находили поддержку тех групп, которые заполняли образовывавшиеся в результате сталинского террора ниши в верхних этажах социальной структуры и отплачивали Сталину за дарованные им привилегии беспрекословным послушанием и бездумным исполнением самых зловещих политических акций.

В той политической беспринципности, которую проявляли в годы насильственной коллективизации и большого террора даже многие старые большевики, нельзя не видеть продолжения моральной беспринципности и бытового

¹ Новый мир. 1989. № 8. С. 41.

перерождения, выражавшегося в податливости к дарованным сверху подачкам, в принятии их как чего-то законного и должного.

Делая ставку на низменные стороны человеческой природы, Сталин превосходно сознавал, что "положенные", жёстко иерархизированные привилегии вытравляют в пользующихся ими группах чувство социальной справедливости. Социальный строй, основанный на привилегиях, постоянно выделял на нижних этажах социальной структуры людей, стремившихся заслужить "право" на доступ к привилегиям. Широко открытые Сталиным ворота для такой "социальной мобильности" явились решающим фактором, позволившим за 1937-1938 годы осуществить почти полную замену прежнего правящего слоя новой генерацией, свободной от моральных норм и запретов, характерных для старой партийной гвардии.

Главный привилегированный слой общества - бюрократия - был персонально обновлён сверху донизу. Но как социальный слой он не только сохранился, но и существенно укрепил свою силу и влияние. Хотя за годы великой чистки в ряды бюрократии вступили многие выходцы из низов, пропасть между народом и правящим слоем не уменьшилась, а возросла. Новое поколение бюрократов отличалось уверенностью в незыблемости своего положения и намного большей коррумпированностью по сравнению со своими предшественниками.

К этой генерации вполне применимо замечание Энгельса о "деклассированных мелких буржуа", вступивших в германскую социал-демократическую партию из-за карьеристских соображений: "Эти господа - все марксисты, но того сорта, ...о котором Маркс говорил: "Я знаю только одно, что я не марксист!". И весьма вероятно, что об этих господах он сказал бы то же, что Гейне говорил о своих подражателях: "Я сеял драконов, а пожал блох"¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 37. С. 383.

Х

Армия

Сталинские репрессии подорвали все сферы обороны страны. Прежде всего это касалось командного состава армии, который рекрутировался в годы гражданской войны, а затем обучался и повышал свою квалификацию в течение последующих 15 лет. С 1937 по 1941 год были расстреляны 9 заместителей народного комиссара обороны, 2 наркома Военно-Морского Флота, 4 командующих Военно-Воздушными Силами, все командующие военных округов и флотов¹.

Военный Совет при наркоме обороны, включавший в 1935 году 85 наиболее авторитетных военачальников, был практически разгромлен: 68 его членов были расстреляны, двое покончили жизнь самоубийством, двое умерли в лагерях, четверо были осуждены на различные сроки заключения². В октябре 1938 года Совнарком утвердил новый состав Военного Совета в количестве 111 человек, более 90 % которых были введены в этот орган впервые³. Вскоре некоторые из них также были уничтожены.

Огромный ущерб был нанесён партийному костяку Красной Армии. На 1 апреля 1940 года в РККА насчитывалось 210784 члена ВКП(б), что в три с половиной раза превышало число армейских коммунистов в 1937 году. При этом коммунисты в возрасте до 30 лет составляли 66,1 %, от 30 до 40 лет - 38,5 % и старше 40 лет - всего лишь 3,4 %. 34,3 % армейских коммунистов стали членами партии в 1938 и 1939 году, 31,5 % - с 1931 по 1937 год, 30 % - с 1921 по 1930 год и лишь 4,4 % (около 10 тыс. человек) - до 1921 года, т. е. в годы подполья и гражданской войны⁴.

Огромные потери в ходе массовых репрессий понесла советская военная разведка. С 1937 по 1940 год были арестованы и расстреляны три начальника Главного разведывательного управления Красной Армии - Я. К. Берзин, С. П. Урицкий и И. И. Проскуров, почти все заместители начальника управления, большинство начальников отделов. Если в первой половине 1937 года спецсообщения внешней разведки, направляемые Сталину, Молотову и Ворошилову, подписывались руководителями ГРУ, то уже в конце этого года даже донесения Сталину шли за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки - все работники более высокого ранга были арестованы.

В 1937-1938 годах были отозваны в Москву и репрессированы большинство советских разведчиков, в результате чего в 1938 году на протяжении 127 дней подряд в "инстанции" не поступило ни одного разведывательного сообщения⁵.

¹ Павленко И. Г. Размышления о судьбе полководца. М., 1989. С. 15.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 80.

³ Исторический архив. 1997. № 4. С. 69, 73.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 195.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 17.

В январе 1939 года после разгрома берлинской резидентуры там остались двое из 16 работников. Они работали без резидента до сентября, когда резидентом был назначен молодой бериевский приспешник А. Кобулов, не имевший никакого опыта разведывательной работы¹.

Аналогичное положение сложилось и в парижской резидентуре, откуда, как указывалось в справке, представленной в ноябре 1939 года руководству военной разведки, "был выброшен домой весь кадровый состав наших работников как "легальных", так и нелегальных аппаратов"².

Описывая погром, учинённый сталинской агентурой в советском посольстве в Болгарии, Ф. Раскольников указывал, что этот погром был инспирирован так называемой "внутренней линией" РОВСа (Российский общевойсковой союз), т. е. спецслужбой военизированной белоэмигрантской организации. Эта организация в лице капитана Фосса, "подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометиовавшие честных работников миссии... добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии - от шофера М. И. Казакова до военного атташе В. Т. Сухорукова"³.

Особенно тяжкие последствия имела расправа с Сухоруковым, создавшим тайную антифашистскую организацию, в которую входили представители военного командования почти всех балканских государств. Эта организация ставила своей задачей противодействие германской экспансии на Балканах. По прямому заданию германских спецслужб, сотрудничавших с РОВСом, Фосс подбросил советским органам фальшивку о связях Сухорукова с немецкой разведкой. Это сообщение легло на благодатную почву, поскольку ещё в октябре 1936 года начальник Особого отдела НКВД М. И. Гай доносил Ворошилову: "В 1924 году, после выпуска академией слушателей восточного факультета, на котором учился Сухоруков, последний был вызван к Троцкому и имел с ним беседу. Сухоруков в честь Троцкого назвал сына Львом"⁴.

Сухоруков был отозван в Советский Союз и репрессирован. Его не освободили из лагеря даже после начала Отечественной войны, когда люди из его организации вступили в активную борьбу с фашизмом. Сухоруков вышел на свободу лишь в 1956 году.

В здании советской военной разведки находится кабинет чекистской славы, в котором установлена мемориальная доска с именами наиболее выдающихся советских разведчиков. Почти всю верхнюю половину списка составляют имена людей, репрессированных в предвоенные годы.

В 1937 году было репрессировано много зарубежных коммунистов, по идейным соображениям руководивших разведывательной работой в своих странах. Так, жертвой великой чистки стал немецкий коммунист Г. Кипенбергер, бывший депутат рейхстага, создавший вместе с В. Кривицким агентурную сеть советской военной разведки в Западной Европе.

¹ Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: события и люди. М., 1991. С. 335.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 66.

³ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 546.

⁴ Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. Кн. 2. М., 1996. С. 53.

Руководители разведки неоднократно пытались обратить внимание Сталина на тяжёлые последствия, которые несёт разгром советской резидентуры за рубежом. В 1938 году начальник 1 отдела ГРУ докладывал, что "Красная Армия оказалась фактически без разведки. Накануне крупнейших событий мы не имеем "ни глаз, ни ушей". Незадолго до своего ареста Проскуров сообщал, что "репрессировано более половины личного состава разведки"¹.

Аналогичное положение сложилось и с резидентурой, курируемой Иностранным отделом НКВД (с 1940 года - НКГБ). В отчёте о работе I Управления НКГБ за период с 1939 по апрель 1941 года говорилось: "К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого Отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном"².

В 1937-1939 годах было ликвидировано всё, подготовленное в предшествующие годы в западных военных округах для развёртывания крупных операций *партизанских сил*. Были уничтожены скрытые базы, созданные для ведения партизанской борьбы. Из тысяч хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов по ведению войны в тылу врага уцелели в ходе массовых репрессий лишь единицы. В результате всего этого в первые годы войны на оккупированную территорию перебрасывались почти не подготовленные и слабо вооружённые партизанские группы, часто не обладавшие даже средствами связи. Не удивительно, что основная часть этих групп была уничтожена немцами.

Массовые репрессии, обрушившиеся на основную часть руководителей и инженерно-технических работников заводов и научно-исследовательских институтов, занимавшихся разработкой *военной техники*, существенно замедлили создание новых видов вооружений. Так, был расстрелян начальник реактивного института Клейменов и репрессированы многие сотрудники этого института. Среди них был С. П. Королев, приговорённый 27 сентября 1938 года к 10 годам тюремного заключения. В 1939-1940 годах Герои Советского Союза, депутаты Верховного Совета СССР В. С. Гризодубова и М. М. Громов обратились к Берии и Ульриху с ходатайствами о пересмотре дела Королева. 13 апреля 1940 года дело Королева было направлено на новое рассмотрение. 16 июня того же года Королев был приговорён к заключению в лагеря сроком на 8 лет, однако вскоре был переведён в Особое техническое бюро при НКВД для использования по специальности. За выдающиеся заслуги в создании новой техники он был досрочно освобождён со снятием судимости. Реабилитация Королева, к тому времени ставшего главным конструктором космической техники, произошла только в 1957 году³.

¹ Волкогонов Д. А. Троицкий. Кн. 2. М., 1992. С. 202.

² Очерки истории российской внешней разведки. С. 16-17.

³ Источник. 1997. № 1. С. 80.

В результате фактического разрушения реактивного института немцам удалось значительно опередить Советский Союз в деле создания ракетного оружия (успешно ведущиеся в СССР научно-конструкторские разработки в этой области были прерваны в 1937-1938 годах). В 1944 году на вооружение германской армии поступили беспилотные самолёты ФАУ и баллистические ракеты ФАУ-2, тогда как аналоги этих боевых средств отсутствовали в Красной Армии вплоть до конца войны. В 1963 году Королев в беседе с корреспондентом ТАСС говорил: "Мы потеряли значительное время (а потому не успели к началу войны построить реактивный самолёт и ракеты дальнего действия) и нескольких замечательных людей по совместной работе. Это были страшные, тяжёлые годы"¹.

Теоретические и практические работы по радиолокации были начаты в СССР раньше, чем в США и Англии. Однако в 1937 году были арестованы создатель первых радиолокационных устройств Ощепков, руководитель работ в этой области И. Смирнов и многие их сотрудники. В результате Красная Армия встретила войну без некоторых важных видов радиолокаторов, которые пришлось потом закупать в Англии и США².

Многие новые руководители и командиры Красной Армии не владели основами современной военной науки и военного искусства, которые были разработаны Тухачевским и другими казнёнными военачальниками и практически опробованы в ходе воинских маневров 1935-1936 годов. Маршал Ерёмченко, принимавший участие в этих маневрах в качестве слушателя военной академии, писал в своих мемуарах: "Начальный период войны показал, что если бы мы могли действовать в строгом соответствии с теми принципами, которые отработывались на этих маневрах, дело приняло бы совершенно иной оборот"³.

Если в 1935-1936 годах Красная Армия считалась сильнейшей в мире, то уже после процесса восьми высших военачальников (июнь 1937 года) зарубежные военные эксперты пришли к выводу, что массовые репрессии ведут к внутреннему разложению Красной Армии, ослаблению её ударной силы из-за отсутствия воинского опыта и знаний у новых командиров, пришедших на смену репрессированным. В секретном докладе, направленном 9 ноября заместителем начальника Генштаба чехословацкой армии Б. Фиала главе военной разведки, говорилось: "Если вначале наше Верховное командование отказалось воспринять ликвидацию Тухачевского и высшего советского командного звена как тяжёлый урон для Красной Армии и после начала чистки было убеждено, что "русская армия переживает мрачный этап, однако всё ещё имеет большую силу", то наша делегация, посланная для проверки состояния подготовки Красной Армии, возвратилась с тревожными итогами, превзошедшими самые мрачные ожидания"⁴.

Выводы о существенном ослаблении Красной Армии были сделаны и Гитлером. Ещё в июле 1936 года он указывал в меморандуме, выпущенном в свя-

¹ Правда. 1994. 20 декабря.

² Ощепков П. К. Жизнь и мечта. М., 1965. С. 76-77.

³ Ерёмченко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 8.

⁴ Политическое образование. 1989. № 5. С. 56.

зи с принятием четырёхлетнего плана: "Марксизм, победив в России, построил величайшую машину, выдвинутый вперёд ствол для своих грядущих операций... Военные ресурсы этой агрессивной воли, тем временем, быстро растут год от года. Надо только сравнить нынешнюю Красную Армию с предположениями военных специалистов, выдвинутыми 10-15 лет назад, чтобы осознать угрожающие масштабы этого развития"¹.

После 1937 года Гитлер уже не говорил о советской военной мощи. По свидетельству Кейтеля, Гитлер исходил в своей надежде на блицкриг "из того, что Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет"².

Разработчики плана "Барбаросса" также основывались на представлениях о резком ослаблении Красной Армии, заключающемся "в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повседневно ощущимом недостатке организованности"³.

Английский историк А. Буллок в книге "Гитлер и Сталин" подчёркивает, что "Россия была гораздо слабее в военном отношении в конце 30-х годов, чем на 4-5 лет ранее". В начале 30-х годов в СССР производилось больше танков и самолётов, чем в любой другой стране. Хотя в первой пятилетке расходы на оборону резко сократились, во второй пятилетке они столь же резко возросли, поднявшись с 1 млрд. 420 млн. рублей в 1933 году до 23 млрд. 200 млн. рублей в 1938 году. В середине 30-х годов Красная Армия "была достойным противником Вермахта, её поддерживала собственная военная промышленность России, практическая самообеспечиваемость сырьём и самые большие человеческие ресурсы в мире".

Ослабление Красной Армии Буллок объясняет прежде всего сталинскими чистками, последствия которых, по его мнению, следует оценивать не только числом репрессированных опытных офицеров, но и сокрушительным ударом по качеству советского военного руководства. Первыми жертвами чистки стали командиры, которые "наиболее активно усваивали военные идеи и, тем самым, вызывали подозрение Сталина. Их исчезновение оставило армию под командованием людей, которых Пол Кеннеди назвал "политически лояльными, но умственно отсталыми".

Обобщая выводы западных историков, Буллок отмечает, что Сталин во второй половине 30-х годов продолжал перекачивать ресурсы в рост и перевооружение вооружённых сил, подняв расходы на оборону с 16,5 % государственного бюджета в 1937 году до 32,6 % в 1940 году. Но эти военные приготовления во многом были сведены на нет тем, что "дух новаторства, который воспитывался в командирах Красной Армии до чисток, был задушен и заменён слепым повиновением. За исключением Шапошникова, который был назначен начальником генштаба в мае 1937 года, всё новое командование "характеризо-

¹ Цит. по кн.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1994. С. 160, 162.

² Откровения и признания. С. 306.

³ Дашичев В. Банкротство системы германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 91.

валось или посредственными качествами, или отсутствием опыта" (Джон Эриксон). Это хорошо видно из неверных оценок уроков, полученных в испанской гражданской войне, что привело к расформированию сети механизированных корпусов и к утере ведущей роли Советского Союза в развитии самого мощного в мире воздушного флота стратегических бомбардировщиков".

Буллок считает, что последствия подрыва Сталиным советских вооружённых сил оказали влияние на его внешнюю и внутреннюю политику. "Сталин отдавал себе отчёт - разумеется, никогда открыто в этом не признаваясь, - в том обстоятельстве, что теперь армии понадобится долгое - всё, на какое он мог рассчитывать - время и усиленные капиталовложения, чтобы восстановилась её былая мощь. Это обстоятельство сыграло важную роль... в его согласии на германо-советский пакт как на наилучший выход из положения"¹.

Трагические последствия чистки военных кадров Сталин осознал уже на опыте локальных военных операций на озере Хасан (1938 год) и Халхин-Голе (1939 год). Но и здесь, равно как и после советско-финской войны он склонен был переносить вину с себя на своих "ближайших соратников". Беседуя с Жуковым о Халхин-Гольских событиях, он бросил раздражённую реплику о Ворошилове: "Хвастался, заверял, утверждал, что на удар ответим тройным ударом, всё хорошо, всё в порядке, всё готово, товарищ Сталин, а оказалось..."².

После советско-финской войны Сталин принял решение укрепить генеральский и офицерский корпус за счёт освобождения и возвращения на прежние должности части командиров, находившихся в тюрьмах и лагерях. Но общая обстановка в стране была такова, что по отношению к таким людям сохранялось известное недоверие. Описывая в романе "Солдатами не рождаются" судьбу его главного героя - генерала Серпилина, освобождённого из лагеря и возвращённого в строй незадолго до Отечественной войны, - К. Симонов писал: "Люди радовались, что совершённая по отношению к нему ошибка исправлена, это отвечало их душевной потребности. Хотя ему случалось изредка видеть и другие лица, на которых было написано: "Вернулся - и скажи спасибо. Ты для нас единичный факт, и больше ничего. А мысли, которые возникают из-за факта твоего возвращения, так опасны, что стоит ещё подумать: был ли смысл тебя возвращать? И хотя ты не виноват, потому что иначе бы не вернулся, но с высшей точки зрения ещё вопрос, что важнее!"³.

В некоторых случаях пережитое после ареста ломало осуждённых командиров настолько, что они навсегда утрачивали свои бывшие боевые и волевые качества. В повести "Пантелеев" К. Симонова выведен образ полковника Бабурова, который после первой неудачи своего полка оказался совершенно неспособным к каким-либо разумным действиям и покончил жизнь самоубийством, оставив полк на произвол судьбы. Объясняя его поступок, Симонов писал: "Бабуров вовсе не был трусом от природы. Во время гражданской войны он участвовал в боях и даже имел почётное оружие, но в тридцать седьмом году его, военного комиссара Керчи, вдруг пришли и арестовали... Когда Бабу-

¹ Буллок А. Гитлер и Сталин. С. 160-162.

² Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.

³ Симонов К. Солдатами не рождаются. М. 1964. С. 124.

рова арестовали и потребовали, чтобы он признал соучастие в каком-то заговоре, о котором он не имел представления, он на всю жизнь испугался. Испугался всего, в чём когда-нибудь и кому-нибудь вздумалось бы его обвинить. Испугался всякой ответственности, которую ему правильно и неправильно могли приписать. Были люди, которые выдержали и не такое и, однако, не сломались и не согнулись, но он не был сильным человеком. И когда после двух лет тюрьмы его выпустили, сказав, что он ни в чём не виноват, то он, ещё здоровый на вид мужчина, вышел оттуда больным самой страшной из человеческих болезней, - он боялся своих собственных поступков. И вдруг теперь, на четвёртом месяце войны, когда ему дали полк, фашисты в первом же бою, перебив его роту, оказались в Крыму... Он испугался этого так, что уже никакие доводы разума не могли заставить его действовать вопреки страху ответственности"¹.

Конечно, люди такого типа среди освобождённых генералов и офицеров составляли меньшинство, большинство же продемонстрировало во время войны высокие боевые качества. Но поток реабилитированных командиров прервался уже в первые месяцы войны. В романе "Солдатами не рождаются" Симонов так описывал размышления Серпилина: "На фронте воевало в разных должностях несколько сотен таких же, как он, выпущенных на свободу незадолго или перед самой войной... Одни успели погибнуть, другие пошли в гору: четверо командовали армиями, один - фронтом. Но, очевидно, из этого никто не спешил делать выводы. За последнее время он не слышал ни одного нового имени: те, что вернулись, воевали, а те, что сидели, продолжали сидеть... Лагерь были по-прежнему полны людей, готовых каплю за каплей отдать свою кровь за Советскую власть. Это было невозможно выкинуть из памяти, но сказать об этом вслух - значило бы совершить бессмысленное самоубийство"².

Среди командиров, остававшихся в лагерях, были люди незаурядного военного таланта и знаний. В книге "Непридуманное" писатель А. Разгон рассказывает о двух комкорах, с которыми ему довелось встретиться в одном лагунке. Одним из них был С. Н. Богомягков, в 1917 году служивший подполковником царской армии и после перехода в Красную Армию закончивший гражданскую войну начдивом, с двумя орденами Красного Знамени. Окончив военную академию, Богомягков дорос до начальника штаба Особой Дальневосточной армии - второго по значению поста в одном из самых крупных и важных военных округов. Другой комкор, Н. В. Лисовский, закончил военную академию ещё до революции и вступил в Красную Армию в самом начале её организации. Долгие годы он работал начальником оперативного отдела, а затем - заместителем начальника Генштаба. "Лисовский почти всю жизнь занимался нашей западной границей и возможным противником на Западе. Всё, что происходило в 39-м и после, он воспринимал как нечто личное, происходящее с ним самим. Был непоколебимо уверен в неизбежности войны с Германией, считал наши территориальные приобретения 39-го года несчастьем с военной точки зрения. Он долго и обстоятельно объяснял Богомягкову, что на

¹ Симонов К. Южные повести. М., 1962. С. 81-83.

² Симонов К. Солдатами не рождаются. С. 122-123.

бывших польских землях хорошо продолжать бой, но очень трудно принимать его... О теории "малой кровью, на чужой земле" он отзывался изысканным матом старого гвардейца".

После 22 июня 1941 года Лисовский "за какие-то считанные дни почернел... Несмотря на всю свою сдержанность и выдержку, он предсказывал колоссальные военные неудачи нашей армии! Когда, через месяц полной изоляции, у нас снова появились радио и газеты, мы могли судить, что все предсказания Лисовского оправдываются со страшной последовательностью. Он довольно точно предсказал направления главных немецких ударов. Весной 1942 года, с почти абсолютной точностью, начертил мне направление будущего удара немецких армий на юг и юго-восток... Было что-то чудовищное в том, что высокопрофессиональный работник, всю жизнь готовившийся к этой войне, сидит на зачуханном лагпункте и нормирует туфты в нарядах. А ведь в Генштабе сидел его бывший ученик и подчинённый Василевский! И Лисовский, кроме своих многочисленных заявлений с просьбой о посылке на фронт в любом качестве, писал одно за другим письма Василевскому и Шапошникову, перепуливал их мимо цензуры, через вольняшек... Не может быть, чтобы ни одно из его писем не дошло до адресата! Но Лисовский продолжал отбывать свой срок. Он его отбыл полностью, от звонка до звонка"¹.

Новое военное руководство, пришедшее на смену жертвам репрессий, было на несколько голов ниже своих предшественников. Поскольку в 1937-1939 годах погибли трое маршалов, в мае 1940 года были произведены в маршалы Тимошенко, Шапошников и Кулик. Из них отвечали этому званию только Шапошников и в меньшей мере Тимошенко, с 1942 года отодвинутый на второстепенные должности в военном руководстве. Кулик, проявивший в годы войны крайнюю военную бездарность и к тому же отличавшийся болтливостью и фрондёрством, в 1942 году был выведен из состава ЦК, в 1945 году исключён из партии, в 1947 году арестован и в 1950 году расстрелян².

Из-за своей амбициозности, взаимной неприязни и вражды новое военное руководство не могло наладить согласованную деятельность. "Когда трудились Гамарник, Тухачевский и другие, которые по-настоящему ведали политической работой, экономикой, боевой техникой армии, дело двигалось и без Ворошилова, - отмечал в своих мемуарах Хрущёв. - Когда же они были уничтожены и пришли на их место такие лица, как Мехлис, Щаденко и Кулик, недостойные своих постов, Наркомат обороны превратился, честное слово, в дом сумасшедших не то в собачник какой-то, если иметь в виду его руководителей. Однажды... меня буквально затащил за рукав Тимошенко на заседание Главного военного совета РККА... Он, видимо, хотел, чтобы я как член Военного Совета КОВО (Киевского Особого военного округа) посмотрел на этот собачник, как они друг другу впивались в горло, рвали друг друга по пустякам, но не занимались настоящим делом... Но, может быть, Сталина именно устраивала их междоусобная грызня?"³.

¹ Разгон Л. Непридуманное. М., 1991. С. 47-48.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 107.

³ Вопросы истории. 1991. № 12. С. 64.

Чувствуя слабую управляемость войсками, руководство наркомата обороны практиковало частую переброску командных кадров. Даже после окончания массовых репрессий 1937-1938 годов и вплоть до июня 1941 года в некоторых военных округах было смещено до пяти-семи командующих¹.

После великой чистки резко упал моральный уровень командного состава. Как указывалось в докладной записке начальника Политуправления РККА Мехлиса, направленной секретарю ЦК Жданову, в 1938 году армейскими парторганизациями и партийными комиссиями было привлечено к партийной ответственности 19794 человека, в 1939 году - 10814 человек. При этом резко изменилась структура преступлений и проступков, за которые налагались партийные наказания. Если в 1938 году к партийной ответственности люди привлекались в основном по политическим обвинениям, то в 1939 году на первый план выдвинулись служебные преступления (привлечено к ответственности 4261 человек) и морально-бытовое разложение (привлечено 3138 человек). Большинство привлечённых к ответственности по этим статьям составляли представители начсостава².

В то же время сохранившаяся со времени большого террора установка на "разоблачение" подчинёнными своих командиров как "врагов народа" порождала склонность объяснять все упущения и недостатки вредительством. На этой почве возникали, как указывалось в том же документе, "дикие случаи". Так, парторганизация одной транспортной роты, обсудив вопрос о состоянии лошадей, вынесла следующую резолюцию: "Лошади находятся у нас в плохом состоянии, конюшни не покрыты, овёс ссыпается на землю, у лошадей появляются заболевания и зачесы, нет ли здесь со стороны командного состава роты у нас врагов народа?"³.

Наряду с массовыми репрессиями дезорганизации армии способствовали проведённые в предвоенные годы "реформы", прежде всего восстановление в 1937 году института военных комиссаров. "Институт комиссаров, введённый впервые, в период строительства Красной Армии из ничего, - писал по этому поводу Троцкий, - означал, по необходимости, режим двойного командования. Неудобства и опасности такого порядка были совершенно очевидны и тогда, но они рассматривались как меньшее и притом временное зло... Командиры, вышедшие в большинстве своём из рядов старого офицерства или унтер-офицерства, плохо разбирались в новых условиях и в лице лучших своих представителей сами искали совета и поддержки комиссаров. Не без трений и конфликтов, двоеначалие привело в тот период к дружному сотрудничеству".

Совершенно иные последствия вызвало вторичное введение двоевластия в период, когда большинство командиров выросло из рядов Красной Армии и имело завоёванный годами авторитет. В этих условиях комиссары новой формации оказались "призваны командовать только потому, что они олицетворяют "бдительность", т. е. полицейский надзор над армией. Командиры относятся к ним с заслуженной ненавистью. Режим двоеначалия превращается в борь-

¹ Даугава. 1989. № 5. С. 66.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 195.

³ Там же.

бу политической полиции с армией, причём на стороне полиции стоит центральная власть"¹.

Правоту этих слов Троцкого подтверждают лучшие произведения советской литературы о войне, например роман В. Гроссмана "Жизнь и судьба", где ярко представлен конфликт между командиром танковой дивизии Новиковым и строчащим на него доносы комиссаром дивизии Гетмановым.

Второй "военной реформой" явилось существенное повышение заработной платы командному составу, что, по замыслу Сталина, должно было служить обеспечению послушания и преданности власти. На XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов в качестве свидетельства "заботы партии" об армии привёл таблицу, показывавшую, что средняя заработная плата офицеров и генералов возросла с 1934 по 1939 год на 286 %. При этом прирост заработной платы увеличивался пропорционально иерархии должностей.

Таблица²

	1934 г.	1939 г.	Рост зарплаты за этот период в процентах
Командир взвода	260 руб.	625 руб.	240 %
Командир роты	285 руб.	750 руб.	263 %
Командир батальона	335 руб.	850 руб.	254 %
Командир полка	400 руб.	1200 руб.	300 %
Командир дивизии	475 руб.	1600 руб.	337 %
Командир корпуса	550 руб.	2000 руб.	364 %

Такого рода "реформы" коренным образом изменили социальный характер Красной Армии. Раскрывая эти изменения, Троцкий писал, что после Октябрьской революции большевики предполагали: вооружённые силы будут построены по принципу народной милиции. "Только такая организация армии, делающая народ вооружённым хозяином своей судьбы, соответствует природе социалистического общества. Переход от казарменной армии к милиционной систематически подготовлялся в течение первого десятилетия (Советской власти - В. Р.). Но с того момента, как бюрократия окончательно подавила всякое проявление самостоятельности рабочего класса, она открыто превратила армию в орудие своего господства. Милиционная система упразднена полностью. Двухмиллионная армия имеет сейчас чисто казарменный характер. Вос-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 3-4.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 198.

становлена офицерская каста с генералами и маршалами. Из орудия социалистической обороны армия стала инструментом защиты привилегий бюрократии¹.

Указывая, что "рост страны немислим дальше без общего роста культуры, т. е. без самостоятельности каждого и всех, без свободной критики и свободного исследования", Троцкий писал: "Эти элементарные условия прогресса необходимы армии ещё в большей мере, чем хозяйству, ибо в армии реальность или фиктивность статистических данных проверяется кровью. Между тем политический режим социалистической страны окончательно приблизился к режиму штрафного батальона²".

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 20.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 3.

XI

Террор после "ежовщины"

К концу 1938 года масштабы великой чистки стали столь ощутимы, что даже некоторые руководители, выдвинувшиеся на гребне этой чистки, стали обращаться к Сталину с жалобами на произвол, царящий в органах НКВД. Так, 23 октября 1938 года секретарь Сталинградского обкома Чуянов направил Сталину письмо, в котором сообщалось, что начальник одного из райотделов НКВД области Евдушенко сфабриковал дело о контрреволюционной деятельности районного партийного и советского руководства. При разборе этого вопроса на бюро обкома было установлено и признано самим Евдушенко, что все обвинения в адрес партийных и советских работников были клеветническими и добытыми с помощью физических мер воздействия. Правда, подчиняясь установленным Сталиным правилам игры, Чуянов связывал эти бесчинства с тем, что во главе областного управления НКВД стоял "разоблаченный и арестованный в конце сентября враг Шаров, прикрывавший врагов в старом составе бюро обкома ВКП(б), Сталинградского горкома и Астраханского окружкома и горкома... которые были разоблачены и изъяты в процессе хода партийной конференции"¹.

17 ноября 1938 года было принято секретное постановление ЦК и СНК "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", в котором говорилось о "крупнейших недостатках и извращениях в работе органов НКВД и прокуратуры". Спустя три недели было опубликовано сообщение: "Тов. Ежов Н. И. освобождён, согласно его просьбе, от обязанностей Наркома внутренних дел с оставлением его Народным комиссаром водного транспорта. Народным комиссаром внутренних дел СССР утверждён тов. Л. П. Берия"².

Хотя Берия не был даже кандидатом в члены Политбюро, с его появлением в Москве, как вспоминал Хрущёв, "жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрели совершенно иной характер... Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой... Я замечал, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве по сравнению с Берией, вынуждены были считаться с ним и даже заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович. Я не видел такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова"³.

Замена Ежова Берией была воспринята в народе как прекращение массового террора, тем более что в ближайшие месяцы после этого события число арестов резко уменьшилось, а десятки тысяч человек были выпущены из лагерей и следственных тюрем. В начале 1939 года Берия подписал ряд приказов об аресте и предании суду работников НКВД на местах за производство не-

¹ Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. М., 1995. С. 229-230.

² Известия. 1938. 8 декабря.

³ Берия: Конец карьеры. М., 1991. С. 237-238.

обоснованных арестов и применение незаконных, извращённых методов следствия.

В конце 1938 года произошли некоторые изменения и по линии ЦК. Несколько секретарей обкомов были сняты со своих постов за "избиение честных работников". Было принято решение об обязательном согласовании органами НКВД репрессий против членов партии с партийными комитетами.

Несколько изменилось отношение и к членам семей репрессированных. 23 января 1939 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов направил Сталину письмо, в котором называл "практику огульного отказа в приёме в ВЛКСМ" тем юношам и девушкам, у которых репрессированы родители, "крайне вредной и способной вызвать озлобление той части молодёжи, которая хочет честно работать для народа". На этот документ Сталин наложил резолюцию "Правильно!"¹.

На XVIII съезде ВКП(б) вопрос о массовых репрессиях был поднят в докладе Жданова об изменениях в Уставе партии - вне всякой связи с темой доклада. Жданов приводил многочисленные примеры, свидетельствующие о том, какая страшная атмосфера массового психоза охватила в годы великой чистки партию и страну. Однако, как ни удивительно, эти примеры подавались таким образом, чтобы вызвать веселье зала. Так, Жданов под "общий смех" рассказывал о том, что в одном из районов Красноярского края действовал клеветник, который "завел себе список со специальными графами: "большой враг", "малый враг", "вражёк", "враженок". "Громкий смех" вызвало и сообщение Жданова о клеветнике, который в одном из своих "разоблачительных" заявлений в обком партии включил просьбу: "Я выбился из сил в борьбе с врагами, а потому прошу путевку на курорт".

Как о забавном курьезе Жданов говорил и о том, что некоторые члены партии "для того, чтобы перестраховаться, прибегают к помощи лечебных учреждений". В подтверждение этого он зачитал "справку, выданную одному гражданину": "Тов. (имя рек) по состоянию своего здоровья и сознания не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей. Райпсих Октябрьского района г. Клева (подпись)"².

В прениях по докладу Жданова приводились многочисленные примеры "избиения честных большевистских кадров". Так, рассказывалось о том, что уполномоченный ЦК КП Белоруссии Земцев выехал в один из районов республики, где приказал арестовать секретаря райкома, а остальным членам райкома передал составленный им список коммунистов, подлежащих исключению из партии. К вечеру этого дня было исключено 17 человек, у которых Земцев отобрал партбилеты. В одной из парторганизаций не исключённым остался только один человек, которому Земцев заявил, что его исключат позже, так как сейчас некому голосовать за исключение. Затем он отобрал у членов райкома ключи и печати, сдал их в районное отделение НКВД и, опечатав

¹ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 145.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 521-522.

здание райкома, уехал, ликвидировав, таким образом, районный комитет партии¹.

В одном из райкомов Киева создавались специальные комиссии по сбору компрометирующих материалов на членов и кандидатов в члены партии. Этими комиссиями было собрано 1014 клеветнических заявлений. В другом районе были поданы компрометирующие заявления на 63 % членов районной парторганизации, а в парторганизации Академии наук, где состояло на учёте 130 коммунистов, были поданы клеветнические заявления на 111 человек².

В выступлениях делегатов приводились вопиющие примеры иррационального поведения людей, увлечшихся поиском "врагов народа". Так, сообщалось о заявлении в обком партии, подписанном фамилией "Збрежевский" и содержащем обвинения против группы работников партийного аппарата. При проверке заявления обнаружилось, что человека с такой фамилией в этой области вообще не существует, а заявление было написано неким Семида, работавшим завотделом одного из сельских райкомов партии. Когда этот "сигнализатор" был пойман с поличным, выяснилось, что он не был даже уверен в существовании некоторых названных им в заявлении людей³.

На одном из ленинградских заводов один человек подал большое количество заявлений на коммунистов, в каждом из которых обвинялось по 20 и более человек - тех, кто работал вместе с ним, и тех, кто жил с ним в одной квартире. Писал он даже о том, что его соседи разговаривают между собой шепотом, а это означает, что они утаивают что-то от партии.

Ещё более поразительным был приведённый на съезде факт, когда в Ленинградском индустриальном институте один член партии подал 19 заявлений и "сигналов", а двадцатое заявление написал на себя. В этом заявлении он писал, что его дядя оказался врагом народа и репрессирован органами НКВД. "При проверке заявления на месте оказалось, что этот дядя вовсе не враг и не был репрессирован органами НКВД, а просто заболел и умер (*Смех*)"⁴.

Смехом делегаты встречали и сообщения о том, по каким поводам коммунисты исключались из партии. Так, Бойцов рассказал, что в одной из парторганизаций был исключён член партии Пирогов за то, что он на занятии политкружка сказал, что Иван Грозный был умным царём. "В организации стали рассуждать: как это так, Иван Грозный - царь, и вдруг умный; все цари - дураки и Иван Грозный в том числе, а раз Пирогов его хвалит, то исключить его из партии (*Смех*)"⁵. Такое же веселье зала вызвало сообщение о том, что кандидата партии Могильнера исключили за совершение над родившимся ребёнком религиозного обряда (обрезания); "однако непредвиденным обстоятельством для клеветников оказалось то, что у т. Могильнера родился не мальчик, а девочка"⁶.

¹ Там же. С. 569.

² Там же. С. 595.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 575.

⁵ Там же. С. 563.

⁶ Там же. С. 569.

Разумеется, подобные разоблачения "перегибов" отнюдь не означали прекращения изуверской практики органов НКВД. Напротив, в январе 1939 года, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение истязаний к арестованным, Сталин направил секретарям республиканских и областных партийных комитетов, наркомам и начальникам областных управлений НКВД письмо, в котором "разъяснял", что использование методов физического воздействия допущено с разрешения ЦК и эти методы должны "обязательно применяться и впредь"¹. Данная директива вплоть до смерти Сталина служила документом, на котором основывалась практика "органов". 17 июня 1947 года министр госбезопасности Абакумов в докладной записке, адресованной Сталину, сообщал: "В отношении избитых следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 года, применяют меры физического воздействия"².

Этим "указанием" руководствовались и местные партийные работники, осуществлявшие "контроль" за деятельностью НКВД. Бывший заместитель начальника Ивановского УНКВД по милиции Шрейдер в своих воспоминаниях рассказывал, как в 1939 году секретарь Ивановского обкома Седин, недавно назначенный на этот пост, принимал участие в допросах бывших руководящих работников обкома, на которых они отказались от выбитых у них показаний. Однако после этого Седин завизировал "расстрельные" и иные приговоры, вынесенные этим людям. О том, как реагировал Седин на сообщения заключённых о зверствах их тюремщиков, Шрейдер рассказывал на собственном примере. Однажды в кабинет, где происходил его допрос, вошел "человек лет под сорок, плотного телосложения, свежесвыбритый, пышущий здоровьем и благополучием... На груди у Седина красовался орден Ленина". Шрейдер, уверенный в том, что новый секретарь обкома наведет справедливость в его деле, показал Седину раны от пыток. "Что вы мне демонстрируете свои раны, - с гримасой неудовольствия сказал Седин. - Ведь Алексей Максимович Горький сказал: "Если враг не сдается, его уничтожают!"³.

После устранения Ежова продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью, аресты, в том числе выдающихся деятелей советской культуры. Так, был арестован Михаил Кольцов, бывший одним из самых преданных Сталину людей. В книге "Гибель всерьёз" Луи Арагон привёл фразу, сказанную ему Кольцовым перед отъездом из Парижа: "Запомните последние слова, которые вы слышали от меня. Запомните, что Сталин всегда прав"⁴.

По-видимому, арест Кольцова, действовавшего в Испании в качестве сталинского эмиссара, объяснялся тем, что он слишком много знал о преступлениях, чинимых там сталинской агентурой. Послушно выполняя в Испании все

¹ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 40-41.

² Источник. 1994. № 6. С. 114.

³ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 187, 206-207.

⁴ Иностранная литература. 1988. № 4. С. 172.

указания Сталина, Кольцов проявлял временами собственную инициативу и даже посетил однажды под видом латиноамериканского корреспондента штаб-квартиру ПОУМа (см. гл. XXIV). Хотя Кольцов сообщил о своём визите только близким товарищам, не переставая при этом "яростно громить поумовцев"¹, сам факт его непосредственного контакта с деятелями ПОУМа не мог не вызвать у Сталина самой недоброжелательной реакции. Как можно судить по некоторым архивным документам, с самого начала пребывания Кольцова в Испании за ним велась неусыпная слежка. Так, в начале 1937 года секретные агенты Коминтерна сообщали, что некий Рудольф Зелке, вышедший из КПГ в 1928 году и "выступающий как яростный враг советской власти и Коммунистического Интернационала", получил пост в министерстве пропаганды провинции Валенсия "благодаря посредничеству тов. Кольцова... Данные относительно связей Рудольфа Зелке и Кольцова подтверждены представителем ТАСС и тов. Канторовичем - редактором газеты "Le Volontaire de la Liberte"².

Арест Кольцова явился полной неожиданностью как для него самого, так и для писательской общественности. Писатель А. Авдеенко вспоминает, как 12 декабря 1938 года Кольцов выступал в клубе писателей с докладом о "Кратком курсе истории ВКП(б)". В этом докладе Кольцов рассказывал, "как в будущем страна будет постепенно переходить от социализма к коммунизму. Сначала отменят плату за проезд в общественном транспорте. Потом хлеб станет бесплатным. Потом и продукты будут выдаваться по потребности, в обмен на добросовестный труд, а не за деньги".

После выступления Кольцов устроил застолье для своих друзей. "Я видел его в тот час, - писал Авдеенко. - Он был весел, шутил, смеялся, рассказывал об Испании то, о чём не писал в газетах. Застолье закончилось в полночь, если не позже. Мы гурьбой провожали Кольцова к машине. На другой день, придя в редакцию, я узнал, что Кольцов арестован"³.

Дело Кольцова было каким-то образом связано с делом Мейерхольда, хотя арест последнего произошёл через полгода после ареста Кольцова. Об этом свидетельствует рассказ А. Фадеева, переданный его другом, литературным критиком К. Зелинским.

В начале 1939 года Фадеев на одном из литературных собраний в Киеве произнёс несколько положительных слов о тогда уже опальном Мейерхольде. После возвращения в Москву он был вызван к Сталину, который дал ему прочесть показания Кольцова и генерала Белова, расстрелянного в 1938 году (как вспоминал И. Эренбург, Белов был близким другом Мейерхольда). В показаниях и того, и другого говорилось о Мейерхольде как участнике заговорщической группы и резиденте иностранной разведки. После того, как Фадеев прочёл эти показания, Сталин сказал: "Теперь вы, надеюсь, понимаете, кого вы поддерживали своим выступлением. А вот Мейерхольда, с вашего позволения, мы намерены арестовать".

¹ Михаил Кольцов, каким он был. М., 1989. С. 446.

² РЦХИДНИ. Ф. 545, оп. 2, д. 145, л. 55, 72.

³ Знамя. 1989. № 4. С. 91-92.

"Каково мне было всё это слушать? - говорил Фадеев Зелинскому. - Но каково мне было потом встречаться с Мейерхольдом! Его арестовали только через пять месяцев после этого случая. Он приходил в Союз (писателей), здоровался со мной, лез целоваться, а я знал про него такое, что не мог уже и смотреть на него"¹.

Мейерхольд был арестован в июне 1939 года. Причиной его ареста могла быть застарелая ненависть к нему Сталина из-за того, что Мейерхольд был в дружеских отношениях с Троцким и даже посвятил ему в 1923 году один из своих спектаклей. Главной задачей дела Мейерхольда был поиск троцкистского влияния в советском искусстве. В его деле "троцкистами" значатся Эренбург, Пастернак, Шостакович, Охлопков, Шебалин и многие другие. Примерно тот же круг лиц фигурировал и в деле Бабеля.

Судя по письмам Мейерхольда в различные инстанции, во время следствия он подвергался особенно зверским пыткам. 3 декабря 1939 года он писал Берии, что арест и допросы повергли его "в величайшую депрессию вплоть до полной потери власти над собою, депрессию, вызвавшую чудовищную притупленность сознания... Я клеветал на себя (я давал самооговоры сверхъестественные, которые не могут не броситься в глаза Вам, когда Вы будете, на что я надеюсь, знакомиться с содержанием моего дела), я оговаривал людей, ни в чём не повинных... Я не выдерживал ни болей физических, ни тем более оскорблений моральных, направленных на меня следователями... Я бился, как в горячке, и подписывал приговоры вслепую".

13 декабря Мейерхольд обратился с заявлением к Прокурору СССР, в котором отказывался от своих вынужденно-ложных показаний, явившихся "следствием того, что ко мне, 65-летнему старику (и нервному, и больному), на протяжении всего следствия применялись такие меры физического и морального воздействия, каких я не мог выдержать, и я стал наводнять свои ответы на вопросы следователя чудовищными вымыслами. Я лгал, следователь записывал, вымыслы эти ещё и заострял, иные ответы за меня диктовал стенографистке сам следователь, и я всё это подписывал... Надо мной всё время висела угроза возможного повторения вышеуказанных мер воздействия ("будешь лгать, будем бить в три раза сильнее")".

Поскольку эти заявления не вызвали никакого отклика, Мейерхольд обратился 2 и 13 января 1940 года с письмами к Молотову. Письма эти особенно страшно читать. В них рукой великого художника описаны обычные в практике НКВД истязания, испытанные им на себе. "Нервные ткани мои, - писал Мейерхольд, - оказались расположенными совсем близко к телесному покрову, а кожа оказалась нежной и чувствительной, как у ребенка; глаза оказались способными (при нестерпимой для меня боли физической и боли моральной) лить слезы потоками. Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать, как собака, которую плетью бьет её хозяин... Меня здесь били - больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой), по местам от колен до верх-

¹ Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 160-161.

них частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-жёлтым кровоподтёкам снова били этим жгутом и боль была такая, что казалось на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу размахами с высоты... Я от голода (я ничего не мог есть), от бессонниц (в течение трёх месяцев) и от сердечных припадков по ночам и от истерических припадков (лил потоки слез, дрожал, как дрожат при горячке) поник, осевши, осунувшись, на 10 лет постарев... Надо мной навис дамоклов меч: следователь всё время твердил, угрожая: "не будешь писать (то есть - сочинять значит!?), будем бить опять, оставим не тронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного искромсанного тела".

Стремясь вызвать доверие Молотова, измученный Мейерхольд выбирал самые грубые слова для выражения своей ненависти к Троцкому. "Я вместе с партией проклинаю Иуду Троцкого!... Говорить о троцкизме в искусстве просто смешно. Отъявленный пройдоха из породы политических авантюристов, человек, как Троцкий, способный лишь на подлые диверсии и убийства из-за угла, не имеющий никакой политической программы, кретин не может дать программы художникам"¹.

Излишне говорить о том, что это письмо не возымело и не могло возыметь никакого действия. Мейерхольд и Кольцов были расстреляны 2 февраля 1940 года. За неделю до этого был расстрелян Бабель.

Многие люди, освобождённые в период бериевской "оттепели", через некоторое время арестовывались вновь. Так, бывший секретарь ЦК Венгерской компартии Кюршнер после 26-месячного пребывания в тюрьме был в марте 1940 года выпущен на свободу, и дело его было прекращено. Однако спустя три месяца он был вновь арестован и решением Особого совещания от 10 сентября того же года осуждён на 8 лет лагерей за "участие в правотроцкистской организации, возглавляемой членом ИККИ, академиком Варгой"². Между тем Варга никогда не подвергался аресту и продолжал работать на своих постах в Коминтерне и в Академии наук.

Вопреки бытующим представлениям о всеобщем страхе, побуждавшем обходить членов семей репрессированных, как прокажённых, и не обмениваться даже с близкими людьми разговорами, в которых бы осуждались массовые репрессии, в стране были частыми случаи проявления сочувствия к жертвам сталинского террора. 10 сентября 1940 года академик Вернадский оставил следующую запись в своём дневнике: "Сейчас слышны такие рассуждения публики, которые ещё недавно были невозможны, хотя опаска доносов ещё сильна. В Малом Ярославце на днях покончила самоубийством врач-хирург, отдававшаяся вся своему делу. Её муж, комсомолец, был сперва сослан, а потом расстрелян. Она оставила записку, в которой говорит, что после гибели мужа - тоска одиночества и отсутствие выхода в лучшее. Кончалась записка обращением к

¹ Верните мне свободу! Мемориальный сборник документов из архивов бывшего КГБ. М., 1997. С. 226-230.

² Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. М., 1994. С. 488-490.

Сталину: "Благодарю тов. Сталина за счастливую жизнь". Когда эту записку прочли, то запретили всему персоналу провожать её, скомкали похороны. Но пациенты её осыпали цветами и проводили до могилы"¹.

При освобождении и реабилитации либо после отбытия своего срока человек должен был давать письменное обязательство не разглашать того, что происходило с ним самим и что он наблюдал в тюрьмах и лагерях. Однако вести о судьбах миллионов репрессированных не только широко распространялись по стране, но и просачивались за границу. 20 марта 1937 года Виктор Серж писал Троцкому о судьбах советских троцкистов: "Совершенно ясно, что *ссылки больше нет*. Все - под замком (и если и осталась кое-какая ссылка для троцкистов, то в самых гиблых местах вроде Туруханска). Ясно тоже, что в концлагерях и изоляторах происходят отчаянные бои, смертельные голодовки и всевозможные истязания. Ясно, что никогда ещё не было, *никогда* такого ужаса в русских тюрьмах!"².

Сведения о расстрелах и положении советских политзаключённых умело использовались фашистской пропагандой. Уже в 1938 году усилиями Германии и Италии были организованы в различных странах "антикоминтерновские выставки", на которых экспонировались документы о сталинском терроре в СССР и Испании³.

Бывший работник наркомата лесной промышленности Альбрехт, немец по национальности, арестованный в 1937 году, в 1939 году был освобождён. Во время пребывания Риббентропа в Москве он сумел проникнуть в германское посольство и обратился с просьбой о политическом убежище. Сталин в знак новоявленной советско-германской "дружбы" разрешил Риббентропу увезти Альбрехта в Германию. Здесь Альбрехт написал книги "Бутырская тюрьма. Камера 99" и "Революция, которую предали". Эти книги широко распространялись нацистскими пропагандистскими органами в немецких частях, воевавших на территории СССР⁴.

¹ Независимая газета. 1992. 9 июня.

² Trotsky Archives. Houghton Library. The Harvard University (далее - Архив Троцкого). № 5026.

³ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 112.

⁴ Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1991. С. 416.

ХП

Национальная политика

Характеризуя разительные различия между национальной политикой большевизма и сталинизма, Троцкий писал в 1938 году: "Октябрьская революция провозгласила право каждой нации не только на самостоятельное культурное развитие, но и на государственное отделение. На деле бюрократия превратила Советский Союз в новую тюрьму народов. Правда, национальный язык и национальная школа продолжают существовать: в этой области самый могущественный деспотизм не может уже повернуть колесо развития назад. Но язык разных национальностей является не органом их самостоятельного развития, а органом бюрократического командования над ними. Правительства национальных республик назначаются, разумеется, Москвой, точнее сказать, Сталиным. Но поразительное дело: три десятка этих правительств (союзных и автономных республик - В. Р.) оказываются внезапно состоящими из "врагов народа" и агентов иностранного государства. За этим обвинением, которое звучит слишком грубо и нелепо даже в устах Сталина и Вышинского, скрывается на самом деле тот факт, что чиновники, хотя бы и назначенные Кремлем, попадают в национальных республиках в зависимость от местных условий и настроений и постепенно заражаются оппозиционным духом против удушающего централизма Москвы. Они начинают мечтать или разговаривать о том, чтоб сместить "любимого вождя" и ослабить тиски. Такова действительная причина недавнего обезглавления всех национальных республик СССР"¹.

В 30-е годы среди коммунистов и беспартийной интеллигенции союзных и автономных республик были широко распространены оппозиционные антирусификаторские настроения. Этот протест против сверхцентрализма и великодержавного шовинизма был переквалифицирован Сталиным в "буржуазный национализм", ставший дополнительным обвинением в адрес коммунистов коренной национальности этих республик. В каждой из них были искусственно сфабрикованы, помимо "правотроцкистских", ещё и буржуазно-националистические организации, якобы стремившиеся к отделению своей республики от СССР. Во всех национальных республиках была истреблена значительная часть творческой интеллигенции. Такой социально-этнический геноцид распространялся и на те народы, у которых своя интеллигенция появилась только при Советской власти.

Для национальной политики сталинизма характерно то, что в сталинское Политбюро никогда не входил ни один из руководителей союзных республик, за исключением Украины. Трое из украинских партийных деятелей (Косиор, Чубарь и Постышев) были в середине 30-х годов отозваны из Украины и спустя некоторое время арестованы и расстреляны. Уцелеть удалось одному Петровскому, лишённому всех своих постов.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 20.

Расправе над партийно-советскими работниками и деятелями культуры национальных республик сопутствовало уничтожение элементов культурно-национальной автономии, возникшей после Октябрьской революции. 17 декабря 1937 года были приняты три постановления ЦК об упразднении соответствующих органов и учреждений, появившихся в первые годы Советской власти. В постановлении "О ликвидации национальных районов и сельсоветов", существовавших на территориях с компактно проживающим национальным меньшинством, указывалось, что многие из этих районов (немецкие, финские, корейские, болгарские и т. д.) "были созданы врагами народа во вредительских целях"¹. Постановление "О русских газетах на Украине" предписывало резко поднять удельный вес русской прессы и одновременно закрыть издающиеся в Киеве газеты на немецком и болгарском языках². В постановлении "О национальных школах" объявлялось вредным "существование особых национальных школ (финские, эстонские, немецкие, английские, греческие и др.)". Одновременно со школами подлежали закрытию национальные педагогические техникумы, дома просвещения и другие культурно-просветительные учреждения³.

13 марта 1938 года было принято постановление ЦК и СНК о введении обязательного обучения русскому языку в школах национальных республик. Возражая против грубо-ассимиляторских методов, с помощью которых предполагалось вести это обучение, Н. К. Крупская писала Сталину: "Я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считаю вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведённого с русского". В том же письме Крупская обращала внимание Сталина на возрождение бытового антисемитизма и других проявлений недоброжелательного отношения к представителям малых национальностей, значительно ослабившегося в первые годы Советской власти. Она писала, что в повседневной жизни "начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм... Среди ребят появилось ругательное слово "жид", малышка говорит: "Дедушка, я не хочу быть латышкой"⁴. Все эти тревожные замечания Крупской были оставлены Сталиным без ответа.

С особой настойчивостью тенденции великодержавного шовинизма внедрялись во второй половине 30-х годов в идеологию. Это нашло выражение, в частности, в возвеличивании русских князей, царей и генералов, одерживавших победы в войнах, направленных на расширение границ российского государства. Среди царей особое внимание было уделено Ивану Грозному и Петру Первому, служившими для Сталина образцами "необходимой" жестокости по отношению к "изменникам".

Говоря об открытом возрождении великорусского национализма в советской печати, Троцкий отмечал: "Официальная идеология нынешнего Кремля

¹ РЦХИДНИ Ф. 17, оп. 3, д. 994, л. 15.

² Там же. л. 14.

³ Там же. л. 15.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.

апеллирует к подвигам князя Александра Невского, героизму армии Суворова-Рымникского или Кутузова-Смоленского, закрывая глаза на то, что этот "героизм" опирался на рабство и тьму народных масс и что именно по этой причине старая русская армия оказывалась победоносной только в борьбе против ещё более отсталых азиатских народов или слабых и разлагающихся пограничных государств на Западе. При столкновении же с передовыми странами Европы доблестное царское воинство всегда оказывалось несостоятельным... Что до всего этого термидорианцам и бонапартистам? Им необходимы национальные фетиши"¹.

Эта же мысль звучала в "Открытом письме Сталину" Ф. Раскольникова, который упрекал кремлёвского диктатора в насаждении "культы исторических русских героев Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут вам больше, чем казнённые маршалы и генералы"².

В пропаганде надсоциальных, надклассовых ценностей важная роль принадлежала официальной историографии. Характеризуя её эволюцию в предвоенные годы, Троцкий писал: "Пересмотр прошлого совершался столь лихорадочными темпами, что разрушались вчерашние авторитеты. Официальнейший историк Покровский был после смерти объявлен врагом народа, так как недостаточно почтительно относился к прошлой истории России. Началась реабилитация не только старого национального патриотизма, но и военной традиции. Начались исследования русской военной доктрины, реабилитация русских стратегов, включая и 1914 год"³.

Аналогичные тенденции описывал и один из наиболее честных и проникательных эмигрантских публицистов Г. Федотов, характеризовавший "сталинскую генеральную линию" как "линию национализации революции, т. е. линию национал-социализма". "По этой линии, - писал он, - стоит вся внутренняя политика, поскольку она свидетельствует о какой-либо идеологии. Продолжается реабилитация русской истории, преимущественно военной. Газеты полны описаний военных музеев. Выставка Ледового побоища, выставка Кутузова... Сильный удар наносится крайним сепаратизмам реставрацией русского языка как языка государственного"⁴.

"Реабилитация" русского военного прошлого насаждалась и в советском искусстве. При этом сам Сталин нередко подчёркнуто демонстрировал преемственность своих "державно-государственных" устремлений с традициями царской России. Так, он устроил эксцентричное шоу, своего рода "спектакль в спектакле" на премьере оперы "Иван Сусанин" в Большом театре 2 апреля 1939 года. Это событие описано в дневнике Е. С. Булгаковой со слов её мужа, находившегося в зрительном зале во время премьеры. М. Булгаков увидел своего рода знамение времени в том, что "перед эпилогом Правительство перешло из обычной правительственной ложи в среднюю большую

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 4.

² Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 546.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. М., 1990. С. 272.

⁴ Федотов Г. П. Полное собрание статей в шести томах. Т. IV. Париж, 1988. С. 186.

(бывшую царскую) и оттуда уже досматривало оперу. Публика, как только увидела, начала аплодировать, и аплодисмент продолжался во всё время музыкального антракта перед эпилогом. Потом с поднятием занавеса, а главное, к концу, к моменту появления Минина, Пожарского - верхами. Это всё усиливалось и, наконец, превратилось в грандиозные овации, причём Правительство аплодировало сцене, сцена - по адресу Правительства, а публика - и туда, и сюда"¹.

Сталинский шовинизм не остался без внимания со стороны нацистских вождей. Описывая в 1940 году в своём дневнике беседу Гитлера с неким Колином Россом, побывавшим в СССР, и суммируя свои впечатления от этой беседы, Геббельс объединял воедино национализм, антисемитизм и террор Сталина, усматривая в этих чертах сталинской политики резон для сохранения советско-германского политического союза. "Россию Росс рисует как просто безотрадную страну, - писал он. - Нигде ни улыбки, ни радости. Несмотря на это, Сталин пользуется популярностью. Ведь он - единственная надежда. Наследник Петра Великого. Представитель панславизма. Вероятно мы, германцы, никогда не поймем этих славян! Сталин для русских - папаша... Он, как заботливый садовник, отрезает слишком разросшиеся ветки, то есть ликвидирует генералов и журналистов... Не ликвидирует ли Сталин постепенно и евреев? Вероятно, он только для того, чтобы ввести в заблуждение весь мир, называет их троцкистами. Кто знает? Во всяком случае, мы с Россией - союзники. До сих пор мы имели от этого только выгоды. Фюрер увидел Сталина в одном кинофильме, и тот сразу стал ему симпатичен. Тогда, собственно, и началась германо-русская коалиция"².

Гитлеровские дипломаты не скрывали перед своими советскими коллегами, что новые тенденции в советской национальной политике и идеологии являются одним из мотивов, способствующих советско-германскому сближению. В зондажной беседе с временным поверенным в делах СССР Астаховым, состоявшейся 26 июля 1939 года, чиновник германского МИДа Шнурре, говоря о смягчении идеологических противоречий между СССР и Германией, связывал это с изменениями, произошедшими за последние годы в политике и идеологии советского руководства. "Значение Коминтерна, - утверждал он, - оказалось перекрыто Политбюро, которое теперь проводит совершенно новую политику, чем в то время, когда доминировал Коминтерн. Слияние большевизма с национальной историей России, которое выразилось в прославлении великих действий и деятелей России (празднование битвы под Полтавой, чествование Петра Первого, битвы на Чудском озере Александра Невского) действительно изменило международное лицо большевизма, как мы это видим, особенно когда Сталин отложил мировую революцию на неопределённый срок. При таком состоянии дел мы увидели теперь возможности (улучшения советско-германских отношений - В. Р.), которых не видели раньше"³. Воспевание побед русского оружия над иноземцами (в том числе над тевтонскими "псами-

¹ Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 250.

² Откровения и признания. С. 185.

³ Советско-германские отношения. 1939-1941. Документы. Париж - Нью-Йорк, 1983. С. 41-42.

рыцарями") представлялось нацистам безобидным делом в условиях, когда Сталин отказался от революционной интернационалистской политики и идеологии большевизма.

Шовинистические настроения в СССР заметно усилились в 40-е годы, особенно после того, как Сталин в 1945 году назвал русскую нацию "руководящей нацией" Советского Союза. Хотя эти настроения претерпели некоторый спад после смерти Сталина, они вплоть до распада СССР продолжали оказывать влияние на кадровую политику и психологию "кадров". Такого рода тенденции вызывали ответную реакцию среди коренного населения союзных и автономных республик: накопление антирусских и сепаратистских настроений. Все эти национальные противоречия, вырвавшиеся наружу в период "перестройки", сыграли немалую роль в разрушении Советского Союза.

В плену националистических настроений оказались нынешние правители республик, образовавшихся на развалинах СССР, в большинстве своём - бывшие партократы, у которых, как оказалось, интернационалистские коммунистические убеждения держались не дальше кончика языка. В свою очередь, в России произошло оживление идей "державности", "государственничества" и "национал-патриотизма", приобретших ведущую роль не только в открыто черносотенных организациях, но и в некоторых партиях, именующих себя коммунистическими. Эта тенденция закономерно сочетается с "ренессансом сталинизма" в работах как некоторых русских эмигрантов (например А. Зиновьева), так и бывших идеологических партаппаратчиков типа Р. Косолапова.

ХІІІ

Сталин и сталинизм глазами белой эмиграции

Идеология и даже терминология современных "национал-патриотов" не является их собственным изобретением; она заимствована из работ деятелей наиболее реакционного крыла русской эмиграции 30-х годов. Именно эта часть эмигрантов точно ухватила шовинистические тенденции сталинской политики тех лет, которые вызывали её явное, нескрываемое одобрение. Восторженные панегирики Сталину, превращающему "социалистическое отечество в Россию, а социалистическое строительство в борьбу за русскую мощь"¹, публиковались на страницах газеты "Бодрость" и других органов младороссов - русских фашистов. "Сталин, стремясь удержать в своих руках власть, - констатировалось в одной из передовых газеты, - стал открытым и вполне явным предателем и вредителем марксизма, искусно приспособившись к требованиям нации и жизни. Из лидера компартии Сталин стремится стать народным, национальным вождём. Именно в этом сейчас весь смысл происходящего в России"².

К аналогичным выводам приходили и другие публицисты националистического толка, которые анализировали сдвиги в советской политике и идеологии в свете противопоставления Сталина и Троцкого, сталинизма и троцкизма. "Если, как справедливо указывают троцкисты, - писал журнал "Современные записки", - Сталин социализма в России не построил, то с другой стороны несомненно, что, спустившись с планеты на русскую землю, политика Сталина приобрела более реальный и менее авантюристический характер, чем политика Троцкого с его идеей перманентной революции в планетарном масштабе"³.

Более подробно эта тема разрабатывалась в другом праворадикальном эмигрантском журнале "Третья Россия", где ей была посвящена обширная статья Баранецкого "Сталин и оппозиция". В ней автор выражал сожаление по поводу того, что сталинцы "не пытаются идеологически осмыслить совершаемый ими сверху переворот, имеющий... решающее значение для всей Русской Революции". Суть данного переворота усматривалась в утверждении у власти "группы государственников ("сталинской бюрократии", как бранятся троцкисты)". С этой точки зрения Баранецкий расценивал "поединок между Троцким, выражающим собой как бы объект переворота, и Сталиным, являющимся его носителем". Этот поединок, по его словам, имел огромное значение "для судеб и самой революции, и России, и в известном смысле, всего современного человечества вообще"⁴.

Давая свою оценку принципиальных различий между Сталиным и Троцким, Баранецкий раздражался ожесточёнными филиппиками против Троцкого -

¹ Бодрость. Париж, 1934. № 2.

² Там же. 1935. № 44.

³ Современные записки. Париж. 1937. № 63. С. 402.

⁴ Третья Россия. 1938, № 8. С. 25, 33.

"неисправимого марксистского начётчика и заклятого врага России и русского народа", который "одно время чуть было не стал знаменем некоторых русских национально-народных освободительных сил"¹. Главную "вину" Троцкого автор усматривал в том, что он выступает "за "перманентное" продолжение того состояния, которое он вместе с Лениным воплощал и которое должно быть неукоснительным выполнением рецептов Маркса и Энгельса"².

Далее автор высказывал любопытные суждения, выражающие, говоря словами Ленина, "классовую правду врага": "Собственно, каждый коммунист есть потенциальный троцкист. И действительное (а не только видимое) завершение борьбы с троцкизмом может быть достигнуто лишь вместе с преодолением компартии, как таковой. У Сталина и его группы государственников всё меньше и меньше врагов за пределами компартии и всё больше и больше их, притом самых опасных, внутри её... С другой стороны, Сталин и сталинцы - и в этом мы вполне согласны с троцкистами - действительно, коммунисты плохие, "сомнительные"³.

Переходя на открыто классовый язык, Баранецкий заявлял, что "начинает революцию чернь - в духовном и социальном смысле... завершает же её новая "аристократия" (у нас "знатные люди")". Вождём "новой аристократии" и является "Сталин - государственный прежде всего". В этом "основная его характеристика"⁴.

"Общая квалификация личности и роли Сталина", по словам Баранецкого, сводится к тому, что он - "революционер сверху, реформатор большого масштаба, каким был у нас Иоанн Грозный, истребивший старый правящий слой бояр и создавший новый, Петр Великий, Александр II, а в других странах: Наполеон, Кромвель, в древности Юлий Цезарь"⁵. Но даже эти аналогии казались Баранецкому недостаточными для характеристики исторического облика Сталина, если он будет продолжать двигаться по избранному им пути - "национального возрождения России" в противовес мировой революции. "Сталин мог бы стать народным героем в истинном и высшем смысле этого слова, подлинным спасителем России в этот наиболее критический момент в её истории, если б нашёл мужество в себе донести до конца ту великую миссию, которая возложена на него Историей... Но и того уже, что им сделано в плане патриотического Дела народов России, - Россия, несмотря ни на что, не забудет ему никогда"⁶.

Утверждая, что белоэмигранты "должны решительно и безоговорочно отдать предпочтение Сталину, а не Троцкому", Баранецкий усматривал "стратегическую разницу" между Сталиным и Троцким в том, что "марксистский Дон-Кихот, Троцкий, продолжает, вопреки очевидности и здравому смыслу, верить в "международную пролетарскую революцию", а реалист Сталин пыта-

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 35-36.

⁴ Там же. С. 32-33.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Там же. С. 31, 37.

ется - пока непоследовательно и нерешительно - найти мост в будущее через национальное самоутверждение русского народа"¹.

Любой непредвзятый читатель, очевидно, согласится с тем, что, не зная имени автора статьи и времени её появления, большинство её пассажей можно считать извлечёнными со страниц нынешних "национал-патриотических" изданий, в том числе и тех, которые сегодня именуют себя коммунистическими.

¹ Там же. С. 26, 37.

XIV

Антисемитизм

В первые годы революции большевикам казалось, что в России, славившейся в недалёком прошлом еврейскими погромами и открытой деятельностью многочисленных черносотенных организаций, еврейский вопрос навсегда и безраздельно решён. Им представлялась абсурдной сама мысль о том, что при выдвижении людей на руководящие посты следует обращать внимание на их национальность и устанавливать в этой связи какие-то "процентные нормы". Ленин считал "пунктиком" Троцкого мнение последнего о том, что в первом правительстве молодой Советской республики не должно быть ни одного еврея¹.

Белогвардейская пропаганда усиленно играла на том обстоятельстве, что на руководящих постах в администрации, хозяйстве и армии оказалось немало евреев, как, впрочем, и других "инородцев" - представителей малых национальностей, угнетавшихся при царизме и поэтому принимавших активное участие в революционной борьбе. Этому противостояла большевистская пропаганда, убеждавшая трудящихся, что им следует видеть врагов не в других нациях, а в других, угнетательских классах, которые направляют русский народ на евреев и иных "инородцев".

Среди большевистских руководителей, пожалуй, только Троцкий считал, что микробы антисемитизма, как и вообще глубоко укоренившиеся в массах национальные предрассудки и предубеждения, не могут быстро и бесследно исчезнуть со сменой общественного и государственного строя, что они будут на протяжении длительного времени сохраняться в сознании отсталой части населения. Это подтвердилось в период легальной борьбы с оппозицией, когда Сталин и его приспешники стали эксплуатировать антисемитизм для дискредитации Троцкого, Зиновьева, Каменева, равно как и рядовых оппозиционеров-евреев. Если официальные агитаторы проводили эту линию в закамуфлированной форме, то на массовых собраниях, где шли дискуссии с оппозицией, зачастую прорывались откровенно антисемитские настроения. В Бюллетенях, нелегально издаваемых левой оппозицией в 1927-1928 годах - своего рода тогдашнем Самиздате, - можно найти десятки упоминаний об антисемитских выходках по отношению к оппозиционерам.

В своих воспоминаниях С. Аллилуева чётко указывала на связь, существовавшую между борьбой с левой оппозицией и возрождением антисемитизма. "В Советском Союзе лишь в первое десятилетие после революции антисемитизм был забыт, - писала она. - Но с высылкой Троцкого, с уничтожением в годы "чисток" старых партийцев, многие из которых были евреями, антисемитизм возродился "на новой основе", прежде всего в партии. Отец во многом не только поддерживал его, но и насаждал сам. В Советской России, где антисемитизм имел давние корни в мещанстве и бюрократии, он распространился

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.

вширь и вглубь с быстротой чумы"¹. Возвращаясь к этой теме, Аллилуева писала, что после ознакомления с "Политической биографией Сталина", написанной Дойчером, для неё "стала очевидной огромная роль, которую играл Троцкий в партии и в революции; а так как я хорошо знала характер отца, мне стал, наконец, ясен источник его антисемитизма. Безусловно, он был вызван долголетней борьбой с Троцким и его сторонниками, и превратился постепенно из политической ненависти в расовое чувство ко всем евреям без исключения"².

В 1938 году Троцкий писал: "Трудно найти в истории пример реакции, которая не была бы окрашена антисемитизмом. Этот своеобразный исторический закон полностью подтверждается ныне в Советском Союзе... Да и может ли быть иначе? Бюрократический централизм немислим без шовинизма, а антисемитизм всегда являлся для шовинизма линией наименьшего сопротивления". В этой связи Троцкий ссылался на американского журналиста Юджина Лайонса, прошедшего долгие годы в Москве, в книге которого показывалось, "как бюрократия систематически, хотя и в прикрытой форме, эксплуатировала антисемитские предрассудки для упрочения своего господства"³.

Конечно, очищающее влияние идей Октябрьской революции было настолько велико, что подспудно внедряемый антисемитизм долгие годы не находил прибежища в массах. Н. Я. Мандельштам вспоминала, что в конце 30-х годов, когда ей приходилось работать на фабрике и снимать комнаты у "простых людей", она не встречала в рабочей среде и тени антисемитских настроений. "Я никогда не скрывала того, что я еврейка, - рассказывала она, - а во всех этих семьях - рабочих, колхозников, мельчайших служащих, - ко мне относились, как к родной, и я не слышала ничего похожего на то, чем запахло в высших учебных заведениях в послевоенный период, а, кстати, пахнет и сейчас. Самое страшное - это полуобразование, и в полуобразованной среде всегда найдется почва для фашизации, для низших форм национализма и вообще для ненависти ко всякой интеллигенции"⁴.

В 30-е годы не действовали, как в 40-е и последующие годы, ограничения в отношении приёма евреев в вузы, в научные и художественные учреждения и т. д. Однако среди выдвинувшихся в 1937-1938 годах новых партийно-советских кадров число евреев исчислялось единицами, в лучшем случае десятками (неизвестно, имелись ли тогда на этот счёт какие-либо специальные инструкции, но общее недоверие к "инородцам", возникшее в годы великой чистки, оказывало несомненное влияние на этот процесс). Вместе с тем среди "новобранцев 1937 года" превалировали представители "полуобразованной среды" - носители антисемитских настроений.

О том, как в конце 30-х годов антисемитизм насаждался сверху, существует немало мемуарных свидетельств. Так, литературный критик Б. Рунин вспоминал, что в 1939 году он обратил внимание на "любопытную метаморфозу",

¹ Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 133.

² Там же. С. 146.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 21.

⁴ Юность. 1989. № 8. С. 39.

произошедшую в редакции "Правды". В середине 30-х годов "бросалось в глаза обилие еврейских фамилий на дверях правдинских кабинетов. Теперь их было куда меньше, и новые таблички красноречиво возвещали либо о произошедших за это время людских заменах, либо о том, что тот или иной обитатель правдинской кельи почёл за благо взять себе псевдоним. Это было знамение времени"¹.

Эту же тенденцию, усилившуюся "во время нашего кратковременного романа с гитлеровской Германией", описывала и журналистка Р. Лерт. "Именно тогда, - вспоминала она, - из "Правды" и "Известий" стали исчезать фамилии известных международников-журналистов, иностранных корреспондентов Иерухимовича, Гутнера и других - и вместо них появились псевдонимы И. Ермашов, Б. Гутнов и прочие".

Лерт рассказывала и о более серьёзных проявлениях антисемитизма, наблюдавшихся в кадровой политике. Так, во время обсуждения кандидатуры девушки с еврейской фамилией, выдвигаемой на пост секретаря МК ВЛКСМ, "некто" поморщился и сказал: "Неужели в Москве нельзя найти подходящую русскую комсомолку?"².

О том, что подобные тенденции получили более широкое распространение во время войны, свидетельствуют яркие страницы романа В. Гроссмана "Жизнь и судьба", а также обнародованные ныне секретные документы из архива ЦК КПСС. Так, в самые тяжёлые дни отступления советских войск летом 1942 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александр направил секретарям ЦК докладную записку, в которой писал, что "в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии". Эти "извращения" Александр усматривал в том, что "в управлении Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)". В подтверждение этого в записке приводились еврейские фамилии лиц, находящихся "на руководящей административной и творческой работе" в Комитете по делам искусств, Большом театре, Московской консерватории, говорилось о "засилье евреев" в музыкальной критике и в отделах литературы и искусства центральных газет. Александр предлагал "провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства"³. В июле 1943 года Александр обратился к секретарям ЦК с новой докладной запиской, в которой старательно перечислял еврейские фамилии "руководящего состава" в Большом театре и называл кандидатуры лиц русской национальности, которыми, по его мнению, следовало заменить евреев⁴. А несколько ранее председатель Комитета по делам кинематографии Большаков в письме Щербакову предлагал заменить Раневскую, выдвинутую Эйзенштейном на роль "русской княгини Ефросиньи" в

¹ Рунин Б. Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. М., 1995. С. 73.

² Лерт Р. Б. На том стою. М., 1991. С. 249-250.

³ Родина. 1991. № 6-7. С. 74.

⁴ Родина. 1991. № 11-12. С. 18.

фильме "Иван Грозный", на том основании, что "семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах"¹.

Осенью 1944 года в Кремле было созвано совещание, на котором присутствовали члены Политбюро и секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководящие работники оборонной промышленности, армии и МГБ. На этом совещании Сталин выступил со вступительным словом, в котором высказался за "осторожное" назначение евреев на руководящие посты в партийных и государственных органах. Более определённым было выступление Маленкова, который ратовал за "повышение бдительности" по отношению к еврейским кадрам. Вскоре после этого совещания партийные комитеты получили директивное письмо, подписанное Маленковым, в котором перечислялись должности, на которые назначение евреев считалось нежелательным².

Следует подчеркнуть, что даже в послевоенные годы, когда антисемитизм стал в СССР государственной политикой, это не выражалось в открытых формах, как в фашистской Германии, а маскировалось ярлыками "сионизма", "космополитизма" и т. д. Понадобились долгие годы государственного антисемитизма, сохранявшегося в несколько ослабленном виде и после смерти Сталина, чтобы бытовой антисемитизм проник в самые разные слои советского общества, а специфическая "гласность" и "свобода" времён "перестройки" и "реформ" выразились, в частности, в появлении откровенно черносотенных, фашистских или полуфашистских организаций и изданий с их привычным образом врага.

¹ Родина. 1991. № 6-7. С. 74.

² Медведев Р. А. Они окружали Сталина. Несостоявшийся наследник Сталина. - Юность. 1989. № 9. С. 73.

Два типа социального сознания

Важнейший аспект изменений в официальной идеологии второй половины 30-х годов был связан с отказом Сталина от концепции мировой революции. Правда, сам Сталин время от времени выступал с заявлениями о своей верности интернационалистской доктрине большевизма. В феврале 1938 года он изложил свои взгляды на этот счёт в письме комсомольцу Иванову. Это письмо явилось ответом на письмо Иванова, в котором излагались беды автора, возникшие в связи с освещением им на политзанятиях вопроса о победе социализма в одной стране. Хотя Иванов в своём выступлении исходил из положений Сталина, он был обвинён в "троцкизме" за изложение этой схоластической "теории" сталинизма.

В ответе Иванову Сталин писал: "Вы, конечно, правы, т. Иванов, а Ваши идейные противники (этими словами именовались комсомольские аппаратчики, исключившие Иванова из комсомола за его "троцкистские" взгляды - В. Р.) не правы". Эти слова являлись зачином для очередного изложения Сталиным своих казуистических взглядов по данному вопросу.

Не заботясь об элементарной грамотности своего языка, Сталин писал, что "вопрос этот содержит две различные проблемы". Первая из них - "проблема *внутренних* отношений нашей страны", которая уже "разрешена нами", так как социализм "уже построен в основном". "Построение полного социализма" следует отличать от второй проблемы - "проблемы внешних отношений нашей страны, т. е. проблемы полного обеспечения нашей страны от опасности военной интервенции и реставрации". Решение данной проблемы, которое будет означать "окончательную" (в отличие от "полной") победу социализма, может быть достигнуто "лишь в порядке соединения серьёзных усилий международного пролетариата с ещё более серьёзными усилиями нашего народа". Пути такого "соединения" Сталин определял в весьма абстрактных выражениях: "нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну". Как именно мыслится такая "организация", Сталин не объяснял, но зато он приводил цитаты из своих выступлений 20-х годов, согласно которым "необходимым условием окончательной победы социализма" является "поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах"¹.

Эта малограмотная и схоластическая статья была истолкована частью зарубежной прессы как выражение возврата Сталина к идее мировой революции. В некоторых нацистских изданиях даже появились суждения типа: "Сталин

¹ Правда. 1938. 14 февраля.

сбросил маску. Сталин показал, что не отличается от Троцкого по своим целям".

Раскрывая иллюзорный характер подобных представлений, Троцкий отмечал, что при Ленине помощь западного пролетариата Советскому Союзу понималась как международная революция; "в 1938 году она стала означать политическое и военное сотрудничество Коминтерна с теми буржуазными правительствами, которые могут оказать прямую или косвенную поддержку СССР в случае войны"¹. За полтора десятилетия во внешней политике Советского Союза произошёл радикальный переворот. "Только по инерции или с какой-либо задней мыслью буржуазная реакция продолжает обличать Сталина как вдохновителя мировой революции. На самом деле, Кремль стал одним из устоев консервативного порядка. Период, когда московское правительство связывало судьбу советской республики с судьбой мирового пролетариата и угнетённых народов Востока, остался далеко позади"².

Аналогичные мысли (разумеется, с некоторыми модификациями) высказывал наиболее проникательный аналитик русской эмиграции Г. Федотов, который расценивал сталинское письмо Иванову, как "блеф, рассчитанный на наивность европейской рабочей публики" и призванный обеспечить Сталину "сочувствие обманутого рабочего класса - самой серьёзной силы в демократическом лагере"³.

Федотов высмеивал тех деятелей эмиграции, которые считали, что "сущность сталинского режима в его неистребимой, нераскаянной идеологии: марксистско-ленинской. Все подозревают Сталина в расчётах на мировую революцию, в том, что он предаёт Россию испанцам, китайцам, не знаю кому. Какая слепота! Что может быть бесспорнее предательства Сталиным революции в Европе? Предательства республиканской Испании, предательства чешских коммунистов. Думают, что, если тиран душил Россию, то обязательно в интересах Интернационала. Думают так единственно потому, что могут представить себе радикальное зло только в образе Интернационала и не догадываются, что служение Интернационалу тоже требует самоотречения, жертвенности - тех добродетелей, на которые Сталин не способен... Сталин, как немецкие императоры в Петербурге XVIII в., прежде всего хозяин России. Но хозяин хищнический, варвар, головоотяп, который ради своих капризов или своей тупости губит землю, истощает её силы. К естественному варварству прибавьте страх. Борьба за личную безопасность, за сохранение власти для тирана заслоняет всё".

Считая "единственным общенациональным лозунгом для порабощённой России" лозунг "Долой Сталина!", Федотов прибавлял: "Сказать "долой коммунизм" - бессмысленно, ибо это сейчас программа самих сталинцев"⁴.

Заменив интернационалистскую политику большевизма геополитикой, Сталин тем не менее открыто не провозглашал свой разрыв с коренными

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 7.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 21.

³ Федотов Г. П. Полное собрание статей в шести томах. Т. IV. С. 187.

⁴ Там же. С. 214-215.

принципами большевизма; напротив, "интернационалистская" сторона официальной идеологии внешне укрепилась во время гражданской войны в Испании 1936-1939 годов. Но шовинистическая, великодержавная идеология всё более теснила на задний план прежние большевистские формулы.

В результате к концу 30-х годов не только официальная идеологическая доктрина, но и массовое сознание оказались как бы расщепленными на две части: официально не "отменённые" идеи интернационализма, с одной стороны, и всё более выдвигаемые на передний план идеи великодержавности и ксенофобии - с другой. На почве усвоения этих противоположных идеологических начал в "чистом виде" формировались полярные типы социального сознания, причудливо сосуществовавшие в советской действительности. Непримиимый конфликт между носителями этих типов сознания ярко представлен в повести К. Симонова "Левашов".

В этой повести, действие которой происходит летом 1942 года, выведены образы двух политработников - комиссара дивизии Бастрякова и подчинённого ему комиссара полка Левашова. Бастряков - законченный сталинист, без размышлений принимающий на веру быстро меняющиеся лозунги официальной пропаганды, до войны искренне верил в нашу быструю и лёгкую победу. Столкнувшись с картиной безудержного отступления, хаоса и неразберихи во время второго крупного отступления Красной Армии и не находя всему этому объяснения в официальных сообщениях и инструкциях, он, быть может, впервые в жизни отважился на самостоятельную мыслительную работу, впрочем, не отвергающую, а как бы развивающую постулаты сталинизма, доводящую их до логического конца. Потрясённый происходящим, он был склонен возложить вину за позорные поражения на "наше неправильное довоенное воспитание", точнее - на ту его сторону, которая была связана с неизжитыми идеями интернационализма. Эти мысли казались ему столь бесспорными, что он решился поделиться ими с Левашовым.

"Вообще-то, конечно, в гражданскую, - сказал он, - в головах было ещё молодозелено... Считали, что мировая революция вот-вот будет! И мадьяры, и австрийцы были в интернациональных батальонах, и финны. У нас, в запасном полку Миккелайнен начштаба был, его потом посадили - оказался шпион. Думали - Интернационал до гроба, а где теперь эти австрийцы, и мадьяры, и финны? Все против нас воюют! Вот тебе и мировая революция! Это хорошо, что в газете "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" сняли (такое произошло в начале войны во всех армейских газетах - В. Р.). "Смерть немецким оккупантам!" - и всё, и точка, и больше ничего не надо. Ясно и понятно! Я рад был, когда прочёл!"

Но Бастряков выбрал для выражения своих сокровенных мыслей явно неподходящего собеседника. Молодой Левашов в своей наивной чистоте сохранил большевистскую идейность, верность идеалам Октябрьской революции, которые не акцентировала, но и не осмеливалась подвергнуть открытому поруганию официальная пропаганда. "Идеология", изложенная Бастряковым, вызвала его немедленный отпор.

"-А как же вы теперь думаете насчёт мировой революции, товарищ полковой комиссар? - до крайности взволнованный собственными мыслями, спросил Левашов.

- А я об ней не думаю, - отрезал Бастрюков. - Фашисты почему сильно воют? Они не думают, они знают одно - бей и всё! А у нас какое было воспитание? Это - можно! То - нельзя! Да как же всё так случилось? Да почему ж этому в Германии рабочий класс не помешал?... Вот и проудивлялись, пока треть России не отдали! А по-моему, будь у нас поменьше этого интернационализма раньше - позлей воевали бы теперь! Тем более, что само время показало, как иностранец - так через одного, хоть с партийным билетом, а шпион!^{1*}

У Левашова даже подкатил комок к горлу от этих слов... "Нет, врешь - подумал Левашов, задетый за то самое святое в своих чувствах, из-за чего он считал себя коммунистом и был им на самом деле. - Врешь, меня-то правильно воспитали, хоть ты и говоришь, что я отдал треть России, а вот тебя..."

- Так что же всё-таки с мировой революцией, товарищ полковой комиссар? - всё ещё борясь с собой, с угрожающим спокойствием спросил он. - Будет она когда-нибудь, по-вашему, или не будет?

- А пёс с ней, потом разберемся... - не заметив его состояния, с хмельным упорством ответил Бастрюков.

И тут же всё, о чём, с трудом сдерживая себя до сих пор, помнил Левашов и в дороге и здесь, разом выскочило у него из головы.

- Какой же вы после этого полковой комиссар? - бешено прошептал он в лицо Бастрюкову. - ...Интересно бы на вас посмотреть, если б вы в плен к фашистам попали, как бы вы там заговорили? Может, и на Россию без большевиков согласились, раз вам - пёс с ней, с мировой революцией?

- Говори, да не заговаривайся! - поднялся Бастрюков. - Встать!

Но Левашов уже стоял на ногах.

¹ Эти "выводы" были подсказаны Бастрюкову не только его собственными наблюдениями в годы большого террора, но и теми настроениями ксенофобии, недоверчивости, подозрительного отношения к любому иностранцу, которые исподволь насаждались в официальной пропаганде и "подтверждались" террористической практикой НКВД. В этом смысле характерна докладная записка руководителя службы учёта, регистрации и проверки кадров представительства компартии Германии при ИККИ Дитриха, направленная руководству ЦК КПГ. В записке приводились слова секретаря парткома военного завода, обращённые к жене арестованного эмигранта-коммуниста: "Вы как член ВКП(б) должны были знать, что все немцы в СССР являются шпионами... Как раз те, которые были в (гитлеровских) концлагерях, они и посланы фашистами в Советский Союз как шпионы". Дитрих прибавлял, что подобные инсинуации публикуются в советском журнале "Журналь де Моску", где в одной из передовых статей говорилось: "Не будет превеличением сказать, что... каждый немецкий гражданин, живущий за границей - это агент гестапо" ("Исторический архив". 1992. № 2. С. 119).

Такого рода настроения утверждались и в советском искусстве. В этом смысле показательна метаморфоза, которая произошла в ходе экранизации романа П. Павленко "На востоке", в центре которого был образ героического китайского коммуниста. По этому роману, изданному в 1936-1937 годах, был поставлен в 1938 году фильм, сценарий которого был написан тем же Павленко. Фильм начинался так же, как роман, но финал его разительно отличался от финала романа: китайского коммуниста разоблачали как японского шпиона. Так писатель - либо по указке сверху, либо сам чувствуя "веяния времени", превратил созданный им образ мужественного революционера в образ врага, призванный служить символическим предостережением против доверия к любому иностранцу, какое бы революционное прошлое за ним ни числилось.

- Вы меня вне службы позвали, на откровенность? - по-прежнему не повышая голоса, сказал он. - Так вот вам, на откровенность: паникер вы и сволочь, а не комиссар. И когда-нибудь вам это в послужной список так и впишут - уволить, как сволочь!"¹.

Этот диалог примечателен тем, что и Бастрюков и Левашов высказывают свои сокровенные мысли, не во всём совпадающие с привычными пропагандистскими штампами. Бастрюков, более информированный и опытный в жизни, выражает истинную суть сталинистской идеологии, не договариваемую до конца её официальными глашатаями. В своих суждениях он в известной степени опирается на реальную политическую практику, например, на изгнание из армии в 1938 году по секретному приказу Ворошилова всех представителей тех национальностей, которые имели свои государственные образования за пределами СССР (в том числе упоминаемых Бастрюковым финнов, австрийцев и "мадьяр"). Не способный к самостоятельному политическому мышлению, Бастрюков не может понять, что зверские репрессии против "инородцев" и сталинская аннексионистская политика 1939-1940 годов одним из своих последствий имели монолитность вражеских армий. Он видит лишь то, что не реализовались официальные прогнозы, отразившиеся, например, в фильме "Если завтра война", где живописались молниеносные победы Красной Армии в грядущей войне. Его самостоятельности в суждениях хватает лишь на то, чтобы продвинуться на шагок вперёд по сравнению с официальной доктриной: выразить свою озлобленность против интернационалистского духа и интернационалистского воспитания, равнодушие и пренебрежение к идее мировой революции, то есть открыто отвергнуть большевистскую ментальность, окончательно отброшенную сталинской пропагандой в годы войны.

Склонность таких, как Бастрюков, к бездумному исполнению, их усердие в поисках "врагов" помогли им в годы массовых репрессий быстро подниматься по карьерной лестнице. Но и замечание Левашова о возможном предательском поведении Бастрюкова во вражеском плену тоже не лишено оснований. Известно, что, вопреки гитлеровской установке на уничтожение павших в плен комиссаров, среди генералитета и офицерства власовской армии оказались политработники, находившиеся в прошлом в чинах не ниже Бастрюкова.

Вопреки ожиданиям Левашова, в сталинистском и постсталинистском Советском Союзе карьеру делали именно Бастрюковы. Как это ни парадоксально, в ненависти к интернационализму сомкнулась психология "кадров" и большей части диссидентов 70-80-х годов, будущих "демократов", сделавших интернационалистские идеи предметом глумления. Сегодня идеологи этого течения злобно отождествляют большевистскую ориентацию на мировую революцию с экспансионистскими геополитическими акциями Сталина и его преемников, вплоть до интервенции в Афганистане.

¹ Симонов К. Южные повести. М., 1962. С. 173-176.

XVI

Духовная культура

О положении деятелей культуры в советском обществе 30-х годов ярко писал в "Открытом письме Сталину" Ф. Раскольников - единственный представитель старой ленинской гвардии, который в силу стечения ряда объективных и субъективных обстоятельств стал "невозвращенцем". Отражая, несомненно, взгляды своей социальной среды, Раскольников утверждал: "Лицемерно провозглашая интеллигенцию "солью земли"... вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовства запуганной вами цензуры и понятная робость редакторов, за всё отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать своё мнение, не отмеченное казённым штампом... Вы лишили советских учёных, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной. Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать учёным в университетах, лабораториях и институтах"¹.

Главным признаком сталинистского режима в области культуры стало господство лжи, превосходящей своими масштабами и цинизмом даже ложь фашистской пропаганды. Это объяснялось прежде всего тем, что между идеями фашистских режимов и их повседневной практикой не существовало такого разительного контраста, какой наблюдался между сталинистской идеологией и реалиями советской жизни.

Характеризуя социальную функцию лжи как идеологического орудия всякой реакции, Троцкий писал: "Ложь... отражает противоречия между людьми и классами. Она нужна там, где нужно прикрыть, смягчить, замазать противоречие. Где социальные антагонизмы имеют долгую историю, там ложь приобретает уравновешенный, традиционный, почтенный характер. В нынешнюю эпоху небывалого обострения борьбы между классами и нациями ложь приобрела, наоборот, бурный, напряжённый, взрывчатый характер. Никогда со времён Каина не лгали ещё так, как лгут в наше время". Но даже на этом историческом фоне выделялась ложь советской правящей касты, которая "вынуждена лгать более, чем какой бы то ни было из правящих классов человеческой истории"². Это объяснялось тем, что социальные антагонизмы нового типа возникли на глазах одного поколения. Само существование поднявшейся над народом паразитической и насильнической касты представляло вызов тем принципам, во имя которых была совершена Октябрьская революция и которые формально продолжали "отстаиваться" официальной пропагандой.

Откликаясь на замечания Троцкого о "потоках лжи", Виктор Серж писал Троцкому: "Ведь это - система, и чудовищная. Я переживал её применение в

¹ Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 548-549.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 82.

иной обстановке. Я лежал, больным, в хирургическом госпитале Оренбурга. В зале было около 15 голодных, вечно-голодных, болеющих буквально от вечно-голода рабочих и колхозников (у всех были нарывы, фурункулёз и т. д. от расслабления организма). А радио целыми днями нам передавало потоки лжи о счастливой жизни: речи и овации колхозного съезда в Москве. Трудно передать, какая была во всём этом жуть¹.

В середине 30-х годов в советской пропаганде сосуществовали два потока неумолчной лжи. Первый - повествующий о "счастливой жизни" народа, о том, что советским людям стало "жить лучше и веселее", и второй - о полчищах внутренних врагов, притаившихся буквально повсюду и подрывающих господствующий режим, который несёт народу счастливую жизнь. Столкновение этих потоков создавало чрезвычайно противоречивую картину советской жизни и порождало своего рода трагикомический эффект, на который не преминул обратить внимание белоэмигрантский журнал "Современные записки". Его автор П. Берлин, не скрывая иронии, писал, что существуют два советских официальных источника, в которых освещается жизнь СССР: повседневная печать и стенограммы судебных процессов над "шпионами" и "вредителями". Согласно первому источнику, Советский Союз представляет собой "счастливую страну, где всё обильем дышит, где жить стало весело и красиво, где политическая гладь и экономическая благодать". В стенограммах же московских процессов "происходит полная перемена декораций: где стол был яств, там гроб стоит". Согласно материалам процессов, "на фабриках и заводах, где не знают капиталистов, где рабочие являются радостными хозяевами, этих самых радостных хозяев отравляют газами, лишают всяких мер охраны (труда), обязательных для любой, самой маленькой капиталистической фабрики, травят, словно крыс, ядовитой пищей. Взрывают фабрики, портят машины. На железнодорожном транспорте, возглавляемом обожаемым Лазарем Моисеевичем, каждые четверть часа происходят в каком-нибудь месте крушения с человеческими жертвами и многочисленными убытками... И что всего ошеломительнее, все эти плановые злодеяния производятся той самой старой гвардией большевизма, теми "профессиональными революционерами", которые вынесли на своих плечах революцию, составляя её красу и гордость, её оплот, веру, надежду, любовь"².

Среди "потоков лжи" сталинистской идеологии выделялся поток, так сказать, обращённый в завтрашний день, - безудержное бахвальство неминуемыми победами в будущей войне с любой страной или же блоком любых государств. Такое бахвальство пронизывало речи всех ораторов на XVIII съезде. Но даже среди этих многочисленных хвастливых выступлений первенство принадлежало, безусловно, Кагановичу, заявившему - на радость гогочущему залу, - что всем агрессорам надлежит помнить о "самураях, имеющих опыт Хасана, про которых можно сказать старинной пословицей об одном генерале. Пословица такая: "Мальбрук в поход собрался", и дальше идёт соответствующая рифма... (*Смех, громкие аплодисменты*). Чтобы не было недоразумений и

¹ Архив Троцкого. № 5026.

² Современные записки. Париж, 1937. № 63. С. 398-399.

кривотолков я поясню: это значит, что Мальбрук в поход собрался и умер от расстройства желудка (*Смех, аплодисменты*)¹.

Подобные настроения "шапкозакидательства", дорого обошедшиеся нашему народу в годы Отечественной войны, щедро пропагандировались в печати. Так, в газете "Московский большевик" был опубликован отрывок из сценария "Разгром фашистской эскадры", написанного лётчиками Байдуковым и Тарасовым. В этом сценарии комкор Иванов так рапортовал по телефону Ворошилову после первого сражения: "Здравствуйте, Климентий Ефремович! Нет... В сводках никакой фантазии... Наоборот, я сознательно преуменьшаю... Пленных? Много, очень много... Трофеи? Я боюсь, вы не поверите, Климентий Ефремович. Да мы сами себе не верим... Потери незначительные"².

Более обстоятельно будущая война описывалась в книге Н. Шпанова "Первый удар", где изображалась картина восстаний против гитлеровского режима, вспыхивающих в Германии уже на второй день войны.

Если ложь фашистской пропаганды представляла собой относительно стройную и статичную систему и отражала неизменные цели её носителей, то ложь советской бюрократии носила неупорядоченный, изменчивый и динамический характер в силу того, что она отражала непрерывные зигзаги грубо эмпирической внутренней и внешней политики сталинизма. "Последовательные пласты лжи создали, чрезвычайный хаос в официальной идеологии, - писал Троцкий. - Вчера бюрократия говорила не то, что третьего дня, а сегодня говорит не то, что вчера. Советские библиотеки превратились, таким образом, в очаги страшной заразы. Студенты, учителя, профессора, наводящие справки в старых газетах и журналах, открывают на каждом шагу, что одни и те же вожди по одним и тем же вопросам высказывали на коротком промежутке времени прямо противоположные суждения, причём не только теоретического, но и фактического характера, проще сказать, лгали в зависимости от изменчивых интересов дня"³.

Деятели советской бюрократии и прежде всего сам Сталин не смели открыто формулировать свои цели, состоящие в сохранении и закреплении своего всевластия, и поэтому были вынуждены маскировать их, используя старую большевистскую терминологию и прикрывая ложно истолкованными отрывками ленинских цитат изменение своих идеологических формул. Чтобы "устранить" внутренние противоречия не только в теории, но и в простом описании исторических событий, Сталин оказался перед необходимостью "упорядочить ложь, согласовать фальсификации, кодифицировать подлоги"⁴. Этим объяснялось появление "Краткого курса истории ВКП(б)", названного в постановлении ЦК от 14 ноября 1938 года "официальным, проверенным ЦК ВКП(б) толкованием основных вопросов истории партии, не допускающим никаких произвольных толкований"⁵. "Никаких ссылок, цитат, доказательств в этой

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 242.

² Московский большевик. 1939. 18 августа.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 82-83.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Правда. 1938. 15 ноября.

"Истории" нет, - отмечал Троцкий. - Она представляет собою продукт чисто бюрократического вдохновения. Чтобы опровергнуть хотя бы главные фальсификации, изложенные на 350 страницах этой книги, понадобилось бы несколько тысяч страниц¹.

Если бы кто-либо поставил задачей создать хрестоматию, в которой были бы собраны все работы советских историков 50-80-х годов, опровергающие фальсификации "Краткого курса", то такая хрестоматия и впрямь составила бы много томов, включающих несколько тысяч страниц. Но все эти опровержения носили неполный, половинчатый характер, поскольку цепкая цензура крепко держала за руку каждого честного историка, пытающегося выйти за пределы официально разрешённых разоблачений. В 50-80-е годы произошло крушение лишь наиболее одиозных сталинистских фальсификаций. Ложь сменилась полуправдой. На важнейшие исторические сюжеты (например, изучение истории насильственной коллективизации и советско-германских отношений конца 30-х - начала 40-х годов) вплоть до 1987 года было наложено табу. Особо жёсткий запрет был наложен на опровержение сталинистских мифов о Троцком и "троцкизме". Любое позитивное или даже нейтральное, т. е. свободное от лживых политических ярлыков, упоминание о Троцком не могло претендовать на появление в советской историографии. Поэтому мифы об Октябрьской революции были разрушены лишь наполовину.

"Сам Сталин, к октябрю почти непричастный, должен совершить чудовищную фальсификацию, чтобы изгладить из октября имя Троцкого и занять его место, - писал в 1937 году Г. Федотов. - Вот здесь-то и происходит *взрыв октябрьской легенды*. С Лениным и Троцким она могла бы жить в веках. С Лениным и Сталиным она столь грубо неправдоподобна, что не может пережить своего фальсификатора"².

В этих словах заключено больше, чем, видимо, намеревался сказать сам автор. В русском языке понятие "легенда" употребляется в двух, прямо противоположных смыслах. 1. Поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии. 2. Вымысел, нечто невероятное. Соответственно: "легендарный" как необыкновенный, небывалый, вызывающий восхищение и как вымышленный, неправдоподобный³. Если Федотов скорее всего использовал это понятие во втором значении, то при употреблении его в первом значении мысль о судьбах "октябрьской легенды" приобретает глубокий исторический смысл.

Миф о Ленине и Сталине как двух вождах Октябрьской революции и впрямь ненадолго пережил своего создателя. Уже в конце 50-х - начале 60-х годов советские историки убедительно раскрыли лживость всех аргументов и "свидетельств" о ведущей роли Сталина в Октябрьском восстании.

Однако миф о "второстепенной" или даже "предательской" роли Троцкого при подготовке и осуществлении Октябрьской революции остался почти в неприкосновенности. Поскольку в этом мифе речь шла не только о конкретных практических действиях Троцкого, но и о теоретических проблемах все-

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 83.

² Федотов Г. П. Полное собрание статей в шести томах. Т. IV. С. 149-150.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 258.

мирно-исторического значения (например, вопросы о теории перманентной революции или об идейном "переворужении" большевизма в апреле 1917 года), то правда об Октябрьской революции по-прежнему оставалась недоступной и для поколения, выросшего после смерти Сталина. Отсюда - относительная лёгкость второго "взрыва октябрьской легенды", осуществлённого в конце 80-х - начале 90-х годов российскими антикоммунистами.

Возвращаясь к событиям конца 30-х годов, отмечу, что один лишь культ Сталина, принявший в то время совершенно чудовищные формы, представлял собой жестокий удар по советской культуре. "Вы душили советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, - писал Сталину Ф. Раскольников. - ...Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливим однообразием воспекает вашу пресловутую, набившую оскомину "гениальность". Бездарные графоманы славословят вас как полубога, "рождённого от луны и солнца", а вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести"¹. К этому можно добавить, что славословие Сталину было уделом не одних графоманов, а обязанностью, возлагаемой на каждого деятеля культуры. Создание убогих и лживых виршей на сталинскую тему представляет собой печальные страницы в биографии лучших советских поэтов.

Характеризуя состояние советской культуры 30-х годов, Троцкий писал: "В области простой грамотности успехи несомненны. Десятки миллионов научились читать и писать. Однако параллельно с этим они лишились права выражать при помощи печатного слова свои взгляды и интересы. Печать служит только бюрократии. Так называемые "социалистические" поэты имеют право писать только гимны Сталину. Тем же правом наделены и прозаики. Население обязано читать эти гимны. Точно то же происходит с кинематографией, радио, театром и пр. Недавно в школах введён новый премированный учебник русской истории. Можно сказать без преувеличения, что этот учебник состоит из одних лишь фальсификаций, имеющих задачей оправдать деспотизм бюрократии и личное самодержавие Сталина... Десятки миллионов детских голов заражаются и отравляются этой бесчестной литературой"².

Ущерб, нанесённый сталинизмом советской культуре, выходил далеко за пределы культа Сталина, вызывавшего и в те годы отвращение у каждого настоящего культурного и самостоятельно мыслящего человека. "Развитие культуры немислимо без критики, без ошибок и блужданий, без самостоятельного творчества, словом, без пробуждения личности, - писал Троцкий. - Однако бюрократия не терпит независимой мысли ни в одной из областей творчества. И по-своему она права: если критика пробудится в сфере искусства или педагогики, она неизбежно направится против бюрократии, против её привилегий, её невежества и её произвола. Этим объясняется тот факт, что "чистка", начавшись с партии, проникла затем во все без исключения сферы общественной жизни. ГПУ "чистит" поэтов, астрономов, педагогов и музыкантов по признаку "троцкизма", причём лучшие головы попадают под маузер"³.

¹ Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 548.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 20.

³ Там же.

Этот истребительный поход против "лучших голов" советской культуры не всегда выступал следствием их близости к "троцкизму" и троцкистам, но всегда - средством подавления не только социалистических, но и общедемократических начал в духовной жизни советского общества - свободной мысли и критического отношения к существующему режиму.

Как свидетельствуют материалы следственного дела Бабеля, такого рода критические настроения были широко распространены среди деятелей советского искусства. Но, даже будучи знаком с соответствующими агентурными материалами НКВД, Сталин нередко умерял усилия своих сатрапов, направленные на уничтожение лучших мастеров советской культуры, известных во всём мире. В процентном отношении доля репрессированных в 1937-1938 годах деятелей науки и искусства была ниже, чем доля подвергнутых репрессиям партийных деятелей и военачальников.

По-видимому, уже после устранения Ежова в НКВД возник план новой широкой расправы над ведущими представителями советской интеллигенции. В делах Бабеля и Мейерхольда, разрабатывавшихся в 1939 и 1940 годах, присутствуют имена Шостаковича, Шехалина, Охлопкова, Г. В. Александрова, Михоэлса, Пастернака, Олеси, Эренбурга и других выдающихся деятелей литературы и искусства, объявленных троцкистами и членами антисоветской заговорщической организации. Однако все эти лица остались на свободе. Очевидно, Сталин принял решение "сохранить" этих талантливых художников, сделав их послушными слугами своего режима, - для создания впечатления о расцвете культурной жизни в СССР. Но все эти и многие другие литераторы, режиссеры, композиторы находились под неусыпным и плотным надзором не только со стороны НКВД, но и со стороны руководства творческих союзов, которому были вменены в обязанность доносительно-полицейские функции - сбор "компрометирующего материала" о разговорах и поступках их подопечных (например, поэты Светлов и Голодный участвовали в конце 20-х годов в концертах, средства от которых шли на помощь сосланным оппозиционерам).

О тайной слежке за писателями свидетельствуют материалы, связанные с одной из "меценатских" акций Сталина - представлением наиболее известных писателей к правительственным наградам. Весной 1939 года секретари Союза советских писателей Фадеев и Павленко направили Жданову докладную записку, в которой уведомили: "Мы не включили в список для награждения следующих крупных писателей, в политическом лице которых сомневаемся. Оставляем их на рассмотрение ЦК: Бабель, Пастернак, Олеша, Эренбург".

Вскоре после поступления этой записки в ЦК секретарь ЦК Андреев составил проект письма Сталину, в котором сообщалось, что список писателей, представленных к награждению, был просмотрен Берией, установившим: "в распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы" на 31 человека из этого списка. "Посмотрев совместно с тов. Берия эти материалы, - писал Андреев, - считаю, что Инбер В. М., Исаакян А. С., Бергельсон Д. Р., Голодный М. С. и Светлов (Шейнман) М. А. должны быть отведены из списка к награждению... Из материалов на остальных перечисленных мной писателей заслуживают внимания материалы, компрометирующие писателей Новикова-Прибоя, Панферова Ф., Толстого А., Федина К., Якуба

Коласа, Янку Купала, Сейфуллину, Рыльского, Павленко. Необходимо отметить, что ничего нового, неизвестного до этого ЦК ВКП(б) эти материалы не дают. Что касается остальных кандидатур к награждению, компрометируемых в той или иной степени материалами НКВД, считаю, что они могут быть награждены, имея в виду их значение и работу в советской литературе¹.

Как руководителям творческих союзов, так и награждённым и премированным писателям Сталин и после этих событий давал понять, что их положение шатко и непрочное, поскольку на них имеется серьёзный "компромат". Так, уже после войны Сталин вызвал Фадеева и стал его упрекать в том, что он, руководитель Союза писателей, не хочет помогать государству в его борьбе с врагами. Конкретизируя это обвинение, Сталин заявил о нежелании Фадеева замечать, что его окружают крупные международные шпионы. Когда изумлённый Фадеев попросил назвать их имена, Сталин сказал: "Я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чём вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И, наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала? Идите, - повелительно сказал Сталин и отправился к своему столу. - У меня нет времени больше разговаривать на эту тему, вы сами должны знать, что вам следует делать"².

Хотя для названных Сталиным писателей и их творческой судьбы после этой беседы не последовало никаких тягостных последствий, приведённая сцена ярко характеризует ту дикую, иррациональную атмосферу, которая царил в верхах советской литературы.

¹ Литературный фронт. История политической цензуры 1932-1946 годов. Сборник документов. М., 1994. С. 38-39

² Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 172-173.

XVII

Троцкий о характере советского государства

В предыдущих главах мы имели возможность убедиться в том, сколь остро Троцкий критиковал проявления сталинистского режима в основных сферах экономической, социальной, общественно-политической и духовной жизни СССР. Не меньшую остроту содержали его обобщающие, суммарные оценки сложившейся системы абсолютного деспотизма, влияющей на все стороны образа жизни советских людей. В статье "Бонапартистская философия государства" он писал: "Рабочие прикреплены к заводам. Крестьяне прикреплены к колхозам. Введены паспорта. Свобода передвижения отменена. Не только критика Сталина, но и простое уклонение от натуральной повинности становится перед "вождём" на четвереньки, карается, как измена. Границы государства окружены непрерывной цепью пограничных войск и полицейских собак, как нигде и никогда в мире. Практически никого не выпускают и никого не впускают"¹.

Раскрывая надругательство Сталина над принципами социализма, Троцкий утверждал: "Никто, включая и Гитлера, не наносил социализму таких убийственных ударов, как Сталин. Немудрено: Гитлер атаковал рабочие организации извне, Сталин - изнутри. Гитлер громит марксизм. Сталин не только громит, но и протипугивает его. Не осталось ни одного непоруганного принципа, ни одной незапятнанной идеи. Самые имена социализма и коммунизма жестоко скомпрометированы с того времени, как бесконтрольные жандармы, живущие по паспорту "коммунистов", наименовали социализмом свой жандармский режим. Отвратительная профанация! Казарма ГПУ - не тот идеал, за который борется рабочий класс. Социализм означает насквозь прозрачный общественный строй, совпадающий с самоуправлением трудящихся. Режим Сталина основан на заговоре управляющих против управляемых. Социализм означает непрерывный рост общего равенства. Сталин воздвиг систему отвратительных привилегий. Социализм имеет целью всесторонний расцвет личности. Где и когда личность человека была так унижена, как в СССР? Социализм не имел бы никакой цены вне бескорыстных, честных, человеческих отношений между людьми. Режим Сталина пропитал общественные и личные отношения ложью, карьеризмом и предательством".

Называя сталинизм бичом Советского Союза и проказой мирового рабочего движения, Троцкий писал: "В царстве идей сталинизм - ничто. Но зато это грандиозный аппарат, эксплуатирующий динамику величайшей революции и традицию её героизма и победоносности... Так, под старыми именами и формулами совершается работа по ликвидации Октябрьской революции"².

Представляя себе лучше, чем кто-либо другой, все преступления сталинского режима, Троцкий тем не менее продолжал считать Советский Союз хотя

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 77-78. С. 9.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 2-3.

и деформированным, переродившимся, но всё же рабочим государством. Из этих теоретических посылок вытекал его лозунг безусловной защиты СССР в грядущей войне. Ещё в 1937 году он подчёркивал, что из-за разногласий в этих вопросах он порвал "гласно и открыто... с десятками старых и сотнями молодых друзей"¹.

В ряде случаев Троцкий указывал, что разногласия по поводу определения СССР как рабочего государства могут носить терминологический характер и не препятствовать сотрудничеству с товарищами, которые в остальных вопросах разделяют программу IV Интернационала. В письме к издателям "Бюллетеня оппозиции" он писал: "Я не думаю, чтобы вопрос об определении СССР как "рабочего" или "нерабочего" государства сам по себе мог быть непреодолимой преградой для политического сближения. У нас в рядах IV Интернационала есть немало товарищей, которые протестуют против определения СССР, как "рабочего государства". В большинстве случаев такие протесты исходят, по-моему, из недостаточно диалектического подхода к вопросу. По существу эти товарищи оценивают СССР, как и мы. Но понятие рабочего государства они склонны воспринимать как логическую, немножко даже как этическую, а не как историческую категорию, которая очень близко подошла к своему отрицанию. Для этих товарищей нужен крупный исторический факт, переворот в СССР, крушение сталинской клики, чтобы сказать себе: да, до этого момента мы имели *переродившееся* рабочее государство". Говоря в этой связи о парижской оппозиционерке Александровой, отвергавшей применение понятия рабочего государства к СССР, Троцкий шутивно добавлял: "Если вы отвоюете Александрову, человека несомненно способного и мыслящего, мы вам дадим какой-нибудь орден, например, Александра Невского (он теперь в моде)"².

Мне представляется, что термин "рабочее государство" не вполне удачен уже потому, что в СССР того времени наблюдалась значительно большая, чем в передовых капиталистических странах, степень эксплуатации рабочего класса, который к тому же был абсолютно бесправен, или, как выражался Троцкий, политически экспроприрован бюрократией. Кроме того, сам Троцкий считал, что в политической надстройке советского общества не осталось никаких завоеваний Октябрьской революции, а сохранение таких завоеваний видел в базисной сфере (национализированная собственность и плановое хозяйство). Поэтому для характеристики проблем, затрагиваемых Троцким в дискуссии о рабочем государстве, на мой взгляд, более уместно употреблять понятие "социалистические основы" или "социальный фундамент советского общества".

Вопросу о характере советского государства Троцкий посвятил статью "Нерабочее и небуржуазное государство?". Это одна из самых глубоких и самых сложных работ Троцкого. В ней Троцкий высказал немало замечаний и суждений философского характера, касающихся диалектического соотношения нормы и факта, и в этой связи - характеристики различных типов политического мышления. Во-первых, реформистское и консервативное мышление,

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 54-55. С. 32.

² Hoover Institution Archives. Collection of Nikolaevsky (далее - Коллекция Николаевского). Ящик 92, папка 3.

которое "оправдывает, по выражению Маркса, сегодняшнее свинство вчерашним свинством"; во-вторых, чисто нормативное, идеалистическое мышление, которое "хочет строить мир по своему образу и просто отворачивается от явлений, которые ему не нравятся". Для этого типа мышления характерно формальное, ультиматистское, недиалектическое противопоставление программы и действительности, нормы и факта, т. е. *обобщённого* выражения развития и *частного* проявления того же развития. Такое противопоставление "совершенно безжизненно и не открывает никаких путей для вмешательства революционной партии" в ход исторических событий¹.

В противоположность этим типам политического мышления марксистское диалектическое мышление рассматривает явления в их объективном развитии и находит во внутренних противоречиях этого развития опору для выработки своих программных "норм". Разумеется, на осуществление этих норм можно рассчитывать только в том случае, когда они являются обобщённым выражением прогрессивных тенденций исторического процесса.

С этих теоретико-методологических позиций Троцкий подходил к понятию рабочего государства, которое он считал своего рода нормой или нормативным типом. Опыт рабочего государства встречается в истории в первый раз. "Отсюда склонность подходить к СССР исключительно под углом зрения *норм* революционной программы. Между тем рабочее государство есть объективный исторический *факт*"². Оно подвергается воздействию различных исторических сил и может прийти в полное противоречие с программными политическими нормами.

Троцкий указывал, что правильную социологическую оценку СССР многие товарищи не могут дать в силу того, что они подменяют объективный и диалектический подход к рабочему государству субъективным и нормативным. Он признавал бесспорность того факта, что СССР не отвечает нормам рабочего государства, которые были выдвинуты в большевистской программе. Эта программа ставила целью прогрессивное развитие рабочего государства и тем самым его постепенное отмирание, исчезновение. "История же, которая не всегда действует "по программе", преподнесла нам процесс вырождения рабочего государства"³.

Возможность такого вырождения в известной мере крылась в самой природе рабочего государства, которое "не создаёт в один день нового общества". Такое государство обладает как новыми, социалистическими, так и старыми, буржуазными чертами. "Маркс писал, что в рабочем государстве сохраняются ещё в первый период *буржуазные* нормы распределения... Надо хорошо и до конца продумать эту мысль. Само рабочее государство, как *государство*, нужно именно потому, что ещё остаются в силе буржуазные нормы распределения. Бюрократия является органом этого распределения. Это значит: даже самая революционная бюрократия является в известной степени *буржуазным органом* в рабочем государстве. Разумеется, решающее значение имеют: *сте-*

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 18.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 16.

пень этой буржуазности и общая тенденция развития. Если рабочее государство разбюрокрачивается и постепенно сходит на нет, значит, развитие идёт в сторону социализма. Наоборот, если бюрократия становится всё более могущественной, властной, привилегированной и консервативной, значит в рабочем государстве буржуазные тенденции растут за счёт социалистических; другими словами, то внутреннее противоречие, которое *в известной степени* заложено в рабочем государстве с первых дней его возникновения, не уменьшается, как требует "норма", а возрастает. До тех пор, однако, пока это противоречие не перешло из области распределения в область производства и не взорвало национализированной собственности и планового хозяйства, государство остаётся рабочим".

Напоминая слова Ленина: "Наше государство рабочее, но с бюрократическим извращением", Троцкий писал: "Бюрократическое извращение представляло в тот период прямое наследие буржуазного режима и в этом смысле казалось простым пережитком. Под влиянием неблагоприятных исторических условий бюрократический "пережиток" получил, однако, новые источники питания и стал огромным историческим фактором. Именно поэтому мы говорим ныне о *перерождении* рабочего государства. Это перерождение, как показывает нынешняя вакханалия бонапартистского террора, приблизилось к критическому пункту. То, что было лишь "бюрократическим извращением", готовится ныне пожрать рабочее государство без остатка и на развалинах национализированной собственности выделить новый имущий класс. Такая возможность чрезвычайно приблизилась. Но это всё же только возможность, и мы не собираемся заранее склоняться перед нею"¹.

Для того, чтобы пояснить эти сложные теоретические идеи, Троцкий обращался к аналогии из области естественных наук. "Печень, отравленная малярией, не отвечает нормальному типу печени. Но от этого она не перестаёт быть печенью. Для понимания её природы уже недостаточно анатомии и физиологии. Нужна ещё патология. Гораздо легче, конечно, при виде больной печени сказать: "этот предмет мне не нравится" и повернуться к нему спиной. Однако врач не может позволить себе такой роскоши. Он должен в условиях самой болезни и вызванной ею деформации органа открыть способы терапевтического лечения ("реформы") или хирургического вмешательства ("революция"). А для этого он должен прежде всего понять, что изуродованный орган есть печень, а не что-нибудь другое"².

Для выработки правильного отношения к советскому государству необходимо понимать, что классовая природа государства определяется не его политическими формами, которые могут вступать в противоречие с его социальным содержанием, а самим этим содержанием, то есть характером форм собственности и производственных отношений, которые государство охраняет и защищает. Для доказательства этого тезиса Троцкий обращался к характеристике различных типов современных государств. Так, фашистское государство не перестало быть буржуазным, поскольку оно охраняет своими варварскими

¹ Там же. С. 17-18.

² Там же. С. 16.

методами частную собственность на средства производства. Преимущественно буржуазный характер имеет и внутренний режим в колониальных и полуколониальных странах, хотя "давление иностранного империализма настолько изменяет и искажает экономическую и политическую структуру этих стран, что национальная буржуазия (даже в политически независимых странах Южной Америки) лишь отчасти достигает положения господствующего класса. Давление империализма на отсталые страны не меняет, правда, их *основного* социального характера, ибо субъект и объект давления представляют лишь разные уровни развития одного и того же буржуазного общества. Тем не менее разница между Англией и Индией, Японией и Китаем, Соединёнными Штатами и Мексикой так велика, что мы строго различаем между угнетающими и угнетаемыми буржуазными странами и считаем своим долгом поддерживать вторые против первых".

Империализм оказывает давление и на Советский Союз, но в данном случае это давление имеет целью изменить социальную природу советского общества. Борьба между империалистическими державами и Советским Союзом - "сегодня мирная, завтра военная - идёт из-за форм собственности". В этой борьбе Сталин пошёл на значительные уступки империализму во внешней политике, прежде всего в Испании, где он стремился "доказать свою контрреволюционную надёжность" (см. гл. XXIV - В. Р.). Тем не менее "мировой империализм не доверяет Сталину, не жалеет для него унижительных щелчков и готов при первом благоприятном случае свергнуть его. Гитлер - и в этом его сила - только более последовательно и откровенно выражает отношение мировой буржуазии к советской бюрократии. Буржуазии, фашистской, как и демократической, мало отдельных контрреволюционных подвигов Сталина, ей нужна законченная контрреволюция в отношении собственности и открытие русского рынка. Пока этого нет, она считает советское государство враждебным ей. И она права"¹.

Именно характер экономического базиса определяет различия в природе режимов Сталина и Гитлера, несмотря на то, что по политическим методам они мало чем отличаются друг от друга. Лишь за рубежом, в Испании, то есть на почве буржуазного режима, Сталин выполнил функцию, аналогичную гитлеровской, - подавил социалистическую революцию. Но в области внутренней, социально-экономической политики функции Сталина и Гитлера существенно различаются. "Гитлер защищает буржуазные формы собственности. Сталин приспособляет интересы бюрократии к пролетарским формам собственности... Сопоставление различных социальных ролей одного и того же Сталина в СССР и в Испании одинаково хорошо показывает и то, что бюрократия является не самостоятельным классом, а орудием классов; и то, что нельзя социальную природу государства определять добродетелью или подлостью бюрократии"².

Сталин не может служить интересам бюрократии, не охраняя социального фундамента советского общества, который бюрократия эксплуатирует в своих

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 17.

интересах. Поэтому Сталин защищает национализированную собственность от империализма и от слишком нетерпеливых и жадных слоёв самой бюрократии. Эту защиту он осуществляет, однако, такими методами, которые могут привести к крушению советского общества. Именно поэтому сталинскую клику надо свергнуть. Но свергнуть её должен революционный пролетариат. Передавать эту работу империализму, который неминуемо разрушит социальные завоевания Октябрьской революции, он не может. Поэтому пролетариат защищает СССР, несмотря на Сталина.

Если советский режим и дальше будет развиваться по пути упрочения бюрократического абсолютизма, это неизбежно приведёт к ликвидации планового хозяйства и к восстановлению капиталистической собственности. Если же советский пролетариат своевременно прогонит бюрократию, то после своей победы он ещё застанет национализированные средства производства и основные элементы планового хозяйства. "Это значит, что ему не придётся начинать сначала. Огромная выгода!... Социалистическая революция - слишком грандиозная и трудная вещь, чтоб можно было с лёгкой душой махнуть рукой на её неоценимые материальные достижения и начинать всё сначала"¹.

Творческие возможности национализированного и планового хозяйства так велики, что производительные силы советского общества, несмотря на бюрократические тормоза, способны ещё развиваться в течение ряда лет, хотя и гораздо более медленными темпами, чем до сих пор. Не понимая этого, бюрократия, "обманутая собственными успехами, рассчитывала достигнуть всё больших и больших коэффициентов хозяйственного роста. Между тем она наскочила на общий кризис хозяйства, который явился одним из источников её нынешней паники и бешеных репрессий".

Троцкий подчёркивал, что "концентрация власти в руках бюрократии и даже задержка развития производительных сил сами по себе ещё не меняют классовой природы общества и его государства. Изменить эту природу может только вмешательство революционного или контрреволюционного насилия в отношения собственности"².

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 16.

Часть 2

Мир в преддверии мировой войны

XVIII

Сталинизм и гитлеризм

Пути развития Советского Союза, как неоднократно подчёркивал Троцкий, в огромной степени зависели от событий, происходящих на международной арене. Важнейшим фактором, оказавшим негативное влияние как на мировой революционный процесс, так и на эволюцию СССР, стала победа фашизма в Германии и возникновение в связи с этим угрозы новой мировой войны.

Захват власти Гитлером произошёл в стране, имевшей как развитые демократические традиции, так и самые сильные в мире традиции рабочего, в том числе коммунистического движения.

В начале 30-х годов компартия Германии по численности была второй коммунистической партией мира после СССР. Она насчитывала в 1932 году 360 тысяч членов. Другие коммунистические организации объединяли около 800 тысяч человек.

Влияние коммунистов на массы росло даже накануне захвата Гитлером власти. В марте 1932 года Э. Тельман получил в первом туре президентских выборов почти 5 миллионов голосов. 31 июля 1932 года на выборах в рейхстаг за КПГ проголосовало 5,37 млн. избирателей. На выборах 6 ноября 1932 года коммунисты получили почти 6 млн. голосов и завоевали в рейхстаге 100 депутатских мандатов¹. Только раскол немецкого рабочего движения на коммунистов и социал-демократов и их ожесточённая борьба друг с другом, обусловленная в первую очередь сталинистской теорией "социал-фашизма", позволили нацистам в начале 1933 года захватить власть.

Объясняя тот факт, что немецкий рабочий класс, в течение десятилетий считавшийся самым революционным рабочим классом в мире, подчинился Гитлеру, Троцкий писал: "Демократические правительства с завистью и страхом смотрят на Гитлера, которому удалось "ликвидировать" рабочий вопрос. Рабочий класс, который в течение полутора столетий потрясал периодически своими возмущениями цивилизованные страны Европы, вдруг приведён в Италии и Германии к полному молчанию. Господа официальные политики приписывают эту "удачу" внутренним, почти мистическим свойствам фашизма и национал-социализма. На самом деле сила Гитлера не в нём самом и не в его презренной философии, а в ужасающем разочаровании народных масс, в их растерянности и подавленности"². "Полицейское всемогущество фашизма" объясняется тем, что германский пролетариат, расколотый слепой политикой

¹ Эрнст Тельман. Биография. М., 1984. С. 427; Давидович Д. С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 123.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 75-76. С. 6.

сталинизма и правой социал-демократии, перестал верить старым партиям и старым лозунгам и в то же время не нашёл своего нового пути.

В том, что Гитлеру удалось на протяжении двенадцати лет держать немецкий народ в узде, немалую роль сыграла нацистская пропаганда, представлявшая ядовитую смесь геополитики и расизма. Играя на национальном унижении Германии после первой мировой войны, идеологи национал-социализма утверждали, что существуют нации-богачи и нации-пролетарии, страны, обладающие избытком "жизненного пространства" и природных богатств, и страны, лишённые этих естественных благ. Отсюда следовала дальнейшая цепочка рассуждений: нельзя улучшить положение немцев, являющихся "высшей" расой и к тому же несправедливо обделённых после первой мировой войны, не отобрав богатств у других народов. А поскольку те добровольно не отдадут своих преимуществ, единственным путём для Германии является завоевательная война, которой следует подчинить всю жизнь страны, на время поступившись даже достигнутым уровнем благосостояния. Так вырос лозунг "пушки вместо масла".

Фашизм открыто декларировал свои цели, пробуждая в массах низменные, варварские инстинкты и сделав соучастниками своих злодеяний миллионы простых немцев. Этому способствовала, как справедливо замечал К. Симонов, "усиленная пропаганда внешнего равенства, равенства прав и усилий внутри немецкого государства... Всё это умещалось в несложной формуле: "Кем бы ты ни был, рабочим или капиталистом, ты равно несёшь материальные потери, готовясь к войне, ты равно даёшь на эту войну своих детей и равно теряешь их на ней. Ты равно рассчитываешь на благополучие после победоносного окончания этой войны и, как её равный участник, равно будешь уничтожен в случае проигрыша"¹.

Гитлеровская пропаганда добивалась того, чтобы все немцы ощущали себя как бы единым господствующим классом по отношению к народам, поработщённым Германией. Смягчение классовых противоречий внутри страны было достигнуто тем, что немецкий народ был поставлен в положение завоевателя, грубого и жестокого эксплуататора десятков миллионов людей в оккупированных Германией странах. Поэтому гитлеровский террор оказался "мягче" сталинского по отношению к собственному народу, что с лихвой "компенсировалось" террористической политикой, направленной на подавление других народов, и политикой этнического геноцида, полного физического истребления евреев. В гитлеровских концлагерях погибло в несколько раз больше людей, чем в сталинских.

Трагедия немецкого народа заключалась в том, что он в массе своей поверил в нацистскую идеологию, в своё предназначение "высшей расы" и поэтому пошёл за Гитлером, разделив с ним историческую ответственность за злодеяния, чинимые в оккупированных странах. Этим объяснялось меньшее распространение оппозиционных настроений в Германии, чем в СССР, что в свою очередь явилось ещё одним фактором, обусловившим меньший размах терро-

¹ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. II. М., 1977. С. 614.

ра, обращённого "вовнутрь", в гитлеровской Германии по сравнению с Советским Союзом.

Наконец, Гитлер сумел за одну ночь 1934 года уничтожить оппозицию в своей партии и в военных кругах. В дальнейшем антигитлеровский заговор принял вялотекущий характер и активизировался только на исходе войны, когда стало очевидно, что поражение нацистской Германии неминуемо. Сопротивление сталинскому режиму в СССР в 30-е годы было несомненно сильнее, что и обусловило колоссальные масштабы "внутреннего" террора, обращённого на собственный народ.

Характеризуя отличия сталинизма от фашизма, А. Д. Сахаров писал: "Это (сталинизм - В. Р.) - гораздо более изощрённый наряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть, с коварным и внезапным использованием механизма цепной реакции пыток, казней и доносов, с запугиванием и оболваниванием миллионов людей, в большинстве своём не трусов и дураков. Эта "специфика" сталинизма имела одним из своих следствий то, что самый страшный удар был нанесён против советского народа, его наиболее активных, способных и честных представителей".

Ещё одну существенную черту сталинского режима Сахаров видел в сочетании преступлений с преступной ограниченностью, недалёковидностью. Поэтому антинародный режим Сталина на всём протяжении своего существования оставался "свирепым и в то же время ограниченным, слепым в своей жестокости"¹.

Оба народа - советский и германский - были обмануты, но по-разному. Германскому народу была навязана внутренне цельная, но лживая и человеконенавистническая идеология нацизма. Советскому народу проповедовалась, хотя в извращённом и догматизированном виде, гуманистическая идеология марксизма, которая маскировала тоталитарные и гегемонистские замыслы и действия Сталина. "Тенденции нынешнего (советского) правительства, - писал в 1938 году Троцкий, - прямо противоположны программе большевизма. Но так как заложенные революцией учреждения ещё существуют, то бюрократия вынуждена внешним образом приспособлять свои тенденции к старым принципам большевизма: она продолжает клясться заветами Октября, интересами пролетариата и называет советский строй не иначе, как социалистическим. Можно сказать, без риска ошибиться, что в истории человечества не было ещё правительства столь лживого и лицемерного, как нынешняя советская бюрократия"².

Лицемерие и лживость, господствовавшие в официальной общественно-политической жизни, причудливым образом сосуществовали с высокими со-

¹ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. - Вопросы философии, 1990. № 2. С. 12.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 19.

циальными чувствами, которые воодушевляли миллионы простых советских людей и представляли разительный контраст тем чувствам, которые обуревали миллионы немцев. На полях сражений солдаты германского вермахта зачастую проявляли не меньшую храбрость, чем бойцы Красной Армии. Но если первых вдохновлял грубый шовинистический фанатизм, то вторых - патриотический и социалистический энтузиазм, прогрессивное значение которого не умаляется тем, что он нередко был смешан со слепой и ложной верой в Сталина, рассматривавшегося многими (но далеко не всеми!) советскими людьми в качестве олицетворения идеалов, за которые народ боролся на фронте и в тылу.

Различия советской и нацистской идеологии отражали противоположность социально-экономических укладов СССР и Германии. Если фашистский политический режим и его идеология соответствовали социальному укладу тогдашней Германии, то сталинистский режим находился в разительном противоречии с социальными основами советского общества, заложенными Октябрьской революцией. Поэтому советское общество 30-х и последующих годов обладало потенциями своего социалистического возрождения и развития, тогда как Германия, несмотря на цепь поразительных военных успехов начала 40-х годов, двигалась к неминуемому краху.

Нетрудно обнаружить сходство между политическими системами, структурами власти в СССР и Германии, равно как и между некоторыми личными качествами диктаторов, увенчивавших эти структуры и накладывавших на них отпечаток своей личности. Не случайно Сталин и Гитлер испытывали несомненные симпатии по отношению друг к другу. В статье "Иосиф Сталин. Опыт характеристики" Троцкий отмечал, что "не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нём самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя ещё не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер - сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии - собирается не меньше и не больше, как перестроить нашу планету по образу и подобию своему"¹.

То обстоятельство, что именно эти качества привлекали Сталина в Гитлере, подтверждают высказывания ближайшего сталинского приспешника. На вопрос Чуева: "Как Сталин относился к Гитлеру, как к личности, как его оценивал?" Молотов ответил: "сказать - недооценивал, это было бы неправильно. Он видел, что всё-таки Гитлер организовал немецкий народ за короткое время. Была большая коммунистическая партия, и её не стало - смылись. А Гитлер вёл за собой народ..."².

В этой лаконичной тираде, содержащей одновременно ложные характеристики Гитлера, германского народа и германской компартии, как бы слышится отзвук мыслей самого Сталина, выражение сталинской ментальности с её культом тоталитарной "организованности" и презрением к массам.

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 409.

² Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 46.

В свою очередь Гитлер также высоко оценивал Сталина, о чём он не раз говорил как в доверительных беседах со своими приближенными, так и в секретных выступлениях, обращённых к высшим кругам страны. В речи перед военачальниками 22 августа 1939 года фюрер, не страдавший скромностью и пренебрежительно отзывавшийся обо всех политиках буржуазно-демократических государств, ставил рядом с собой одного Сталина. "В сущности - только три великих государственных деятеля во всём мире: Сталин, я и Муссолини, - говорил он. - Муссолини - слабейший... Сталин и я - единственные, кто видит будущее"¹.

Неудивительно, что вся история советско-германских отношений со времени прихода Гитлера к власти отмечена попытками обоих диктаторов, особенно Сталина, к сближению, прорывавшимися сквозь стену взаимного недоверия и враждебности, нагнетавшейся официальной пропагандой в обеих странах.

¹ Откровения и признания. С. 95.

XIX

На путях к сближению

В 20-е - начале 30-х годов отношения СССР с Германией были лучше, чем с какой-либо другой капиталистической страной. К 1933 году Германия далеко обошла другие страны Запада по объёму торговли с Советским Союзом.

После прихода Гитлера к власти экономические, политические и военные связи СССР и Германии были в короткий срок свёрнуты. Гитлеровское правительство объявило недействительным недавно подписанное советско-германское торговое соглашение, в результате чего уже за первую половину 1933 года советский экспорт в Германию сократился почти вдвое. По инициативе советской стороны летом 1933 года были разорваны военно-политические связи, установленные между руководством Красной Армии и немецкого рейхсвера после заключения Рапальского мирного договора 1922 года.

Правда, на протяжении всего 1933 года советские государственные деятели неоднократно делали заявления германским дипломатам о желательности сохранения и укрепления дружественных отношений с Германией¹. Эти заявления нашли публичное подтверждение в выступлениях Молотова и Литвинова на сессии ЦИК СССР (декабрь 1933 года). В докладе на XVII съезде ВКП(б) (январь 1934 года) Сталин, говоря о стремлении Советского Союза к сохранению хороших отношений с Германией, сослался на то, что существующий в Италии фашистский режим не помешал советскому правительству подписать с этой страной договор о дружбе, ненападении и нейтралитете.

На первых порах аналогичные заявления делались по дипломатическим каналам и германскими руководителями. Так, в беседе с советским послом Хинчуком 28 апреля 1933 года Гитлер заявил: "Оба наших государства должны как бы признать непоколебимость фактов взаимного существования на долгое время и исходить из этого в своих действиях... Независимо от разницы мирозерцания обеих стран их связывают взаимные интересы, и эта связь носит длительный характер"².

Вместе с тем в кругу своих приближенных Гитлер не скрывал приверженности своим прежним экспансионистским замыслам в отношении Советского Союза, изложенным в его книге "Моя борьба". Уже 3 февраля 1933 года, т. е. на пятый день после прихода нацистов к власти, он заявил на совещании руководителей армии, что восстанавливаемую им "политическую мощь Германии" он намерен использовать прежде всего "для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его безграничной германизации"³.

В нацистской пропаганде доминировали идеи "борьбы против еврейско-большевистской революции". В сентябре 1935 года один из главных идеологов

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 120, 136.

² Там же. С. 271.

³ Цит. по: Розанов Г. Л. Сталин - Гитлер. Документальный очерк советско-германских отношений. 1939-1941 гг. М., 1991. С. 14.

нацизма Розенберг говорил на съезде национал-социалистической партии: "Когда пробил роковой час для мягкотелого и разложившегося русского народа, взбудораженная степная кровь под руководством евреев одержала верх над русско-европейскими силами.. Таким образом, шестая часть земного шара стала ареной образования руководимой евреями мировой империи"¹.

В свою очередь в официальной советской пропаганде 1933-1939 годов доминировала самая резкая антифашистская риторика. В качестве примера можно привести заявление Молотова 29 ноября 1936 года на VIII Всесоюзном съезде Советов: "У нас нет других чувств к великому германскому народу, кроме чувства дружбы и истинного уважения, но господ фашистов лучше бы всего отнести к такой нации, "нации" "высшего порядка", которая именуется "нацией" современных каннибалов-людоедов"².

Можно полагать, что некоторое время после нацистского переворота Сталин разделял иллюзии, нашедшие отражение в официальных документах Коминтерна, - о непрочности власти Гитлера, которая вскоре будет сброшена оппозиционными ему силами. Положение круто изменилось после кровавой чистки, учинённой Гитлером в июне 1934 года в рядах собственной партии. Как впоследствии рассказывал бывший глава советской резидентуры в Европе, "невозвращенец" В. Кривицкий, Сталин на заседании Политбюро оценил эту чистку как показатель прочности и долговечности гитлеровского режима. Комментируя это свидетельство Кривицкого, Троцкий писал: "Вот это вождь! - сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс "самой демократической в мире конституции", наконец, нынешнее вторжение в Польшу - всё это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина"³.

С 1933 года Сталин начал стимулировать усилия секретной дипломатии, направленные на поиск путей сближения с Гитлером. В Германии проводником этой линии был советник советского посольства Бессонов, переговоры которого с немецкими официальными лицами в 1935-1936 годах касались даже условий заключения советско-германского договора о ненападении⁴.

Ещё до этого проведение аналогичных переговоров с немецкими дипломатами в Москве было поручено Сталиным Радеку. Этот факт был установлен Е. Гнединым, который, изучая рассекреченные документы немецких архивов, пришёл к выводу, что человеком, которого немецкие дипломаты даже в секретной переписке между собой называли не по имени, а кодовым обозначением "наш друг", был не кто иной, как Радек. "Сообщения о неофициальных контактах Карла Радека с советником германского посольства Хильгером и лично с послом Брокдорф-Ранцау, - писал Гнедин, - позволяют высказать обоснованное предположение, что именно Радек был участник тех переговоров с совет-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 328, л. 17.

² Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Стенографический отчет. Бюллетень № 9. М., 1936. С. 20.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 59.

⁴ Некрич А. М. 1941, 22 июня. М., 1995. С. 23-24.

ником посольства фон Твардовским, о которых говорилось в опубликованной теперь секретной переписке посольства"¹.

В телеграмме от 20 октября 1933 года, адресованной в германский МИД, фон Твардовский писал: "Наш советский друг пожелал со мной беседовать. Он сообщил: "Атмосфера сильно ухудшилась. До конца процесса о пожаре рейхстага трудно ждать улучшения (советско-германских отношений - В. Р.). Надо не допустить, чтобы конфликт из-за журналистов ускорил подобный ход дела, потому что здесь, как, возможно, и в Германии, действуют силы, стремящиеся углубить конфликт"... Оценка беседы: информатор пришёл ко мне, имея на то полномочия"².

Отправленная фон Твардовским спустя четыре дня телеграмма носила более оптимистический характер. В ней сообщалось, что "наш друг устроил беседу вчера. Он считает, что атмосфера в отношении Германии настолько улучшилась за последние дни, что в связи с последними затруднениями имперского правительства... нужен только небольшой толчок, дабы можно было начать обсуждение ликвидации спора. Поскольку Молотов отменил свою поездку в Анкару, наш друг специально предложил своё посредничество"³.

В 1937-1938 годах Бессонов и Радек оказались подсудимыми на московских процессах, где они оба "признались" в установлении тайных заговорщических связей с нацистскими политиками и дипломатами ради поддержки гитлеровцами прихода к власти троцкистов после войны между СССР и Германией - в обмен на территориальные уступки и другие кабальные условия.

Надуманность этих признаний была ясна проницательным и непредвзятым зарубежным наблюдателям. Комментируя показания Радека, меньшевистский журнал "Социалистический вестник" писал: "Нельзя же считать доказанным актом те разговоры с германскими и японскими дипломатами, которые стали известны лишь из собственных "признаний" Радека и Сокольников и которые, если и имели место, то вряд ли были чем-либо иным, кроме обычного дипломатического "зондажа" и, конечно, - с ведома, а то и по прямому поручению Сталина!"⁴.

Долгие годы свидетельства поисков Сталиным путей к сближению с Гитлером были скрыты от советской и мировой общественности. Ещё в 1989 году Яковлев заявлял, что "в дипломатической документации СССР за 1937-1938 гг. не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином"⁵. Однако это высказывание отражало только степень недобросовестности яковлевской комиссии, не желавшей углубляться в потайные советские архивы. Уже спустя два года после столь категоричного заявления Яковлева были опубликованы материалы архива Политбюро ("Особая папка"), подтверждавшие давние сообщения Райсса, Кри-

¹ Гнедин Е. А. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1987. С. 27.

² Там же. С. 9-10.

³ Там же. С. 12.

⁴ Социалистический вестник. 1937. № 3. С. 3.

⁵ Правда. 1989. 24 декабря.

вицкого и Бармина о конфиденциальных переговорах в Берлине, проводимых советским торгпредом Канделаки по личному поручению Сталина. В начале 1937 года Канделаки сделал доклад на заседании Политбюро о своих секретных переговорах с президентом рейхсбанка Шахтом и другими германскими официальными лицами. Вслед за этим был утверждён "проект устного ответа Канделаки", завизированный Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым. В этом документе говорилось, что "советское правительство не только никогда не уклонялось от политических переговоров с германским правительством, но в своё время даже делало ему определённые политические предложения. Советское правительство... не прочь и теперь вступить в переговоры с германским правительством в интересах улучшения взаимоотношений и всеобщего мира. Советское правительство не отказывается и от прямых переговоров через официальных дипломатических представителей; оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом"¹.

"Проект" был оглашен Канделаки в беседе с Шахтом, состоявшейся в феврале 1937 года. Свидетельства об этом содержатся в письме министра иностранных дел Германии Нейрата Шахту, обнаруженном после войны в архивах германского МИДа. Нейрат сообщал, что предложения советского руководства отклонены Гитлером, но, если события в СССР будут и дальше развиваться в сторону установления абсолютного деспотизма, то в этом случае можно будет вновь обсудить германскую политику по отношению к СССР².

В апреле 1937 года Канделаки привёз в Москву обсуждённый им с некоторыми немецкими официальными лицами проект предварительного соглашения о заключении советско-германского договора, во многом предвосхищавший положения пакта "Молотов-Риббентроп"³. С этого времени Канделаки сошёл с дипломатической арены. Как и все другие участники зондажных переговоров с деятелями третьего рейха, он был арестован и расстрелян.

Весной 1937 года в европейских политических кругах и прессе распространились сообщения о секретных переговорах между СССР и Германией⁴. После решительного опровержения нацистскими источниками этих слухов Литвинов предложил советским представителям за рубежом также опровергать такие сообщения⁵.

30 июля 1937 года советский посол Юренев (вскоре отозванный из Германии, а затем расстрелянный как "троцкист") в беседе с заведующим политическим отделом германского МИДа Вейцекером подчеркнул, что советское правительство желает создания "нормальных" и даже "хороших" отношений с Германией; "для этого необходимо, чтобы германское правительство проник-

¹ Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 150.

² Некрич А. М. 1941, 22 июня. С. 26.

³ Вопросы истории. 1991. № 12. С. 101.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 164.

⁵ Там же. С. 174-175.

лось сознанием необходимости конкретного пересмотра своей нынешней политики в отношении нас"¹.

Однако к тому времени Гитлер распорядился прервать тайные переговоры с представителями Сталина. Можно предполагать, что на это его решение повлиял процесс над советскими военачальниками в июне 1937 года, во многом явившийся результатом провокации, учинённой им совместно со Сталиным². Уничтожение восьми высших командиров Красной Армии, а вслед за ними и большей части остального советского командного состава, по-видимому, устранило страх фюрера перед военной мощью СССР, заставлявший его искать "взаимопонимания" со Сталиным.

¹ Там же. С. 429.

² Подробно об этом см.: Роговин В. З. 1937. М., 1996. С. 379-386.

XX

Две армии

Начиная с 1937 года, динамика развития вооружённых сил СССР и Германии складывалась всё более в пользу последней.

На протяжении десятилетий советская историография "обосновывала" "объективные" причины чудовищных поражений Красной Армии в первые годы Отечественной войны. Ради этого советские историки пошли на то, чтобы фактически признать фашизм более эффективной системой управления экономикой, чем социализм. Из их писаний вытекал вывод о том, что за семь лет (1933-1939 годы) гитлеровская клика сумела основательно и всесторонне подготовить свою страну к войне, тогда как Советскому Союзу оказалось недостаточным для этого и намного большего времени - при всех колоссальных жертвах, которые советский народ понёс ради создания современной армии и военной промышленности.

В работах советских историков обычно смазывалась разница стартовых позиций, с которых начиналось строительство двух армий. В СССР этот процесс шёл с 1918 года, Германия же была существенно ограничена в своих военных приготовлениях условиями Версальского договора, жёстко контролируемые державами-победительницами. Согласно этим условиям, немецкая армия не имела права иметь ни одного танка и самолёта, а её численность не должна была превышать 100 тысяч человек.

В 1933 году СССР многократно превосходил Германию по численности и технической оснащённости армии. В этом году у Германии насчитывалось лишь 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. В сухопутной армии рейхсвера было всего 3500 офицеров, а её вооружение, включая винтовки, настолько устарело, что кадровые дивизии были фактически невооружёнными. Контингент рождения 1901-1914 годов не проходил никакой военной подготовки. Тяжёлую артиллерию и танковое оружие надо было создавать заново¹.

Лишь в 1935 году Гитлер пошёл на то, чтобы порвать военные установления и запреты Версальского договора и ввести всеобщую воинскую повинность. В этом году СССР имел самую сильную армию в мире, возглавляемую опытным и высококвалифицированным командным составом, в то время как в Германии армии, сопоставимой по боевым качествам, практически не было.

Присутствовавшие на советских военных маневрах специалисты зарубежных государств неизменно отмечали достоинства Красной Армии. "Я... видел могучую, серьёзную армию, весьма высокого качества и в техническом, и в моральном отношении, - писал заместитель начальника генштаба французской армии генерал Луазо. - Её моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения. Техника Красной Армии стоит на необычайно высоком уровне. В отношении танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Парашютный десант большой воинской части,

¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С. 10-11.

виденный мною под Киевом, я считаю фактом, не имеющим прецедента в мире"¹.

Ещё в 1937 году по всем основным позициям преимущество было у Красной Армии. Тухачевский, будучи чуждым сталинско-ворошиловскому бахвальству, тем не менее не допускал и мысли, что война с Германией сможет принять характер блицкрига. В записке о характере будущей войны, посланной им Сталину из тюрьмы, подробно рассматривались прогнозные варианты военных действий в случае нападения на СССР одновременно Германии и Польши (тогда такая возможность считалась реальной). Тухачевский обосновывал такую стратегию, которая позволила бы Красной Армии уже в приграничных сражениях решительно переломить ход военных действий в свою пользу².

Положение стало меняться с середины 1937 года, когда в СССР развернулась массовая чистка военных кадров. С этого времени оценки Красной Армии зарубежными военными специалистами становятся всё более пессимистичными. В секретном докладе заместителя начальника генерального штаба чехословацкой армии, составленном в ноябре 1937 года, говорилось: "Поток массовых репрессий вызывает опасения относительно возможности внутреннего разложения армии, ослабления её оперативной ударной силы, её неспособности вести наступательные действия и в будущем из-за неимения тактического и стратегического опыта новыми молодыми командирами, которые тысячами в звании лейтенантов стали командирами полков, а майоров - командирами дивизий"³.

Обезглавливание Красной Армии свело на нет веру большинства западных политиков в советскую военную мощь, породило на Западе серьёзные сомнения в целесообразности заключения военно-политического союза с СССР.

Вопрос об ослаблении боеспособности Красной Армии с особой остротой встал в 1938 году, когда в столицах европейских стран проводились первые прикидки, с какими державами следует группироваться в грядущих военно-политических конфликтах. В телеграмме, направленной в Москву 24 марта 1938 года, посол Майский сообщал, что в Англии распространяется версия, согласно которой ввиду внутренних событий в СССР не может быть и речи о способности советских вооружённых сил оказаться действенным противовесом вермахту. Далее Майский описывал свою беседу с Черчиллем, в ходе которой последний заявил: "Нам до зарезу нужна сильная Россия, мне же многие говорят, что в результате недавних событий Россия перестала быть серьёзным фактором международной политики. Дайте мне ответ на мои сомнения". В этой связи Майскому, по его словам, "пришлось прочитать Черчиллю довольно длинную лекцию по политграмоте", прослушав которую Черчилль воскликнул: "Ну, слава богу, Вы меня сильно обнадежили. Я ненавижу Троцкого, давно уже слежу за его деятельностью и считаю его злым гением России. Я

¹ История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 2. М., 1974. С. 181.

² Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 45-53; № 9. С. 55-63.

³ Накануне. 1931-1939. Как мир был ввергнут в войну. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 153.

целиком за политику Сталина. Сталин создаёт сильную Россию, это как раз то, что сейчас больше всего нужно"¹.

Немудрено, что Черчилль, бывший со времён гражданской войны ярким противником большевизма и положительно оценивавший разрыв Сталина со стратегией мировой революции, был готов поверить в сталинскую "политграмоту".

Однако другие западные политики и военачальники проявляли меньшую доверчивость к заверениям советской пропаганды, будто из чисток Советский Союз выходит более сильным, чем прежде. Бывший американский посол в СССР Буллит указывал, что "последние чистки, в особенности устранение Блюхера, вызвали полную дезорганизацию в Красной Армии, которая не способна ни к каким активным военным действиям"². Подобные оценки влияли на позицию советских партнёров по переговорам, сдерживая их усилия добиться военного союза с СССР. Так, летом 1939 года аналитики британского генерального штаба пришли к заключению о том, что в результате чисток Красная Армия "не способна к наступательным операциям вне своих границ"³.

Подобная оценка последствий обескровливания Красной Армии доминировала и в Германии. В 1938 году начальник германского генштаба Л. Бек говорил: "С русской армией можно не считаться, как с вооружённой силой, ибо кровавые репрессии подорвали её моральный дух, превратили в инертную машину"⁴.

Обезглавливание Красной Армии явилось важным фактором, определившим военно-политическую стратегию Германии. В ходе переговоров с Муссолини в октябре 1938 года Риббентроп заявил, что, "поскольку мощь России подорвана на много лет вперёд, мы можем обратить всю нашу энергию против западных демократических государств"⁵.

¹ Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 75.

² Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т. I. М., 1990. С. 111.

³ Архивы раскрывают тайны... С. 81.

⁴ Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 44.

⁵ Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 216.

XXI

"Тоталитарные пораженцы"

Анализу причин резкого ослабления международных позиций СССР Троцкий посвятил статью "Тоталитарные пораженцы". В ней указывалось, что, начиная с 1933 года, престиж СССР стал расти во всём мире. На страницах европейской печати часто можно было встретить суждения типа: "Сталин держит в своих руках судьбы Европы"; "Сталин стал международным арбитром". "Как ни преувеличена была эта оценка и в те дни, - писал Троцкий, - но она исходила из двух несомненных факторов: обострения мировых антагонизмов и возрастающей мощи Красной Армии"¹.

Многие иностранные наблюдатели высоко оценивали экономические успехи СССР, находившие выражение в росте советской промышленности, особенно военной. Страх Франции перед германской политикой реванша дал возможность советской дипломатии превратиться во внушительный фактор мировой политики.

Троцкий подчёркивал, что за 1937-1938 годы от этой ситуации не осталось камня на камне. Удельный вес советской дипломатии стал ниже, чем в самые критические месяцы первой пятилетки, когда экономический хаос в СССР приблизил значение Советского Союза на мировой арене к нулю. "Лондон не только повернулся лицом к Риму и Берлину, но и требует, чтоб Париж повернулся спиной к Москве. Свою политику изоляции СССР Гитлер имеет, таким образом, возможность проводить ныне через посредство Чемберлена. Если Франция не отказывается от договора с СССР, то она свела его к роли второстепенного резерва... Италия и Германия, с согласия того же Чемберлена, собираются прямо утвердиться в Испании, где совсем ещё недавно Сталин казался - и не только самому себе - вершителем судеб".

Причины такого катастрофического упадка международной роли Советского Союза, по мнению Троцкого, не могли быть объяснены примирением или смягчением противоречий между капиталистическими государствами. "Каковы бы ни были эпизодические и конъюнктурные колебания, империалистические страны фатально идут к мировой войне"². Банкротство Сталина на мировой арене есть прежде всего результат внутреннего развития СССР, ослабленного сталинским террором.

Развивая эту мысль в последующих работах, Троцкий указывал, что растущая международная изоляция Советского Союза, отстранение его от решения вопроса о судьбе Чехословакии и т. п. представляют расплату за непрерывную кровавую чистку, обезглавившую Красную Армию и расстроившую советское хозяйство. "В борьбе за своё самосохранение разнузданная бонапартистская клика до последней степени... деморализовала и унизила страну. Империали-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 68-69. С. 2.

² Там же. С. 2-3.

сты явно не рискуют ставить ставку на Сталина, даже и для эпизодических военных целей"¹.

К таким же выводам приходили лидеры меньшевиков уже во время третьего московского процесса (март 1938 года). "Если новый процесс омерзительнее всех предыдущих, - писал Ф. Дан, - то он и *преступнее* их: достаточно вспомнить тот исторический момент, в который Сталин и Ежов решили предъявить его миру! Невозможно было выдумать лучшего подарка Гитлеру, Муссолини, японской военщине, всем тем, кто как раз теперь пытается выключить Советский Союз из "концерна" мировых держав и за его счёт разрешить все раздирающие империалистический мир антагонизмы! Невозможно было оказать большей поддержки тому крылу английского консерватизма, которое как раз теперь проектирует резкий поворот английской политики в сторону сговора с фашистскими агрессорами! Невозможно было нанести более сильного удара тем, кто как раз теперь отчаянно борется во Франции за сохранение франко-советского пакта!... В момент величайшей военной опасности они (Сталин и Ежов) обезоруживают страну, обезглавливают и дезорганизуют её армию и её хозяйство, изолируют её от всех возможных союзников, морально отталкивают от неё международный рабочий класс и всем этим выдают её на поток и разграбление её фашистским врагам"².

Обращая внимание на то, что третий московский процесс совпал с захватом Гитлером Австрии, Р. Абрамович подчёркивал, что "развитие мировой политики совершается за последние месяцы так, как будто бы никакой России не было на свете; как будто бы с карты Европы и Азии исчезло могущественное государство, носящее гордое название "СССР". Россия в мировой политике скинута со счётов... Она изолирована в такой степени, в какой этого никогда ещё не было со времени Раппальского договора. Её дипломатия больше не существует для Европы; её удельный политический вес никак не влияет на развитие событий; её мнением никто не интересуется. Сталин создал для России состояние полной морально-политической самоблокады... Безвозвратно отошли в прошлое те времена, когда в мире (в *капиталистическом* мире!) восхищались мощью и блеском Красной Армии; когда преклонялись перед могуществом её замечательной авиации, построенной, как на поверку оказалось, тоже вредителем (в этой горько-иронической фразе автор имел в виду арест А. Н. Туполева - В. Р.); когда восторгались искусством её дипломатии. Россия превратилась в "бедную родственницу", с которой неловко раскланиваться на улице; которую по надобности принимают с заднего крыльца, и уже только в самом крайнем случае... Что иное могли бы пожелать для себя фашистские страны, подготавливающие военное нападение на Россию с её гигантскими естественными богатствами, давно уже привлекающими аппетиты некоторых стран?"³

Уничтожение ведущих советских военачальников и дипломатов, выдающихся учёных и государственных деятелей было с тревогой воспринято во

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 2-3.

² Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 4.

³ Там же. С. 7.

всём мире, вызвало недоумение и ужас, и не только среди социалистически мыслящих людей. "Размеры репрессий... были признаком нездоровья и нанесли ущерб международным позициям Советского Союза"¹, - писал Джавахарлал Неру.

Если Советский Союз не оказался в конечном счёте ввергнутым в полную катастрофу, то это произошло отнюдь не благодаря высоким качествам Сталина как государственного деятеля. Возрождение международной роли Советского Союза было обусловлено тем, что в своих военно-политических расчётах лидерам капиталистического мира приходилось постоянно оглядываться на эту громадную страну. Возвращение СССР на международную арену в качестве важнейшего политического фактора в 1939 году произошло потому, что противоречия между СССР и его капиталистическим окружением к этому времени отступили на второй план по сравнению с антагонистическими межимпериалистическими противоречиями, неумолимо толкавшими мир к новой мировой войне.

¹ Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1981. С. 441.

Троцкий о характере будущей войны

В надвигающейся войне Троцкий видел продолжение первой мировой войны, т. е. борьбы крупнейших капиталистических держав за раздел и передел мира. Главную причину этих войн он усматривал в том, что производительным силам капитализма стало тесно в рамках национальных границ. Национальное государство из прогрессивного фактора, каким оно было в XIX веке, превратилось в передовых капиталистических странах в тормоз развития производительных сил^{1*}.

К этому основному противоречию - между потребностями мирового экономического развития и национальными государствами, в рамках которого оно совершалось, - добавлялось "вопиющее и всё возрастающее несоответствие между удельным весом Франции и Англии, не говоря уже о Голландии, Бельгии и Португалии, в мировом хозяйстве и грандиозными размерами их колониальных владений"². Это противоречие выступало таким же источником международных конфликтов, как и неутолённая жадность фашистских агрессоров, ищущих для себя "жизненного пространства". Падением удельного веса главных капиталистических держав в мировой экономике объяснялась "овечья уступчивость европейских демократий", сдававших без боя одну за другой позиции Гитлеру. Такая уступчивость была результатом не миролюбия, а политической слабости, причиной которой служила всё та же диспропорция между реальным экономическим фундаментом метрополий и унаследованными от прошлого колониальными империями. Дополнительным фактором политики "умиротворения" агрессоров являлось нарастание национально-освободительной борьбы в колониальных странах, чреватое угрозой революционного взрыва, особенно во время войны.

В результате всего этого Великобритания и Франция испытывали всё больший страх перед посягательствами Гитлера и Муссолини, готовых использовать шантаж и блеф и рисковать войной. Война не могла ничего дать этим "старым колониальным владычицам", но могла многое отнять у них. Поэтому они стремились "оттянуть момент нового передела мира и затыкали глотку Муссолини и Гитлера Испанией и Чехословакией... Гитлер хорошо прощупал страх старых колониальных собственников перед потрясениями и играет на этом страхе, если не с очень высоким искусством, то во всяком случае с несомненным успехом"³.

Сложившееся после Версальского договора мировое положение *Франции* перестало отвечать её реальным ресурсам. "Её население не растёт. Хозяйство

¹ Это глобальное противоречие стало частично преодолеваться после второй мировой войны, когда ведущие капиталистические государства, наученные предшествующим трагическим опытом, стали направлять свои усилия на установление экономической и политической интеграции, создание своего рода "Соединённых Штатов Европы".

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 71. С. 2, 3.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 6-7.

в застое. Собственной нефти нет. Запасы угля недостаточны. Финансы поколеблены. Более, чем какая-либо другая страна, Франция в своей национальной безопасности зависит от других государств: Великобритании и Соединённых Штатов, если не СССР".

Несоответствие между реальной экономической силой метрополии и её историческим колониальным наследием проявлялось и в центробежных тенденциях, начинавших сотрясать *Британскую империю*. Эти тенденции должны были неизбежно усилиться в ходе новой мировой войны, которая "будет означать ослабление и распад Великобритании"¹.

Всем этим объяснялось различие в позициях "миролюбивых" и агрессивных держав Европы. Первые стремились к сохранению международного статуса-кво, которое должно было бесследно исчезнуть в случае мировой войны, и поэтому желали избежать её. Вторые стремились к переделу мира и вынашивали экспансионистские замыслы. Дальше всего эти замыслы простирались у Гитлера, для которого дело шло "вовсе не об "объединении немцев" как самостоятельной задаче, а о создании более широкого европейского плацдарма для дальнейшей мировой экспансии"².

На роль ведущей капиталистической державы, наследующей место Великобритании, выдвигались *Соединённые Штаты Америки*, которые были "больше всего озабочены тем, чтобы держать руки подальше от европейского костра. Но ведь так было и в 1914 году. Нельзя безнаказанно быть великой державой, тем более - величайшей. Нейтралитет легче декретировать, чем выдержать на деле. К тому же, кроме Европы, существует ещё Дальний Восток". Усиление японской военной и развитие её экспансии заставляло американское правительство менять свой изоляционистский курс. "Сосредоточение флота в Тихом океане, постройка дредноутов и бомбовозов дальнего действия, развитие воздушных сообщений на Тихом океане, программа укрепления океанских островов слишком красноречиво подготовляют отказ от политики добровольной изоляции"³.

Троцкий подчёркивал, что Соединённые Штаты, будучи жизненно заинтересованными в приостановке экспансии японского и германского империализма, не смогут долго оставаться на позициях изоляционизма и будут вынуждены вступить во вторую мировую войну раньше, чем они вступили в первую. Соединённым Штатам, обладающим экономическим превосходством и более выгодным географическим положением по сравнению с другими державами, предопределена и более важная роль в послевоенном урегулировании, чем в 1919 году. Предугадывая основные тенденции мирового развития последующих десятилетий, Троцкий писал, что "Соединённые Штаты фатально идут к такому взрыву империалистской экспансии, какого ещё не видел мир"⁴.

Неумолимое приближение войны находило выражение в неуклонном росте вооружений и армий. Если в 1932 году, когда состоялась европейская конфе-

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 16

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 71. С. 3.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 6.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1938. № 71. С. 2.

рениция по вооружению, европейские армии насчитывали 3,2 млн. человек, то в 1936 году их численность поднялась до 4,5 млн. человек и продолжала быстро расти в последующие годы. Этот рост происходил прежде всего за счёт гитлеровской Германии. "Живые традиции прусского милитаризма при высоком уровне немецкой техники позволяют Гитлеру производить работу вооружения такими темпами, каких ещё не знала история, - писал в 1937 году Троцкий. - ...Нужно ещё, по меньшей мере два года, чтоб берлинский генеральный штаб перестал сдерживать благородное нетерпение политических вождей"¹.

Высмеивая надежды пацифистов на сдерживающую роль политики вооружений, Троцкий писал, что "сам по себе взятый автоматизм вооружений толкает, конечно, к войне, а не к миру. Но армия - не самоцель, а орудие политики, которая в свою очередь является орудием материальных интересов". Непримируемость интересов ведущих капиталистических держав обуславливает возможность возникновения мировой войны "уже на исходе ближайших трёх-четырёх лет, т. е. как раз к тому времени, когда завершение программ вооружения должно будет "обеспечить мир". Срок мы называем, разумеется, лишь в целях общей ориентировки. Политические события могут приблизить или отдалить момент взрыва. Но неизбежность его заложена в динамике хозяйства, в динамике социальных противоречий, как и в динамике вооружений"². Хотя весь мир хочет сохранения мира, он неизбежно будет залит реками крови.

Правящие круги капиталистических стран, как стремящихся к нарушению статус-кво, так и желающих его сохранить, не в силах "отодвинуть кризис и, что важнее, свести его к размерам преходящей конъюнктуры, а не социальной катастрофы", какую представляет мировая война. Причины этого кроются в неспособности капитализма "по меньшей мере снести таможенные барьеры, восстановить в правах золотую денежную единицу, регулировать проблему международных обязательств и повысить покупательную способность масс, дав машине вооружений обратный ход"³.

Троцкий считал тщетными и попытки избежать мировой войны на путях проведения капиталистическими державами более гибкой дипломатии. "Когда все государства, без исключения, вынуждены усваивать метод выжидательного вероломства, дипломатические отношения превращаются в безумную игру, участники которой ловят друг друга с завязанными глазами и с револьверами в руках... Каждый школьник знает ныне, что разрыв дипломатических отношений, официальное объявление войны или уважение к нейтралитету представляют такие же анахронизмы, как фижмы и менуэты"⁴.

Пристально следя за политикой "умиротворения" агрессора, которую проводили западные "демократии", Троцкий подчёркивал, что эта политика только подталкивает движение к неминуемой мировой войне. В статье, оценивавшей уроки мюнхенского сговора (см. гл. XXVII), он писал: "Война неизбежна,

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 10.

² Там же. С. 10-11.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 7, 11.

притом в недалёком будущем. Один международный кризис следует за другим. Эти конвульсии похожи на родовые схватки надвигающейся войны. Каждая новая схватка имеет более жестокий и угрожающий характер. Я не вижу сейчас никакой силы в мире, которая могла бы задержать развитие этого процесса, т. е. родов войны. Новая страшная бойня неумолимо надвигается на человечество¹.

Хаотическое переплетение международных антагонизмов затрудняет определение времени и места начала войны, равно как и состава противоборствующих сторон. "Чтоб составить перечень возможных очагов войны, пришлось бы привлечь к делу полный учебник географии. И в то же время международные антагонизмы так сложны и запутаны, что никто не может точно предсказать не только в каком месте вспыхнет война, но и того, какова будет группировка воюющих сторон"².

Наиболее неопределённым фактором, по мнению Троцкого, являлось место СССР в будущей войне, поскольку здесь многое зависело от тоталитарных импровизаций Сталина, игравшего на противоречиях между крупнейшими капиталистическими странами. С 1933 года Троцкий не раз указывал, что Сталин более всего стремится к сговору с Гитлером. При этом его цель заключается в том, чтобы как можно дольше держать Советский Союз вне войны, получив за это от Гитлера свободу рук в отношении лимитрофов, т. е. малых государств, образовавшихся после 1917 года на западных окраинах бывшей Российской империи (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Финляндия). Что же касается Гитлера, то для него не исключён вариант соглашения с Советским Союзом, но этот вариант "остаётся на втором плане, в качестве резерва. Гитлер борется против франко-советского союза не из принципиальной вражды к коммунизму (ни один серьёзный человек не верит более в революционную роль Сталина!), а потому, что хочет иметь руки свободными для соглашения с Москвой против Парижа, если не удастся соглашение с Лондоном против Москвы"³.

В статье "Гитлер и Сталин", написанной в марте 1939 года, Троцкий упоминал о многочисленных сообщениях мировой прессы относительно тайных переговоров между Берлином и Москвой и подготовки не только экономического, но также политического соглашения двух диктаторов. "Трудно пока судить, что именно в этих сведениях верно, - отмечал Троцкий. - Во всяком случае совершенно безошибочные симптомы свидетельствуют, что какие-то переговоры велись и ведутся... Мы не станем здесь останавливаться на вопросе о том, в какой мере соглашение Сталина с Гитлером или, вернее, Гитлера со Сталиным вероятно в *ближайшее* время... Сами участники игры сейчас вряд ли могут с полной определённостью сказать, куда именно эта игра заведет их. Но прежде ещё, чем соглашение между Москвой и Берлином осуществилось на деле, оно стало фактором международной политики, ибо с *возможностью* его считаются теперь все дипломатические центры Европы и мира"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 6.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 5.

³ Там же.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 1.

Троцкий неоднократно указывал на глобальный характер будущей войны, которая не ограничится одной Европой, а неизбежно втянет в свою орбиту все крупнейшие страны земного шара. Он считал иллюзорными надежды отдельных малых государств остаться в стороне от мировой катастрофы. "Взаимозависимость всех частей нашей планеты слишком велика, чтоб можно было надеяться на локализованную военную развязку. Где бы и по какому бы поводу ни началась война, крупные успехи одной из великих держав означали бы не конец войны, а только увеличение её радиуса. Страх перед победителем вызвал бы расширение враждебной коалиции. Спираль войны захватит неизбежно всю нашу планету... Война не пройдёт бесследно ни для одной страны. В муках и конвульсиях весь мир изменит своё лицо"¹.

"Тоталитарный характер" будущей войны выразится в её невиданных доселе масштабах. "Операции будут разыгрываться одновременно на земле, под землей, на воде, под водой и в воздухе... Война втянет в свой водоворот всё население, все его богатства, материальные и духовные"².

Троцкий предвидел и то, что война "уравняет режимы", перенеся многие черты тоталитарных государств в демократические страны. Это выразится в том, что "хозяйство будет во всех странах подчинено государственному контролю. Военная цензура, как всегда, будет и политической цензурой. Оппозиция будет подавлена. Официальная ложь получит монопольные права. Граница между тылом и фронтом исчезнет. Военное правосудие распространится на всю страну"³.

Троцкий указывал на тщетность и бесплодность попыток предугадать конкретный ход и исход войны. "Никому не дано обозреть эту гигантскую арену и бесконечно сложную свалку материальных и моральных сил. Только сама война решает судьбу войны"⁴.

Тем не менее некоторые важные тенденции будущей войны Троцкий сумел предвидеть достаточно точно. Он обращал внимание на то, что в военной и дипломатической области "тоталитарные государства имеют значительные преимущества над тяжеловесными механизмами демократий - прежде всего преимущества свободного маневра, не связанного внутренними сопротивлениями"⁵. Эта свобода от контроля со стороны социальных институтов и общественного мнения своей страны может определить крупные военные успехи тоталитарных государств в начале войны. Однако на следующем её этапе эти успехи будут сведены на нет. "Фашизм может захватить всю Европу. Однако удержаться в ней он не сможет не только "тысячу лет", как мечтает Гитлер, но и десять лет"⁶.

Завершая в августе 1937 года свой первый развернутый прогноз грядущей мировой катастрофы, Троцкий писал: "Наш прогноз может показаться мрач-

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 14, 17.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 16.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 146.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 16.

⁶ Бюллетень оппозиции. 1939. № 74. С. 11.

ным. Не наша вина: на палитре нашей эпохи мы не нашли ни розового, ни голубого цвета. Мы старались делать выводы из фактов, а не из собственных желаний. Старик Спиноза правильно учил: не плакать, не смеяться, а понимать"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 16.

XXIII

Грядущая война и мировое рабочее движение

Единственным фактором, способным предотвратить мировую войну, Троцкий считал международную социалистическую революцию. Его надежды на её победу обуславливались тем, что на протяжении 30-х годов капиталистические страны испытывали непрерывные социальные потрясения. Как писал впоследствии известный французский социолог Р. Арон, сопоставлявший социологические концепции Конта, Маркса и Токвиля, "европейскому обществу 30-х годов более отвечала концепция Маркса"¹.

В 30-е годы массовые выступления рабочего класса Европы приняли невиданные в прошлом масштабы и формы. В 1936 году по Франции прокатилась мощная волна "сидячих стачек", при которых рабочие и служащие захватывали свои предприятия и учреждения. В 1934 году в Австрии произошло жестоко подавленное вооружённое выступление Шуцбунда - военизированной организации левых социал-демократов.

Рабочее движение существенно активизировалось в наиболее богатой капиталистической стране - США. В первой половине 30-х годов здесь наблюдался небывало быстрый рост профессиональных союзов индустриальных рабочих и "сидячих" забастовок. Особенно мощными были такие забастовки на предприятиях крупнейшей американской компании "Дженерал моторе", где они продолжались 44 дня и парализовали работу более десятка заводов. Бастующие рабочие заняли помещения заводов и вступали в неоднократные стычки с полицией, пока не был подписан коллективный договор, заключения которого они требовали².

О подъёме левых сил свидетельствовал и рост компартий в капиталистических странах. Несмотря на жестокое поражение, понесённое компартией Германии, к началу 1939 года в капиталистических странах насчитывалось 1200 тыс. коммунистов - на 340 тысяч человек больше, чем в 1934 году³.

В Китае компартия контролировала огромную территорию и возглавляла регулярные части Красной Армии и партизанские отряды, насчитывающие сотни тысяч бойцов.

Крайнее обострение классовой борьбы во второй половине 20-х - первой половине 30-х годов отражалось и в числе жертв репрессий в капиталистических странах. Согласно статистике Международной организации помощи борцам революций (МОПР), с 1925 по 1931 год в этих странах было арестовано 1223 тыс. человек, приговорено к смертной казни 192673 чел., убито и насмерть замучено 1041 тыс. чел.⁴ Наибольшее число репрессированных и убитых было в эти годы вызвано белым террором в Китае, Италии, Польше,

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 232.

² Вопросы истории. 1996. № 10. С. 32.

³ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 59.

⁴ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. Т. I. М., 1933. С. 40.

Прибалтийских и Балканских странах, а также подавлением национально-освободительных движений в колониальном мире.

Статистика МОПРа за 1925-1934 годы включала намного более высокие цифры. За эти годы было арестовано 3901496 человек, ранено и подвергнуто избиениям 2487786 человек, убито или замучено до смерти 2580373 человек, приговорено к смертной казни 241838 человек¹. Значительный рост числа жертв революционной борьбы за 1932-1934 годы объяснялся прежде всего разгулом фашистского террора в Германии, интервенцией Японии в Китае, начатой в 1931 году, февральскими боями 1934 года в Австрии.

Террор, хотя в значительно меньших масштабах, наблюдался в первой половине 30-х годов даже в цитадели "демократического капитализма" - США. Происходившие в эти годы походы безработных на Вашингтон нередко сопровождались вооружёнными столкновениями демонстрантов не только с полицией, но и с регулярной армией. Особенно кровопролитными были события 1932 года, когда рабочие фордовских заводов, проживавшие в Детройте, организовали поход с требованиями предоставления работы всем уволенным рабочим (к этому времени Форд уволил со своих предприятий 150 тысяч человек), упразднения потогонной системы, отмены шпионажа за рабочими, практикуемого "служебной организацией" - полицией, созданной Фордом на своих заводах. При подходе к мосту, отделяющему Детройт от Дирборна, города, в котором фактически правил Форд, муниципальная полиция предложила демонстрантам разойтись. Руководители колонны сказали, что демонстранты не собираются нарушать общественный порядок, а хотят лишь того, чтобы Форд принял делегацию, которая передаст ему требования рабочих. Когда шествие двинулось дальше, полицейские начали бросать в ряды демонстрантов бомбы со слезоточивыми и рвотными газами. Несмотря на это, демонстранты подошли к воротам завода, где их встретили полицейские и молодчики из "служебной организации", вооружённые пулемётами. Вскоре ворота завода открылись, и из них выехал на машине управляющий Форда, кричавший толпе, чтобы она дала ему дорогу. "Он стрелял, и кто-то бросил камень и угодил ему в голову, и его отправили в госпиталь. Люди на мосту немедленно стали поливать толпу из пулемётов и не прекращали огня, пока не ранило около пятидесяти рабочих и не убило четверых... Несколько десятков рабочих с пулевыми ранами лежали по госпиталям в наручниках, прикованные к койкам цепями; но ни один полицейский и ни один молодчик из "служебной организации" не получил пулевой раны"².

Обобщая подобные факты, Троцкий писал: "Буржуазия отдаёт себе безосмысленный отчёт в том, что в нынешнюю эпоху классовая борьба имеет непреодолимую тенденцию к превращению в гражданскую войну. Примеры Италии, Германии, Австрии, Испании и других стран гораздо большему научили магнатов и лакеев капитала, чем официальных вождей пролетариата"³.

¹ Большая Советская Энциклопедия. 1 изд. Т. 40. М., 1938. Стлб. 163.

² Синклер Э. Дельцы. Автомобильный король. М., 1983. С. 334-336.

³ Бюллетень оппозиции. № 66-67. С. 7.

Троцкий отдавал себе отчёт во всей глубине поражений, понесённых международным рабочим и национально-освободительным движением в 20-30-е годы. Главными виновниками этих поражений он считал правую социал-демократию и Коминтерн, который, став слепым орудием Сталина, утратил не только свою революционную роль, но и роль важного политического фактора вообще.

В работе "Агония капитализма и задачи IV Интернационала" Троцкий подчёркивал, что "миллионные массы снова и снова приходят в революционное движение. Но каждый раз они на этом пути наталкиваются на свои собственные консервативные бюрократические аппараты"¹.

Ответственность за ослабление рабочего движения лежала прежде всего на Сталине, который подчинял его интересы государственным интересам СССР в том виде, в каком он их понимал. "Основной чертой международной политики Сталина в последние годы, - писал Троцкий в 1939 году, - является то обстоятельство, что он *торгует* рабочим движением, как нефтью, марганцем и другими продуктами... Сталин рассматривает секции Коминтерна в разных странах и освободительную борьбу угнетённых народов, как разменную монету при сделках с империалистическими государствами. Когда ему нужна помощь Франции, он подчиняет французский пролетариат радикальной буржуазии. Когда ему нужно поддержать Китай против Японии, он подчиняет китайский пролетариат Гоминдану". Экстраполируя эту политику на тот случай, если Сталин достигнет соглашения с Гитлером, Троцкий провидчески писал: "Гитлер не особенно нуждается, правда, в помощи Сталина для удушения германской компартии. Состояние ничтожества, в котором она находится, обеспечено к тому же всей её предшествующей политикой. Но весьма вероятно, что Сталин согласится прекратить субсидирование нелегальной работы в Германии: это одна из наименьших уступок, какую ему придётся сделать, и он сделает её вполне охотно. Надо полагать также, что та шумная, визгливая и пустая кампания "против фашизма", которую за последние годы вёл Коминтерн, взята будет под сурдинку... С уверенностью можно сказать только одно: соглашение Сталина с Гитлером ничего, по существу, не изменило бы в контрреволюционной функции кремлёвской олигархии. Оно только обнажило бы эту функцию, придало бы ей более вызывающий характер и ускорило бы крушение иллюзий и фальсификаций"².

Эту контрреволюционную функцию Троцкий прослеживал на примере событий во Франции и Испании, где Коминтерн действовал рука об руку с самыми правыми социал-демократами и буржуазными демократами. "В практической политике, - писал он, - Коминтерн стоит вправо от Второго Интернационала. В Испании коммунистическая партия методами ГПУ душит левое крыло рабочего класса. Во Франции коммунисты стали, по выражению "Тан", представителями "ярмарочного шовинизма". То же наблюдается, более или менее, в Соединённых Штатах и ряде других стран. Традиционная политика сотрудничества классов, на борьбе с которой возник Третий Интернационал,

¹ Там же. С 2.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 2-3.

стала теперь, в сгущённом виде, официальной политикой сталинизма, причём на защиту этой политики призваны кровавые репрессии ГПУ. Статьи и речи призваны лишь служить для маскировки этого факта"¹.

Проводимая Коминтерном политика Народного фронта в её конкретном политическом воплощении была, по словам Троцкого, ни чем иным, как союзом с правящими кругами капиталистических "демократий". Продиктованная стремлением Сталина доказать этим кругам "свой мудрый консерватизм и любовь к порядку", она "довела Коминтерн до последних граней политической протигуции"², окончательно развязала руки Гитлеру и подтолкнула Европу к войне.

Раскрывая внешнеполитические причины успехов гитлеризма, Троцкий усматривал их в тройственном банкротстве: либерально-консервативной буржуазии демократических стран, социал-демократии и Коминтерна. "Демократии версальской Антанты помогли победе Гитлера подлым угнетением побеждённой Германии. Теперь лакеи демократического империализма из Второго и Третьего Интернационалов из всех сил помогают дальнейшему упрочению режима Гитлера"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. . С. 2.

³ Там же. С. 3.

"Если мы победим здесь, мы победим везде"

Надежды Троцкого на революционный подъём народных масс возродились вновь, когда разразилась ещё одна революция, сплотившая вокруг себя социалистические и демократические силы всего мира. Это была испанская революция, представлявшая ответ на мятеж, поднятый в июле 1936 года реакционными генералами во главе с Франко. Фашистский мятеж против законного правительства Испании Альбер Камю назвал "раной в сердце человечества".

Революционная борьба в Испании развёртывалась с 1931 года. В её ходе наблюдалось заметное полевение анархистов и левых социалистов, чьи партии значительно превышали своей численностью относительно слабую компартию. В речи, произнесённой 14 января 1936 года, лидер левых социалистов Ларго Кабальеро говорил: "Когда республика установлена, наш долг - стремиться установить социализм. Говоря о социализме, я имею в виду не отвлечённое понятие - я говорю о марксистском социализме. И говоря о марксистском социализме, я имею в виду социализм революционный... Рабочий класс никоим образом не отказывается от завоевания политической власти, такова его программа, и он решил любыми способами добиться политической власти... Надо превратить буржуазную республику в социалистическую и социализировать средства производства. От этого мы не отступимся!... В области аграрного вопроса мы считаем необходимым национализировать землю, и видим в этом единственный способ освобождения трудящихся в деревне... То же самое мы говорим о финансах - как о государственном банке в Испании, так и о частных банках"¹.

На выборах, состоявшихся 16 февраля 1936 года и завершившихся победой Народного Фронта, левые силы, включая левых республиканцев, социалистов, анархистов, коммунистов и поумовцев (членов ПОУМа - Рабочей партии марксистского единства), выступили с единой избирательной программой.

Характеризуя ситуацию в Испании, находившийся там И. Эренбург в письме Бухарину от 9 июня 1936 года, т. е. за месяц до франкистского путча, писал, что стихийное движение масс разворачивается дальше, чем того хотят испанские коммунисты, руководствующиеся инструкциями из Москвы. "В Испании положение действительно революционное, - подчёркивал Эренбург. - Компартии приходится зачастую тормозить движение... Социалисты толка Кабальеро стараются "перегнать" коммунистов. Любопытно, что в разговоре со мной Асанья (президент республики, один из лидеров правого крыла Народного Фронта - В. Р.) жаловался на сторонников Кабальеро и сказал: "Их тактика в вашей стране была бы названа троцкизмом"².

В ходе борьбы против мятежников в Испании развернулось могучее движение рабочих и крестьян, превратившееся в великую народную революцию,

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 331, л. 40-41.

² Источник. 1997. № 2. С. 112.

движимую устремлениями и волей трудящихся масс, которые ставили и практически решали не только демократические, но и чисто социалистические задачи. На освобождённой территории рабочие и крестьяне захватывали в свои руки землю, заводы и фабрики, строили свои революционные органы власти. На помощь им прибывали для участия в антифашистской борьбе тысячи зарубежных добровольцев-интернационалистов^{1*}. Иностранцы волонтеры рассматривали себя как формирующуюся армию грядущей международной революции. Это ощущение отразилось в словах героя романа Хемингуэя "По ком звонит колокол": "Если мы победим здесь, мы победим везде"². Как говорил один из лидеров ПОУМа Хулиан Горкин, "радикализирующиеся рабочие массы видят в испанской гражданской войне начало своей собственной революции"³. Троцкий называл бои испанского пролетариата "зарницами будущей международной революции"⁴.

И размах революционной самодеятельности народных масс, и интернациональная поддержка испанской революции демократическими и социалистическими силами всего мира не имели аналога в истории. Казалось, что победа над мятежниками будет достигнута в ближайшее время.

Однако с первых дней гражданской войны обнаружились серьёзные трудности, вставшие перед республиканской Испанией. В рядах мятежников воевали немецкие, итальянские и колониальные (марокканские) части. Германия и Италия оказывали помощь Франко поставкой новейшей военной техники. Поддержка мятежников шла и из соседней Португалии. В то же время в распоряжении республиканцев не было современного оружия, особенно самолётов и танков. "Демократические" правительства Англии и Франции, придерживаясь тактики "невмешательства", отказали Испанской республике в военной помощи, тем самым бросив её на произвол судьбы. Эта политика поддерживалась II Интернационалом и Амстердамским (реформистским) профсоюзным Интернационалом. Тогда правительство Народного фронта стало придерживаться ориентации на Советский Союз. После некоторых колебаний Сталин согласился оказать республиканскому правительству военную помощь (как оружием, так и военными специалистами^{5*}), потребовав в обмен за это весь золотой запас Испанской республики. Этим во многом объясняется тот факт, что испанская компартия, крайне малочисленная в 1936 году, сумела постепенно сосредоточить в своих руках важнейшие рычаги власти, несмотря на наличие более многочисленных организаций социалистов и анархистов. Сталин стал диктовать из Москвы республиканскому правительству свои требования, рассматривая Испанию как свою вотчину. В решениях Политбюро по испанским

¹ В работах советских историков, посвящённых гражданской войне в Испании, в состав интернационалистов обычно включались только бойцы интернациональных бригад, полностью контролируемых коммунистами. Однако среди зарубежных добровольцев были и тысячи людей, воевавших в частях анархистов и в ополчении, созданном ПОУМом.

² Хемингуэй Э. Собр. соч. в шести томах. Т. IV. М., 1993. С. 315.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 13, 14.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 7.

⁵ Всего в Испании действовали почти 3 тысячи советских людей, из которых погибло около 200 человек (Отечественная история. 1993. № 3. С. 94).

вопросам неизменно употреблялись приказные формулировки типа: "принять решительные меры", "указать", "обратить особое внимание" и т. п.¹

Уловив готовность испанских революционных масс бороться не только за демократию, но и за осуществление социалистических преобразований, Сталин решительно отверг такую перспективу. Это определялось двумя основными моментами. Во-первых, сталкиваясь с противоречиями между интересами сохранения мира для СССР и интересами международной революционной борьбы трудящихся, Сталин неизменно делал выбор в пользу первой альтернативы. В данном случае он опасался, что Англия и Франция, с которыми он вёл сложную дипломатическую игру, могут быть "раздражены" революционной политикой и перспективой возникновения социалистической Испании.

Во-вторых, в то время стратегическая линия Коминтерна была определена не как революционно-социалистическая, а как антифашистско-демократическая (опять же главным образом из-за стремления не "отпугнуть" западные "демократии", в которых Сталин видел тогда возможных союзников в будущей войне).

21 декабря 1936 года Сталин, Молотов и Ворошилов направили премьер-министру республиканского правительства Ларго Кабальеро письмо, в котором указывалось, что "испанская революция прокладывает себе свои пути, отличные во многих отношениях от пути, пройденного Россией... Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России". В письме содержались "дружеские советы", направленные на то, чтобы удержать испанскую революцию в буржуазно-демократических рамках и "помешать врагам Испании рассматривать её как коммунистическую республику". В этой связи кремлёвские "вожди" предлагали "привлечь на сторону правительства мелкую и среднюю городскую буржуазию или, во всяком случае, дать им возможность занять позицию благоприятного для правительства нейтралитета, оградив их от попыток конфискации и обеспечив по возможности свободу торговли". Сталин и его приспешники "советовали" также "найти случаи заявить в печати, что правительство Испании не даст кому-то ни было посягать на собственность и законные интересы иностранцев в Испании..."².

В первые месяцы гражданской войны на территории республиканской Испании реализовывались два стратегических плана, выражавших принципиально различное социальное содержание. Первый план, разработанный Сталиным и лидерами Народного фронта, определялся Троцким как "программа спасения частной собственности от пролетариата *во что бы то ни стало* и *насколько возможно* - спасения демократии от Франко". В повестке дня, как утверждали вожди Народного фронта, стоит не социальная революция, а борьба против фашистских мятежников. Всякая попытка пролетариата выйти за рамки буржуазной демократии и вести революцию по социалистическому пути объявлялась не только преждевременной, но даже губительной и преступной. Провозглашалось, что испанская революция должна решать только "демократиче-

¹ Отечественная история. 1993. № 3. С. 93.

² Война и революция в Испании. 1936-1939. Т. I. М., 1968. С. 419-420.

ские" задачи, для чего необходим союз с "демократической буржуазией"; рабочие не должны своими радикальными требованиями "пугать" мелкую буржуазию. Главный лозунг Народного фронта резюмировался в словах: "Сначала победа, а потом реформы". В соответствии с этим вожди Народного фронта требовали "на время" отложить национализацию промышленных предприятий и прекратить экспроприацию земель крупных собственников. Испанская гражданская война рассматривалась ими не в формулах классовой борьбы, а в абстрактных формулах противостояния "прогресса" и "реакции". Такая политическая стратегия подчиняла интересы рабочего класса интересам либеральной буржуазии.

Даже в Каталонии, где в большей степени, чем в других провинциях Испании, были осуществлены революционные меры, республиканским правительством были отменены многие социальные завоевания рабочих. В книге "No pasaran!", написанной в сталинистском духе, Э. Синклер так описывал "идиллию", якобы достигнутую в отношениях между рабочими и капиталистами: "В начале гражданской войны были национализированы многие предприятия Барселоны, потому что владельцы бежали вместе с фашистскими руководителями их сторонников. Но теперь многие из них вернулись и *управляли своими фабриками, как подобает добрым патриотам* (курсив мой - В. Р.)"¹.

Стремление испанского правительства оберегать частную собственность от "посягательств" со стороны рабочих и крестьян вызывало разочарование и упадок духа рабоче-крестьянских масс, которые не чувствовали ощутимых социальных изменений. Отсутствием социальных преобразований на территории республиканской Испании известный английский писатель Д. Оруэлл, сражавшийся в рядах республиканцев, объяснял тот факт, что "в тылу Франко не было подлинного народного сопротивления. Каждый шаг вправо делал преимущество республиканского правительства всё более и более иллюзорным"².

¹ Синклер Э. No pasaran! Роман-газета. 1937. № 8. С. 58.

² Оруэлл д. Памяти Каталонии. Paris, 1948. С. 89.

Взлёт и падение ПОУМа

Второй стратегический план реализовался в испанской провинции Каталония, где, наряду с анархистами, наибольшим влиянием пользовалась рабочая партия марксистского единства (ПОУМ). Эта партия возникла в результате слияния испанской левой оппозиции с группой "Рабоче-крестьянский блок". Порвав с движением IV Интернационала из-за некоторых тактических разногласий, ПОУМ сохранил революционную ориентацию и антисталинистскую направленность. Его лидеры, и прежде всего Андрес Нин, поддерживавший до 1933 года постоянную переписку с Троцким, по-прежнему относились к нему с глубоким уважением.

В начале 1936 года коммунисты предприняли попытку исключить ПОУМ из предвыборного блока левых сил. Эта попытка оказалась безрезультатной, так как натолкнулась на сопротивление левых социалистов во главе с Ларго Кабальеро.

В первые месяцы революции лидеры компартии Испании иногда пресекали попытки террористической расправы над поумовцами. Так, Д. Ибаррури приказала освободить вооружённых бойцов ПОУМа, находившихся в конфискованном коммунистами автомобиле этой организации. На заявление своих товарищей, что поумовцы являются "троцкистами", она ответила: "Это не имеет значения. Мы ведём общую борьбу"¹.

Положение решительно изменилось после того, как ПОУМ открыто клеймил процесс Каменева-Зиновьева как судебный подлог и обратился к мексиканскому президенту Карденасу с просьбой предоставить Троцкому политическое убежище.

По мере развёртывания испанской революции всё глубже обозначались противоречия между политической стратегией правительства Народного фронта, с одной стороны, и ПОУМа, с другой.

ПОУМ считал главным противоречием испанской революции не противоречие между фашизмом и буржуазной демократией, а противоречие между капитализмом и социализмом. Поэтому он последовательно выступал против попыток загнать революцию в узкое русло борьбы за сохранение буржуазно-демократического режима.

ПОУМ создавал на территории Каталонии органы революционной власти: фабричные комитеты, осуществлявшие контроль над производством, рабочую милицию, отряды народного ополчения. Деятели ПОУМа выступали за создание рабочего правительства, сформированного вооружёнными трудящимися через комитеты рабочих, крестьян и милиции.

Повсюду, где отряды ПОУМа освобождали территорию от мятежников, первой социальной мерой была передача собственности крупных землевла-

¹ Tosstorff R. Ein Moskauer Prozess in Barcelona. Die Verfolgung der POUM und ihre Internationale Bedeutung. In: Kommunisten verfolgen Kommunisten. Berlin, 1993. S. 195.

дельцев в руки крестьян. ПОУМ критиковал центральное правительство за отказ законодательно санкционировать эти революционные меры и нежелание поднимать крестьянские массы на разрушение крупной земельной собственности. В воззвании ПОУМа к крестьянам указывалось, что крестьяне должны сами осуществлять экспроприацию крупных собственников, не дожидаясь правительственных полумер¹. На путях проведения такой стратегии, фактически означавшей аграрную революцию, можно было превратить крестьян - основную массу населения страны - в активных борцов против фашизма, побудить солдат фашистской армии, состоявшей в основном из крестьян, повернуть оружие против мятежников.

В Каталонии царил атмосфера свободы, выпускались издания всех революционных партий и группировок, включая троцкистов. "В ПОУМе еретиков не преследовали, может быть, относились к ним даже чересчур терпимо, - писал сражавшийся в ополчении ПОУМа Д. Оруэлл, - ...никого, кроме ярых профашистов не преследовали за политические взгляды... Ни на кого не оказывалось давление с целью побудить его вступить в партию... Лично я никогда в партию не вступил, о чём позднее, когда ПОУМ подвергся преследованиям, успел пожалеть"².

ПОУМ резко критиковал сталинский режим и его политику в Испании. "Во времена Ленина, - говорил Х. Горкин, - когда Коммунистический интернационал был коммунистическим, а не республиканским, он проявлял неограниченную солидарность с революционным движением в других странах... Сегодня Россия лишена духа Ленина и Троцкого. В ней господствует дух Сталина, который придаёт гораздо большее значение пактам и соглашениям с империалистическими державами, чем революционным требованиям трудящихся. Если бы Сталин не впал в оппортунизм худшего толка, он должен был бы понять, что в нашей борьбе решается и судьба Советского Союза"³.

Каталония стала стартовой площадкой для сбора антисталинистских левых сил. Этому способствовало участие ПОУМа в деятельности Международного бюро революционно-социалистического единства, которое находилось в Лондоне. Лондонское бюро координировало деятельность левосоциалистических партий, порвавших с II Интернационалом. Наиболее крупной из этих партий была Независимая рабочая партия Англии, имевшая четырёх депутатов в английском парламенте. В Лондонское бюро входили также германская социалистическая рабочая партия (САП), социалистические партии Швеции, Голландии, Италии, Польши и других европейских стран. Помимо этого, Лондонское бюро имело контакты с левосоциалистическими партиями и группами на всех пяти континентах. К Лондонскому бюро примыкало интернациональное бюро революционных молодёжных организаций, имевшее группы в 16 странах и также не признававшее ни II, ни III Интернационал.

В 1936 году Лондонское бюро созвало в Брюсселе совещание, в котором приняли участие представители многочисленных испанских революционных

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 16.

² Оруэлл Д. Памяти Каталонии. С. 91.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 13, 14.

организаций и социалистических партий других стран. На этом совещании были сформулированы следующие основные идеи: Испания - поле битвы международного рабочего класса; испанская революция представляет важный этап мировой социалистической революции; победа фашизма в Испании будет прологом мировой войны¹.

Брюссельское совещание решительно осудило политику, сглаживающую классовый характер испанской революции и ограничивающуюся защитой буржуазной демократии. Оно выступило в поддержку испанских рабочих, которые осуществляли социалистические меры в освобождённых от фашизма районах и овладевали основами управления экономикой. На нём было провозглашено, что солидарность международного пролетариата представляет важнейший рычаг для успешного развёртывания революционных боёв, которые должны привести к взятию пролетариатом власти в капиталистических странах. Было принято решение провести в Барселоне международный конгресс с целью выработки общей программы рабочих партий, независимых от II и III Интернационалов, и создания нового, подлинно революционного и дееспособного Интернационала.

В Исполком ПОУМа входили представители партий, действовавших под эгидой Лондонского бюро, а также представители таких партий, как КРО (Kommunistische Partei (Opposition)) - революционная партия немецких эмигрантов, возглавляемая изгнанными из Коминтерна бывшими лидерами КПГ Брандлером и Тальгеймером, и группа "gauche revolutionnaire" (революционная левая) - фракция Французской социалистической партии, насчитывающая около 20 тысяч человек. Из членов этих партий и групп были созданы иностранные секции ПОУМа. Многие их участники сражались в дивизии "Ленин" и батальоне "Шос" (Удар), действовавших на Арагонском фронте. В рядах ополчения ПОУМа было сформировано подразделение иностранных добровольцев "La colonne Internationale". "Зарубежные товарищи, сражающиеся под знаменами ПОУМа, - говорится в воззвании ПОУМа, - руководствуются учением Маркса и Ленина. Они идут на фронт, чтобы сражаться за социализм, а не за поддержку буржуазной демократии. Имея перед глазами эту цель, они готовы принести огромные жертвы и не только разбить фашизм, но заодно победить и капитализм"².

В Каталонии создалось фактическое двоевластие. С одной стороны, здесь действовали органы Народного фронта, контролируемые центральным правительством, с другой - автономное правительство и органы революционных партий и профсоюзов. Консолидации революционных сил были призваны способствовать намеченный на 8 мая 1937 года конгресс ПОУМа и Международный антифашистский конгресс, который должен был открыться в Барселоне 15 июня 1937 года³.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 9-12; ф. 495, оп. 15, д. 228, лл. 239-241.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 19-20.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 341, л. 13; Ф. 495, оп. 12, д. 94, л. 12.

Небольшая, но активная группа ПОУМа действовала в Мадриде, где она выпускала несколько газет, имела в своём распоряжении радиопередатчик и свою колонну милиции.

Чтобы подавить подлинно революционные силы, выступавшие за социалистическую революцию, сталинисты с конца 1936 года развязали настоящую войну против "троцкистов", под которыми они имели в виду не только приверженцев Троцкого, но и поумовцев, левых социалистов и революционных анархистов. В этой войне использовались такие типично сталинистские приёмы, как грязная и беззастенчивая клевета, убийство из-за угла, изготовление подложных документов о шпионских связях антисталинистов с франкистами. Газеты испанской компартии характеризовали ПОУМ как более опасного врага, чем мятежники, осаждавшие Мадрид.

Уже при создании совета обороны Мадрида советский посол наложил вето на включение в него представителей ПОУМа. Консул СССР в Барселоне Антонов-Овсеенко поставил перед каталонским правительством условие: если они хотят получать военную помощь СССР, то должны изгнать из правительства представителей ПОУМа. Это условие было выполнено в январе 1937 года. Примерно в то же время коммунисты перешли от пропагандистских атак к нападению боевых дружин на ПОУМ и его молодёжные организации. Тогда же был конфискован мадридский радиопередатчик ПОУМа и запрещены его газеты на мадридском фронте. С этого времени мадридская организация ПОУМа находилась по сути дела на нелегальном положении. Партия была вынуждена перебросить основную часть своих членов в Каталонию¹.

Волна кровавого террора захлестнула всю территорию, контролируемую республиканским правительством. Независимой революционной прессе был зажат рот. Тайные тюрьмы, в которых хозяйничали "советники" из НКВД, были переполнены.

К маю 1937 года центральные органы каталонских рабочих комитетов и рабочей милиции было разогнаны, но сами эти организации сохранились. Для того, чтобы окончательно подавить оппозиционные силы, сталинисты спровоцировали в начале мая т. н. "барселонский мятеж". Этот "мятеж" начался с того, что 3 мая по приказу начальника полиции - коммуниста полицейский отряд занял телефонную станцию Каталонии, которая в соответствии с декретом Каталонского автономного правительства управлялась анархистскими профсоюзами. Это привело к открытому столкновению между центральным правительством и коммунистами, с одной стороны, анархистами и поумовцами - с другой. Вскоре руководство анархистов, а вслед за ними и ПОУМа решило прекратить вооружённую борьбу. Тем временем войска центрального правительства заняли Барселону.

Винником "мятежа" был объявлен ПОУМ. 15-16 июня его деятельность была запрещена центральным правительством, несмотря на резкий протест анархистов - наиболее крупной партии Каталонии. Андрес Нин и другие члены партийного руководства были брошены в тюрьмы. Ещё до этого, в начале июня около тысячи поумовцев и анархистов заполнили государственные

¹ Tosstorff R. Ein Moskauer Prozess in Barcelona. In: Kommunisten verfolgen Kommunisten. S. 197.

тюрьмы и тайные тюрьмы НКВД. Особенно неистово преследовались зарубежные члены партии и иностранцы, симпатизирующие ПОУМу¹.

После известий об аресте Нина 6000 членов отрядов ПОУМа хотели идти с оружием в руках с фронта в Барселону на помощь своим товарищам. "То, что произошло в Барселоне - это белый террор, худший, чем в СССР", - такие оценки были широко распространены среди бойцов ПОУМа. Однако аресты в Барселоне были произведены во время ожесточённых боёв под Уэской, что не позволило сражавшимся поумовцам осуществить своё намерение². Те же бойцы, которые оказались в Барселоне, подверглись ожесточённой расправе. В книге воспоминаний "Меня называли лихим полковником" Давид Сикейрос описывал происходивший при его участии расстрел солдата-поумовца³.

В октябре 1938 года в Барселоне был проведён процесс над группой деятелей ПОУМа. В мировой прессе о нём не появилось почти никаких сообщений, за исключением лживых статей во французских просоветских газетах "Юманите" и "Се суар" и кратких телеграмм "Правды".

На скамье подсудимых находилось 7 человек, среди которых было 5 членов Исполкома ПОУМа. Три члена Исполкома, в том числе Андрес Нин, были судимы заочно (Нин был убит агентами НКВД ещё в 1937 году, но сталинская агентура распространяла слухи, будто бы ему удалось бежать за границу). Правительство отказалось допустить на процесс иностранных наблюдателей.

Однако добиться полного повторения московских судебных инсценировок на испанской земле сталинисты не смогли. Видные политики из числа социалистов и анархистов свидетельствовали на суде, что обвиняемые являются антифашистами и революционерами. В судебном заседании прокурор отказался от обвинения подсудимых в шпионаже, тем самым фактически признав подложность документов, на которых было основано обвинительное заключение. По части связей ПОУМа с Франко все подсудимые были оправданы судом. Даже "Правда" обошла молчанием вопрос о шпионаже, приведя в краткой заметке без всяких комментариев приговор суда, где подсудимые были обвинены лишь в участии в мятеже. Ещё одно обвинение, выдвинутое прокурором, гласило, что своим "крайним" революционаризмом ПОУМ "компрометировал" испанскую революцию в глазах западных "демократий".

В заявлении секретариата IV Интернационала о процессе ПОУМа говорилось: "Четвёртый Интернационал, членом которого ПОУМ не является, всегда энергично протестовал против повторения московских процессов в республиканской Испании... Процесс в Барселоне является ни чем иным, как актом политической мести... Процесс ПОУМа должен решительно положить конец гангстеризму в рабочем движении. Все сознательные и честные рабочие будут на стороне обвиняемых в Барселоне, виновных лишь в том, что они поддержали в сердцах каталонских пролетариев живую веру в социализм"⁴.

¹ Ibid. S. 194-200.

² РЦХИДНИ. Ф. 545, оп. 2, д. 147, л. 177-179, 186-187.

³ Сикейрос Д. А. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986. С. 204-205.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1939. № 71. С. 16.

На процессе ПОУМа не был приговорён к смертной казни ни один человек. Это дало основание Тольятти в отчёте о событиях в Испании, направленном руководству Коминтерна, заявить о "скандальном результате" процесса, поскольку он "не вынес сколько-нибудь серьёзных приговоров" (Максимальной карой было признание к тюремному заключению на 15 лет). Этот факт Тольятти объяснял "пагубной деятельностью министра юстиции Гонсалеса Пенья, который во время своей поездки в Мексику подпал под влияние троцкизма, а также Паулино Гомеса (министр внутренних дел - В. Р.), запретившего прессе вести во время процесса какую бы то ни было кампанию против троцкистских предателей"¹.

После процесса коминтерновская пресса принялась злобно искажать выводы, сделанные судом. За несколько недель до своего ареста Михаил Кольцов в статье, опубликованной в немецкой коммунистической газете "Рудштау", писал: "На этот раз процесс в буржуазно-демократической стране, где полиция состоит не только из коммунистов, тем не менее привёл к тем же выводам, что и процессы в Москве"².

Из-за поражения республики не состоялся планируемый процесс над членами нелегального Исполкома ПОУМа, созданного после запрещения партии (члены этого Исполкома были арестованы в апреле 1938 года). По той же причине не состоялся готовившийся процесс над членами троцкистской группы, действовавшей в Испании.

Сотни испанских революционеров и зарубежных волонтеров были расстреляны без суда. Как говорилось в резолюции конгресса федерации анархистов, состоявшегося в августе 1937 года во французском городе Клеймон-Ферране, "в тайных тюрьмах сталинистской ЧК, действующей по ночам, её жертвы исчезают бесследно"³.

Помимо эмиссаров НКВД, в слежке за поумовцами и троцкистами активное участие принимали эмиссары Коминтерна. Об этом свидетельствуют находящиеся в коминтерновском архиве документы под общим заголовком "Обзор шпионажа и агентурной работы в Испании". В этих документах, составленных из донесений провокаторов, внедрённых в революционные организации и именуемых "нашими друзьями", не приведено ни одного факта шпионажа. Против содержащегося в одном из донесений утверждения о связи поумовцев с гестапо и итальянскими фашистами, значится запись, сделанная, видимо, одним из коминтерновских аппаратчиков: "Нет доказательств". Основное место в обзоре занимает досье на несколько сот интернационалистов, прибывших в Барселону из десятков стран. Среди них - многие бывшие члены компартий, порвавшие с Коминтерном, лица, поддерживавшие контакты с Троцким или распространявшие троцкистскую литературу⁴. Часть лиц, на которых составлено досье, была, как указывалось в обзоре, уже арестована. Можно полагать, что другие лица, упомянутые в досье, стали жертвами похи-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 284, л. 12.

² Tosstorff R. Ein Moskauer Prozess in Barcelona. In: Kommunisten verfolgen Kommunisten. S. 212.

³ L'Espagne Nouvelle. 1937. 28 VIII.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 545, оп. 2, д. 147, л. 1-22; Ф. 545, оп. 2, д. 148, л. 64, 68-72.

щений и убийств. Такая участь постигла, например, Курта Ландау, на протяжении ряда лет возглавлявшего австрийскую группу левой оппозиции и поддерживавшего с Троцким оживлённую переписку, а также Марка Рейна, сына одного из лидеров меньшевиков Р. Абрамовича.

П. Судоплатов, находившийся в те годы не на последних ролях в НКВД и выполнявший "спецадания" в Каталонии, в своих воспоминаниях писал: "В течение 1938-1939 годов в Испании шла, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а не смерть. В одной войне схлестнулись националистические силы, руководимые Франко... и силы испанских республиканцев... Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны, Сталин в Советском Союзе, а с другой - Троцкий, находившийся в изгнании"¹.

В этом свидетельстве сталинского сатрапа содержится только одна неточность. Троцкий не возглавлял антисталинские силы, действовавшие в Испании и не давал им указаний. Отделённый от этой страны тысячами километров и не обладавший полной и всесторонней информацией об испанских событиях, он не мог восстановить старые и установить новые контакты с лидерами ПОУМа и близких к нему партий других стран. Не исключено и то, что Троцкий оказался жертвой провокационных акций, намеренно разжигавших разногласия между ним и этими партиями, которые он называл центристскими.

О том, что Троцкий недостаточно информирован о подлинной программе и деятельности ПОУМа, писала центральная газета этой партии "Ля баталья". В её номере от 27 марта 1937 года говорилось: "Если бы Троцкий был более осведомлён о деятельности ПОУМа за последние годы, он бы знал, что эта деятельность заключалась как раз в том, чтобы разоблачать перед рабочими массами реакционный характер программы Народного фронта"².

Источником информации Троцкого об испанских событиях были в основном французские троцкисты, значительная часть которых была заражена сектантством. В письме Троцкому, написанном в январе 1937 года, Виктор Серж, сообщая о своих серьёзных разногласиях с этими людьми, претендовавшими на "руководство революционной организацией извне", подчёркивал: "Мое мнение - что надо поддержать эту партию (ПОУМ), восстановить с нею настоящие товарищеские отношения, не требуя от неё той ортодоксальности, которой у неё не может быть. Главное: не вести там фракционной сектантской работы... В этом смысле ряд товарищей нагромодили массу ошибок, вызвали обострение в отношениях и глубоко нежелательную реакцию. А как никак ПОУМ представляет сейчас боевую единицу, держащуюся вообще очень мужественно и разумно, представляющую большую надежду - и (находящуюся) в очень большой опасности"³.

Конкретизируя мысль об опасностях, угрожающих ПОУМу со стороны сталинистов, Серж в письме Троцкому от 20 марта 1937 года сообщал: "Позавчера, случайно, у друзей мне передали слова члена ЦК испанской сталин-

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 38.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 340, л. 45.

³ Архив Троцкого. № 5025.

ской партии, бывшего в том же доме за час до меня: "Нам придётся в близком будущем расстрелять примерно 5000 поумистов в Барселоне и тогда всё пойдёт ладно". К этому идут вполне серьёзные приготовления".

В том же письме Серж вновь обращал внимание Троцкого на вред фракционных настроений, которые "повлекли к углублению пропасти между руководством ПОУМ и так называемыми ортодоксами IV-го (Интернационала)". "У меня было много личных контактов с испанцами, - писал он. - Я убеждён, что ПОУМ - единственная массовая, здоровая, мыслящая революционная организация там - и считаю, что, несмотря на ряд ошибок, она держится в основном превосходно. Считаю глубоко ошибочной линию товарищей сектантов, которые полагают, что небольшие группы иностранцев, обладающие "чистой, ортодоксальной идеологией", могут эту идеологию насаждать извне, должны вести фракционную борьбу в ПОУМ и ориентироваться на создание иной партии. Надо, мне кажется, исходить из испанской действительности, развивать и использовать то, что есть... ПОУМ - разумеется, не большевистско-ленинская партия, да и вообще в Испании большевиков-ленинцев (так называли себя троцкисты - В.Р.) нет. Мне кажется, что большевики-ленинцы должны научиться работать с другими марксистами-революционерами, влиять на них, сотрудничать с ними и, чтобы самим стать течением влиятельным, отказаться от навязывания своей гегемонии... Нужна громадная перемена нравов. Она становится возможной (и необходимой) при оживлении рабочего движения"¹.

В свою очередь лидеры ПОУМ, выступая против московских процессов и защищая политическую честь Троцкого, не вступали с ним в переписку и считали многие его идеи чересчур радикальными, не соответствующими испанским условиям.

Некоторые зарубежные исследователи считают, что Сталин боялся появления Троцкого в Испании². Такой вариант мог стать возможным, если бы ПОУМ решился на разрыв с правительством Народного фронта. То обстоятельство, что ПОУМ не осуществил такого разрыва, Троцкий считал главной ошибкой этой партии. Он критиковал поумовских лидеров за то, что вместо мобилизации народных масс против реформистских вождей Народного фронта они пытались "убеждать последних в преимуществах социализма перед капитализмом". ПОУМ не создавал своих ячеек в CNT - самой массовой организации испанских профсоюзов, потому что не хотел вступать в конфликт с анархистами, руководившими этой организацией. Стремясь не допускать конфликтов с центральным правительством, ПОУМ не вёл революционной работы и в республиканской армии. Вместо этого поумовцы "строили "свои собственные" синдикаты и "свою собственную" милицию, которая охраняла "свои собственные" здания или защищала "свой собственный" участок фронта"³.

Троцкий считал эти тактические ошибки ПОУМа производными от его ущербной политической стратегии. Преувеличивая свои программные разно-

¹ Архив Троцкого. № 5026.

² Эндру К., Гордиевский А. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва. М., 1992. С. 177.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 11.

гласия с ПОУМом, который выдвигал политические лозунги, близкие к его собственным лозунгам, Троцкий писал, что ПОУМ всё время оставался ближе к Народному фронту, чем к революционной политике в духе большевизма. "Если ПОУМ пал, тем не менее, жертвой кровавой и подлой репрессии, то потому, что Народный фронт не мог выполнить свою миссию - задушить социалистическую революцию - иначе, как отрубая кусок за куском свой собственный левый фланг"¹. Основным уроком, вытекающий из поражения ПОУМа - "наиболее честной организации в Испании", Троцкий видел в том, что "линия наименьшего сопротивления оказывается в революции линией наибольшего крушения... Избыток "осторожности" есть самая пагубная неосторожность"².

Правда о ПОУМе пробивала себе дорогу нелёгкими путями. Многие коминтерновцы, принимавшие участие в расправах над поумовцами, на протяжении ряда лет продолжали распространять выдумки о связях ПОУМа с фашистами. В этом отношении особенно показательным поведением чехословацкого коммуниста Артура Лондона, одного из подсудимых на процессе Сланского в 1952 году. В 1966 году Лондон опубликовал в Париже книгу "Испания", в которой утверждал, что ПОУМ нанёс "удар кинжалом" в спину республики и осуществлял подрывную работу пятой колонны.

Лишь в 60-х годах Ф. Клаудин, активный участник гражданской войны, член Политбюро Испанской компартии, впервые дал правдивое изображение ПОУМа, отличающееся от сталинистских версий. В 1964 году Клаудин за своё переосмысление истории Коминтерна был исключён из партии.

Опубликованные в последние годы документы указывают на противоречивую или прямо сомнительную роль в Испании некоторых представителей левых социалистов. Это касается, в частности, Вилли Брандта, который в апреле 1937 года вступил в ПОУМ как представитель САП, а позднее возглавил немецкую секцию ПОУМа. Сам Брандт писал в своих воспоминаниях, что в период конфронтации между сталинистами и поумовцами он "сидел между двумя стульями". Однако эта половинчатая формулировка опровергается некоторыми немаловажными фактами. В архиве Коминтерна содержится несколько агентурных донесений сотрудника службы информации КПП, где дается описание его "товарищеских" бесед с "W. В." (судя по содержанию этих донесений - с Вилли Брандтом)³.

11 июля 1937 года немецкая группа ПОУМа потребовала от руководства этой организации отзыва Брандта из Испании за его "сталинофильские" настроения. На заседании Лондонского бюро Брандт был обвинён в том, что поддерживал контакты с представителями КПП. Многие поумовцы считали Брандта не только невольным союзником сталинистов, но и прямым агентом НКВД⁴.

¹ Там же.

² Там же. С. 14.

³ РЦХИДНИ. Ф. 545, оп. 2, д. 147, л. 150-155.

⁴ Schafranek H. Das Kurze Leben des Kurt Landau. Ein Österreichischer Kommunist als Opfer der stalinistischen Geheimpolizei. Wien, 1988. S. 477, 481, 485-487.

XXVI

Поражение испанской революции, её причины и последствия

Многочисленные свидетельства участников и очевидцев испанских событий показывают, как широко были распространены антисталинистские настроения в рядах республиканцев. Для подавления этих настроений сталинистами была развёрнута грязная клеветническая кампания, увенчавшаяся кровавыми репрессиями не только против поумовцев и революционных анархистов, но и против бойцов интернациональных бригад. Хотя эти бригады находились под полным и безраздельным контролем Коминтерна, многие их участники видели в испанской войне начало нового этапа мировой социалистической революции. Немецкий боец интербригад Эвальд Муншке (в будущем - генерал-майор ГДР) в своих воспоминаниях писал, что часть добровольцев, прибывших в Испанию, "полагала, что мы должны бороться за установление в Испании социалистического строя... Или можно было слышать такие высказывания: "Мы прибыли сюда добровольно, по зову пролетарской солидарности. Мы - не наёмники, зачем же нам платят 3 песеты в день!"¹.

Хемингуэй, находившийся во время гражданской войны среди борцов интербригад, позднее вспоминал: "Мы были тогда безраздельно счастливы, потому что понимали, что если гибли наши люди, то за справедливое, достойное дело"².

В романе "По ком звонит колокол" Хемингуэй передал не только революционное воодушевление добровольцев, но и упадок этого духа, вызванный разрушительными действиями эмиссаров Коминтерна, невежественных в военном деле и одержимых яростной ненавистью ко всем носителям инакомыслия. В этой связи особый интерес представляет описание деятельности одной из самых злобещих фигур, действовавших в испанской войне, - Андре Марти. Марти был наделён неограниченными полномочиями, включая право диктовать командирам планы проведения военных операций. "Ему, как политическому руководителю бригад, позволялось вмешиваться во всё, и он тыкал пальцем в такое-то или такое-то занумерованное, обведённое тонкой коричневой линией место на карте... и говорил: "Вот. Слабое место вот здесь"... И через некоторое время люди, которые никогда не видели карты, но которым сообщали перед атакой номер определённой высоты, поднимались на эту высоту и находили смерть на её склонах или же, встреченные пулемётным огнем из оливковой рощи, падали ещё у её подножия... Когда Марти тыкал пальцем в карту в штабе Гольца, на бескровном лице генерала, голова которого была покрыта рубцами от ран, выступали желваки, и он думал: "Лучше бы мне расстрелять вас, Андре Марти, чем позволить, чтобы этот ваш поганый серый па-

¹ Муншке Э. Мы защищали Испанскую республику. - В кн.: Наши жертвы были не напрасны. 1933-1945. Т. I. М., 1988. С. 401.

² Новое время. 1991. № 26. С. 43.

лец тыкался в мою контурную карту. Будьте вы прокляты за всех людей, погибших только потому, что вы вмешиваетесь в дело, в котором ничего не смыслите. Будь проклят тот день, когда вашим именем начали называть тракторные заводы, села, кооперативы и вы стали символом, который я не могу тронуть"¹.

Марти и другие посланцы Москвы организовали в интербригадах настоящую "охоту за ведьмами". Ими инспирировались и поощрялись доносы, выявлявшие "троцкистские настроения" среди бойцов. Проходила бесконечная череда собраний, на которых, как и в СССР, клеймились "изменники" и "предатели". Представители французской компартии выпускали "чёрные списки", включавшие фамилии, фотографии и адреса лиц, подозреваемых в сочувствии троцкизму. Из Москвы прибыли специальные комиссии для "чистки" югославских и польских частей от "шпионов и провокаторов"².

"Успехи" во "второй" гражданской войне, развязанной против революционеров, внесли деморализацию в республиканскую армию и интернациональные бригады, резко ослабили их боеспособность. Ожесточённые бои в марте-апреле 1938 года завершились победой фашистских войск, расчленивших республику на две части. А в августе 1938 года испанское правительство, повинувшись требованиям пресловутой "комиссии по невмешательству", приняло решение об отзыве интернациональных бригад с фронта и демобилизации их личного состава. Одновременно аналогичное решение было принято секретариатом ИККИ.

В 1938 году советское правительство резко сократило военную помощь республиканцам. Изменился и состав советских добровольцев, прибывавших в Испанию. Если в 1936 - первой половине 1937 года сюда направлялись высококвалифицированные специалисты, имевшие богатый воинский опыт и окончившие военные академии, то после расправы над высшим комсоставом Красной Армии в Испанию стали посылать средних и младших командиров. Нередко в корпуса и дивизии назначались советниками старшие лейтенанты и капитаны³.

В декабре 1938 года франкистские войска развернули генеральное наступление на Каталонию, в результате которого начался беспорядочный отход республиканских частей к французской границе. В феврале 1939 года Англия и Франция заявили о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством и признании режима Франко. 23 марта пал Мадрид.

После падения республики сотни тысяч испанских беженцев были вынуждены покинуть родину и оказались во французских лагерях для интернированных. Как писал Ф. Раскольников, Сталин предал побеждённых испанских революционеров, бросил их на произвол судьбы и предоставил заботу о них другим государствам⁴.

¹ Хемингуэй Э. Собр. соч. в шести ; томах. Т. IV. М., 1993. С. 329-330.

² Вопросы истории; КПСС. 1988. № 12., С. 53; Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 25, 34.

³ Мещеряков М. Т. СССР и гражданская война в Испании. - Отечественная история. 1993. № 3. С. 90.

⁴ Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. С. 549-550.

Столь же трагически сложилась судьба тысяч интернационалистов, также задержанных французскими властями и отправленных в лагеря. Димитров направил ряд писем секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву с просьбой разрешить вернуться в СССР этим людям, и прежде всего тем из них, кто не может возвратиться в свою страну, так как заочно приговорён там к смертной казни или многолетнему тюремному заключению. Поскольку эти обращения остались безрезультатными, 20 августа 1939 года Димитров и Мануильский обратились с письмом к Сталину. В нём говорилось, что во французских лагерях содержится свыше 6 тысяч бывших добровольцев. Руководители Коминтерна просили допустить в СССР "после тщательной проверки" хотя бы половину этих людей¹. Однако попасть в Советский Союз сумели лишь единицы, остальные натолкнулись на унижительные и беспричинные отказы.

Рассеявшись по всему миру, участники и свидетели испанских событий донесли до мировой общественности правду о злодеяниях сталинистов в Испании. Эти злодеяния нанесли жесточайший ущерб престижу международного коммунизма, который многими людьми стал отождествляться с палачеством сталинистов. Даже Гитлер, лучше, чем кто-либо иной, знавший о лживости версий относительно сотрудничества испанских антисталинистов с нацистами, однажды в беседе с приближёнными обмолвился примечательной фразой, выражавшей, говоря ленинскими словами, "классовую правду врага": "Если бы Сталин одержал победу (во второй мировой войне - В. Р.), то мы бы имели во всех странах Центральной и Западной Европы коммунизм самого худшего образца, а что он из себя представляет, отчётливо видно на примере множества инцидентов, происшедших во время гражданской войны в Испании"².

Долгие годы в СССР давалась чисто сталинистская версия истории испанской гражданской войны. Все свидетельства о преступлениях сталинистов тщательно замалчивались. Этим объясняется, в частности, действовавший до 1968 года запрет на публикацию романа "По ком звонит колокол", а затем - выпуск этого произведения в усечённом виде, с многочисленными купюрами.

В работах советских историков тщетно искать сколько-нибудь внятного объяснения причин поражения испанской революции. Это объясняется прежде всего безусловным запретом на изложение этих причин, данное Троцким ещё во время испанской войны.

Троцкий писал, что правительство Народного фронта мирилось с преступлениями сталинистов, а ПОУМ не решался порвать с Народным фронтом из-за того, что Москва предоставила оружие Испании. В этой связи он указывал, что при правильном руководстве испанские республиканцы могли бы победить франкистов, не прибегая к помощи Москвы, щедро оплаченной испанским золотом. Он напоминал, что в гражданской войне 1918-1920 годов, сопровождавшейся интервенцией английских, американских, французских, японских и иных войск, Красная Армия захватывала военные запасы белогвардейцев и интервенционистов и сбрасывала в море иностранные экспедиционные корпуса. "Революции побеждали до сих пор вовсе не благодаря высоким иностран-

¹ Новая и новейшая история. 1993, г № 5. С. 39-40.

² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 447.

ным покровителям, которые снабжали их оружием. Иностранцы покровители бывали обыкновенно у контрреволюции... Революция побеждает прежде всего при помощи смелой социальной программы, которая даёт массам возможность овладеть оружием, имеющимся на их территории, и разложить армию врага"¹.

Кроме того, за годы гражданской войны можно было укрепить и развить испанскую военную промышленность, переоборудовав в военных целях ряд заводов. "Эта работа не была выполнена только потому, что инициативы рабочих организаций одинаково боялись как Сталин, так и его испанские союзники. Сильная военная промышленность стала бы могущественным орудием в руках рабочих. Вожди Народного фронта предпочитали зависимость от Москвы"².

Эта зависимость определялась не только шантажом со стороны Сталина в качестве поставщика оружия. "В шантаже недостатка, конечно, не было. Но причина этого шантажа была заложена во внутренних условиях самой революции"³. И Сталин, и лидеры Народного фронта хотели одного и того же: ослабления возрастающего натиска рабочих и крестьянских масс на режим полufeодальной и буржуазной собственности. Республиканское правительство обещало буржуазии сохранить её собственность с помощью "демократических" мер. Однако ход революции показал, что отстаивать частную собственность против революционных масс невозможно иначе, как мерами самой необузданной реакции.

Исходя из этих предпосылок, Троцкий отмечал поверхностность объяснения, гласящего, что сталинисты просто выменяли власть на оружие. "За доставку оружия Москва получала испанское золото. По законам капиталистического рынка этого вполне достаточно. Как же Сталин умудрился получить в придачу ещё и власть? На это отвечают обычно: поднимая в глазах масс свой авторитет военными поставками, советское правительство ставило условием своего "сотрудничества" решительные меры против революционеров и тем устраняло с пути опасных противников. Всё это совершенно бесспорно; но это только одна, и притом менее важная сторона дела". Деятели Народного фронта с большей или меньшей готовностью шли навстречу требованиям Москвы, потому что они сами хотели удержать революцию в буржуазных рамках. Только под этим, более широким углом зрения становится понятной та "ангельская терпимость", которую проявили по отношению к преступлениям сталинистов "рыцари свободы и права" из числа лидеров Народного фронта. "Если у них не было никакого другого выбора, как они утверждают, то вовсе не потому, что за самолёты и танки они не могли расплачиваться иначе, как головами революционеров и правами рабочих, а потому, что их собственную "чисто демократическую", т. е. антисоциалистическую программу нельзя было осуществить никакими другими мерами, кроме террора. Когда рабочие и крестьяне вступают на путь *своей* революции, т. е. захватывают заводы, имения, изгоня-

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 12.

² Там же. С. 11-12.

³ Там же. С. 9.

ют старых владельцев, овладевают властью на местах, то у буржуазной контр-революции - демократической, сталинской или фашистской, всё равно - нет никаких других средств остановить это движение, кроме кровавого насилия, дополненного ложью и обманом. Преимущество сталинской клики на этом пути состояло в том, что она сразу начала применять методы, которые были не по плечу Асаньям, Компанисам, Негринам (премьер-министр испанского правительства, сменивший в июне 1937 года на этом посту Л. Кабальеро - В. Р.) и их левым союзникам"¹.

Такая политика фатально обрекала испанскую революцию на поражение. Проводя принцип "демократической революции", т. е. неприкосновенности частной собственности, Сталин стремился завоевать доверие французской и английской буржуазии, доказать ей на деле свою готовность отстоять "порядок" от "анархии". На этом пути он неизбежно вступил в конфликт с устремлениями испанских рабочих и крестьян, ставивших перед собой социалистические задачи. "Гражданская война, в которой сила голого принуждения мало действительна, требует высшей самоотверженности от своих участников. Рабочие и крестьяне способны обеспечить победу лишь в том случае, если ведут борьбу за своё собственное освобождение. Подчинить в этих условиях пролетариат руководству буржуазии значит обеспечить его поражение в гражданской войне"².

Троцкий подчёркивал, что испанский пролетариат проявил в гражданской войне высокую степень политической зрелости и превосходные боевые качества. По своему удельному весу в населении, по своему политическому и культурному уровню он был не ниже, а выше русского пролетариата в начале 1917 года. Главным препятствием к его победе были его собственные политические организации, оказавшиеся неспособными сплотить массы и противопоставить их не только франкистским мятежникам, но и оппортунистическому руководству Народного фронта. "Ни в героизме масс, ни в мужестве отдельных революционеров недостатка не было. Но массы были предоставлены самим себе, а революционеры оставались разобщены, без программы, без плана действий. "Республиканские" военачальники больше заботились о подавлении социальной революции, чем о военных победах. Солдаты теряли доверие к командирам, массы - к правительству, крестьяне отходили в сторону, рабочие уставали, поражение следовало за поражением, деморализация росла"³.

Главную ошибку ПОУМа и других оппозиционных партий Троцкий видел в том, что они не решились встать на путь решительной борьбы с правительством Народного фронта из-за боязни возникновения гражданской войны в тылу республиканских армий. "Как будто в республиканской Испании и без того не идёт гражданская война, притом самая подлая и бесчестная, война собственников и эксплуататоров против рабочих и крестьян. Эта непрерывная война выражается в арестах и убийствах революционеров, подавлении массового движения, разоружении рабочих, вооружении буржуазной полиции,

¹ Там же.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 13.

оставлении на фронте без оружия и помощи рабочих отрядов, наконец, в искусственной задержке развития военной промышленности. Каждый из этих актов представляет жестокий удар по фронту, прямую военную измену, продиктованную классовыми интересами буржуазии. Однако "демократический" филистёр - включая сталинцев, социалистов и анархистов - считает гражданскую войну буржуазии против пролетариата, хотя бы и в непосредственном тылу фронта естественной и неизбежной войной, имеющей своей задачей обеспечить "единство Народного фронта". Зато гражданская война пролетариата против "республиканской" контрреволюции есть в глазах того же филистера преступная, "фашистская", троцкистская война, нарушающая... "единство антифашистских сил"¹. За постоянными призывами к "антифашистскому единству" не скрывалось ничего, кроме претензий на монополию коммунистической партии и её правых союзников.

"Вторая" гражданская война имела своим неизбежным следствием ослабление республиканских сил, создание благоприятных условий для победы мятежников и падение притягательной силы испанской революции в глазах трудящихся всего мира. "Если бы республиканцы одержали по крайней мере победу, многие склонны были бы смотреть на преступления Сталина снисходительно: "победителей не судят". Но сейчас стало совершенно ясно, что подлые убийства революционеров имели только одно последствие, именно облегчение победы Франко. У многих слепцов падет повязка с глаз"².

Троцкий считал законом каждой революции развитие силы её международного притяжения и международной поддержки в соответствии с той революционной программой, которую осуществляют восставшие массы. Так происходило на первых этапах испанской революции, когда революционные рабочие были хозяевами положения в тылу и на фронте, в народной милиции и на фабриках. "Весь международный пролетариат с затаенным дыханием следил за испанской революцией, пока она была подлинным движением масс к социализму. Сочувствие трудящихся превратилось в изумление, негодование, ещё хуже, индифферентизм, когда Сталин, Негрин и К^о стали душить испанскую революцию"³.

Не лучше складывалось положение и с точки зрения внутренних условий испанской революции, социальная база которой непрерывно сужалась. Испанская буржуазия с самого начала поняла, что революционное движение направлено против частной собственности и что справиться с этим движением демократическими методами совершенно невозможно. Если Сталину и удастся довести до конца свою работу могильщика испанской революции, отмечал Троцкий, это не приведёт к его победе на испанской земле. "Испанская буржуазия нуждалась в нём как в палаче, но он вовсе не нужен ей как покровитель и наставник... Возможно, что Сталин и сам хочет унести из Испании ноги до

¹ Там же.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 11.

³ Бюллетень оппозиции. 1938. № 72. С. 15.

окончательной катастрофы: он надеется, таким образом, переложить ответственность за поражение революции на своих ближайших союзников"¹.

Троцкий подчёркивал, что в Испании могла победить либо социалистическая революция, либо фашизм. Выдвинутое Народным фронтом требование не выходить за пределы буржуазной демократии означало на деле отказ не только от социалистической, но и от демократической революции. Даже чисто демократические задачи, такие, как экспроприация крупных землевладельцев, могли быть решены не методами буржуазной демократии, а методами социалистической революции. Попытки Сталина вкупе с вождями Народного фронта выбрать третий путь, путь сохранения капиталистического режима на "демократической" основе не только обрекли испанскую революцию на поражение, но и скомпрометировали официальный коммунизм в глазах трудящихся всего мира.

Такая оценка международной перспективы в связи с исходом испанских событий принадлежала не одному Троцкому. К аналогичным выводам приближался Эрнст Тельман, который в письме от 1 марта 1939 года, направленном советскому руководству, писал: "Мировое мнение будет расценивать победу Франко как новую победу фашизма, так же, как в обратном случае победа красной Испании над Франко - расценивалась бы как победа большевизма. Поэтому дело идёт сейчас не только о спасении красной Испании, как будущего большевистского государства, но речь идёт о возможности спасения престижа коммунизма, что связано с поражением красной Испании. Эта потеря престижа для коммунизма будет значительно больше, чем, например, поражение коммунизма в Германии в 1933 году из-за победы национал-социализма, так как в Испании идёт ожесточённая борьба с оружием в руках и созданы и используются все возможности для международной поддержки"².

Тельман не знал и не мог представить себе того, что ко времени написания его письма судьба Испании, равно как и престиж международного коммунизма стали абсолютно безразличны для Сталина. Сталин затевал в это время новую политическую игру, направленную на достижение сговора с Гитлером.

Определённые отклики на изменение сталинской политики в Испании можно обнаружить в фашистской печати. Так, главный редактор немецкой газеты "Франкфуртер цайтунг" в конце 1939 года опубликовал статью "Итальянцы - реалисты", в которой подчёркивал, что "Италия никогда не была врагом национального советского большевизма... Пока Москва вела политику, приносящую вред интересам фашизма и Италии, это побуждало Италию к вмешательству в испанскую войну, чтобы помочь победе Франко - победе над политикой Коминтерна... Чем больше Советский Союз отстранялся от Испании, тем больше интереса проявляла итальянская политика к установлению нормальных отношений между Римом и Москвой"³.

Троцкий неоднократно указывал на то, что победа испанской революции открыла бы путь распространению социалистической революции на другие

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 14.

² Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 93.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 388, л. 60-62.

страны, тогда как её поражение стало бы неминуемым прологом к мировой войне. Если бы испанская революция одержала победу, она дала бы мощный толчок революционному движению во Франции и других странах Европы. Победоносное революционное движение предупредило бы мировую войну, сделало бы её ненужной и невозможной. Но социалистический пролетариат Испании оказался задушен коалицией Сталина и лидеров Народного фронта ещё раньше, чем он был окончательно разгромлен бандами Франко. "Поражение испанской революции отдаляет революционную перспективу в Европе и приближает перспективу империалистической войны. Не видеть этого могут только слепцы!"¹.

Троцкий писал, что в Испании Сталин потерпел менее непосредственное, но не менее глубокое поражение, чем республиканское правительство. "Дело идёт при этом о чём-то неизмеримо большем, чем чисто военное поражение или даже проигранная война. Вся политика испанских "республиканцев" определялась Москвой. Те отношения, которые установились у республиканского правительства с рабочими и крестьянами, представляли только перевод на язык войны тех отношений, какие установились между кремлёвской олигархией и народами Советского Союза... Основная тенденция политики состояла в замене народа бюрократией, а бюрократии - политической полицией. Благодаря условиям войны тенденции московского бонапартизма не только получили в Испании крайнее выражение, но и подверглись очень быстрой проверке. В этом важность испанских событий с точки зрения международной и прежде всего советской. Сталин не способен воевать; а когда он оказывается вынужден воевать, он не способен дать ничего, кроме поражений"².

После поражения испанской революции Троцкий считал мировую войну неизбежной потому, что это поражение обусловило ещё большую деморализацию мирового рабочего движения - единственной силы, которая могла бы предотвратить глобальную войну. "Трагический опыт Испании, - провидчески писал он, - есть грозное предупреждение - может быть, последнее предупреждение перед ещё более великими событиями"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 5.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 147.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 14.

XXVII

Мюнхенский сговор

Прогноз Троцкого реализовался ещё до окончательного поражения испанской революции. Осуществив в марте 1938 года аншлюсс - присоединение Австрии к Германии, Гитлер вскоре начал оказывать давление на Чехословакию с целью добиться от неё передачи Германии Судетской области. Он ясно давал понять, что в случае отказа Чехословакии от решения этой проблемы мирным путём он прибегнет к военным действиям.

В этих требованиях Гитлера было немало элементов блефа. Чехословакия, имевшая договоры о дружбе и взаимной помощи с СССР и Францией, обладала к тому же внушительными собственными вооружёнными силами. В их состав входило 45 дивизий численностью 2 млн. чел. Чехословакия располагала 1582 самолётами и другим современным вооружением¹. Оборона страны опиралась на мощные пограничные укрепления в горах, не уступавшие французской линии Мажино. Немецкая армия, целиком сконцентрированная против Чехословакии, не была способна осуществлять сколько-нибудь серьёзные военные действия на Западе (в случае верности Франции своему союзническому долгу) и тем более противостоять объединённым вооружённым силам франко-советско-чехословацкой коалиции.

Все немецкие генералы, близкие к Гитлеру и пережившие вторую мировую войну, в своих воспоминаниях утверждали: если бы не Мюнхенское соглашение, Гитлер напал бы в октябре 1938 года на Чехословакию. В этом случае, несмотря на возможные колебания в Москве, Париже и Лондоне, СССР, Франция и Англия вступили бы в войну, в которой скоро наступило бы поражение Германии.

И наглость Гитлера в своих экспансионистских притязаниях, и уступчивость западных демократий в немалой степени были обусловлены представлением об ослаблении Советского Союза в результате непрекращающейся чистки. К тому же и советская дипломатия вела себя достаточно пассивно. Скованный сталинским обручем Литвинов вынужден был ограничиваться выступлениями в Лиге наций, содержащими предложения о мирном решении кризиса путём созыва конференции заинтересованных держав. В конце июня 1938 года Литвинов выступил в Ленинграде с речью, в которой говорилось: "Последние пять лет в дипломатических кругах Запада всё сводится к попыткам не замечать откровенно агрессивной политики Германии, к соглашательству на её требования, а зачастую и капризы, из опасения вызвать малейшее недовольство". Когда же речь зашла о возможных действиях Советского Союза, Литвинов высказался весьма осторожно: "Мы намеренно воздерживаемся от непрошенных советов чехословацкому правительству... Советское правительство во всяком случае не несёт ответственности за дальнейшее развитие событий."

¹ История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 2. С. 108.

СССР... не желает никому навязывать себя в качестве партнёра или союзника, но готов согласиться на коллективное сотрудничество".

Комментируя эти высказывания Литвинова и их резонанс на Западе, английский историк А. Буллок справедливо замечает: "Можно было предположить, что такая позиция Советского Союза обуславливалась чистками, в значительной степени охватившими Советскую Армию... Как следствие этого, победа на Дальнем Востоке (в боях на озере Хасан летом 1938 года - В. Р.) не поколебала уверенности Парижа, Лондона и Берлина в том, что из-за повальных репрессий русских нельзя считать серьёзным военным противником"¹.

У Советского Союза была бесспорная возможность оказать Чехословакии помощь в одиночку. Одним из вариантов такой помощи могли стать действия, осуществляемые через голову чехословацкого правительства, опираясь на активные просоветские настроения в массах. 22 сентября советский посол в Чехословакии Александровский сообщал в Москву: "В Праге происходят потрясающие сцены. Полпредство (СССР) окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции приходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют "Интернационал". В речах надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство... Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть"².

К вмешательству СССР через голову официальной власти, склонявшейся к капитуляции перед агрессором, готовила народ компартия Чехословакии - одна из самых многочисленных и влиятельных компартий в Европе. В листовке КПЧ, выпущенной в дни кризиса, говорилось: "По совершенно достоверным сообщениям, Советский Союз полон решимости помочь Чехословакии в любом случае и в любую минуту, как только на нас нападут... Советский Союз непоколебимо с нами"³.

Второй вариант советской помощи был связан с проведением более активной и гибкой внешней политики, которая могла бы снять сомнения и колебания Бенеша, в известной мере опасавшегося советизации Чехословакии в случае вступления на её территорию Красной Армии. Однако Сталин не позволил Литвинову или кому-либо из других видных советских политических деятелей прибыть в Чехословакию, из-за чего Бенеш вынужден был ограничиваться безрезультатными консультациями с Александровским. Как сообщал Александровский 29 сентября в Москву, "в последних разговорах со мной он (Бенеш) каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции"⁴.

В начале 90-х годов чешский историк Пфафф на основе изысканий в архивах нескольких европейских стран обнаружил документы, представляющие в

¹ Буллок А. Гитлер и Сталин. С. 194-195.

² Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 129.

³ Новое время. 1978. № 36. С. 26.

⁴ Там же.

новом свете картину взаимоотношений СССР и Чехословакии в дни сентябрьского кризиса, т. е. переговоров Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини о решении судьбы Чехословакии. В книге "Советская измена" Пфафф рассказывает, что вечером 27 сентября Бенеш обратился к советскому правительству с просьбой направить в Чехословакию 700 бомбардировщиков и истребителей¹. Несколько ранее Литвинов тайно встретился на конспиративной вилле чехословацкой разведки в Швейцарии с министром иностранных дел Румынии. На этой встрече министры договорились о том, что в случае нападения Германии на Чехословакию румынское правительство даст согласие пропустить через свою территорию 100 тысяч советских солдат, а также артиллерию, танки и авиацию (тогда Румыния не была ещё союзницей Германии, а, напротив, сама опасалась германской агрессии). 23 сентября румынское правительство направило Литвинову ноту с предложением письменно закрепить эту договорённость и выражением готовности немедленно открыть своё воздушное пространство для переброски советской авиации в Прагу. Чехословацкие аэропорты с середины сентября были готовы принять 675 советских самолётов. Однако советское правительство проигнорировало как румынские предложения, так и обращения Бенеша в Москву с просьбой о непосредственной военной помощи в защите независимости Чехословакии, сделанные 26-28 сентября².

Мюнхенское соглашение было подписано главами правительств Англии, Франции, Германии и Италии 29 сентября. В нём Чехословакии предписывалось в недельный срок передать Германии Судетскую область, удовлетворить территориальные притязания, предъявленные Польшей, и отказаться от Закарпатской Украины. Представители Чехословакии были вызваны в Мюнхен лишь для того, чтобы выслушать этот приговор. В дополнении к соглашению говорилось о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства в целях его защиты от неспровоцированной агрессии. Эта договорённость была грубо нарушена Германией спустя полгода, не встретив каких-либо ответных действий со стороны Англии и Франции.

На следующий день Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию, где было зафиксировано условие, на котором правящие круги Англии соглашались выдать Чехословакию Германии, - "обещание" Гитлера не нападать на Великобританию. 6 декабря 1938 года была подписана аналогичная франко-германская декларация.

По мюнхенскому соглашению Чехословакия лишалась пятой части своей территории. В отделённых от неё районах проживало около четверти населения страны и находились важнейшие военные укрепления, представлявшие одну из самых мощных оборонительных линий в Европе. Страна утратила 66 % добычи угля, 86 % производства химической промышленности, 80 % производства цемента, 70 % выплавки чугуна и стали, 70 % выработки электроэнергии³. Новая граница Чехословакии упиралась в дальние пригороды Праги.

¹ Pfaff Ivan. Sovetska zrada. 1938. Praga. 1993. S. 81, 120.

² Ibid. S. 54-57.

³ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй

Благодаря позорной трусости и попустительству со стороны Англии и Франции Гитлер всего за шесть месяцев беспрепятственно захватил Австрию и Судетскую область, добавив к третьему рейху 10 миллионов немцев. Это позволило увеличить население Германии до количества, более чем в два раза превышающего население Франции.

Сам Гитлер был изумлён тем, с какой лёгкостью Чемберлен и Даладьё согласились на мюнхенскую сделку. "Вы думаете, - говорил он венгерскому министру иностранных дел 16 января 1939 года, - что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюде её друзьями?... То, что произошло, может произойти лишь раз в истории"¹.

По возвращении из Чехословакии Чемберлен объявил в лондонском аэропорту, что он привёз мир для целого поколения. Не прошло и года, как сбылись слова Черчилля о мюнхенском стоворе: "Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом..."².

Многие западные политики справедливо расценили мюнхенский стовор не только как предательство Англией и Францией дружественной страны, но и как проявление поразительной политической и стратегической слепоты Чемберлена и Даладьё. Посол США в Испании Бауэре писал другому американскому дипломату Додду: "Мюнхенский мир" за одну ночь свёл Францию до положения жалкой второсортной державы, лишив её друзей и всеобщего уважения, а Англии нанёс такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена посадили бы в Тауэр, а Даладьё казнили бы на гильотине"³.

Даже после подписания мюнхенского соглашения советское правительство имело возможность, в случае проведения более динамичной, активной и последовательной внешней политики, сдержать германскую агрессию. Получив утром 30 сентября текст соглашения, Бенеш сразу же связался с полпредством СССР в Праге и просил не позднее вечера этого дня сообщить ему, что думает советское руководство о "двух возможностях": следует ли Чехословакии бороться или капитулировать. К этому Бенеш добавил, что другие великие державы "позорным образом принесли Чехословакию в жертву Гитлеру". Однако немедленного ответа от Москвы, который мог бы сыграть решающую роль, получено не было. Спустя несколько часов Александровский выразил желание встретиться с Бенешем, но всего лишь для получения "дополнительной информации". Секретарь Бенеша сообщил ему, что чехословацкое правительство уже приняло мюнхенские условия⁴.

Троцкий откликнулся на сентябрьский кризис 1938 года несколькими статьями. Ещё 19 сентября он написал статью "Фразы и реальность. К международному положению", в которой чётко характеризовал политическую суть пе-

мировой войны. М., 1992. С. 20.

¹ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. I. Германская политика в Венгрии (1937-1942 гг.). М., 1946. С. 89-90.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. М., 1991. С. 149.

³ Цитирую по: Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер. С. 33.

⁴ Открывая новые страницы... С. 66.

реговоров, предшествовавших мюнхенскому сговору: "Две великие "демократии", Франция и Англия, уговаривают Прагу уступить Гитлеру, которого поддерживает Муссолини. Праге не остаётся, видимо, ничего другого, как внять "дружественным" советам. О Москве при этом нет и речи. Никто не интересуется мнением Сталина и его Литвинова... Кремль более изолирован, чем когда-либо"¹.

В постскрипуме к этой статье, написанном 22 сентября, Троцкий указывал на неминуемые последствия предстоящего сговора. "Чехословакия, как военная держава, исчезает с карты Европы... Самая капитальная стена богемской крепости рушится от звуков фашистской трубы. Германия приобретает не только три с половиной миллиона немцев, но и прочную границу. Если до сих пор Чехословакия рассматривалась как военный мост для СССР в Европу, то теперь она становится мостом для Гитлера на Украину. Международная "гарантия" независимости остатков Чехословакии будет означать неизмеримо меньше, чем такая же гарантия для Бельгии до (первой мировой) войны... Военное соглашение между Францией и СССР теряет отныне 75 % своего значения и может легко потерять всё 100 %".

Троцкий делал вывод, что крушение Чехословакии означает крушение международной политики, которую Советский Союз проводил с 1933 года. "Московская идея "союза демократий" для борьбы с фашизмом оказалась безжизненной фикцией. Никто не хочет воевать ради абстрактного принципа демократии; все воюют из-за материальных интересов. Англия и Франция предпочитают удовлетворять аппетиты Гитлера за счёт Австрии и Чехословакии, а не за счёт своих колоний".

Прогнозируя дальнейшее развитие международных событий, Троцкий замечал, что "компромисс на трупе Чехословакии ни в малейшей степени не обеспечивает мира, а только создаёт для Гитлера более благоприятную базу для предстоящей войны. Полёты Чемберлена под небесами войдут в историю как символ тех дипломатических конвульсий, которые переживала разобщённая, жадная и бессильная империалистическая Европа накануне новой бойни, которая готовится залить кровью всю нашу планету"².

Этот прогноз Троцкий повторил в статье "Свежий урок (К вопросу о характере предстоящей войны)", написанной сразу после мюнхенского соглашения. Здесь он выражал уверенность в том, что "мюнхенский квартет так же мало способен охранить мир, как и никогда не существовавший "фронт демократий"³.

Касаясь реакции советской пропаганды на события, произошедшие после мюнхенского сговора, Троцкий писал: "Московские фальсификаторы поражают ныне своего бывшего демократического друга Бенеша дешёвыми проклятиями за то, что он преждевременно "капитулировал" и помешал Красной Армии разгромить Гитлера, независимо от поведения Франции. Эти театральные громы только ярче освещают бессилие и лживость Кремля. Кто же вас застав-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 2.

² Там же. С. 3-4.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 71. С. 3.

лял верить Бенешу? Кто вынуждал вас сочинять миф о "союзе демократий"? Кто помешал вам, наконец, в критические часы, когда вся Чехословакия кипела котлом, призвать пролетариат Праги овладеть властью и послать ему на помощь Красную Армию?... На примере Чехословакии все малые государства и особенно все колониальные народы должны понять, какой помощи они могут ждать от Сталина"¹.

Подчеркивая, что источник пораженческой политики находится в Кремле, Троцкий утверждал, что "можно с уверенностью ждать теперь попыток советской дипломатии сблизиться с Германией ценою дальнейших отступлений и капитуляций"².

Недальновидные буржуазные политики и журналисты были склонны объяснять это предостережение Троцкого его пресловутой личной ненавистью к Сталину. Для тех же, кто был посвящён в зигзаги тайной дипломатии тоталитарных государств, оно не могло показаться преувеличением. Уже в первые дни после мюнхенского соглашения советник германского посольства в Москве Типпельскирх писал в МИД Германии: "Обращаясь к области политического прогноза, нельзя отказаться от мысли, что Советский Союз перестроит свою внешнюю политику... Я не считаю невероятной гипотезу, что современное положение открывает благоприятные возможности для нового и более широкого экономического соглашения Германии с СССР"³.

¹ Там же. С. 7.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 70. С. 4.

³ Цит. по: История и сталинизм. М., 1991. С. 204.

XXVIII

Кампания по поводу "Великой Украины"

Определённые сложности в отношениях СССР и Германии наметились в конце 1938 - начале 1939 года в связи с кампанией по поводу возможности создания т. н. "Великой Украины". Эта кампания была связана с тем, что одним из последствий Мюнхенского соглашения и расчленения Чехословакии стало создание марионеточной "Независимой Карпатской Украинской республики" с "автономным правительством". Вслед за этим на Западе стали распространяться сообщения о предстоящем "воссоединении" Германией Закарпатской Украины с советской Украиной путём поглощения последней и включения её в состав "Великой Украины". Эта тема активно обсуждалась на Западе, поскольку было хорошо известно, что на протяжении длительного времени влиятельная группа национал-социалистов, возглавляемая А. Розенбергом, выступала за захват советской Украины и включение её в германскую империю.

На протяжении нескольких месяцев "украинская тема" оживлённо дебатировалась в мировой печати, на дипломатических переговорах и в дипломатической переписке. 15 декабря 1938 года французский посол в Германии Кулондр писал министру иностранных дел Бонне, что "вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистический аппарат говорит об Украине... Пути и средства, кажется, ещё не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной - создать великую Украину, которая стала бы жигницей Германии". Активизацию вопроса об Украине Кулондр объяснял переживаемыми Германией продовольственными трудностями. "Чтобы подержать и усилить предвоенную экономику, - писал он, - нужны жигница, шахты, рабочая сила; Украина - вот путь к империи"¹.

В телеграмме Литвинову от 14 декабря 1938 года советник посольства СССР в Германии Астахов писал, что тема Украины, находящая отражение в германской печати, "является сейчас одной из самых модных в Берлине". Об актуальности украинской "проблемы" открыто говорят как "низовые чернорубашечники, так и высокопоставленные официальные лица. Решение проблемы мыслится в плане создания "единой Украины" из всех частей, включая советскую"².

"Украинская проблема", как сообщал в Москву посол в Англии Майский, гораздо больше муссировалась в Англии и Франции, чем в Германии. "Из того, что я слышал и наблюдал на протяжении минувших двух месяцев, - писал он, - с полной определённой вытекает заключение, что чемберленовские круги сознательно раздувают "украинское направление" германской агрессии, стремясь подсказать Гитлеру именно такой ход"³. Несколько ранее Майский сообщал, что "в британских правительственных кругах... сейчас очень популярна

¹ Год кризиса. Т. I. С. 148-149.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 181.

концепция, согласно которой ближайший удар Гитлера будет на восток, в частности против Советской Украины"¹. Из этого прогноза советник Чемберлена Вильсон в беседе с Майским сделал вывод, что "Англии в ближайшем будущем не угрожает война". "Весьма вероятно, - суммировал высказывания английских политический деятелей Майский, - что если не весь кабинет в целом, то, по крайней мере, отдельные члены британского правительства поощряют Гитлера в сторону "восточной экспансии"². Аналогичные сообщения в Москву шли из Парижа от советского посла Сурица, который писал, что многие французские политические деятели придерживаются мнения о серьёзности германских приготовлений и намерений в отношении Украины, которая является наиболее вероятным и ближайшим объектом германской экспансии³.

В дипломатических документах не зафиксировано ни одного факта официальных либо неофициальных бесед деятелей третьего рейха на тему "Великой Украины" с представителями Англии и Франции. "Украинская тема" была затронута лишь на переговорах Риббентропа с польским министром иностранных дел Веком, которые состоялись 6 и 26 января 1939 года. В первой беседе Риббентроп говорил о необходимости присоединения Данцига к Германии и строительства через польскую территорию экстерриториальной автостреды и железной дороги, соединяющих основную часть Германии с Восточной Пруссией. Далее он сообщил, что Гитлер "уже изложил нашу отрицательную позицию в отношении Великой Украины" и спросил Бека, не отказалось ли польское правительство от претензий маршала Пилсудского на Украину. На это Бек ответил, что поляки "уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, всё ещё живы и сегодня"⁴.

Во второй беседе Риббентроп вернулся к "известному германскому предложению" о возвращении Данцига и создании автомобильной и железнодорожной линии через "польский коридор". На этот раз он предложил Беку в качестве своего рода компенсации "сотрудничество между Польшей и Германией" в вопросе о Великой Украине. Бек охотно откликнулся на эту идею, заявив, что "Польша претендует на Великую Украину и на выход к Чёрному морю"⁵.

Большинство советских и зарубежных дипломатов и политиков считали, что Гитлер не станет предпринимать прямое военное вторжение на Украину, а будет стремиться вызвать в ней сепаратистское движение. В беседе с Майским Вильсон заявил, что линия Гитлера "будет примерно та же, что и в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышки, восстания украинского населения, а затем "освобождение" Украины под лозунгом "самоопределения"⁶. Кулондр также считал маловероятным осуществление Гитлером планов, связанных с созданием "Великой Украины", путём прямого военного вмеша-

¹ Там же. С. 138.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 175-176.

⁵ Там же. С. 194-195.

⁶ Там же. С. 121.

тельства. "В окружении Гитлера, - писал он, - подумывают о такой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польше, Румынии и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, и в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов". При этом, по мнению Кулондра, решающее значение будет иметь "создание внутренних неурядиц в Советской Украине"¹.

Известным основанием для таких прогнозов была деятельность националистических сил украинской эмиграции, которые считали себя с 1919 года в состоянии войны с Советской Россией. Украинские националисты имели свою военизированную организацию ОУН, в составе которой находились две бригады численностью около двух тысяч человек. ОУН предполагала в ближайшем будущем в союзе с немцами "освободить" Советскую Украину и имела своё подполье в УССР, которое должно было развернуть деятельность в случае войны².

Откликаясь на кампанию за создание "Великой Украины", Троцкий писал, что "Советская Украина развивала в первый период своего существования могучую притягательную силу также и в национальном отношении и поднимала на борьбу рабочих, крестьян и революционную интеллигенцию Западной Украины, порабощённой Польшей. Однако за годы термидорианской реакции положение Советской Украины, а вместе с тем и постановка украинского вопроса в целом резко изменились. Чем глубже были пробужденные надежды, тем острее оказалось разочарование. Бюрократия душила и грабила народ и в Великороссии. Но на Украине дело осложнялось разгромом национальных упований. Нигде зажим, чистки, репрессии и все вообще виды бюрократического хулиганства не принимали такого убийственного размаха, как на Украине, в борьбе с сильными подпочвенными стремлениями украинских масс к большей свободе и самостоятельности".

Всё это привело к тому, что от прежнего доверия и симпатий зарубежных украинских масс к Кремлю не осталось и следа. -"Со времени последней разбойничьей "чистки" на Украине никто на Западе не хочет примыкать к кремлёвской сатрапии, продолжающей именоваться Советской Украиной. Рабочие и крестьянские массы в Западной Украине, в Буковине, в Карпатской Украине растеряны: куда повернуться? чего требовать? Это положение, естественно, передаёт руководство наиболее реакционным украинским кликам, которые свой "национализм" выражают в том, что пытаются продать украинский народ то одному, то другому империализму в возмещение за обещание фиктивной независимости. На этой трагической смуте Гитлер основывает свою политику в украинском вопросе"³.

Перелом в этой политике наступил в дни захвата Германией Чехословакии (см. гл. XXX), когда Закарпатскую Украину с согласия Гитлера оккупировали войска реакционного хортистского режима в Венгрии, незадолго до этого при-

¹ Там же. С. 145, 148.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 19, 26.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 4-5.

соединившейся к Антикоминтерновскому пакту. Автономное правительство Закарпатской Украины, созданное гитлеровцами после Мюнхена, было распущено, а её территория была объявлена частью Венгрии. Украина оказалась, говоря словами Троцкого, "распятой между четырьмя государствами"¹ - СССР, Польшей, Венгрией и Румынией.

Объясняя, почему "Гитлер с таким шумом поднял вопрос о создании "Великой Украины" и... с такой воровской поспешностью снял этот вопрос", Троцкий писал, что мотивы поведения Гитлера "надо искать, с одной стороны, в мошеннических комбинациях немецкого империализма, с другой стороны - в опасении вызвать дьявола, с которым трудно будет справиться. Карпатскую Украину Гитлер подарил венгерским палачам. Сделано это было, если не с явного одобрения Москвы, то во всяком случае в расчёте на такое одобрение. Гитлер как бы говорит Сталину: "Если б я собирался атаковать завтра Советскую Украину, я бы сохранил Карпатскую Украину в своих руках". В виде ответа Сталин на 18-м съезде открыто взял под свою защиту Гитлера от клеветы западных "демократий"²*. Гитлер покушается на Украину? Ничего подобного! Воевать с Гитлером? Ни малейших оснований! Передача Карпатской Украины в руки Венгрии явно истолковывается Сталиным как акт миролюбия"³.

Характеризуя поведение Сталина в связи с кампанией по поводу "Великой Украины", Троцкий делал вывод, что Сталин относится к народам зарубежной Украины так же, как "ко всем угнетённым народам, ко всем колониям и полуколониям, т. е. как к разменной монете в своих международных комбинациях с империалистскими правительствами"⁴.

¹ Там же. С. 3.

² Значительную часть международного раздела доклада на XVIII съезде Сталин посвятил иронизированию над "шумом, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины". "Деятели этой прессы, - заявил он, - до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований" (XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 13).

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 3, 5-6.

⁴ Там же. С. 5.

XXIX

Начало политических маневров

В самый разгар кампании по поводу "Великой Украины" правительства СССР и Германии сделали первые шаги в сторону улучшения своих политических отношений.

В октябре 1938 года Литвинов и Шуленбург достигли договорённости о том, что пресса и радио обеих стран будут воздерживаться от прямых взаимных нападок¹. С этого времени немецкая пропаганда перестала акцентировать внимание на том, что врагом №1 является Советский Союз, и усилила нападки на "западные плутократии".

5 января 1939 года советский посол в Германии Мерекалов сообщил в Москву о желании немцев возобновить прерванные в марте 1938 года переговоры о предоставлении Германией кредита в 200 млн. марок и пойти при этом на серьёзные уступки Советскому Союзу. Спустя три дня Микоян направил Мерекалову телеграмму о согласии советского правительства на возобновление переговоров "на базе улучшения ранее выставленных германской стороной условий"².

12 января 1939 года на приёме дипломатического корпуса сам Гитлер сделал демонстративный жест по отношению к советскому полпреду. Как записал в своём дневнике его адъютант Видеман, "Гитлер особенно дружественно приветствовал русского посла и подчёркнуто долго беседовал с ним... Действительно дружественная атмосфера, в которой он вёл беседу, ясно показывала, что в его установках что-то изменилось. И Гитлер это ясно продемонстрировал русским"³. Вслед за Гитлером к Мерекалову подошли Риббентроп, Кейтель и другие деятели третьего рейха, тепло приветствовавшие его.

Однако здесь советская дипломатия дала явный сбой. Мерекалов, принадлежавший к новой генерации дипломатов, выдвинувшейся на гребне репрессий 1937-1938 годов, не обладал большим дипломатическим опытом и плохо владел немецким языком. Он не всё разобрал из слов Гитлера, беседовавшего с ним без переводчика, и не придавал особого значения демаршу, замеченному всем дипломатическим корпусом. Как видно из его записи в дневнике, он даже не догадывался, что поведение Гитлера на приёме имело далеко идущий смысл⁴.

События, последовавшие за мюнхенским соглашением, показали, что Гитлер не отказывается от попыток дальнейшего давления на сопредельные страны и западные "демократии". В конце 1938 года в столицах западных государств появились сообщения о том, что после "закрепления на Востоке" (в Польше и Прибалтике) Гитлер нанесёт следующий удар по Франции и Англии.

¹ Откровения и признания. С. 52.

² Год кризиса. Т. I. С. 167, 177.

³ Цит. по: Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер. С. 46.

⁴ Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 133.

28 января 1939 года министр иностранных дел Великобритании Галифакс сообщал английским послам: "Сначала казалось - и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, - что он замыслил экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе создания независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией... С тех пор есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке"¹.

8 марта Гитлер произнёс речь на совещании высших военных, экономических и партийных кругов Германии. В этой речи он говорил о предстоящей в ближайшие дни оккупации Чехословакии, вслед за которой настанет очередь Польши. Вторую акцию необходимо провести до осенней распутицы, пока польские дороги пригодны для передвижения механизированных войск. Разгром Польши, продолжал Гитлер, сделает сговорчивыми Венгрию, Румынию и Югославию, которые "безусловно, относятся к жизненно необходимому пространству Германии". В 1940 и 1941 году, по словам Гитлера, Германия раз и навсегда сведёт счёты со своим извечным врагом - Францией, которая будет стёрта с карты Европы. Вслед за Францией придёт черед Англии, которую фюрер охарактеризовал как "старую и хилую страну, ослабленную демократией". Когда Франция будет побеждена, Германия легко установит господство над Англией и получит в своё распоряжение её богатства и владения во всём мире. Объединив под своим владычеством европейский континент, Германия предпримет величайшую за всю историю военную операцию: используя в качестве базы британские и французские владения на американском континенте, она сведёт счёты с "еврейскими королями доллара" в Соединённых Штатах; "мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами"².

В этой речи, намечавшей глобальную военную стратегию Германии, Гитлер, к удивлению присутствующих, ни словом не упомянул об СССР.

Хотя совещание было секретным, уже вечером 8 марта сообщение о речи Гитлера было передано в Москву членами антифашистской группы Шульце-Бойзена-Харнака, действовавшей в министерстве авиации. С учётом основных положений этой речи Сталин, по-видимому, придал окончательный вид международному разделу своего доклада на XVIII съезде ВКП(б).

Этот раздел Сталин открыл утверждением о том, что "уже второй год идёт новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара". Перечислив акты агрессии, осуществлённые Германией, Японией и Италией, он сделал акцент на том, что "фашистские заправилы" обманывают мировое общественное мнение формулами об антикоммунистической "оси" и "треугольнике", маскирующими блок этих держав, направленный против интересов Англии, США и Франции в Европе и на Дальнем Востоке. Далее Сталин обрушился на "неагрессивные государства" за их систематические уступки "господам агрессорам". Одной из причин этих уступок

¹ Год кризиса. Т. I. С. 201.

² Там же. С. 253-254.

он назвал боязнь революции, которая может разыгаться, если война примет глобальный характер. Но главная причина, по его словам, заключалась в отказе неагрессивных стран от политики коллективной безопасности, коллективного отпора агрессорам и переходе их на позиции попустительства, невмешательства и "нейтралитета" ради того, чтобы подтолкнуть агрессоров к войне с СССР.

Любой опытный и проницательный политик не мог не видеть, что критика Сталиным "так называемых демократий" была более резкой, чем критика фашистских держав. Более того, в докладе содержалась прямая угроза "сторонникам политики невмешательства", что начатая ими "большая и опасная политическая игра может закончиться для них серьезным провалом".

Формулируя задачи советской внешней политики, Сталин упомянул о курсе на "мирные, близкие и добрососедские отношения" и установление деловых связей "со всеми странами" (курсив мой - В. Р.) и в этой связи подчеркнул необходимость "соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками"¹.

В высших политических кругах Германии доклад Сталина сразу же был расценен как признак его готовности к коренному повороту в советской внешней политике. Риббентроп впоследствии вспоминал, что он усмотрел в речи Сталина "желание улучшить советско-германские отношения... Я ознакомил с этой речью фюрера и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за этой речью скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался..."².

16 апреля Геринг на встрече с Муссолини обратил внимание последнего на доклад Сталина и заявил, что поставит перед Гитлером вопрос относительно возможности осторожного зондажа России на предмет сближения с ней. В свою очередь Муссолини приветствовал эту идею и высказал мнение, что такого сближения можно будет "достигнуть сравнительно легко"³.

Подлинный смысл сталинской речи был уловлен и некоторыми органами буржуазной прессы. В передовой статье газеты "Нью Чайна дейли ньюс", издававшейся в Шанхае, говорилось: "Необоснованно обвинив демократии в намерении толкнуть Германию на войну против СССР, чтобы извлечь из этого выгоду для себя, Сталин воздержался в то же время от всяких нападок на (Германскую) империю, которые занимали видное место в его прежних речах. Это можно объяснить... тем фактом, что Гитлер в последних выступлениях не только не нападал на Советскую Россию, но даже и не упоминал о ней... Не исключена возможность, что германские планы против Украины будут перенесены теперь на Польшу и что последняя будет разделена между Германией и Россией".

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 9, 13, 15.

² Откровения и признания. С. 15.

³ От Мюнхена до Токийского залива. С. 47.

Лондонский еженедельник "Тайм энд тайд" писал, что своим докладом Сталин "почти создал впечатление, что между Берлином и Москвой легко может быть достигнуто соглашение". К аналогичному выводу приходила канадская "Монреаль газет", которая утверждала, что доклад Сталина прозвучал "почти как сближение между СССР и Германией, поскольку в нём был сделан упор на отсутствие действительной базы для войны между ними".

Доклад Сталина нашёл весьма благожелательный отклик в фашистской прессе. Итальянский журнал "Релациони интернационали" с удовлетворением отмечал, что "позиция Сталина в отношении (немецкого) тоталитарного режима является не полемической, как прежде, а в известной мере осторожной и умеренной". Германский официоз "Фелькишер беобахтер" опубликовал статью с многозначительным названием "Сталин издевается над Англией", где утверждалось, что "Сталин в пух и прах раскритиковал английскую политику. Он упрекал Англию ни в чём ином, как в фальшивой игре, лицемерном миролюбии и жажде войны... Сталин и его правительство в самой торжественной форме заклеили на XVIII съезде лицемерное натравливание демократическими государствами, в особенности Англией, фашистских государств против Советского Союза"¹.

В троцкистской печати доклад Сталина был расценен как зондажная попытка заключить сделку с Гитлером. М. Шахтман в американской газете "Socialist Appeal" усматривал в этом докладе "оливковую ветвь", протянутую Сталиным Гитлеру, и предвещие "возможного развития оси Берлин-Москва"².

Троцкий откликнулся на доклад Сталина статьёй "Капитуляция Сталина", в которой подчёркивал, что "Сталин поторопился извлечь для себя уроки из испанских событий в смысле дальнейшего поворота в сторону реакции... В речи на съезде Сталин открыто порывает с идеей "союза демократий для отпора фашистским агрессорам". Теперь провокаторами международной войны оказываются не Муссолини и Гитлер, а две основные демократии Европы: Великобритания и Франция, которые, по словам оратора, хотя и втравили в вооружённый конфликт Германию и СССР... Отказ от политики "союза демократий" дополняется немедленно униженным пресмыкательством перед Гитлером и усердной чисткой его сапог. Таков Сталин!".

Поворот в сталинской политике Троцкий объяснял тем, что при полном сходстве политических методов Сталина и Гитлера разница результатов их действий на международной арене "бьёт в глаза. Гитлер за короткое время вернул Саарскую область, опрокинул Версальский договор, захватил Австрию и судетских немцев, подчинил своему господству Чехословакию и своему влиянию - ряд других второстепенных и третьестепенных государств. За те же годы Сталин не знал на международной арене ничего, кроме поражений и унижений (Китай, Чехословакия, Испания)".

Считая поверхностным объяснение личными качествами Гитлера и Сталина различий в результатах их международной политики, Троцкий писал: "Гит-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 375, л. 153; д. 376, л. 7, 89; д. 377, л. 17 (здесь и далее ссылки на зарубежную прессу 30-х годов даются по Информационному бюллетеню отдела печати Коминтерна).

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 13, л. 1-3.

лер, несомненно, пронзительнее и смелее Сталина. Однако решает не это. Решают общие социальные условия обеих стран".

Социальный режим Гитлера, будучи порождением мирового капиталистического кризиса, есть в то же время единственно возможный для Германии режим в рамках монополистического капитализма. Разгадка успехов Гитлера состоит в том, что своим режимом он даёт крайнее выражение тенденциям империализма. Разумеется, эти успехи зыбки и непрочны. "Гитлер скоро приблизится... к апогею, чтобы скатиться затем вниз. Но этот момент ещё не наступил. Гитлер ещё эксплуатирует динамическую силу империализма, борющегося за своё существование".

В отличие от этого, сталинистский политический режим вступил в непримиримое противоречие с социальным фундаментом советского общества - национализированной собственностью и плановым хозяйством. Это хозяйство "имеет свои собственные законы, которые всё меньше мирятся с деспотизмом, невежеством и воровством сталинской бюрократии". Чувствуя это, Сталин озабочен в первую очередь тем, чтобы продлить господство бонапартистской клики. "Благодаря неоценимым преимуществам тоталитарного режима... он меняет принципы своей политики именно для того, чтобы не сменили его самого".

Насквозь эмпирический характер политики Сталина затрудняет определение его дальнейших намерений. "Что представляет собою речь Сталина: звено в цепи сложившейся новой политики, опирающейся на уже достигнутые первые соглашения с Гитлером, или же только пробный шар, одностороннее предложение руки и сердца? Весьма вероятно, что действительность проходит ближе ко второму варианту, чем к первому. Победитель-Гитлер отнюдь не спешит закреплять свои дружбы и вражды. Наоборот, он очень заинтересован в том, чтобы Советский Союз и западные демократии подбрасывали друг другу обвинения в "провокации войны". Своим напором Гитлер во всяком случае кое-чего уже достиг: Сталин, вчера ещё "Александр Невский" западных демократий, сегодня обращает свои взоры к Берлину и униженно кается в совершённых ошибках".

Исторический урок, заключённый в докладе Сталина, Троцкий видел в том, что Сталин, истребивший всех соратников Ленина и цвет командного состава армии по обвинению в том, что они являются агентами Гитлера, "открыто ставит ныне свою кандидатуру на роль... главного агента Гитлера"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 3-4.

Изменения в политике западных держав

Исторические события совпали таким образом, что спустя два дня после доклада Сталина Гитлер приступил к молниеносной операции по окончательному расчленению и захвату Чехословакии.

12 марта, после посещения Гитлера главарём словацких фашистов Тисо, была провозглашена "независимость" Словакии, правительство которой немедленно обратилось к Германии за "помощью". В "независимой" Словакии были размещены части вермахта, а её экономика была поставлена под полный контроль немецких монополий.

13 марта немецкие войска вторглись в Чехию, которая была включена в состав германской империи под названием "Имперский протекторат Чехия и Моравия". Англия и Франция не приняли никаких мер для того, чтобы защитить государственную независимость Чехословакии, помешать оккупации Чехии и превращению Словакии в марионеточное государство.

Новая аннексия, предпринятая Германией, резко изменила соотношение сил в Европе. За счёт захваченного в Чехословакии первоклассного оружия было вооружено 40 немецких дивизий. Одни только заводы Шкода выпустили за апрель-август 1939 года столько же военной продукции, сколько произвели за тот же период все английские заводы¹. Таким образом, готовность вермахта и германской военной промышленности к ведению мировой войны возросла в огромной степени.

Кроме того, оккупация Чехословакии значительно ухудшила стратегическое положение Польши, которая оказалась окружённой с трёх сторон Германией. Это явилось одним из факторов, вызвавших предъявление 21 марта в ультимативной форме германских требований Польше: передать рейху Данциг и экстерриториальную зону для строительства автострады и железной дороги, пересекающей т. н. "польский коридор"².

Спустя несколько дней после захвата Чехословакии Гитлер осуществил ещё одну "мирную" аннексию, вынудив литовское правительство подписать договор о передаче Германии Клайпедской (Мемельской) области.

7 апреля произошёл ещё один акт агрессии: вторжение итальянских войск в Албанию. Через несколько дней Чемберлен и Галифакс полетели в Рим, где подписали с Муссолини соглашение, фактически признававшее захват Италией Албании.

Эта дипломатическая акция оказалась, однако, последним словом политики "умиротворения" агрессоров. Правительства Англии и Франции были хорошо осведомлены о глобальных планах Гитлера, которые несли смертельную угрозу их интересам. Общественность этих стран требовала принять решительные меры против усиливавшейся фашистской агрессии. 20 марта Майский сооб-

¹ Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер. С. 36.

² 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 223.

щал в Москву, что "аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее... Политика "умиротворения" в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны... В сильнейшей степени возросла тревога за будущее и усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР"¹.

Об аналогичных настроениях во Франции сообщал Суриц. "Акт 13 марта, - писал он, - окончательно разрушил, таким образом, в глазах всякого среднего француза не только веру в слова Гитлера, веру, что можно договориться с Германией, веру в оправданность сентябрьской жертвы, веру в Мюнхен, но во весь рост поставил проблему германской угрозы, проблему новых германских захватов... Мнение, что ближайший германский удар будет нанесён на Запад и что под этот удар в первую очередь попадёт Франция, становится здесь преобладающим"².

Английский историк Буллок, анализируя события того времени, подчёркивает, что после оккупации Чехословакии зарубежные обозреватели были приведены в замешательство тем, с какой скоростью "то же британское правительство, которое способствовало Мюнхенскому соглашению, сделало крен резко не в сторону политики невмешательства, а напротив - в сторону активного отражения любых дальнейших агрессивных шагов Германии... Летом 1939 года внимание европейской дипломатии оказалось приковано не к Берлину, не к Лондону, не к Парижу, а к Москве; англичане и французы соперничали с Германией в своих попытках завоевать расположение Сталина. В течение пяти месяцев, с апреля по август, Англия и Франция прикладывали максимум усилий, чтобы достичь соглашения с Советским Союзом"³.

Всё это открывало исключительно благоприятные возможности для осуществления политики коллективного противодействия агрессору. Правда, поначалу английские и французские политики, только что названные Сталиным "провокаторами войны", с осторожностью относились к предпринимаемым Литвиновым демаршам, направленным на создание "мирного фронта" против германской агрессии. Поэтому в Лондоне и Париже не нашло поддержки выдвинутое Литвиновым 18 марта предложение немедленно созвать конференцию пяти государств - Великобритании, Франции, СССР, Польши и Румынии для выработки мер по внешнеполитической изоляции Германии⁴. Чемберлен назвал это предложение "несвоевременным", заявив 23 марта в палате общин, что английское правительство "не хочет создавать в Европе противостоящие

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. - август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 258-259.

² Там же. С. 277, 279.

³ Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. 1994. С. 222, 227.

⁴ Год кризиса. Т. I. С. 294.

друг другу блоки"¹. Однако вскоре после этого Чемберлен и Даладье, подхлещиваемые общественным мнением своих стран, вынуждены были обратиться к идее коллективной безопасности, которую на протяжении нескольких предшествующих лет отстаивал Литвинов. В конце марта в Москву прибыл английский министр по делам заморских территорий Хадсон, который провёл переговоры с Молотовым, Литвиновым, Микояном и Потёмкиным об "общей активизации англо-советских отношений".

Одновременно Литвинов широко использовал и другие формы активной дипломатии, побуждая советских послов в Англии и Франции зондировать руководящие круги этих стран относительно их готовности к сближению с Советским Союзом. Такие усилия облегчались тем, что правительства Англии и Франции объявили о своих гарантиях восточноевропейским государствам в случае нападения на них фашистских держав. 31 марта Чемберлен выступил в палате общин с заявлением, что в случае нападения Германии на Польшу Англия выступит в её защиту. 13 апреля английское правительство приняло декларацию о предоставлении таких же гарантий Греции и Румынии. В тот же день французское правительство объявило, что окажет помощь Польше, Греции и Румынии в случае прямой или косвенной угрозы независимости этих стран².

15 апреля английское и французское правительства предложили советскому правительству выступить с аналогичной декларацией о гарантиях СССР восточноевропейским государствам. В беседе с Литвиновым английский посол Сидс заявил о "решительном и бесповоротном изменении английской политики" и сформулировал вопрос, с которым английское правительство обращалось к советскому: "Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление (повторяя, может быть, недавнее заявление Сталина о поддержке Советского Союза народам - жертвам агрессии и ссылаясь на недавние заявления британского и французского правительств), что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна..."³.

Отсюда был только один шаг до предложения о заключении тройственного военно-политического соглашения о совместном противодействии агрессору. О серьёзности, с которой подходили в Лондоне к заключению такого соглашения, свидетельствует меморандум начальников штабов Великобритании, в котором говорилось: "Если нам не удастся добиться никакого соглашения с Советами, это, возможно, будет расценено как дипломатическое поражение, что серьёзно отразится на военной ситуации тем, что немедленно поощрит Германию на новые акты агрессии и в конце концов толкнет СССР в её объятия"⁴.

17 апреля Литвинов вручил Сидсу ответное заявление, развивающее идеи английского и французского правительств. В нём предлагалось заключить

¹ От Мюнхена до Токийского залива. С. 23.

² Год кризиса. Т. I. 350-351, 378, 379.

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. М., 1981. С. 71.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 11. С. 104.

тройственное соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве немедленно оказывать друг другу всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. Это соглашение должно было также включать обязательства помощи малым государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями, в случае агрессии Германии против этих государств. Англия, Франция и СССР должны были в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, которую они могут оказать как друг другу, так и государствам Восточной Европы¹.

После захвата Гитлером Чехословакии Литвинов вёл себя так, как будто злобных сталинских тирад, обращённых против англо-французских "провокаторов войны", не существовало. 18 марта он вручил Шуленбургу резкую ноту по поводу германской агрессии в Чехословакии. Эта нота, полностью проигнорированная Берлином, затруднила на некоторое время шаги, направленные на сближение СССР и Германии.

На протяжении апреля Литвинов вёл непрерывные переговоры с польским послом о возможности присоединения Польши к соглашению о коллективной безопасности, причём уже на первых этапах этих переговоров было получено заверение посла: "Когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР"².

В конце апреля французское правительство внесло ряд предложений об уточнении формулировок тройственного соглашения, предусматривавшего взаимность обязательств сторон³.

3 мая Литвинов провёл свои последние переговоры с Сидсом, который заявил, что в ближайшие дни его правительство даст окончательный ответ на советское предложение о тройственном соглашении. В тот же день Майский общал из Лондона о громадной популярности, которую приобрела в английском народе идея союза с СССР: "На политических митингах и собраниях во всех концах страны каждое упоминание о таком союзе вызывает настоящую овацию. Недавно произведённый институтом опрос общественного мнения, довольно хорошо отражающий настроения страны, показал, что 84 процента опрошенных высказались за немедленный союз с СССР"⁴.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 386-387.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 399, 413-414.

⁴ Там же. С. 423, 425.

Отставка Литвинова

В этот момент, крайне благоприятный для создания антифашистской коалиции, Сталин осуществил демонстративный шаг, призванный привлечь симпатии Гитлера, - смещение Литвинова с поста наркома иностранных дел.

Эта акция в немалой степени диктовалась и тем, что Литвинов принадлежал к поколению старых большевиков и оставался в составе ЦК ВКП(б) и Советского правительства, может быть, единственным, кто был способен до известной степени на самостоятельность мыслей и действий. "Он был крупным человеком, - писал о Литвинове И. Эренбург, - об этом можно судить хотя бы по тому, что во времена Сталина, когда любая инициатива вызывала подозрения, существовало понятие "дипломатов литвиновской школы". Эренбург рассказывал (со слов Сурица) об эпизоде на одном из кремлёвских совещаний, где Литвинов изложил свою точку зрения. "Сталин с ним согласился, подошел и, положив руку на плечо Литвинова, сказал: "Видите, мы можем прийти к соглашению". Максим Максимович снял руку Сталина со своего плеча: "Ненадолго..."¹.

В годы большого террора Сталина удержала от расправы с Литвиновым, по-видимому, всемирная популярность последнего, олицетворявшая широкое признание политики коллективной безопасности, от которой Сталин тогда ещё не собирался отказываться. Зато для резкой смены вех во внешней политике устранение Литвинова было как нельзя более кстати.

Предвестником отставки Литвинова явился вызов его 27 апреля к Сталину в связи с жалобой на него по незначительному поводу со стороны Майского. Майский, присутствовавший при этой беседе, впоследствии вспоминал: "Впервые я увидел, как сложились отношения между Литвиновым, Сталиным и Молотовым. Обстановка на заседании была накалена до предела. Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно насакивал на Литвинова, обвиняя его во всех смертных грехах"².

Ненависть Молотова к Литвинову сохранялась до последних дней жизни "ближайшего соратника", о чём свидетельствуют его высказывания 70-80-х годов: "Литвинова держали послом в США только потому, что его знал весь мир. Человек оказался очень гнилой... Литвинов был совершенно враждебным к нам". В подтверждение этих домыслов Молотов делал тёмные и нелепые намёки на якобы перехваченную запись некой беседы Литвинова с "американским корреспондентом, явным разведчиком", в которой Литвинов критиковал тоталитарные порядки в СССР.

¹ Эренбург И. Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 708-710.

² Цит. по: Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 362.

Из слов Молотова отчётливо вытекает, что главной причиной яркой недоброжелательности "вождей" к Литвинову была его независимая позиция, квалифицируемая Молотовым как "полное предательство". "У нас никакого доверия к нему не было, - рассказывал Молотов. - (Я) не брал его на переговоры. Мог наговорить нехорошего... Хотя умница, прекрасный, а ему не доверяли... Он, конечно, дипломат неплохой, хороший. Но духовно стоял на другой позиции, довольно оппортунистической, очень сочувствовал Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и, конечно, он не мог пользоваться нашим полным доверием. Как можно было доверять такому человеку, когда он тут же предавал фактически? Но человек он умный, бывалый, хорошо знал заграничные дела. К Сталину он относился хорошо, но, я думаю, внутренне он не всегда был согласен с тем, какие решения мы принимали". А внутреннее несогласие с любыми действиями сталинской клики считалось в ней достаточным мотивом для расправы над инакомыслящим.

О замыслах, которые вынашивались по отношению к Литвинову сталинской камарильей, свидетельствует следующее высказывание престарелого Молотова: "Он заслуживал высшую меру наказания... Литвинов только случайно жив остался"¹.

Литвинов был смещён со своего поста совершенно неожиданно для советского народа и мировой общественности. По свидетельству Е. Гнедина, 1 мая он "находился на трибуне мавзолея и сидел в задумчивой и свободной позе чуть ниже той трибуны, на которой расположился Сталин и другие члены правительства"². А спустя три дня на последней странице советских газет в разделе "Хроника" было опубликовано краткое сообщение, не сопровождавшееся никакими комментариями: "Президиум Верховного Совета СССР освободил тов. Литвинова М. М. согласно его просьбе от обязанностей народного комиссара иностранных дел СССР". На первых страницах тех же газет был помещен Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Молотова наркомом иностранных дел (по совместительству)³.

К. Типпельскирх уже 4 мая сообщал в германский МИД, что внезапная замена Литвинова вызвала в Москве "большое удивление, так как Литвинов был в центре переговоров с английской делегацией, а на первомайском параде ещё присутствовал и стоял непосредственно с правой стороны от Сталина, то есть не было никаких признаков шаткости его положения... Поскольку Литвинов принял английского посла не далее как 2 мая и был назван во вчерашней прессе почётным гостем на параде, его отставка, видимо, является результатом неожиданного решения, принятого Сталиным"⁴.

3 мая Сталин направил советским полпредам секретную телеграмму: "Сообщается для сведения. Ввиду серьёзного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве неволевого отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов об-

¹ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 96-98.

² Гнедин Е. А. Выход из лабиринта. М., 1994. С. 12.

³ Известия. 1939. 4 мая.

⁴ Советско-нацистские отношения. 1939-1941. Документы. Париж -Нью-Йорк, 1983. С. 8-9.

ратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома¹. Эта телеграмма оставляла послон в недоумении, ибо в ней не говорилось, в чём состояли причины конфликта между Молотовым и Литвиновым и какие изменения в советской внешней политике могут произойти вслед за сменой руководства Народного комиссариата иностранных дел.

Для передачи дел Литвиновым была образована правительственная комиссия в составе Молотова, Берии, Маленкова и Деканозова, только что назначенного заместителем наркома иностранных дел. Комиссия провела беседы с большинством работников наркомата. Как вспоминал Гнедин, к началу работы комиссии Берия уже располагал "показаниями" на Литвинова, полученными от бывшего поверенного в делах СССР во Франции Гиршфельда, арестованного в ночь на 1 мая. 4 мая была арестована целая группа ближайших сотрудников Литвинова. Гнедин, работавший в то время заведующим отделом печати НКВД, 10 мая был арестован и подвергнут допросу с применением жесточайших и унижительных истязаний, который проводил сам Берия. Допросы, продолжавшиеся подряд несколько дней, ставили задачу добиться от Гнедина показаний об "антиправительственных настроениях" Литвинова, который, как заявляли следователи, "исходя из антисоветских намерений, провоцировал войну". Особая свирепость, проявленная по отношению к Гнедину, объяснялась тем, что ему предназначалась роль "главы всей антисоветской организации НКВД" после ареста Крестинского².

К этой "организации" был причислен и Михаил Кольцов, которому была устроена очная ставка с Гнединым. Вспоминая свои впечатления от очной ставки, Гнедин писал: "Известно, что это был мужественный и необыкновенно инициативный человек. Теперь передо мной был сломленный человек, готовый к безотказному подчинению". Кольцов заявил, что во время встречи на квартире Уманского, предшественника Гнедина на посту заведующего отделом печати НКВД, группа дипломатов и журналистов затеяла "антиправительственный заговор" и что среди присутствующих на этой встрече был, "кажется", и Гнедин³. Между тем Уманский оставался в то время советником посольства в США и в дальнейшем не был подвергнут репрессиям.

"Дело Литвинова", усиленно "разрабатывавшееся" в мае и июне, было прекращено лишь в октябре 1939 года. Выступая на партийном собрании работников Наркоминдела 23 июля, Молотов ограничил "вину" Литвинова тем, что он "не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате... В вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКВД". В резолюции партсобрания указывалось: "Только с приходом нового руководства во главе с товарищем Молотовым в наркомате стал наводиться большевистский порядок. За этот короткий

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 327.

² Гнедин Е. А. Выход из лабиринта. С. 14, 30, 34.

³ Там же. С. 48-49.

промежуток времени проделана большая работа по очищению НКВД от негодных, сомнительных и враждебных элементов"¹.

"Очищение" это выразилось в первую очередь в изгнании из наркомата евреев, о чём Молотов даже спустя несколько десятилетий вспоминал с особенным удовольствием. "В 1939 году, когда сняли Литвинова и я пришёл на иностранные дела, - рассказывал он Чуеву, - Сталин сказал мне: "Убери из наркомата евреев". Слава богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно... (Сталин) считал, что на высокие посты надо допускать в основном русских, украинцев и белорусов"².

Это свидетельство Молотова представляет несомненный интерес, хотя он допустил в нём одну неточность: "абсолютное большинство" евреев, равно как и других сподвижников Литвинова, было изгнано из Наркоминдела и репрессировано уже в 1937-1938 годах. 3 января 1939 года Литвинов направил Сталину докладную записку, в которой говорилось: "До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии... В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений"³.

Чистка, последовавшая за снятием Литвинова, завершила процесс устранения профессиональных и опытных дипломатов. К осени 1939 года жертвами репрессий стали 5 заместителей наркома иностранных дел, 48 полпредов, 30 заведующих отделами НКВД, 28 глав консульских представительств, 113 других руководящих работников НКВД. Чтобы лучше представить значение этих потерь, следует напомнить, что до второй мировой войны СССР имел дипломатические отношения лишь с 30 странами, а в составе Наркоминдела насчитывалось менее 500 кадровых дипломатов. В некоторых странах (Китае, Монголии, Финляндии, Латвии, Литве, Польше, Чехословакии) были отозваны и репрессированы почти все работники советских посольств⁴.

"Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, - писал в "Открытом письме Сталину" Ф. Раскольников, - вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат народного комиссариата иностранных дел"⁵.

В последние годы жизни Молотов в беседах с Чуевым оценивал ослабление роли профессиональных дипломатов и полное утверждение авторитарных методов в решении международных вопросов как едва ли не заслугу свою и Сталина. Говоря о дипломатах, он подчёркивал: "Всё в кулаке сжато у Сталина, у

¹ Рощин А. В Наркоминделе накануне войны. - Международная жизнь. 1988. № 4. С. 126.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 274, 276.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 10.

⁴ Вестник МИД СССР. 1988. № 24. С. 30; 1989. № 6. С. 22.

⁵ Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 549.

меня... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат¹.

Смена Сталиным и Молотовым всего дипломатического корпуса отличалась даже от действий Гитлера, после своего прихода к власти оставившего в германском МИДе и на посольских постах кадровый костяк, сформировавшийся ещё в годы Веймарской республики (начиная с министра иностранных дел Нейрата, сменённого Риббентропом лишь в феврале 1938 года).

Литвинов оставался без работы вплоть до конца 1941 года, когда он был назначен заместителем наркома иностранных дел и послом в США.

Литвиновский аппарат Наркоминдела был заменён случайными, выдвинутыми наугад людьми, многие из которых до этого не имели никакого отношения к дипломатической работе. Одним из таких выдвинутых стал Громыко, работавший в 1939 году учёным секретарем Института экономики. Вспоминая о своей беседе с комиссией, подбиравшей новых сотрудников в наркомат, Громыко писал: "Трудно сейчас точно определить, что заставило членов комиссии остановить выбор на мне". В активе его, как он сам упоминает, была только "научно-пропагандистская деятельность" в среде инженерно-технических работников и выезды в командировки с лекциями "по пропаганде нашей внешней и внутренней политики". "Сыграло свою роль, очевидно, и то, - замечал Громыко, - что в аспирантуре я продвинулся вперёд в овладении английским языком, хотя знания, конечно, были ещё далеки от совершенства".

Беседа членов комиссии с Громыко ограничилась вопросом, какие книги на английском языке он читал. После того, как Громыко назвал несколько таких книг, он "почувствовал расположение комиссии", а спустя неделю его вызвали в ЦК, где объявили о переводе из института на должность заведующего американским отделом НКВД².

Значение отставки Литвинова не могли не понимать уцелевшие к тому времени советские дипломаты из числа старых большевиков. Об этом свидетельствуют воспоминания А. Бармина, бывшего временного поверенного в делах СССР в Греции, ставшего в 1937 г. невозвращенцем. В книге "One Who Survived" (Один из тех, кто выжил)^{3*} Бармин рассказывал, что сразу же после смещения Литвинова французское литературное агентство заказало ему по просьбе газеты "Пари Суар" статью, комментирующую это событие. В статье, написанной 5 мая, Бармин оценивал увольнение Литвинова как предвестие советско-германского союза, к которому Сталин уже давно стремится. "Если до сих пор этот союз не был заключён, - писал он, - то только потому, что этого пока не хочет Гитлер. Тем не менее... личный представитель Сталина, грузин Канделаки, вёл переговоры с Гитлером вне рамок официальных межгосударственных отношений. Переговоры между тоталитарными государствами ведутся в обстановке глубочайшей секретности, и их результаты могут стать полной неожиданностью для всех". Бармин предупреждал и о том, что одним

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 98-99.

² Громыко А. А. Памятное. Т. 1. М., 1990. С. 72-73.

³ Падкое на сомнительные сенсации издательство "Современник", впервые выпустившее эту книгу на русском языке, произвольно дало ей заголовок "Соколы Троцкого", абсолютно не соответствующий её содержанию.

из результатов советско-германского союза может стать присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР как "награда за политику благожелательного нейтралитета по вопросу раздела Польши в ходе новой европейской войны".

Агентство направило эту статью в несколько стран Европы и Америки, но она была опубликована только в скандинавских и латиноамериканских странах. Ни одна из французских или английских газет не решилась её напечатать - настолько прогнозы Бармина казались в этих странах фантастическими либо неуместными для публикации в обстановке интенсивных переговоров между Францией и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом - с другой. Представитель агентства, сообщая Бармину про отказ "Пари Суар" от публикации статьи, сказал, что сотрудники этой газеты "считают, что мы оба спятили"¹.

Смысл отставки Литвинова был правильно понят в Берлине. Как писал Черчилль в книге "Вторая мировая война", "еврей Литвинов ушёл, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес "плутодемократий"².

В отчёте полпреда СССР в Германии за 1939 год говорилось о большом внимании, уделённом немецкими газетами смене руководства Наркоминдела. Эта смена рассматривалась большинством газет "как конец женеvской политики (т. е. борьбы в Лиге Наций за коллективную безопасность - В. Р.) и политики союзов с западными капиталистическими державами, проводившейся якобы прежним наркомом"³.

Советник посольства Германии в СССР Хильгер вспоминал, что через два дня после неожиданной отставки Литвинова он получил указание немедленно прибыть в Берлин. Здесь он был принят Гитлером, который задал ему вопрос о причинах, побудивших Сталина сместить Литвинова. Хильгер сказал: "Сталин сделал это потому, что Литвинов стремился к соглашению с Англией и Францией, между тем как Сталин считал, что западные державы намерены заставить Россию в случае войны таскать для них каштаны из огня". Гитлер ничего не ответил, но взглядом дал понять Риббентропу, что мое объяснение внесло для него ясность. Затем он спросил, верю ли я в то, что Сталин при определённых условиях был бы готов установить взаимопонимание с Германией. Я почувствовал желание сделать Гитлеру резюме германо-советских отношений с 1933 г. и напомнить ему, как часто Советское правительство в первые годы его правления выражало желание сохранить прежние дружественные отношения с Германией. Однако я ограничился указанием на то, что 10 марта Сталин заявил: для конфликта между Германией и Советским Союзом никаких видимых причин нет... По просьбе Риббентропа мне пришлось дважды зачитать соответствующее место. Гитлер... потребовал, чтобы я доложил, "как в целом обстоят дела в России"... Я обрисовал смысл и значение той борьбы за власть, которая шла между Сталиным и оппозиционными течениями, и расска-

¹ Бармин А. Соколы Трoцкого. М., 1997. С. 34-35.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 166.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 472.

зал, какой идеологический балласт Сталин выбросил за борт, когда ему стало ясно, что на базе одной лишь коммунистической доктрины здорового и способного противостоять всем государственного организма не создать. Имея в виду усилия Сталина заменить революционный энтузиазм новым советским патриотизмом, я упомянул об оживлении возвеличивания национальных героев, старых русских традиций... Гитлер весь подался вперед и слушал внимательно..."¹.

По-видимому, известие о смене руководства Наркоминдела привело Гитлера к убеждению, что вслед за устранением ненавистного ему Литвинова должен наступить период личной дипломатии - переговоров между ним и Сталиным, в которых Молотов будет служить передаточным звеном. Для такой роли "ближайший соратник" Сталина подходил более, чем кто-либо другой.

¹ Откровения и признания. С. 56-57.

XXXII

"Ближайший соратник"

О месте и роли Молотова среди сталинского окружения говорят данные, содержащиеся в дневнике посещений сталинского кабинета. В 1939 году Молотов посетил Сталина 274 раза и провёл в его кабинете 659,5 часов. По этим "показателям" ближе всего к Молотову стоял Ворошилов (181 раз и 509,5 часов). Каганович, Жданов, Микоян и Берия в этом году посещали Сталина примерно в 3 раза, а Андреев, Хрущёв и Калинин в 10 раз реже, чем Молотов¹.

Описывая обстановку в сталинском окружении предвоенных лет, Хрущёв подчёркивал, что "ближе всего к Сталину, в смысле принимаемых по тому или другому вопросу решений, стоял Молотов", который в то время производил "впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего. Он имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится, но Молотов всё-таки настаивал на своём. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина"².

Ещё более определённо о "самостоятельном" поведении Молотова говорил Жуков. В беседе с К. Симоновым он вспоминал: "Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть... упорство, проявляемое в некоторых вопросах в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения"³.

Представление о "независимом поведении" Молотова могло сложиться только на фоне беспрекословного и сервильного поведения остальных членов Политбюро. Сам Молотов, в беседах с Чуевым не раз подчёркивавший свою "независимость", смог привести только один пример собственной "инициативы", за которую, по его словам, Сталин "избил" его на пленуме ЦК спустя двенадцать лет. Эта "инициатива" была проявлена в 1940 году, когда он в беседе со Сталиным предложил поднять заготовительные цены на зерно, мотивируя это тяжёлыми условиями, в которых живут крестьяне. Молотов подчёркивал, что "это было с глазу на глаз, только вдвоём, на квартире. Я сказал и больше не поднимал вопроса". Тем не менее Сталин в 1952 году не только напомнил этот незначительный эпизод, но и представил дело таким образом, будто Молотов требовал созыва пленума ЦК для обсуждения своего предложения. "Я не мог требовать, - комментировал это обвинение престарелый Молотов, - какой там пленум ЦК, я лично ему сказал. А ему это, видно, запомнилось как мое колебание вправо. Он не обвинил прямо в правом уклоне, но говорит: "Вы ры-

¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 291.

² Вопросы истории. 1990. № 8. С. 65-71.

³ Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.

ковцы"... Ну, меня, как правого, и в Бюро (Президиума ЦК) не выбрали... Я вышел, покаялся, что это была моя ошибка, я признаю"¹.

В 1939 году до опалы, в которой Молотов оказался после войны, было ещё далеко. Молотов занимал два высших государственных поста: председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел. Он лично вёл предварительные переговоры с Гитлером-Риббентропом (через Шуленбурга) и был единственным человеком, кроме Сталина, принимавшим участие в официальных переговорах с Риббентропом. Тем интереснее свидетельства о поведении Молотова и характеристика его личности, которые содержатся в воспоминаниях Хильгера. "В последние два года перед нападением Германии на СССР, - писал Хильгер, - я бесчисленное множество раз встречался с ним, и его облик глубоко запал мне в память. Хотя мне приходилось видеть его и одного, и в присутствии Сталина, у меня всегда складывалось впечатление, что он не проявлял никакой собственной инициативы и был счастлив играть роль послушного орудия в руках диктатора... Вероятно, обладая он большей гибкостью и умением реалистически оценить существовавшее в то время соотношение сил, он послужил бы интересам собственной страны лучше, нежели своим вошедшим в поговорку вечным "нет"... Поручив этому человеку на решающей фазе развития германо-русских отношений осуществление своих приказов в области внешней политики, Сталин мог быть уверен, что никто другой не проявит такой верности долгу и такого слепого повиновения, как именно Молотов. Он... изгнал из Комиссариата иностранных дел последних представителей интеллигенции, которые налагали свой отпечаток на это учреждение, и окружил себя почти исключительно великорусами, воспитанными так, чтобы беспрекословно воспринимать даже самые ошеломляющие повороты сталинской внешней политики"².

Молотов был удобен Сталину и потому, что он полностью усвоил присущий Сталину циничный геополитический подход к вопросам внешней политики. Об этом свидетельствует даже язык, которым он пользовался в беседе с Чуевым, рассказывая о политических решениях, принятых при его участии:

Чуев. Часто задают вопрос, почему с Грецией так получилось после войны - там ведь коммунисты были, партизаны...

Молотов. Это была договорённость (с Черчиллем - В. Р.). Где надо, предел нужно поставить лишней жадности... Тогда бы мы с англичанами уже окончательно разругались бы... Мы же не можем всё захватить!.. Можно отхватить такие куски, что подавишься"³.

Как мы увидим далее, во время переговоров с Шуленбургом Сталин иногда ставил Молотова в нелепое положение, вынуждая его буквально за несколько часов менять свою позицию. Имея в виду, очевидно, подобные случаи, Чуев однажды сказал Молотову:

- Мне кажется, иногда Сталин вынужден был подставлять вас под удар.

На это Молотов незамедлительно ответил:

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 469-470.

² Откровения и признания. С. 53-54.

³ Правда-5. 1995. № 12. С. 8.

- Бывало и такое. Он занимал главное место и должен был, так сказать, нащупать дело, чтобы двигать его дальше¹.

Казалось бы, Молотов уже в годы большого террора проявил такой сервилизм и готовность предугадывать все желания Сталина, что последний мог полностью доверять ему на следующей стадии осуществления своих коварных замыслов. Однако ставка в дипломатической игре 1939 года была столь велика, что Сталин решил повязать своего "ближайшего соратника" дополнительной покорностью. Плацдармом для этого явилась травля, открытая в недрах Политбюро по отношению к жене Молотова П. С. Жемчужиной.

На XVIII съезде ВКП(б) Жемчужина впервые была избрана кандидатом в члены ЦК. В то время она была единственной женщиной, входившей в состав Совнаркома. Однако во второй половине 1939 года Сталин начал против неё провокационную игру, используя свой излюбленный приём - выбивание из её арестованных сотрудников "признаний" в шпионаже. 10 августа, т. е. в самый разгар секретных переговоров Молотова с Шуленбургом (см. гл. XXXIII), Политбюро приняло следующее постановление: "Признать, что т. Жемчужина проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужиной (так в тексте - В. Р.) оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа. 2. Признать необходимым провести тщательную проверку всех материалов, касающихся т. Жемчужиной. 3. Предрешить освобождение т. Жемчужиной от поста Наркома рыбной промышленности. Провести эту меру в порядке постепенности"².

Данное решение было сформулировано в чисто сталинском духе: зловеще и в то же время осторожно. Жемчужина обвинялась "лишь" в "невольном облегчении" шпионской деятельности людей из своего окружения, вслед за чем указывалось на необходимость дополнительной проверки поступивших на неё "материалов", т. е. "признаний" её бывших сотрудников. Такая "проверка" проводилась в период заключения важнейших советско-германских соглашений и завершилась 24 октября, когда было принято новое постановление Политбюро о Жемчужиной. В этом постановлении объявлялись клеветническими показания некоторых арестованных о причастности Жемчужиной к вредительской и шпионской деятельности и в то же время повторялись утверждения о её "неосмотрительности и неразборчивости в отношении своих связей". На этом основании подтверждалось решение об освобождении Жемчужиной от должности наркома, причём задача подыскания ей новой работы возлагалась не на председателя Совнаркома, а на трёх секретарей ЦК - Андреева, Маленкова и Жданова.

Спустя месяц было принято ещё одно постановление Политбюро о Жемчужиной, где вновь фиксировалось решение об освобождении её от поста наркома (только после этого данное решение было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР и официально объявлено) и предписывалось назначить её начальником главного управления текстильно-галантерейной

¹ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 21.

² Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 171.

промышленности Наркомлегпрома РСФСР¹, что означало существенное понижение в должности. Во всяком случае, Молотов на протяжении нескольких месяцев не мог не находиться в состоянии крайнего нервного напряжения в связи с нерешённостью судьбы своей жены, которая зависела от показаний, добываемых в застенках НКВД.

Мудрено ли, что при решении поистине судьбоносных внешнеполитических вопросов Молотов проявлял угодничество по отношению к любым волевым импровизациям Сталина.

¹ Там же. С. 172.

XXXIII

Переговоры - явные и тайные^{1*}

На протяжении апреля-августа 1939 года Сталин, используя благоприятную для него международную политическую конъюнктуру, вёл непрерывную двойную игру с лидерами Англии и Франции, с одной стороны, и с Гитлером - с другой.

Уже в работах первой половины 1939 года Троцкий подчёркивал, что "сложный и капризный флирт с западными демократиями" представляет лишь одну сторону двойственной политики Сталина. "Основная линия политики: соглашение с Гитлером и Микадо. Дополнительная линия политики - застраховать себя при помощи соглашения с демократиями... Москва тянет, не доводит дело до конца, не заключает соглашения и в то же время не прерывает переговоров. Словом, Москва стремится показать, что вопреки французской половице, дверь может быть и открыта и закрыта"².

Этот важнейший аспект сталинской внешней политики был замечен Гитлером, который с весны 1939 года проявлял особое нетерпение в подготовке к нападению на Польшу, для чего ему было необходимо обеспечить нейтралитет Советского Союза.

В начале апреля командование Вермахта завершило разработку операции "Вайс". Соответствующая директива, утверждённая Гитлером 11 апреля, предписывала "уничтожить польские вооружённые силы внезапным нападением", а это нападение произвести не позднее 1 сентября.

Уже в мае Сталин располагал достоверной информацией о плане "Вайс"³, что, по-видимому, повлияло на его выбор союза с агрессором.

Существенным сигналом для Сталина могло явиться и выступление Гитлера 28 апреля в рейхстаге, где фюрер заявил о денонсации англо-германского соглашения 1935 года, предусматривавшего ограничение немецких военно-морских сил, и о расторжении германо-польского пакта о ненападении 1934 года. На протяжении всей этой двухчасовой и весьма агрессивной речи Гитлер воздержался от нападок на Советский Союз и вообще не сказал о нём ни слова.

Можно полагать, что эти действия Гитлера были связаны с первыми зондажными усилиями советской дипломатии, направленными на советско-германское сближение. 17 апреля, т. е. в тот день, когда Англии и Франции были переданы советские предложения о заключении трёхстороннего пакта, посол Мерекалов впервые после своего назначения на этот пост посетил статс-

¹ В этой главе понятие "явные переговоры" используется применительно к секретным переговорам между СССР, Францией и Англией, поскольку о самих этих переговорах было официально объявлено. Что же касается параллельно ведущихся советско-германских переговоров, то они с полным основанием могут быть названы тайными, поскольку о самом факте этих переговоров до 22 августа было известно лишь крайне ограниченному кругу дипломатов и лиц, входивших в ближайшее окружение Гитлера и Сталина.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 285.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216-219.

секретаря германского МИДа Вейцекера для обсуждения вопроса о выполнении на заводах фирмы "Шкода" в аннексированной немцами Чехии ранее заключённых контрактов о поставке Советскому Союзу военного оборудования. Когда Вейцекер заявил о неблагоприятной атмосфере для решения этого вопроса, Мерекалов воспользовался этими словами, чтобы перейти к чисто политическим вопросам, и прямо спросил Вейцекера, *что* тот думает о будущем советско-германских отношений. Вейцекер ответил, что "мы всегда искали взаимовыгодных торговых отношений с Россией", после чего Мерекалов сделал многозначительное заявление: "Идеологические различия во взглядах во все не повлияли на русско-итальянские отношения, и они не должны оказаться препятствием в отношении Германии... У России нет причин не поддерживать с Германией нормальных отношений. А из нормальных эти отношения могут становиться лучше и лучше"¹. То был первый призыв к "деидеологизации" советско-германских отношений.

Следующие демарши были сделаны временным поверенным в делах СССР в Германии Астаховым (Мерекалов был в конце апреля отозван из Германии, и СССР до сентября 1939 года не имел посла в Берлине). 5 мая на встрече с Астаховым Шнурре сообщил, что германское правительство согласилось разрешить выполнение советских военных заказов на заводах "Шкода". Это был шаг, свидетельствующий о лояльности германских властей по отношению к Советскому Союзу. Поблагодарив Шнурре за это заявление, Астахов перевёл разговор на другую тему, осторожно пытаясь узнать, не вызовет ли отставка Литвинова изменения в позиции Германии по отношению к СССР. Представляя спустя несколько дней нового представителя агентства ТАСС Филиппова чиновнику Германского МИДа, Астахов заявил: "Он счастлив, что господин Филиппов сможет начать работу в новых условиях, которые полностью отличаются от прежних (под этим Астахов, очевидно, имел в виду изменение тона немецкой прессы по отношению к СССР - В. Р.)"².

По-видимому, к тому времени Гитлер всё больше утверждался в мысли о необходимости нацелить свою стратегию на противоборство с Англией и Францией, заручившись благожелательным нейтралитетом со стороны Советского Союза. В конце апреля он заявил Риббентропу, что "за беспощадным очищением Востока (Польша - В. Р.) последует "западный этап", который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путём. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов"³.

6-7 мая состоялись переговоры Риббентропа с министром иностранных дел Италии Чиано. В официальном сообщении о переговорах говорилось, что министры "решили тесную сплочённость обоих народов закрепить в виде широкого политического и военного пакта"⁴.

¹ Советско-нацистские отношения. С. 7-8.

² Там же. С. 9, 10.

³ Год кризиса. Т. I. С. 419.

⁴ Год кризиса. Т. II. С. 394.

Очевидно, это сообщение побудило Сталина дать Гитлеру ещё один сигнал о своём намерении открыть новый этап в советско-германских отношениях. Таким сигналом стала передовая статья "Известий" под названием "К международному положению", написанная Сталиным.

Авторство этой статьи вплоть до нашего времени оставалось неизвестным. В последние годы жизни Сталина она была включена в макет 14 тома его собрания сочинений¹*. Работа над этим томом продолжалась и после смерти Сталина - вплоть до XX съезда КПСС, после которого издание сталинского собрания сочинений было прекращено. По-видимому, на последних этапах работы над томом в кремлёвских верхах пришли к выводу, что обнародование авторства этой давно забытой статьи может вновь приковать внимание западной историографии к неблагоприятным страницам предвоенной внешней политики СССР. Этим, на мой взгляд, объясняется исключение статьи из макета 14 тома в конце 1955 года. В находящейся в бывшем Центральном партийном архиве папке с неопубликованными работами Сталина, первоначально предназначавшимися к публикации в данном томе, эта статья отнесена к тем, относительно которых наложена резолюция: "По указанию тов. Поспелова (в то время - секретарь ЦК КПСС - В. Р.) в 14 том не включать. б.Х.55 г."².

В статье "К международному положению", опубликованной 11 мая, т. е. через несколько дней после отставки Литвинова, указывалось, что за последние недели произошли политические события, в корне ухудшившие положение в Европе: аннулирование Германией договоров с Англией и Польшей и заключение военно-политического союза между Германией и Италией. Эти события, направленные, как утверждалось в статье, своим остриём против Англии и Франции, побудили демократические государства к усилению поисков "путей и средств, необходимых для того, чтобы создать единый фронт мира против развёртывающейся агрессии". На этой почве возникли переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР - с другой стороны.

Казалось бы, такая постановка вопроса должна означать прежде всего критику политики Германии и выражение готовности Советского правительства к скорейшему заключению тройственного соглашения о совместном отпоре агрессии. Однако вторая часть статьи была выражена в совершенно ином духе. В ней делался акцент на том, что "оборонительная и миролюбивая позиция СССР, основанная к тому же на принципе взаимности и равных обязанностей, не встретила сочувствия со стороны Англии и Франции.. Там где нет взаимности, нет возможности наладить настоящее сотрудничество".

В статье содержалось утверждение, что Советский Союз не имеет пактов взаимопомощи с Англией и Францией. Между тем франко-советский договор о взаимной помощи, заключённый в 1935 году, к тому времени сохранял своё действие. Когда сотрудник НКВД Рошин обратил внимание Молотова на эту

¹ Это был не единственный случай включения Сталиным в собрание сочинений своих статей, опубликованных без подписи в центральных газетах 20-30-х годов. Так, в 11 том была включена (с примечанием: "публикуется впервые") статья "Докатились", опубликованная в качестве передовой "Правды" 24 января 1929 года.

² РЦХИДНИ. Ф. 71, оп. 10, д. 130, л. 181, 340-343.

очевидную неувязку, Молотов воспринял данное замечание с явным недовольством¹.

В день выхода статьи временный поверенный в делах Франции Пайяр посетил Молотова и выразил ему недоумение по поводу этой фразы "Известий". В ответ Молотов заявил, что данная фраза "является формально неточной". Когда же Пайяр спросил, отражает ли статья "Известий" мнение советского правительства, Молотов стал фарисействовать, утверждая, что в ней выражено "мнение газеты... Прежде "Известия" являлись органом ЦИК СССР, теперь же в заголовке указано, что это орган Советов депутатов трудящихся, которые являются местными органами... тем самым "Известия" нельзя считать официозом"².

В Берлине статья "К международному положению" в совокупности с известием об отставке Литвинова была воспринята как приглашение к "сближению" СССР и Германии, на что последовала незамедлительная реакция нацистских верхов. 12 мая Астахов докладывал в Москву, что "немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений... Можно пока констатировать как несомненный факт лишь одно - это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас. Исчезла грубая ругань, советские деятели называются их настоящими именами и по официальным должностям без оскорбительных эпитетов"³. 15 мая глава восточноевропейского отдела германского МИДа Шнурре, затрагивая в беседе с Астаховым тему улучшения советско-германских отношений, заверял об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных намерений в отношении СССР и спрашивал, что нужно сделать для того, чтобы рассеять недоверие советского правительства к Германии⁴. В ответ на это Астахов, согласно записи Шнурре, "стал подробно объяснять, что между Германией и Советской Россией нет конфликтов во внешней политике и, следовательно, нет оснований для враждебности между обеими странами. Правда, в Советском Союзе есть чёткое ощущение угрозы со стороны Германии. Несомненно, это ощущение угрозы и чувство недоверия Москвы можно было бы устранить". На вопрос Шнурре о ходе англо-советских переговоров, Астахов заявил, что "при теперешних обстоятельствах вряд ли будут достигнуты те результаты, которых так добивается Англия"⁵.

20 мая Молотов впервые в своём новом качестве нарком иностранных дел имел длительную беседу с Шуленбургом. В ответ на предложение германского посла ускорить заключение торгово-кредитного соглашения, он заявил, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. "На вопрос Шуленбурга о том, что следует понимать под политической базой, - писал Молотов в отчёте о беседе, направленном Сталину, - я ответил, что об этом надо подумать и нам и германскому правитель-

¹ Международная жизнь. 1987. № 11. С. 150.

² Год кризиса. Т. I. С. 450.

³ Там же. С. 457.

⁴ Там же. С. 495.

⁵ Советско-нацистские отношения. С. 11.

ству... Посол весьма стремился получить более конкретные разъяснения о том, какая именно политическая база имеется в виду в моём заявлении, но от конкретизации этого вопроса я уклонился"¹.

Шуленбург, немало озадаченный этой фразой Молотова, сообщил в германский МИД, что все его "настоятельные попытки заставить господина Молотова высказать свои пожелания более определённо и конкретно, остались тщетными. Как видно, господин Молотов решил сказать ровно столько, сколько он сказал и ни слова больше. Он известен своим упрямством". Получив это сообщение, Вейцекер на следующий день отправил Шуленбургу телеграмму: "На основании нынешних результатов Ваших обсуждений с Молотовым мы теперь должны твёрдо стоять на своём и выжидать, не собираются ли русские заговорить более открыто"².

Загадочная фраза Молотова на протяжении нескольких недель была предметом размышлений Шуленбурга и деятелей германского МИДа. Это нашло отражение в дипломатической переписке между немецким посольством и берлинскими дипломатами. 22 мая Шуленбург в очередном послании в МИД писал, что слова Молотова могут свидетельствовать о том, что он "желал бы получить от нас более обширные предложения политического характера"³. В ответ на это Вейцекер телеграфировал Шуленбургу, что ради предотвращения союза между Англией и СССР "даже сегодня можно найти довольно широкий круг вопросов для переговоров, в которые мы могли бы включиться, выбрав более верный тон и таким путём внести раздор и затруднения (в отношениях между Советским Союзом и Англией - В. Р.)"⁴.

30 мая Астахов вновь посетил Вейцекера - на этот раз для обсуждения вопроса о продлении аккредитации торгового представительства СССР в Праге (уже сама по себе соответствующая просьба советского правительства свидетельствовала, что оно признает де факто захват Германией Чехословакии). Вейцекер заявил, что для Германии непросто согласиться на эту просьбу, поскольку "Москва, может быть, уже поддалась соблазнам Лондона"; поэтому данный сравнительно частный вопрос передан на рассмотрение самого Гитлера. Вслед за этим сообщением Вейцекер перенёс разговор на политическую тему, напомнив слова Меркалова о возможности нормализации и даже улучшения советско-германских отношений. Указав на то, что на этом пути "действительно, лежит груда камней", Вейцекер заявил, что к ухудшению отношений между Германией и СССР, в частности, "приложил руку" польский министр иностранных дел Бек. В этой связи Вейцекер сослался на кампанию по поводу "Великой Украины" как на пример лояльной политики Германии по отношению к СССР, сказав, что "интерпретация Беком немецкой политики по отношению к Украине оказалась опровергнутой поведением Германии в случае с Прикарпатской Украиной"⁵.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 483.

² Советско-нацистские отношения. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 20.

В тот же день Вейцекер отправил Шуленбургу две телеграммы, в которых излагал содержание своей беседы с Астаховым и заявлял, что политический аспект этой беседы был вызван тем, что "в противоположность ранее запланированной политике мы решили сейчас вступить в окончательные переговоры с Советским Союзом"¹.

В телеграмме Вейцекеру от 5 июня Шуленбург писал, что, ещё раз продумав свою беседу с Молотовым 20 мая, он пришёл к такому выводу: "На самом деле, фактически господин Молотов почти сделал приглашение к политической дискуссии. Наше предложение о том, чтобы вести только экономические переговоры, показалось ему недостаточным... Для меня представляется ясным, что дверь не была захлопнута перед нами и что путь открыт для дальнейших переговоров"².

Видимо, даже уклончивого заявления Молотова было достаточно, чтобы в Берлине пришли к выводу о возможности отрыва Советского Союза от блока с Англией и Францией. Об этом свидетельствует речь Гитлера 23 мая на совещании с военачальниками, где он изложил свою "принципиальную установку": "Столкновение с Польшей, начиная с нападения на неё, может увенчаться успехом только в том случае, если Запад будет исключён из игры. Если это невозможно, то тогда лучше напасть на Запад и одновременно покончить с Польшей"³.

Это заявление было сделано на следующий день после подписания Риббентропом и Чиано "Пакта о союзе и дружбе между Италией и Германией", получившего в западной прессе название "Стальной пакт" или "Ось Берлин-Рим". Это был открытый военный союз, участники которого брали на себя обязательство помогать друг другу "всеми своими военными силами на суше, море и в воздухе" в случае, если одна из сторон "будет вовлечена в военные действия с третьей державой"⁴. Этот новый шаг, ускорявший наступление мировой войны, требовал быстрого решения вопроса о позиции, которую займёт в предстоящих событиях СССР.

26 мая Риббентроп подготовил проект указаний Шуленбургу, излагавший линию на "оздоровление и нормализацию германо-советских отношений", которую послу следовало обсудить с Молотовым. Шуленбург должен был заявить, что "при решении германо-польского вопроса - в какой бы форме это ни произошло - мы учтём русские интересы, насколько это возможно". Однако Гитлер в данный момент счёл, что проект Риббентропа, впервые ставивший вопрос об улучшении советско-германских отношений в связи с удовлетворением "русских интересов" в Польше, идёт слишком далеко, и приказал задержать его⁵.

Тем временем в Москве проходили переговоры Молотова с послами Англии и Франции, которые 27 мая представили новый вариант проекта трёхсто-

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 25.

³ Год кризиса. Т. I. С. 495.

⁴ От Мюнхена до Токийского залива. С. 27.

⁵ Там же. С. 49-50.

ронного соглашения, в котором более детально оговаривалась взаимность обязательств сторон. Однако Молотов, не утруждая себя внимательным изучением этого документа, заговорил с послами грубым и надменным языком. Он заявил, что "англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нём. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны... Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено... Если правительства Франции и Англии видят в таких разговорах какой-либо интерес для себя, то они могут вести их с другими партнёрами"¹.

Такой наглый тон не предвещал ничего благоприятного для дальнейших переговоров. Не слишком обнадеживающим было и первое публичное выступление Молотова в качестве наркома иностранных дел - доклад о международном положении и внешней политике СССР на сессии Верховного Совета 31 мая. В этом докладе Молотов, с одной стороны, подчёркивал, что "наши задачи в современной международной политике... идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надёжный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав". С другой стороны, как бы протягивая руку Гитлеру и Муссолини, Молотов утверждал: "Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия".

В своём докладе Молотов обвинил Англию и Францию в нарушении "принципа взаимности и равных обязанностей" на том основании, что эти страны не хотят распространять свои гарантии на Эстонию, Латвию и Финляндию, если последние "могут оказаться не в силах отстоять свой нейтралитет в случае нападения агрессоров"².

В западной печати доклад Молотова вызвал разноречивые отклики. Английские и французские газеты отмечали, что этот доклад порождает разочарование. В то время как в Лондоне и Париже ждали, что Молотов возвестит о заключении в скором времени тройственного военного союза, он сделал основной упор на разногласиях в позициях сторон. Английская "Манчестер Гардиан" писала, что "западные государства всё более и более приближались к русской точке зрения, тогда как русские со своей стороны мало делали для того, чтобы пойти навстречу западным державам". Особое недоумение и тревогу на Западе вызывало то обстоятельство, что советская сторона требовала вступления трёх стран (СССР, Англии и Франции) в войну, даже если Прибалтийские страны откажутся обратиться с просьбой о помощи к Советскому Союзу. В отклике французской газеты "Бюлтен Котидьен" указывалось, что гарантии Прибалтийским государствам "могли бы стать по сути дела простым разрешением на вступление советских войск в Прибалтику"³.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 509-510.

² Там же. С. 526, 527.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 380, л. 100, 197.

Иной характер носили отклики на доклад в фашистских и полуфашистских странах. Болгарская реакционная печать с удовлетворением отмечала, что "в последнее время Россия - это государство, которого ищут и которое ставит свои условия... Россия молчала, но стоило ей только чихнуть, и это почувствовал весь мир"¹. Итальянский официоз "Джорнале Италия", усматривая в речи Молотова недоброжелательное отношение к демократическим державам, писал: "Какова бы ни была политика альянса западных держав с Советской Россией, она никогда не будет базироваться на внутреннем родстве интересов. И этого англичанам не изменить, сколько бы они с шапкой в руках ни стояли в прихожей у Молотова"².

После доклада Молотова советская печать продолжала нагнетать истерию вокруг вопроса о гарантиях прибалтийским государствам³. Поскольку сами эти государства отказывались от гарантий со стороны СССР, советское руководство выдвинуло формулу "косвенной агрессии", допускавшую весьма расширительное толкование. Эта формула предполагала вступление советских войск на территорию сопредельного государства в случае, если эта территория будет использована агрессором как плацдарм для вторжения в Советский Союз "при попустительстве или бессилии правительства данного государства". Ещё более двусмысленным было выдвинутое на переговорах предложение Молотова, чтобы понятие "косвенная агрессия" охватывало "случаи внутренних переворотов или политических перемен, выгодных агрессору"⁴. Таким образом, советское руководство требовало себе права на непрошенное вмешательство в судьбу суверенных государств в тех случаях, когда оно истолкует деятельность тамошних правительств как "выгодную" агрессору.

После того, как 1 июля английское и французское правительства дали согласие распространить гарантии трёх держав на прибалтийские государства, советская сторона стала ещё упорней настаивать на выполнении второго пункта, вызывавшего затруднения на переговорах: получении согласия Польши на вступление советских войск на её территорию в случае войны, развязанной Германией.

В начале "молотовского" этапа советской дипломатии продолжались начатые Литвиновым непосредственные переговоры с Польшей по этому вопросу. 8 мая польский посол в беседе с Молотовым заявил, что Польша не решается вступить в соглашение о коллективной безопасности, потому что не хочет делать таких шагов, которые могли бы быть истолкованы как провоцирование ею агрессии со стороны Германии⁵. 10 мая заместитель наркома иностранных дел Потёмкин посетил Варшаву, где встретился с польским министром иностранных дел Беком. "Путём подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше, - сообщал Потёмкин об этой встрече, - я привёл Бека к прямому признанию, что без под-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495. оп. 83. д. 381. л. 53-54.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 380, л. 114-115.

³ Вопрос о защите трёх Балтийских стран от агрессии. - Правда. 1939. 13 июня.

⁴ От Мюнхена до Токийского залива. С. 31.

⁵ Год кризиса. Т. I. С. 437.

держки СССР полякам себя не отстоять... Я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала"¹. Бек со своей стороны "констатировал необходимость для Польши опереться на СССР в случае нападения на неё Германией". 11 мая Молотов принял посла Польши и пригрозил ему, что Польша может согласиться на советские условия "слишком поздно"².

Это были последние попытки советской дипломатии напрямую договориться с Польшей. В дальнейшем советская сторона выбрала путь давления на Англию и Францию с тем, чтобы они склонили Польшу к согласию на советское предложение.

Тем временем Англия и Франция продолжали искать пути к скорейшему заключению трёхстороннего союза. К этому их подталкивали сообщения о том, что германскими военными кругами решительно отвергается перспектива войны на два фронта. 1 июня французский посол в Германии Кулондр сообщил своему министру иностранных дел, что Гитлер "рискует начать войну, если ему не надо будет сражаться с Россией. Если же он будет знать, что ему придётся воевать также с Россией, он отступит, чтобы не подвергать гибели страну, партию и себя"³.

За соглашение с СССР всё активнее выступала общественность Англии и Франции, о чём свидетельствовали опросы общественного мнения в этих странах. Заключение эффективного договора о взаимопомощи с Советским Союзом требовали такие видные английские политические деятели, как Черчилль, Иден, Ллойд-Джордж, лидеры лейбористской партии и др.

С аналогичными пожеланиями выступал и Рузвельт, который в мае 1939 года в беседе с Бенешем заявил, что аннексией чешских земель Гитлер "проглотил динамит", восстановив против себя честных людей во всём мире, и выразил надежду, что народы Англии и Франции заставят Чемберлена и Даладье заключить соглашение с СССР⁴.

8 мая Сидс передал Молотову новое предложение Великобритании и сообщил о мнении министра иностранных дел Галифакса, согласно которому между данным предложением и предложениями советского правительства существует не принципиальная, а чисто формальная разница⁵. Уточнению формулировок будущего договора были посвящены дальнейшие встречи Молотова с английским и французским послами, к которым подключился прибывший в Москву для участия в этих переговорах директор центрально-европейского департамента английского МИДа Стрэнг. С 15 июня по 2 августа было проведено около двадцати таких встреч, что само по себе должно было свидетельствовать о заинтересованности советского правительства в заключении англо-франко-советского соглашения.

Ход трёхсторонних переговоров был омрачён появившейся 29 июня в "Правде" статьёй под многозначительным названием "Английское и француз-

¹ Там же. С. 444.

² Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13-14.

³ От Мюнхена до Токийского залива. С. 27.

⁴ История и сталинизм. С. 202-203.

⁵ Год кризиса. Т. I. С. 435-436.

ское правительства не хотят равного договора с СССР". В этой статье, скромно подписанной: "депутат Верховного Совета СССР А. Жданов", сталинский клеветник писал, что хочет высказать своё "личное мнение" по поводу затяжки трёхсторонних переговоров, "хотя мои друзья и не согласны с ним. Они продолжают считать, что английское и французское правительства, начиная переговоры с СССР о пакте взаимопомощи, имели серьёзное намерение создать мощный барьер против агрессии в Европе. Я думаю и попытаюсь доказать фактами, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР". Эти высказывания содержали элементы блефа - стремление доказать, что в советском руководстве могут быть и действительно имеются серьёзные разногласия и даже попытки давления на Сталина по коренным внешнеполитическим вопросам. Как известно, к подобному блефу прибегал во время войны сам Сталин, уверяя Черчилля и Рузвельта, что на выдвижение экстремальных требований к союзникам его всякий раз упорно толкают другие члены Политбюро - и сталинские партнёры охотно попадались на эту удочку.

В неуважительном и даже враждебном тоне по отношению к партнёрам Советского Союза на переговорах Жданов утверждал, что "англичане и французы хотят... такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдёт, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками"¹. Вторая часть этой тирады представляла собой перефразировку высказывания Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Первая часть, несомненно, также принадлежала Сталину, о чём свидетельствует почти буквальное её повторение Сталиным в беседе с Димитровым 7 сентября 1939 года: "Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить"².

Статья заканчивалась злобным и угрожающим пассажем, выражающим недоверие к правительствам Англии и Франции: "Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а лишь только *разговоров* о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами. Ближайшие дни должны показать: так это или не так"³.

Статья Жданова была задумана как средство давления на Лондон и Париж и как новое приглашение Германии к сближению и сговору. Именно так она была воспринята и в столицах демократических стран, и в Берлине, где к тому времени всё более чётко определялась линия на переориентацию внешней политики в сторону сближения с СССР. Как сообщил 19 июня немецкому журналисту советник бюро министра иностранных дел Германии Клейст, "в течение последних недель Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый раппальский этап и что

¹ Правда. 1939. 29 июня.

² Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 19.

³ Правда. 1939. 29 июня.

необходимо будет с Москвой проводить определённое время политику равновесия и экономического сотрудничества¹.

Возможно, к этому выводу Гитлера подвело сообщение о новой зондажной акции советской дипломатии - неофициальной беседе Астахова 14 июня с советником болгарского посольства Драгановым, о которой последний на следующий день "конфиденциально" сообщил в германский МИД. В этой беседе Астахов сказал, что в настоящее время советское правительство "колеблется между тремя возможностями, а именно: заключением пакта с Англией, дальнейшим оттягиванием переговоров о пакте и сближением с Германией. Эта последняя возможность, на которую идеологические соображения не должны будут оказывать влияния, наиболее близка к тому, чего желает Советский Союз... Если бы Германия заявила, что она не нападёт на Советский Союз или что она заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз, может быть, воздержался бы от заключения соглашения с Англией"².

28 июня состоялась очередная встреча Шуленбурга с Молотовым, который, как сообщал в Берлин Шуленбург, "с удовлетворением" воспринял заявление немецкого посла о том, что германское правительство желает, чтобы Германия и СССР "избегали бы всего, что может привести к дальнейшему ухудшению отношений и делали бы всё, чтобы привести к их укреплению". "У меня создалось впечатление, - добавлял к этому Шуленбург, - что советское правительство крайне заинтересовано в том, чтобы уяснить нашу политическую позицию и поддерживать контакты с нами"³.

После этого в советских переговорах наступила пауза - в связи с приказом Гитлера приостановить дипломатическую активность в Москве, поскольку советская сторона не даёт ясного ответа на немецкие предложения⁴. Эта пауза продолжалась вплоть до конца июля, когда Гитлер решил, по словам Хильгера, "взять в свои руки инициативу установления взаимопонимания с русскими"⁵. К такому решению фюрера побудило, видимо, сообщение о том, что правительства Англии и Франции направляют в Москву военные миссии для переговоров о заключении военной конвенции. Предложение об этом, переданное 23 июля английскому и французскому послам, Молотов дополнил обнадеживающим заявлением о том, что основные положения договора о взаимной помощи можно считать согласованными, а разногласия по ещё не решённым вопросам носят второстепенный характер⁶. Таким образом, создавалось впечатление, что переговоры о заключении военной конвенции могут быть проведены быстро и успешно.

Характерно, однако, что за два дня до публикации сообщения о встрече Молотова с английским и французским послами⁷ в советских газетах было

¹ Год кризиса. Т. II. С. 41.

² Советско-нацистские отношения. С. 27.

³ Там же. С. 33, 36.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Откровения и признания. С. 58.

⁶ Год кризиса. Т. II. С. 123.

⁷ Известия. 1939. 24 июля.

опубликовано сообщение о возобновлении советско-германских переговоров о торговле и кредите¹. Это сообщение отражало новые инициативы советской стороны в области улучшения отношений с Германией. 18 и 22 июля заместитель советского торгпреда Бабарин (Советский Союз не имел в то время не только полпреда, но и торгпреда в Берлине) встречался со Шнурре. На этих встречах он заявил, что Советский Союз готов пойти навстречу Германии в разрешении спорных вопросов, касающихся заключения торгового-кредитного соглашения, и что он, Бабарин, уполномочен советским правительством вести дальнейшие переговоры и подписать это соглашение².

Эти шаги были восприняты в Берлине как приглашение не только к экономическим, но и к политическим переговорам. Поэтому германская сторона решила незамедлительно проявить ответную инициативу. 24 июля Шнурре пригласил к себе Астахова, в беседе с которым выдвинул программу улучшения советско-германских отношений, состоящую из трёх этапов. На первом этапе предлагалось благополучное завершение торговых-кредитных переговоров, на втором - "нормализация отношений по линии прессы, культурных связей", на третьем - "политическое сближение"³.

26 июля Шнурре в соответствии с инструкциями, полученными от Риббентропа, пригласил Астахова и Бабарина на новую беседу. Согласно отчёту Шнурре об этой беседе, его партнёры "начали разговор о политических и экономических проблемах, которые интересуют нас, в очень живой и заинтересованной манере, так что оказалось возможным провести неофициальное и подробное обсуждение всех тем, упомянутых министром иностранных дел Рейха". В ходе беседы Шнурре подчеркнул, что за последнее время "политика Германии на Востоке приняла совершенно другое направление. С нашей стороны не могло быть и речи о том, чтобы угрожать Советскому Союзу; наши цели направлены в совершенно другую сторону... Политика Германии направлена против Англии. Это является решающим фактором"⁴. В отчёте Астахова о беседе эта мысль Шнурре передана следующим образом: "Майн Кампф" (книга, в которой излагались агрессивные замыслы Гитлера по отношению к Советскому Союзу - В. Р.) была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас - Англия"⁵.

Шнурре уточнил предложение о "трёх этапах" советско-германского сближения. Он заявил, что третий этап должен будет выразиться в установлении хороших политических отношений. Это может найти отражение в "новой договорённости, которая бы учитывала жизненные политические интересы обеих сторон". Данный этап Шнурре назвал вполне достижимым, поскольку "во всей зоне от Балтийского моря до Чёрного моря и до Дальнего Востока не существует между обеими странами спорных проблем во внешней политике, которые исключали бы возможность таких отношений". К этой формуле, которая

¹ Известия. 1939. 22 июля.

² Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 25-26.

³ Год кризиса. Т. II. С. 120-121.

⁴ Советско-нацистские отношения. С. 39-40.

⁵ Год кризиса. Т. II. С. 136-137.

на дальнейших переговорах была неоднократно повторена немецкими дипломатами, в том числе Риббентропом, Шнурре добавил "идеологический" аргумент, указав на "одну общую вещь", которая, по его мнению, присутствует, "несмотря на всю разницу в мировоззрении, в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: это оппозиция к капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капитализмом Запада. Следовательно, нам показалось бы довольно парадоксальным, если бы Советский Союз как социалистическое государство был бы на стороне западных демократий"¹. В изложении Астахова это высказывание Шнурре выглядит следующим образом: сближение СССР с Германией и Италией возможно потому, что "Германия и Италия, хотя и боролись с коммунизмом, но настроены антикапиталистически, стремясь всячески ограничить влияние крупных концернов и фирм, поставив их на службу интересам народа, общества". Чтобы лишний раз подчеркнуть отсутствие идеологических препятствий к сближению СССР и Германии, Шнурре заявил, что германское руководство намеревается пригласить советских представителей присутствовать на предстоящем съезде национал-социалистической партии². Это был шаг беспрецедентный в советско-германских отношениях.

Отдав дань политической демагогии, Шнурре прямо указал на то, что "далеко идущему компромиссу взаимных интересов с должным учётом жизненно важных проблем России" неминуемо воспрепятствует подписание Советским Союзом договора с Англией. "Только по этой причине у меня есть возражения в отношении его (советского правительства) точки зрения, что темпы достижения возможного понимания между Германией и Советским Союзом должны быть неторопливыми. Сейчас подходящий момент, а не тогда, когда будет заключён пакт с Англией. Это должно быть учтено в Москве".

Далее Шнурре перешёл к наиболее важной части беседы - рассуждениям о "выгодах", которые получит Советский Союз в результате переориентации своей внешней политики на Германию. "Что Англия может предложить России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность Германии, но без всякого желанного завершения для России. Что можем предложить мы, с другой стороны? Нейтралитет и то, чтобы остаться в стороне от возможного европейского конфликта и, если Москва пожелает, немецко-русское соглашение относительно общих интересов, которое, как и в прошлые времена, приведёт к выгоде для обеих сторон"³. Таким образом, Кремлю был дан первый сигнал о том, что Германия, собираясь начать крупномасштабную войну, заинтересована в том, чтобы Советский Союз оставался от этой войны в стороне.

Судя по записи Астахова, Шнурре подчеркнул, что он излагает позицию Риббентропа, который в свою очередь "в точности знает мысли фюрера". Эта позиция, по словам Шнурре, включала готовность "договориться по любым вопросам, дать любые гарантии. Мы не представляем себе, чтобы СССР было выгодно стать на сторону Англии и Польши, в то время как есть полная воз-

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 23; Советско-нацистские отношения. С. 39-40.

² Год кризиса. Т. II. С. 138, 140.

³ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 24; Советско-нацистские отношения. С. 40-41.

возможность договориться с нами. Если у Советского правительства есть желание серьёзно говорить на эту тему, то подобное заявление Вы сможете услышать не только от меня, а от гораздо более высокопоставленных лиц". Наконец, Шнурре заявил, что "если бы дело дошло до серьёзных разговоров", германское правительство пошло бы целиком навстречу Советскому Союзу в вопросах, касающихся Прибалтики и Румынии; "ещё легче было бы договориться относительно Польши"¹.

Астахов, в свою очередь, развил поднятую Шнурре геополитическую тему, выразив уверенность в том, что "Данциг будет тем или иным путём возвращён рейху" и что вопрос о "коридоре" также будет разрешён в пользу рейха².

В письме заместителю наркома иностранных дел Потёмкину, посланном 27 июля, Астахов сообщил, что Шнурре "всячески пытается уговорить нас пойти на обмен мнениями по общим вопросам советско-германского сближения. При этом он ссылается на Риббентропа как инициатора подобной постановки вопроса, которую будто бы разделяет и Гитлер. Как Вы помните, примерно то же, но в более осторожной и сдержанной форме, мне говорили Вейцекер и Шуленбург". К этому Астахов прибавлял, что "стремление немцев улучшить отношения с нами носит достаточно упорный характер и подтверждается полным прекращением газетной и прочей кампании против нас. Я не сомневаюсь, что если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам"³.

В первом отклике Молотова на сообщение Астахова, посланном в Берлин 28 июля, одобрялась известная осторожность поведения временного поверенного в делах СССР во время беседы со Шнурре. Однако на следующий день была послана новая телеграмма Молотова Астахову, свидетельствующая о том, что Сталин, ознакомившись с сообщением о переговорах со Шнурре, приказал усилить дипломатическую активность в Берлине. "Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, - говорилось в этой телеграмме, - то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы"⁴.

Тем временем произошли определённые сдвиги в переговорах Советского Союза с Францией и Англией. В конце июля был утверждён состав военных миссий Англии и Франции, направляемых для переговоров в Москву. Главой английской делегации был назначен адмирал Дракс, главой французской - генерал Думенк. Осведомлённое, по-видимому, о тайных переговорах между СССР и Германией, английское правительство в секретных инструкциях Драксу предписывало "всегда иметь в виду возможность советско-германского сго-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 137.

² Вопросы истории. 1990. № 2. С. 23, 24; Советско-нацистские отношения. С. 40-41.

³ Год кризиса. Т. II. С. 139.

⁴ Там же. С. 145.

вора, а переговоры вести как можно медленнее, чтобы выиграть время"¹. Выражением той же медлительности было решение отправить англо-французскую миссию в Москву не самолётом, а пароходом. В обстановке, когда дело решали не недели, а дни, этот шаг сыграл на руку советско-германским поискам "взаимопонимания"^{2*}.

По-иному вели себя гитлеровские дипломаты, стремившиеся интенсифицировать и динамизировать переговорный процесс. На следующий день после беседы Шнурре с Астаховым и Бабариным Вейцекер предложил Шуленбургу устроить новую встречу с Молотовым и развить на ней те мысли, которые были изложены в этой беседе. "Если это приведёт к тому, что Молотов отбросит сдержанность, которую он до сих пор проявлял, Вы можете пойти в Вашем изложении ещё на шаг вперёд и можете сказать что-нибудь более определённое... Это особенно касается польского вопроса. При *любом* развитии польского вопроса... мы будем готовы охранять все советские интересы и достичь договорённости с московским правительством"³.

2 августа в переговоры включился Риббентроп, который в беседе с Астаховым бросил ряд пренебрежительных замечаний по адресу "западноевропейских демократий" и сказал, что "разговаривать с русскими немцам, несмотря на всю разницу идеологий, было бы легче, чем с англичанами и французами"⁴. В телеграмме Шуленбургу, излагавшей содержание беседы, Риббентроп писал, что он дал понять Астахову: "в международной политике наша тактика иная, чем у демократических держав. Мы привыкли строить на солидной основе, нам не нужно принимать во внимание колеблющееся общественное мнение". Думается, что столь же откровенное, сколь и циничное замечание о "преимуществах" тоталитарного режима могло привлечь внимание Сталина и стать для него ещё одним аргументом в пользу сближения с Германией.

В беседе с Астаховым Риббентроп заявил, что тон немецкой прессы по отношению к СССР за последние полгода стал существенно иным, и вслед за этим заметил, что улучшение отношений между Германией и Советским Союзом вполне возможно, если у советской стороны имеется такое желание. Далее он повторил формулу, согласно которой от Балтийского до Чёрного моря нет таких проблем, которые "нельзя было бы разрешить между нами" и "слегка намекнул о возможности договориться с Россией о судьбе Польши"⁵. Наконец, Риббентроп подчеркнул, что "в СССР за последние годы усиливается национальное начало за счёт интернационального и... это, естественно, благоприятствует сближению СССР и Германии. Резко национальный принцип, положенный в основу политики фюрера, перестает в этом случае быть диаметрально-

¹ От Мюнхена до Токийского залива. С. 31-33.

² Как мы увидим далее, на самих переговорах, проходивших с 12 по 21 августа, англо-французская сторона, получившая, по-видимому, новые инструкции, требовала не затягивать время, к чему была склонна теперь советская делегация.

³ Советско-нацистские отношения. С. 43.

⁴ Год кризиса. Т. II. С. 158.

⁵ Советско-нацистские отношения. С. 44-45.

но противоположной политике СССР. Это вопрос, который наиболее интересует фюрера¹.

На следующий день Шуленбург изложил Молотову основные аргументы, выдвинутые в беседах Шнурре и Риббентропа с Астаховым, добавив, что Германия хочет добиться "освежения существующих или создания новых политических соглашений" и "примирения обоюдных интересов"². По словам Шуленбурга, в этой беседе Молотов "отбросил свою обычную сдержанность и казался необычайно открытым". Спустя несколько дней Шуленбург сообщил в германский МИД, что, по имеющимся у него сведениям, на всём протяжении англо-франко-советских переговоров "Молотов был неподвижен, как бревно. Он едва открывал рот и если открывал его, то лишь для того, чтобы коротко заметить: "Ваши заявления не кажутся мне вполне удовлетворительными". К этому Шуленбург добавлял, что Молотов "был совсем другим с Хильгером и со мной в последний раз: очень общительным и любезным". 14 августа Шуленбург в письме Вейцекеру вновь коснулся своих отношений с Молотовым: "Этот необыкновенный человек с трудным характером теперь уже привык ко мне и в разговорах со мной отбрасывает в значительной мере свою сдержанность, которую он всюду и всегда проявляет"³.

3 августа Шнурре вновь пригласил Астахова, чтобы "уточнить и дополнить вчерашний разговор". Он предложил наметить конкретный круг вопросов, которые следует рассмотреть на советско-германских переговорах, а затем приступить к таким переговорам в Берлине, поскольку "ими непосредственно интересуются Риббентроп и Гитлер". Спустя несколько дней Астахов в телеграмме, отправленной в Москву, подробно описывал предложения о разграничении "сферы интересов", изложенные немцами. "Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере, политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывшей германской Польши (быть может, с прибавкой по линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры подобного рода в представлениях немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения... Они считают мыслимым пойти на известную договорённость в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей". Таким образом, к тому времени германская сторона уже достаточно приоткрыла свои карты, раскрыв содержание чисто империалистического сговора о разделе Восточной Европы, в котором предлагалось участвовать советскому руководству.

¹ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 31.

² Год кризиса. Т. II. С. 160-162.

³ Советско-нацистские отношения. С. 46, 49, 54.

В сообщении Астахова говорилось и о том, что немцы "пытаются даже проложить "идеологический" мостик, напоминая, что они тоже "социалисты", что они "против капитализма" и т. п."¹.

7 августа Сталин получил донесение разведки, из которого стали ясны причины поспешности германской стороны, касающейся переговоров. В донесении говорилось, что "развёртывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа, и начиная с 20 августа следует считаться с началом военной акции против Польши"².

В советской исторической литературе фигурирует версия о некоем заседании Политбюро, якобы состоявшемся 11 августа, на котором будто бы было принято решение о советско-германских переговорах. Эта версия ведёт начало от доклада Яковлева, где утверждалось: "11 августа 1939 года положение рассматривалось в Политбюро ЦК ВКП(б). Не без учёта сведений о попытках Гитлера восстановить непосредственную связь с Чемберленом и пессимистических предсказаний касательно московских военных переговоров было признано целесообразным вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чём известить Берлин"³.

В дальнейшем будет показано, что версия о "заседании Политбюро" является одной из выдумок Яковлева. Что же касается "пессимистических предсказаний" (чьих?), то отмечу лишь, что московские военные переговоры открылись 12 августа, и поведение на них англо-французской делегации не давало оснований для пессимизма в отношении позиции этих предполагаемых союзников СССР. Напротив, именно у западных миссий мог возникнуть пессимизм относительно позиции советской стороны. Уже в первый день переговоров глава советской военной миссии Ворошилов в ультимативном тоне потребовал от своих партнёров осуществить нажим на Польшу и Румынию с тем, чтобы правительства этих стран в случае обращённой против них германской агрессии согласились пропустить советские войска через свою территорию для их соприкосновения с немецкими войсками. Не имевшие чёткого ответа от своих правительств на вопрос о позиции правительств Польши и Румынии, Дракс и Думенк 13 августа перешли к подробному описанию состояния вооружённых сил своих стран и их предполагаемых действий в случае германской агрессии. Однако на утреннем заседании 14 августа Ворошилов отказался приступить к ответному изложению информации о Красной Армии, уделив всё заседание настойчивым требованиям ответить на всё тот же вопрос. В конце заседания он зачитал заявление, в котором говорилось: "Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса всё начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по её мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять уча-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 159, 179-180.

² 1939 год. Уроки истории. С. 333.

³ Правда. 1989. 24 декабря.

стие в предприятии, явно обречённом на провал"¹. Во время этого заседания Ворошилов не преминул намекнуть, что Советский Союз в случае нападения на него Германии с успехом обойдется и без помощи союзников. В ответ на слова Думенка о том, что советская западная граница - "это тот фронт, которого немцы не должны перейти ни в коем случае", он хвастливо заявил: "Это "фронт", который... можете быть уверены, г-н генерал, фашисты никогда не перейдут, договоримся мы с Вами или нет"².

Пресловутый вопрос о пропуске войск через территорию Польши на протяжении многих лет рассматривался советскими и зарубежными историками как причина срыва тройственных переговоров. В действительности этот вопрос не имел столь решающего значения для успеха переговоров. Конечно, польское правительство, зараженное ярим антисоветизмом, проявило крайнюю неосмотрительность в отношении собственной безопасности, отказываясь удовлетворить это требование Советского Союза. Но даже если бы такой отказ действовал и после подписания тройственной военной конвенции, он не мог существенно помешать делу обороны СССР. Если бы Советский Союз не нанёс удара в спину Польше, она могла бы продержаться более длительное время, на протяжении которого (даже если бы Польша после первых поражений не попросила СССР о вводе его войск на свою территорию) Советский Союз мог бы провести мобилизацию, сосредоточить необходимое количество войск на своей западной границе и привести их в полную боевую готовность. Во всяком случае Советская армия оказалась бы в намного более выгодном стратегическом положении, чем в июне 1941 года.

Обструкционистская позиция советской стороны на переговорах объяснялась тем, что Сталин решил не связывать себя соглашением с Англией и Францией до тех пор, пока окончательно не прощупает позицию Гитлера относительно перспектив и условий советско-германского соглашения. 11 августа Молотов послал Астахову телеграмму, в которой впервые было выражено согласие на проведение официальных советско-германских переговоров. "Перечень объектов (тем переговоров - В. Р.), указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует, - указывалось в телеграмме. - ...Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве"³.

В двух письмах, посланных 12 августа Астаховым Молотову, сообщалось, что "события развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных ступенях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т. п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в усиленном темпе. Кроме того, их явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы эвентуальное военное соглашение предотвратить. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно ис-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 218.

² Там же. С. 212.

³ Там же. С. 184.

ключёнными. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) - это в *данный момент* минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей¹.

Из донесений Астахова явствовало, что Гитлера, приступившего к последним приготовлениям к войне с Польшей, идея поэтапных и сколько-нибудь длительных переговоров с СССР не устраивала. Ради скорейшего достижения соглашения со Сталиным фюрер в считанные дни переориентировал всю свою пропаганду. "Пресса продолжает вести себя в отношении нас исключительно корректно, - докладывал Астахов, - причём стали появляться (факт доньше небывалый!) даже заметки о наших успехах в области строительства... Наоборот, в отношении Англии глумление переходит всякие границы элементарной пристойности... В населении уже всюду гуляет версия о новой эре советско-германской дружбы, в результате которой СССР не только не станет вмешиваться в германо-польский конфликт, но на основе торгово-кредитного соглашения даст Германии столько сырья, что сырьевой и продовольственный кризисы будут совершенно изжиты"².

13 августа Астахов послал новую телеграмму Молотову, в которой сообщал, что Шнурре от имени Риббентропа передал ему: "Германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее. Оно хотело бы вести переговоры в Германии, но, поскольку мы предпочитаем вести их в Москве, оно принимает и это"³.

Это было последнее донесение Астахова, вслед за которым он был внезапно отозван из Берлина, а в конце 1939 года - арестован. По свидетельству Гнедина, Астахов находился в 1940 году в Сухановской тюрьме - самой страшной из московских тюрем, где применялись особенно изуверские пытки⁴. 14 февраля 1942 года Астахов был расстрелян.

Причиной устранения Астахова с дипломатической арены был переход к переговорам между Риббентропом и Молотовым через "памятные записки", передаваемые Шуленбургом. В телеграмме, отправленной 14 августа, Риббентроп поручал Шуленбургу срочно посетить Молотова и зачитать ему длинное "устное послание". Выполняя это поручение, Шуленбург на следующий день встретился с Молотовым и прочёл ему "Памятную записку" Риббентропа, где перечислялись вопросы ("Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т. п."), которые, по мнению германского правительства, могут быть разрешены "к полному удовлетворению обеих стран". Далее в записке говорилось о "полезности" как политического сотрудничества между Германией и СССР, так и сотрудничества между "германским и советским народными хозяйствами, во всех направлениях друг друга дополняющими". То был первый приступ к идее всестороннего экономического сотрудничества,

¹ Там же. С. 185.

² Там же. С. 186-187.

³ Там же. С. 209.

⁴ Гнедин Е. А. Выход из лабиринта. С. 69.

суть которого Троцкий позднее определил словами: "Сталин - интендант Гитлера".

Обосновывая соображения о наступлении "исторического поворотного пункта" в советско-германских отношениях, Риббентроп прибегал и к "идеологическим" аргументам. "На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР, - говорилось в записке, - должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путём заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией... Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям".

Записка не оставляла сомнений в том, что "внесение ясности" в советско-германские отношения, в том числе "в территориальные вопросы Восточной Европы" (т. е. в вопросы раздела её между Германией и СССР - В. Р.), требует, по мнению германского правительства, переговоров на самом высоком уровне. В этой связи Риббентроп выражал желание "на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину точку зрения фюрера"¹.

Зачитав памятную записку, Шуленбург попросил Молотова передать её содержание Сталину. Молотов, по-видимому, озадаченный тем, насколько далеко идут предложения, изложенные в этом документе, заявил, что ввиду важности зачитанного Шуленбургом заявления ответ на него он даст после доклада советскому правительству (для немецких партнёров Молотова не было секретом, что под словами "советское правительство" последний всегда имел в виду Сталина). Далее Молотов несколько раз повторил, что приветствует стремление германского правительства улучшить взаимоотношения с СССР. Заявив, что, по его мнению, для визита Риббентропа в Москву требуется известная подготовка, Молотов тут же указал, что это мнение является "предварительным". Как и в дальнейшем, председатель Совнаркома и народный комиссар иностранных дел давал понять своим партнёрам, что судьба советско-германских переговоров всецело зависит от воли Сталина.

В данной беседе с Шуленбургом Молотов впервые поднял вопрос относительно заключения пакта о ненападении. Спросив посла, существует ли у германского правительства определённое мнение насчёт целесообразности такого пакта, и получив уклончивый ответ, он попросил Шуленбурга "выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чём-либо подобном ему"².

Тем временем в Москве продолжались переговоры военных миссий. 15 августа начальник Генерального штаба СССР Шапошников изложил план развёртывания советских вооружённых сил в случае войны. На следующий день главы английской и французской миссий сделали подробные сообщения о состоянии авиации их стран. Вечернее заседание этого дня Ворошилов вновь

¹ Год кризиса. Т. II. С. 229, 232-233.

² Там же. С. 229-231.

посвятил вопросу о возможности пропуска советских войск через территорию Польши и Румынии. В реальной ситуации того времени, когда нападение Гитлера на Польшу приближалось с каждым днем, естественно, на первый план выдвинулся вопрос о позиции Польши. Хотя французское правительство продолжало добиваться от польского правительства согласия на советские условия, польская позиция оставалась неизменной.

Несмотря на амбициозность советской стороны, многократно выраженное ею недоверие к своим партнёрам по переговорам, англо-французская миссия настойчиво продолжала искать пути к заключению военной конвенции. В этом же направлении действовало правительство США. 16 августа Молотов принял посла США Штейнгардта, который передал пожелание Рузвельта о скорейшем достижении соглашения СССР с Англией и Францией. Молотов в ответ заявил, что "многое уже сделано для успеха переговоров, но переговоры ещё не кончены"¹.

17 августа англо-французская миссия предложила продолжить обсуждение путей взаимодействия вооружённых сил трёх стран в случае войны и выдвинула много конкретных вопросов о возможных боевых действиях Красной Армии. В ответ Ворошилов неожиданно заявил, что до получения ответа английского и французского правительств по поводу пропуска советских войск через Польшу и Румынию следует прекратить работу совещания. После этого он сделал явно издевательское в той обстановке предложение "нашим дорогим гостям отдохнуть, посмотреть Москву, побывать на выставке, чувствовать себя как дома"². Столкнувшись с решительным протестом англичан и французов против прекращения переговоров на неопределённое время, Ворошилов предложил назначить следующее заседание на 20 или 21 августа.

В тот же день состоялась новая встреча Молотова с Шуленбургом, который зачитал очередную памятную записку - о согласии германского правительства заключить пакт о ненападении. В записке указывалось на готовность Риббентропа "начиная с 18 августа, во всякое время прибыть в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий, подписать соответствующие договоры"³.

После ознакомления с немецкой запиской Молотов передал Шуленбургу письменный ответ на германское предложение от 15 августа. При этом он заявил, что "Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован"⁴.

В советской "Памятной записке" говорилось, что правительство СССР готово "перестроить свою политику в духе её серьёзного улучшения в отношении Германии". Первым шагом этой "перестройки" называлось заключение торгово-кредитного соглашения, а вторым - подписание пакта о ненападении "с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 272.

⁴ Там же. С. 269.

чтобы последний представлял органическую часть пакта¹. Таким образом, на советско-германских переговорах впервые был упомянут секретный документ, который с этого времени именовался "дополнительным секретолом".

Прочитав советскую записку, Шуленбург сразу же уловил её смысл, сказав, что "центр тяжести, по его мнению, будет лежать в протоколе, и поэтому желательно получить от Советского правительства хотя бы эскиз протокола". Молотов, не желая раскрывать прежде времени всех своих (т. е. сталинских) экспансионистских намерений, ответил, что "инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны. Естественно, что вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа (о разграничении "сфер интересов" - В. Р.), не могут войти в договор, они должны войти в протокол². Тем самым он дал понять, что пакт необходимо разделить на две части: открытый договор и секретный протокол.

После этой беседы Шуленбург докладывал в Берлин: "Молотов заявил, что советское правительство встретило предложение о визите Риббентропа с большим удовлетворением, так как выбор для поездки столь выдающегося общественного деятеля подчёркивает серьёзность намерений германского правительства... Однако приезд министра иностранных дел Рейха (по мнению Молотова - В. Р.) потребует серьёзных приготовлений³".

Это сообщение только подогрело готовность Гитлера идти на любые уступки, лишь бы ускорить заключение соглашения с СССР. Вечером 18 августа Риббентроп направил очередную телеграмму Шуленбургу, в которой просил: "Пожалуйста, условьтесь немедленно о новой встрече с господином Молотовым и сделайте всё возможное, чтобы эта встреча состоялась безотлагательно⁴".

Во время встречи, состоявшейся на следующий день, Шуленбург сообщил Молотову, что "в Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей... Положение настолько обострилось, что достаточно небольшого инцидента, для того чтобы возникли серьёзные последствия. Риббентроп думает, что ещё до возникновения конфликта необходимо выяснить взаимоотношения между СССР и Германией... и считает нужным со всей быстротой приступить ко второму этапу" (первый этап - подписание торгово-кредитного соглашения - должен был завершиться вечером 19 августа). Чтобы не оставлять сомнений в том, что германская сторона готова пойти навстречу всем требованиям советской стороны, Шуленбург заявил: "Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство... Гитлер готов учесть всё, чего пожелает СССР... Риббентроп смог бы заключить протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть. Время не терпит".

¹ Там же. С. 272.

² Там же. С. 270-271.

³ Советско-нацистские отношения. С. 65-66.

⁴ Там же. С. 66.

Выслушав посла, Молотов сказал, что передаст новые немецкие предложения советскому правительству, которое "должно это обсудить"¹.

События, произошедшие вслед за этим, вновь подтвердили, что председатель Совета народных комиссаров не принимает самостоятельных решений, а служит лишь передаточным звеном для исполнения указаний Сталина. Приём Молотовым Шуленбурга начался в 14 часов и продолжался не менее часа. Едва Шуленбург, обескураженный отказом Молотова назвать точное время, подходящее для визита Риббентропа, успел возвратиться в посольство, как получил по телефону приглашение вновь прибыть в Кремль. Вторая встреча с Молотовым началась в 16 часов 30 минут. На ней Молотов заявил, что он "должил правительству" содержание сегодняшнего разговора и что Риббентроп может приехать в Москву 26-27 августа. Более того - Молотов передал Шуленбургу "для облегчения работы" советский текст проекта пакта. Проект заканчивался многозначительным постскриптумом, гласившим, что "настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта"².

В ближайшие сутки обе стороны предприняли шаги для окончательного завершения "первого этапа". Вечером 19 августа торгово-кредитное соглашение было подписано. 21 августа в "Правде" была опубликована передовая статья, в которой утверждалось, что "новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, родившись в атмосфере напряжённых политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу" и "явится серьёзным шагом в деле дальнейшего улучшения не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией"³.

Не осведомлённые об интенсивных переговорах между Москвой и Берлином, французские дипломаты вели в эти дни упорные переговоры с польским правительством, стремясь добиться его согласия на советские требования⁴. Однако польские руководители по-прежнему отказывались присоединиться к военному соглашению с СССР, исходя прежде всего из преувеличенной оценки сил своей армии. В то время как даже англичане считали, что польская армия в одиночку не продержится против вермахта более двух недель, поляки хвастливо заявляли о возможности Польши вести войну с Германией только собственными силами. Другим аргументом поляков было соображение о том, что Красная Армия ослаблена репрессиями командного состава и поэтому полагаться на неё нельзя⁵.

Драматические события развёртывались в это время и в ставке Гитлера, которого не могли удовлетворить предложенные Молотовым сроки визита Риб-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 274-275.

² Там же. С. 278.

³ К советско-германскому торгово-кредитному соглашению. - Правда. 1939. 21 августа.

⁴ Об усилиях французской стороны в деле воздействия на польское правительство подробно рассказывается в статье В. И. Прибылова "Тринадцать дней в августе 1939-го", построенной на анализе недавно опубликованных французских дипломатических документов этого периода (Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 32-40).

⁵ Открывая новые страницы... С. 60; От Мюнхена до Токийского залива. С. 41.

бентропа. Поэтому фюрер решил вступить в личную переписку со Сталиным. В ночь с 20 на 21 августа Риббентроп послал Шуленбургу телеграмму с указанием как можно скорее явиться к Молотову и вручить ему личное послание Гитлера Сталину. В этом послании говорилось о согласии с проектом пакта, переданным Молотовым, и о решимости германского правительства "сделать все выводы" из коренной перемены своей политической линии. Фиксируя внимание на необходимости выяснить связанные с пактом вопросы "скорейшим путём", Гитлер писал: "Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день... Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа".

Послание не оставляло никаких сомнений в согласии Гитлера на главное требование советской стороны - подписание секретного протокола. "Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, - писал Гитлер, - по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично... Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол"¹.

Письмо Гитлера было вручено Молотову утром 21 августа, а в 17 часов того же дня Шуленбургу был передан ответ Сталина, в котором вслед за выражением надежды на "поворот к серьёзному улучшению политических отношений между нашими странами" говорилось: "Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа"².

Утром 21 августа открылось заседание военных миссий, на котором Ворошилов предложил "сделать перерыв нашего совещания не на 3-4 дня, как об этом просит англо-французская миссия, а на более продолжительный срок". Такое предложение Ворошилов мотивировал тем, что члены советской миссии, "являющиеся ответственными руководителями наших вооружённых сил, в данное время не могут, к сожалению, сколько-нибудь систематически уделять время данному совещанию", так как они будут заняты на начавшихся военных учениях и маневрах (в действительности, как мы увидим далее, ближайшие дни были заняты у Ворошилова и других "ответственных руководителей" армии псовой охотой). Вслед за этим Ворошилов заявил, что, если ответы от английского и французского правительств на вопросы, которые "являются для нас решающими, кардинальными", будут отрицательными, то он вообще не видит "возможности дальнейшей работы для нашего совещания".

Хотя англо-французские представители энергично протестовали против отсрочки совещания и передали новые вопросы к советской стороне, касающие-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 302.

² Там же. С. 303.

ся заключения военной конвенции, Ворошилов вновь ультимативно заявил: "Я полагаю, что наше совещание прекращает свою работу на более или менее продолжительный период времени"¹.

Очевидно, во время этого заседания Ворошилову была передана записка Поскребышева: "Клим, Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку"². Сталину, пославшему письмо Гитлеру, уже не было нужды церемониться с англо-французской миссией.

Получив письмо Сталина вечером 21 августа, Гитлер, по свидетельству Хевеля (постоянный уполномоченный министра иностранных дел при рейхсканцлере), воспринял его с необузданным восторгом. "С возгласом: "Ну, теперь весь мир - у меня в кармане!" - он стал обеими руками барабанить по стене и вообще повёл себя как умалишённый"³.

В полночь германское радио, прервав музыкальную передачу, объявило: "Имперское правительство и советское правительство договорились заключить пакт о ненападении. Имперский министр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров"⁴.

В советском сообщении о визите Риббентропа указывалось, что "после заключения советско-германского торгово-кредитного соглашения встал вопрос об улучшении политических отношений между Германией и СССР. Прошедший по этому вопросу обмен мнений между правительствами Германии и СССР установил наличие желания обеих сторон разрядить напряжённость в политических отношениях между ними, устранить угрозу войны и заключить пакт о ненападении. В связи с этим предстоит на днях приезд германского министра иностранных дел г. фон-Риббентропа в Москву для соответствующих переговоров"⁵.

В Лондоне, как сообщал в Москву 22 августа Майский, известие о предстоящем визите Риббентропа вызвало "величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства были два - удивление, растерянность, раздражение, страх (так в тексте - В. Р.). Сегодня утром настроение было близко к панике"⁶.

Что касается Гитлера, то он был настолько уверен в успехе визита Риббентропа, что 22 августа собрал секретное совещание своего генералитета, где изложил как предысторию этого визита, так и последствия, которые он будет иметь. "Я был убеждён, - заявил он, - что Сталин никогда не пойдёт на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши... Решающее значение имела замена Литвинова. Поворот в отношении России я провёл постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение (очевидно, имелось в виду предложение о подписании

¹ Там же. С. 296-297, 300.

² Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 59.

³ Откровения и признания. С. 60.

⁴ От Мюнхена до Токийского залива. С. 68-69.

⁵ Известия. 1939. 22 августа.

⁶ Международная жизнь. 1989. № 9. С. 114.

пакта вместе с секретным протоколом - В. Р.). Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привёл к тому, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор... После того, как я осуществил политическое приготовления, путь солдатам открыт. Нынешнее обнародование пакта о нападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия - необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдёт на пользу обеим странам".

Гитлер не преминул рассказать своим генералам и о том дележе чужих территорий, который он собирался вскоре осуществить вкпе со Сталиным: "Через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира... Риббентропу дано указание делать любое предложение и принимать любое требование русских".

Сообщив об обещании Браухича закончить войну с Польшей за несколько недель, Гитлер сказал: "Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года войны или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не можем"¹.

Фюрер не отказал себе в удовольствии выразить презрение к лидерам Англии и Франции. Дважды назвав их "жалкими червями", он высказал уверенность, что они окажутся слишком трусливыми, чтобы вести настоящую войну, и ограничатся блокадой. Эта блокада, по его словам, окажется неэффективной из-за того, что Германия получит от СССР сырьё и сельскохозяйственные продукты. Таким образом, Гитлер дал ясно понять: предстоящий договор находится в тесном единстве с торговым соглашением, превращающим Сталина в его интенданта.

День 22 августа ознаменовался ещё одним событием - фактическим прекращением переговоров военных миссий. В этот день Думенк встретился с Ворошиловым и сообщил ему, что французское правительство уполномочило его подписать военную конвенцию, включающую согласие на пропуск советских войск через территорию Польши. Ворошилов встретил это заявление весьма холодно, указав на то, что подобных сообщений от английского и польского правительств не поступило. Вслед за этим он заявил Думенку: "Французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события. Подождём. Чем скорее будет ответ (Англии и Польши - В. Р.), тем быстрее мы можем окончательно решить, как быть дальше". Далее Ворошилов произнёс серию патетических восклицаний, которые содержали элементы блефа. Они призваны были убедить его партнёра, что советская сторона серьёзно относится к своим прошлым обязательствам: "Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не даёт то, что мы просили выяснить для себя, кроме тяжёлых обязанностей - подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того, как все эти во-

¹ Откровения и признания. С. 95-96.

просы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя"¹. Таким образом, Ворошилов по сути заявил, что пакт с Германией вполне совместим с подписанием тройственной военной конвенции и двери для продолжения переговоров военных миссий остаются открытыми.

Аналогичный смысл содержался в сообщении, полученном в тот же день французским агентством Гавас от советской пресс-службы для распространения за границей. В нём говорилось, что "переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идёт о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряжённости, другое - на подготовку путей и средств в целях борьбы с агрессией, если она произойдёт"².

¹ Год кризиса. Т. II. С. 307, 310.

² Там же. С. 305.

Переговоры на высшем уровне

В свете приведённых выше фактов и документов легко увидеть многочисленные исторические передержки в докладе Яковлева. В нём повторялись традиционные для "доперестроечной" советской историографии утверждения, согласно которым Англия и Франция вступили в переговоры с СССР "не конкретных договорённостей ради, а для политических интриг", и "позиция западных демократий не оставляла Советскому Союзу иного выбора кроме как подписать договор с Германией". Более того, Яковлев лживо утверждал, будто "из документов следует, что всякий раз, когда СССР шёл навстречу западным державам, британским и французским делегатам давались указания не фиксировать сближение позиций, а наращивать требования, обострять несбалансированность условий и таким образом блокировать договорённость". Опубликованная стенограмма переговоров военных миссий свидетельствует, что подобная линия на фактический срыв переговоров исходила, напротив, от советской стороны.

Столь же лживы утверждения Яковлева о ходе переговоров с Риббентропом, на которых, по его словам, "поначалу не предполагалось делать секретным документ о намерениях" и "каких-либо территориальных претензий, касавшихся Польши или кого бы то ни было,.. на этом этапе не поднималось. Но Гитлер предложил больше, чем Сталин ожидал". Последнее обстоятельство Яковлев объяснял... директивой Исполкома Коминтерна от 22 августа 1939 года, содержание которой якобы стало известно Берлину и побудило Гитлера к новым уступкам. Вся эта цепь рассуждений представляет собой набор сплошных передержек и фальсификаций. Если коснуться одного лишь притянутого за волосы вопроса о "директиве Коминтерна", кстати, не содержавшей никаких сенсаций (см. гл. XLII), то остаётся непонятным, каким образом и когда она могла повлиять на решения Гитлера и Риббентропа: ведь полный пакет проектов открытого и секретного соглашений находился в кармане у Риббентропа, вступившего утром 23 августа на московскую землю.

Наконец, Яковлев утверждал, что "финальная стадия советско-германских переговоров с трудом поддается реконструкции"¹. Между тем эта стадия может быть реконструирована по имеющимся источникам вплоть до мельчайших деталей.

Риббентроп прибыл в Москву в сопровождении 36 членов немецкой делегации. Из них непосредственное участие в переговорах приняли трое: Шуленбург, Гаус (в качестве юридического советника) и Хильгер (в качестве переводчика).

"В самолёте, - вспоминал впоследствии Риббентроп, - я прежде всего вместе с Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку русские никакого

¹ Правда. 1989. 24 декабря.

текста заранее не подготовили¹. На переговорах обсуждался текст, представленный Риббентропом, который, впрочем, составил его на основе проекта договора, переданного 17 августа Молотовым Шуленбургу.

После прилета Риббентроп, наскоро перекусив в посольстве, отправился в Кремль. По прибытии туда немецкую делегацию поразило присутствие Сталина в кабинете, отведённом для переговоров. Это означало, что Сталин впервые будет лично вести переговоры с представителями иностранного государства о заключении договора. Это выглядело весьма неожиданным, поскольку ранее иностранным дипломатам, желавшим попасть на приём к Сталину, обычно отвечали в Наркоминделе, что Сталин - партийный деятель и внешней политикой непосредственно не занимается.

Шуленбург, увидев Сталина, не смог сдержать возгласа удивления. Хотя он находился в Советском Союзе несколько лет, со Сталиным он не беседовал ещё никогда. Не менее был поражён и Риббентроп, полагавший, что ему придётся вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин в лучшем случае присоединится к ним на заключительной стадии. Присутствие Сталина рядом с Молотовым с самого начала переговоров, по словам Хильгера, представляло собой "заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключён прямо на месте, либо - никогда".

Вспоминая о своём впечатлении от поведения Сталина на переговорах, Хильгер писал: "Сталин держался очень естественно и без всякой претенциозности, что тоже принадлежало к его тактике ведения переговоров, при помощи которой он умел расположить к себе партнёров и усыпить их бдительность. Но поражало, сколь быстро его любезное поведение, добродушно-шутливое по отношению к Риббентропу... переходило в леденящий холод, когда он давал лаконичные приказания своим подчинённым или ставил им деловые вопросы". Что же касается второго советского участника переговоров - Молотова, то он неизменно подчёркивал своё второстепенное положение по сравнению со Сталиным; "обращало на себя внимание то, как глядел он на Сталина, как счастлив был служить ему".

В начале переговоров, по словам Хильгера, Сталин иногда предлагал Молотову председательствовать. "Твёрдые правила игры, согласно которым от имени Советского правительства говорил один Сталин, требовали, чтобы Молотов поначалу отказывался. Однажды, когда Сталин велел Молотову говорить вместо себя, тот ответил: "Нет, говорить должен ты, ведь ты это сделаешь лучше меня". Тогда Сталин ясно и чётко обрисовал советскую точку зрения, а затем Молотов с довольной улыбкой обратился к германской делегации: "Разве я не сказал сразу, что он сделает это намного лучше меня?"².

В начале встречи Риббентроп выразил желание поставить германо-советские отношения на новую основу и добиться компромисса интересов обеих держав во всех областях. Заявив: "Мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок", - Риббентроп сослался на доклад Сталина на XVIII съез-

¹ Откровения и признания. С. 17.

² Там же. С. 61.

де, в котором, по его мнению, были высказаны те же мысли. На это Сталин ответил, что в докладе он хотел намекнуть о своём желании договориться с Германией¹.

Во время переговоров по поводу подписания официального пакта не возникло никаких серьёзных разногласий. Текст заключённого договора оказался почти идентичен тексту советского проекта, который Молотов вручил 15 августа Шуленбургу. В этот текст были внесены два добавления: о намерении договаривающихся сторон консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и об отказе каждой из сторон участвовать в какой-либо группировке держав, направленной против другой стороны. Эти добавления (статьи 3 и 4) фактически выходили за рамки пакта о ненападении и служили как бы связующим звеном к заключённому спустя месяц договору о дружбе и границе.

Уже в начале переговоров Сталин заявил, что желает установления "определённых сфер интересов" в Восточной Европе и что это должно быть отражено в секретном дополнительном протоколе, которому он придаёт наибольшее значение. Далее он очертил рамки советской "сферы интересов", т. е. геополитической экспансии СССР. Риббентроп охотно согласился со всеми требованиями Сталина. Единственное затруднение, о котором он счёл нужным уведомить Гитлера, возникло в связи с требованием, чтобы Германия признала два небольших порта в Латвии входящими в советскую сферу интересов. Сталин почему-то считал необходимым оговорить это особо, хотя в секретном протоколе вся Латвия признавалась сферой интересов СССР.

После первого раунда переговоров Риббентроп известил Гитлера об их благополучном ходе. В посланной им в Берлин телеграмме говорилось: "Пожалуйста, немедленно сообщите Фюреру, что только что закончилось первое трёхчасовое совещание со Сталиным и Молотовым. Во время переговоров, которые проходили положительно в нашем духе, обнаружилось, что решающим моментом для достижения конечного результата является требование русских, чтобы мы признали сферой их влияния порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс). Я был бы признателен, если до 20 часов по немецкому времени получу на это согласие Фюрера. Вопрос о подписании секретного протокола о разграничении наших обоюдных сфер влияния во всей восточной зоне, на что я дал своё принципиальное согласие, обсуждается". Спустя 3 часа была получена ответная телефонограмма (между Кремлем и имперской канцелярией была установлена прямая телефонная связь): "Да, согласен"².

Участники переговоров уделили некоторое время обсуждению текста коммюнике, которое намечалось опубликовать в связи с подписанием пакта для того, чтобы объяснить мировой общественности столь внезапный и резкий поворот в германо-советских отношениях. Риббентроп предложил проект, в котором в высокопарных выражениях превозносилась новаяявленная дружба двух стран. Как вспоминал Гаус, Сталин отверг этот текст следующими словами: "Не думаете ли вы, что мы должны несколько больше считаться с обществен-

¹ Там же. С. 18-19.

² Советско-нацистские отношения. С. 77.

ным мнением в обеих наших странах? В течение многих лет мы лили ушаты помоев друг на друга и наши пропагандисты усердствовали в этом отношении. И вдруг от всего этого отказаться и всё это забыть? Такие вещи так быстро не делаются. Мы, и я полагаю, то же самое относится и к германскому правительству, должны с большей осмотрительностью сообщить нашим народам о тех изменениях, которые произошли в отношениях между нашими странами"¹. После этого Сталин положил на стол свой проект коммюнике, выдержанный в более умеренных тонах. Этот текст был принят германской стороной без всяких возражений.

Думается, что обеспокоенность Сталина реакцией общественного мнения касалась прежде всего восприятия пакта не советским народом, в чьём "одобрении" тоталитарный диктатор был уверен, а западными "друзьями СССР" и международным коммунистическим движением, которому было особенно трудно воспринять столь разительное изменение советско-германских отношений. Впрочем, уже в ближайшие дни в советской печати появились широковещательные заявления о "дружбе между двумя народами".

Договор и протокол были подписаны на второй встрече, состоявшейся тем же вечером.

¹ Накануне. 1931-1939. С. 237.

Договор

Советско-германский договор являлся уникальным дипломатическим документом с точки зрения его подготовки. При его выработке был начисто проигнорирован конституционно-правовой механизм формирования внешней политики. От разработки этого важнейшего документа, определявшего судьбы Советского государства, были отстранены не только Верховный Совет и правительство СССР, но и Центральный Комитет ВКП(б). Даже большинство членов Политбюро узнало о содержании пакта только после его подписания. Договор и дополнительный протокол готовились в обстановке строжайшей секретности только Сталиным и Молотовым. Сами эти документы явились продуктом волевой импровизации, при их подготовке полностью отсутствовала научная проработка коренного изменения внешнеполитического курса страны.

Примерно такими же путями шла подготовка к заключению пакта в Германии. Всё это подтверждает справедливость утверждения Черчилля о том, что "только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт"¹.

Договор о ненападении был заключён сроком на 10 лет. Его главные положения гласили: "Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами"².

Сами по себе эти положения выглядели безобидно и "миролюбиво". Это дало основание "Правде" в передовой статье, опубликованной 24 августа, назвать пакт "инструментом мира" и "мирным актом", который "будет способствовать облегчению напряжённости в международной обстановке" и "делу всеобщего укрепления мира". Вслед за этими заверениями, полностью опрокинутыми событиями, развернувшимися через неделю, "Правда" выделяла ещё один аспект договора: "Вражде между Германией и СССР кладётся конец... Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета"³. Таким образом, не только советский народ привычно отождествлялся со сталинской кликой, но такое же отождествление проводилось между гитлеровской кликой и немецким народом. Кроме того, данные положения объясняли отсутствие ранее "дружбы" между СССР и Германией не насаждённым в последней фашистским режимом, а происками общих "врагов" обеих стран.

Более адекватно и в то же время цинично суть договора была охарактеризована спустя год в передовой статье "Известий", посвящённой первой годов-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Книга I. С. 179.

² Известия. 1939. 24 августа.

³ Правда. 1939. 24 августа.

щине подписания пакта. Здесь говорилось, что "наличие этого и последовавших за ним политических и экономических соглашений между СССР и Германией обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке. Оно обеспечило ей также существенную помощь в разрешении стоящих перед ней хозяйственных задач. Что касается Советского Союза, то наличие прочных дружественных отношений с Германией помогло ему осуществить свои государственные задачи в районах своих западных границ (так именовались экспансионистские действия сталинской клики - В. Р.) и облегчило Советскому Союзу проведение своей основной линии во внешней политике - линии соблюдения нейтралитета в происходящей войне"¹.

Тезис об обеспечении Германии "спокойной уверенности на Востоке" отлично передавал смысл договора о ненападении, превратившегося, по существу, в договор о взаимопомощи, позволивший Германии вести агрессивную войну не только против Англии и Франции, но и против других девяти стран Европы.

В речи, произнесённой 3 июля 1941 года и обращённой фактически не только к советскому народу, но и к своим будущим союзникам в войне, Сталин счёл нужным уделить значительное место оправданию заключения советско-германского пакта. "Я думаю, - сказал он, - что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп"². Фарисейство и лживость этой тирады заключались не только в том, что Сталин умолчал о главном: прикрываясь пактом и грубо нарушая нормы международного права, СССР не соблюдал декларированного нейтралитета, а своими военными действиями фактически участвовал вместе с "извергами и людоедами" в войне против Польши. Кроме того, пакт гарантировал нейтралитет СССР только в том случае, если Германия станет "объектом военных действий со стороны третьей державы"³. Таким образом, в строгом смысле слова пакт не обязывал СССР соблюдать нейтралитет в ситуации, когда Германия выступала в роли агрессора. Указанная формулировка сознательно оставляла открытым вопрос о том, кто начал или спровоцировал военные действия.

Советско-германский пакт был не результатом внезапной политической импровизации, а итогом сталинской внешней политики за длительное время, плодом дипломатических инициатив, шедших навстречу друг другу с обеих сторон.

За неделю до подписания пакта Ф. Раскольников, опытный дипломат, хорошо представлявший расстановку сил на международной арене, писал в "Открытом письме Сталину": "В грозный час военной опасности... когда логика последовательной борьбы за мир требует открытого вступления Союза Советов в международный блок демократических государств, скорейшего заключения военного и политического союза с Англией и Францией, - вы колебле-

¹ Дата большой исторической важности - Известия. 1940. 23 августа.

² Правда. 1941. 3 июля.

³ Известия. 1939. 24 августа.

тесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя "осями". Во всех расчётах вашей внешней и внутренней политики вы исходите не из любви к родине, которая вам чужда, а из животного страха потерять личную власть¹. Эти суждения старого большевика намного ближе к истине, чем утверждения Яковлева, а вслед за ним и некоторых современных российских историков о том, что "заключение договора о ненападении было пусть вынужденным, но необходимым шагом", поскольку тройственные переговоры были заведены в тупик "обструкционистской позицией" Англии и Франции².

Столь же несостоятельной является предпринятая Яковлевым попытка "разделить" содержание договора и замыслы Сталина во время его подписания. Дав, по существу, положительную оценку договору, Яковлев тут же прибавлял: "Другой вопрос, что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские замыслы, чуждые принципам социализма (Яковлев образца 1989 года давал, разумеется, свои оценки с позиций социализма и "ленинских принципов внешней политики" - В. Р.). Но это выходит за рамки самого договора как международно-правового документа"³.

Между тем, и содержание договора, на 90 % повторявшего сталинско-молотовский проект, и условия его подписания несли явственный отпечаток сталинских личных устремлений. "Мстительность есть, наряду с честолюбием, величайшая пружина действий Сталина, - писал Троцкий. - Даже в заключении советско-германского пакта, в условиях, как он был подготовлен, видно желание отомстить. Союз с Гитлером давал Сталину удовлетворение того чувства, которое господствует у него над всеми другими: чувства мести. Вести переговоры с наци во время присутствия в Москве дружественных военных миссий Франции и Англии, обмануть Лондон и Париж, возвестить неожиданно пакт с Гитлером - во всём этом ясно видно желание унижить правительство Англии, отомстить Англии за те унижения, которым оно подвергло Кремль в период, когда Чемберлен развивал свой неудачный роман с Гитлером"⁴.

Что же касается имперских замыслов Сталина, то они составляли суть его внешней политики конца 30-х годов, в полной мере отразившуюся в содержании пакта. Эта политика представляла разрыв как с принципами ленинской внешней политики, так и с той внешней политикой, которая проводилась Советским Союзом до сговора с Гитлером. "При Чичерине как министре иностранных дел ленинского правительства, - подчёркивал Троцкий, - советская внешняя политика действительно имела своей задачей международное торжество социализма, стремясь попутно использовать противоречия между великими державами в целях безопасности Советской Республики. При Литвинове программа мировой революции уступила место заботе о статус-кво при помощи системы "коллективной безопасности". Но когда эта идея "коллективной безопасности" приблизилась к своему частичному осуществлению, Кремль ис-

¹ Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 549.

² Год кризиса. Т. I. С. 25; Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939-1941. М., 1997. С. 113.

³ Правда. 1989. 24 декабря.

⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 204-205.

пугался тех военных обязательств, которые из неё вытекают. Литвинова сменил Молотов, который не связан ничем, кроме обнажённых интересов правящей касты. Политика Чичерина, т. е., по существу, политика Ленина, давно уже объявлена (на Западе - В. Р.) политикой романтизма. Политика Литвинова считалась некоторое время политикой реализма. Политика Сталина - Молотова есть политика обнажённого цинизма"¹.

События, последовавшие за подписанием пакта, опровергли доводы в его защиту, впервые прозвучавшие в речи Сталина 3 июля 1941 года: "Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это оправданный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии"².

В десятках книг, сотнях брошюр и тысячах статей повторялось следующее утверждение: заключением пакта Сталин выиграл время для подготовки страны к отпору агрессии и гарантировал, что в случае нападения Гитлера на СССР западные державы будут бесповоротно втянуты в войну против Германии, в результате чего Советский Союз не будет вынужден в одиночку противостоять военной мощи Германии и её союзников. Однако в действительности к моменту нападения Германии на СССР никакой Западный фронт не связывал Гитлеру руки, поскольку французская и польская армии были разгромлены, английский экспедиционный корпус эвакуирован с континента, а Германия имела в своём распоряжении ресурсы всей Европы.

Один из наиболее серьёзных историков второй мировой войны Уильям Ширер справедливо замечал: "На протяжении 1941, 1942 и 1943 годов Сталин будет с горечью сетовать на отсутствие второго фронта в Европе против Германии и что Россия вынуждена нести бремя борьбы почти со всей германской армией. В 1939-1940 годах имелся Западный фронт, отвлекавший немецкие силы... Более того, войны, возможно, не было бы вообще, если бы Гитлер знал, что ему придётся помимо Польши, Англии и Франции сражаться также и с Россией. Даже политически робкие немецкие генералы, если верить их показаниям на Нюрнбергском процессе, могли воспротивиться развязыванию войны против такой грозной коалиции"³.

Ещё один геополитический довод в защиту пакта заключался в том, что он обеспечил Советскому Союзу продвинутые на Запад оборонительные рубежи и тем самым замедлил движение немецких войск к Москве и Ленинграду. В послании Черчиллю от 18 июля 1941 года Сталин, косвенно оправдывая заключение пакта, писал: "Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда"⁴. Этот довод был повторен в официозной "Исторической

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 144.

² Правда. 1941. 3 июля.

³ От Мюнхена до Токийского залива. С. 76-77.

⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами

справке" под названием "Фальсификаторы истории", где говорилось: "Советскому Союзу удалось умело использовать советско-германский пакт в целях укрепления своей обороны... и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на Восток... Гитлеровским войскам пришлось начать своё наступление на востоке не с линии Нарва-Минск-Киев, а с линии, проходившей сотнями километров западнее"¹.

Эти утверждения, кажущиеся, на первый взгляд, неоспоримыми, на деле нуждаются в серьёзных оговорках. Действительно, после присоединения Прибалтийских республик, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины западная граница СССР отодвинулась на 100-600 километров. Однако Сталин, оказавшись в плену хвастливых утверждений о ведении будущей войны исключительно на чужой территории, распорядился демонтировать глубоко эшелонированную и хорошо оснащённую линию укрепленных районов, расположенную на старых пограничных рубежах. В то же время он приказал не форсировать строительство укреплений вдоль новой государственной границы, дабы не провоцировать этим Гитлера. В силу этого новая граница не обеспечила Советскому Союзу серьёзных преимуществ в обороне. Гитлеровские войска с первого дня войны безостановочно и с поразительной скоростью двинулись на восток, оставляя в окружении целые советские армии. Уже 29 июня был окружён Минск, а с ним - главные силы Западного фронта. В начале июля из 44 дивизий этого фронта 24 были полностью разгромлены, остальные утратили от 30 до 90 % сил и средств, а линия боевых действий оказалась на 400-500 километров восточнее границы. Не лучше сложилось положение и на Юго-Западном фронте, которому 30 июня Ставка разрешила отвести войска к рубежам укрепленных районов старой границы, т. е. отступить на 300-350 километров².

В дальнейшем армии вермахта без особых усилий преодолели старую линию обороны, фактически ликвидированную после советско-германского пакта. В июле-августе 1941 года были почти полностью разгромлены и пленены два главных фронта - сначала Западный, а потом Юго-Западный. За первые три недели войны было уничтожено 3500 советских самолётов, 6 тысяч танков, более 20 тысяч орудий и минометов. Всего же за лето и осень 1941 года было разгромлено более трёхсот дивизий, насчитывавших 5 миллионов человек. Почти три четверти из этого числа попали в немецкий плен³.

Кроме того, за 1939-1941 годы произошли существенные изменения в численности и оснащённости советской и германской армий. К 1 сентября 1939 года на вооружении вермахта находилось 3195 танков и 3646 самолётов. В то же время, согласно докладу Шапошникова на переговорах военных миссий, СССР был готов только в первой линии выставить 5-5,5 тысяч самолётов и 9-10 тыс. танков. Вермахт имел в 1939 году 102 пехотных, танковых и иных дивизий. Советский Союз, как докладывал Шапошников, имел в это время воз-

Великобритании (1941-1945 гг.). Т. I. М., 1957. С. 19.

¹ Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1952. С. 55.

² Волкогонов Д. А. Сталин. Книга 2. С. 186-187.

³ Другая война. 1939-1945. М., 1996. С. 25.

возможность в течение 8-20 дней развернуть 136 пехотных и кавалерийских дивизий. Таким образом, Красная Армия, хотя и крайне ослабленная сталинскими репрессиями, оставалась силой, не уступавшей вермахту, а по количеству вооружения превосходившей его. К июню 1941 года РККА уступала вермахту по боевой мощи¹. Таким образом, результатом советско-германского пакта явилось не улучшение, а ухудшение соотношения боевых возможностей Красной Армии и вермахта.

Наконец, крупнейшей политической ошибкой, допущенной Сталиным при заключении пакта, как писал Эрнст Генри (псевдоним выдающегося советского публициста и исследователя фашизма Б. И. Ростовского), было то обстоятельство, что он не предвидел не только разгрома Франции, но и возможного разгрома Англии, который не произошёл лишь из-за поразительного стратегического просчёта Гитлера - отказа от плана высадки в Англию сразу после Дюнкерка в 1940 году. Если бы в результате реализации этого плана Гитлеру, восточный тыл которого был обеспечен благодаря советско-германскому пакту, удалось покончить с Англией, то "мы были бы обречены... Америка в этом случае, потеряв английскую базу, окончательно отступила бы за океан, предоставляя Гитлеру расправиться с нами. Изоляционистские и профашистские силы в США сразу же возросли бы во сто крат, позиция Рузвельта пошатнулась бы, и даже германо-американская коалиция против нас стала бы возможна. Эффект, таким образом, был бы прямо противоположен тому, на что рассчитывал Сталин, заключая пакт с Гитлером"².

Наиболее серьёзный довод, который выдвигался защитниками пакта, сводился к тому, что пакт существенно ослабил германо-японский союз, и это сказалось на всём последующем ходе мировой войны. Такой довод не преминул использовать в беседе с Чуевым престарелый Молотов. "Сталин был крупнейший тактик, - говорил он. - Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось"³.

Действительно, в 1939 году перед Советским Союзом стояла угроза борьбы на два фронта, тем более ощутимая, что в мае этого года начались активные боевые действия в районе Халхин-Гола, спровоцированные японской военной. С обеих сторон в сражениях участвовало примерно по сто тысяч человек. 20 августа советско-монгольские войска перешли в решительное наступление, которое завершилось 31 августа окружением и уничтожением японской военной группировки.

Естественно, что в этих условиях подписание советско-германского пакта вызвало потрясение и возмущение японских политиков и привело к известному охлаждению германо-японских отношений.

В статье "Сталин - интendant Гитлера", написанной через десять дней после подписания пакта, Троцкий отмечал: "Непосредственные выгоды, которые

¹ Год кризиса. Т. II. С. 224; Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 60.

² Дружба народов. 1988. № 12. С. 260.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 29.

кремлёвское правительство получает от союза с Гитлером, имеют вполне осязательный характер. СССР остаётся в стороне от войны. Гитлер снимает в порядке дня кампанию в пользу "Великой Украины". Япония оказывается изолированной. Одновременно с отсрочкой опасности на западной границе можно, следовательно, ждать ослабления давления на восточную границу, может быть, даже заключения соглашения с Японией (такое соглашение - договор о нейтралитете было подписано в Москве в апреле 1941 года - В. Р.). Весьма вероятно к тому же, что в обмен за Польшу Гитлер предоставил Москве свободу действий в отношении балтийских лимитрофов (Троцкий, разумеется, не мог знать размеров территориальных уступок, сделанных Германией и нашедших отражение в секретном протоколе - В. Р.)."

Однако, указывал Троцкий, как ни велики эти "выгоды", они имеют в лучшем случае конъюнктурный характер. "Между тем война поставила в порядке дня вопросы жизни и смерти народов, государств, режимов, правящих классов. Германия разрешает свою программу мирового господства по этапам. При помощи Англии она вооружилась, несмотря на сопротивление Франции. При помощи Польши она изолировала Чехословакию. При помощи Советского Союза она хочет не только закабалить Польшу, но и разгромить старые колониальные империи. Если б Германии удалось при помощи Кремля выйти из нынешней войны победительницей, это означало бы смертельную опасность для Советского Союза"¹. Данный прогноз реализовался в июне 1941 года с одним исключением: к моменту нападения на СССР Германия не одержала окончательной победы над Англией, но успела покорить 10 европейских стран с населением 130 миллионов человек и превратить в своих союзников, помимо Италии, ещё четыре страны: Венгрию, Румынию, Болгарию и Финляндию. В результате общая территория, которую стала контролировать Германия, увеличилась по сравнению с 1939 годом почти в 6 раз, а объём производимого ею вооружения был к лету 1941 года на 75 % выше, чем на 1 сентября 1939 года. К середине 1941 года Германия увеличила за счёт союзников и оккупированных стран свои ресурсы: по населению - в 3,7 раз; по производству железной руды - в 7,7 раз; нефти - в 20 (!) раз; по поголовью крупного рогатого скота - в 3,7 раза и по производству зерновых - в 4 раза².

Ещё один идеологический выверт, придуманный для оправдания сталинской внешней политики, состоял в проведении аналогии между советско-германским пактом и Брест-Литовским миром. Касаясь подобных утверждений, пущенных в ход апологетами сталинизма, Троцкий писал: "Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого, как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 145-146.

² История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 3. М., 1974. С. 285; Севостьянов . М. Перед великим нападением. М., 1981. С. 345.

нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключён при наличии Советской Армии в несколько миллионов; непосредственная задача его - облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом "освобождения" 8 миллионов украинцев и белорусов ведёт к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность"¹.

Касаясь судьбы своих прежних прогнозов о возможности империалистической сделки Сталина с Гитлером, Троцкий подчёркивал, что он никогда не говорил о наступательном военном союзе в прямом смысле этого слова. Наоборот, он всегда исходил из того, что эта сделка диктуется страхом сталинской клики перед войной и потому будет основываться на разделении ролей: за Гитлером - свобода агрессивных действий, за Сталиным - "дружественный нейтралитет". Тем не менее германо-советский пакт никак нельзя назвать пацифистским соглашением, как старались представить дело некоторые адвокаты Кремля; он "является в полном смысле слова военным союзом, ибо служит целям наступательной империалистической войны"².

Заключение пакта с Германией, по мнению Троцкого, объяснялось не тем, что Кремль чувствовал себя ближе к тоталитарным государствам, чем к демократическим. "Не этим определяется выбор курса в международных делах. Консервативный парламентарий Чемберлен при всём своём отвращении к советскому режиму изо всех сил стремился добиться союза со Сталиным". Союз этот не осуществился в силу внутреннего положения СССР. Сталину нужен был мир - любой ценой, потому что им двигал страх перед Гитлером, порождённый осознанием того, что Красная Армия вышла из недавней чистки обезглавленной. "Это не фраза, а трагический факт. Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора. В "очищенном" командном составе не осталось ни одного имени, на котором армия могла бы остановиться с доверием".

Именно внутривнутриполитическими причинами - интересами самосохранения правящей касты объяснялось предпочтение "дружественного нейтралитета" по отношению к Гитлеру военной коалиции с Францией и Англией, к которой, несомненно, должны были в дальнейшем присоединиться Соединённые Штаты. Обитатели Кремля не могли не понимать, что такая коалиция "в конце концов сломала бы Германию и её союзников. Но прежде чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлёвской олигархии стоило бы головы"³. Излишне подробно останавливаться на том, насколько этот прогноз был близок к осуществлению в 1941 году. Потеря 4 миллионов человек (численность, равная всему тогдашнему населению таких стран, как Финляндия или Дания!) только пленными (факт, неслыханный в ис-

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 410.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 143.

³ Там же. С. 142-143.

тории войн), объяснялась прежде всего слабостью военного руководства СССР.

Троцкий обращал внимание и на то, что советско-германский пакт нельзя рассматривать в отрыве от экономического соглашения между СССР и Германией. Политическое сотрудничество вкупе с экономическим неизбежно усилит военную мощь Германии, которая в будущем станет несомненным противником СССР. "В прошлой войне, - писал Троцкий, - Германия потерпела поражение прежде всего вследствие недостатка сырья и продовольствия. В этой войне Гитлер уверенно рассчитывает на сырьё СССР. Заключению политического пакта не случайно предшествовало заключение торгового договора... Соглашение о взаимном ненападении, т. е. о пассивном отношении СССР к германской агрессии, дополняется, таким образом, договором об экономическом сотрудничестве в интересах агрессии... Оккупация Польши должна в дальнейшем обеспечить непосредственную территориальную связь с Советским Союзом и дальнейшее развитие экономических отношений. Такова суть пакта. В "Майн Кампф" Гитлер говорит, что союз между двумя государствами, не имеющий своей целью вести войну, "бессмыслен и бесплоден". Германосоветский пакт не бессмыслен и не бесплоден: это военный союз со строгим разделением ролей - Гитлер ведёт военные операции, Сталин выступает в качестве интенданта". Такое содружество облегчает Гитлеру не только его захватнические замыслы, но и террористическое подавление рабочего движения в оккупированных им странах. "И есть ещё люди, которые всерьёз утверждают, что целью нынешнего Кремля является международная революция!"¹.

Раскрывая причины установления советско-германского союза, Троцкий писал: "Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и прочие смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединёнными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны... Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином. Такова исходная позиция Сталина со времени победы наци"².

Троцкий указывал, что политическая стратегия Сталина, нашедшая отражение в заключении советско-германского пакта, не только контрреволюционна; она носит пораженческий характер, вступая в разительное противоречие с долговременными интересами безопасности СССР. В этой связи Троцкий ссылался на оглашение Димитровым вскоре после Мюнхенского соглашения календаря будущих завоевательных операций Гитлера. Согласно этому календарю (немногим разошедшемуся с действительным ходом событий), оккупация Польши приходилась на осень 1939 года. Дальше следовали балканские страны, Франция и Бельгия; наконец, осенью 1941 года Германия должна была напасть на Советский Союз. Троцкий высказывал уверенность, что это разоблачение гитлеровских планов, в основу которого, несомненно, положены дан-

¹ Там же. С. 144.

² Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 408-409.

ные советской разведки, было сделано по поручению Сталина. "Схему никак нельзя, разумеется, понимать буквально: ход событий вносит изменения во все плановые расчёты. Однако первое звено плана, оккупация Польши осенью 1939 года, подтверждается в эти дни. Весьма вероятно, что и намеченный в плане двухлетний промежуток между разгромом Польши и походом против Советского Союза окажется весьма близким к действительности. В Кремле не могут не понимать этого. Недаром там десятки лет провозглашали: "Мир неразделен". Если, тем не менее, Сталин оказывается интендантом Гитлера, то это значит, что правящая каста уже не способна думать о завтрашнем дне. Её формула есть формула всех гибнущих режимов: "После нас хоть потоп"¹.

В основе сделки двух диктаторов, подчёркивал Троцкий, лежали и сугубо материальные интересы. В СССР цены были крайне высоки и дефицит необходимых товаров был больше, чем в Германии. Германия обладала значительными преимуществами перед СССР в области техники. Но Советский Союз имел преимущества в сырье, без которого Германия не могла вести длительную войну².

Троцкий напоминал о неоднократных утверждениях Москвы, что антикоминтерновский пакт в действительности направлен против интересов Англии и Франции. За этими утверждениями стояли бесспорные реальности: "по существу Германия и Италия использовали до сих пор свой антикоммунистический блок гораздо больше против Запада, чем против Востока. Это совсем не значит, конечно, что завтра направление агрессии не будет на Восток"³.

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 145-146.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 285-286.

³ Там же. С. 284-285.

Секретный протокол

Изложенная в докладе Яковлева правовая и политическая оценка пакта игнорировала тот неоспоримый факт, что официальный договор и дополнительный протокол представляли собой единое целое или единый документ с несекретной и секретной частью. Яковлев же "расчленил" договор и протокол, рассматривая их порознь, отдельно друг от друга. Следование такой "методологии" привело его к выводу, что "сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР", а его содержание "не расходилось с нормами международного права и договорной политикой государств" - в отличие от секретного протокола, принятого "в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами" и тем самым являвшегося "изначально противоправным документом, выразившим намерения подписавших его физических лиц"¹.

Содержащееся в докладе Яковлева утверждение о "безусловной возможности" подписания пакта о ненападении без дополнительного протокола относится к разряду схоластических суждений, "отвлекающихся" от реальной политической обстановки и намерений партнёров. Конечно, Гитлер охотно подписал бы пакт и без секретного протокола, т. е. без территориальных уступок Советскому Союзу. Но для Сталина эти уступки, собственно, и составлявшие содержание протокола, были той ценой, которую Гитлер должен был уплатить за неучастие СССР в блоке, направленном против германской агрессии. Касаясь причин заключения пакта, Ф. Гаус писал: "Заверения, полученные им (Сталиным) от Риббентропа и, соответственно, от Гитлера, убедили его в том, что Гитлер нападет на Польшу, как только добьется советского прикрытия с тыла. Сталин, в противоположность Гитлеру, не сомневался в том, что Англия и Франция выполнят свои обязательства в отношении Польши. Поэтому возникновение войны между великими державами и Германией он считал обеспеченным"².

Гитлеровское руководство хорошо понимало, что предложенные им условия советско-германского соглашения с точки зрения узко понятой военно-политической конъюнктуры более выгодны для СССР, чем условия, на которых мог быть заключён союз СССР с Англией и Францией. Последние нуждались в участии Советского Союза в войне, если она будет развязана Гитлером. Они сознавали, что их гарантии Польше без военной помощи Советского Союза не имели прочной основы, и стремились поставить Гитлера перед мощной коалицией, силы которой намного превосходили бы силы Германии. Гитлер же предложил Сталину не только "дружественный нейтралитет", но и существенное вознаграждение за него, сводящееся к тому, чтобы последний "мир-

¹ Правда. 1989. 24 декабря.

² Накануне. 1931-1939. С. 237.

ным путём" приобрел значительные территории, на которых проживало около двадцати миллионов человек.

В преамбуле секретного дополнительного протокола указывалось: "При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе".

Само понятие "сфера интересов" было заимствовано из лексикона империалистической политики, направленной на раздел или передел мира. Исходя из этого понятия, Сталин и Гитлер присвоили себе право монополично решать судьбу других народов и государств. "Разграничение сфер интересов" СССР и Германии находилось в разительном противоречии с независимостью и суверенитетом ряда восточноевропейских государств, нарушало дух и букву договоров, которые СССР ранее заключил с этими государствами.

Вслед за преамбулой в договоре содержались четыре параграфа, фиксирующие достигнутые договорённости о разделении сфер интересов. 1-й параграф гласил: "В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами"¹.

Некоторые изменения в этот пункт были внесены последующими секретными соглашениями. В дополнительном протоколе к германо-советскому договору о дружбе и границе, подписанном 28 сентября 1939 года, указывалось, что "территория литовского государства включается в сферу интересов СССР"² (в обмен на то, что демаркационная линия на территории Польши была передвинута в пользу Германии).

Гаус впоследствии так комментировал этот пункт секретного протокола: "Разграничение сфер интересов в Восточной Европе дало бы Советскому Союзу возможность овладеть важнейшими стратегическими позициями в Прибалтике. За эти позиции почти два с половиной века назад вёл 21 год войну царь Петр Великий, а Сталин взял его себе за образец. Теперь они без всякой борьбы падали ему с неба благодаря заключению пакта с Гитлером"³.

Второй параграф был посвящён судьбе Польши. Он определял "границу сфер интересов Германии и СССР" "в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства". За этой обтекаемой формулировкой крылся сговор об осуществлении четвёртого раздела Польши. Два хищника выражали свою убеждённость, что решение вопроса о судьбе Польского государства представляет их исключительную прерогативу. Об этом свидетельствовало зафиксированное в протоколе положение, согласно которому "вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным со-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 321.

² Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 92.

³ Накануне. 1931-1939. С. 237.

хранение независимого Польского государства... оба правительства будут решать... в порядке дружественного обоюдного согласия"¹.

У Сталина, казалось бы, было моральное преимущество перед Гитлером в стремлении захватить "свою" часть польских земель. Когда после первой мировой войны на обломках Австро-Венгерской и Российской империй возникло независимое Польское государство, Верховный Союзнический совет Антанты, присвоивший себе монопольное право кроить по своему усмотрению карту послевоенной Европы, установил восточную границу Польши, вошедшую в историю под названием "линия Керзона" (по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании). Эта линия основывалась на этническом принципе: районы, заселённые преимущественно украинцами и белорусами, отходили к соответствующим советским республикам. Однако в 1921 году польские правители, развязавшие советско-польскую войну и добившиеся в ней финального успеха, вынудили Советское правительство подписать Рижский мирный договор. В нём советским республикам была навязана новая граница, проходившая намного восточнее "линии Керзона". Основываясь на секретном протоколе, Сталин в 1939 году вернул аннексированные Польшей районы Украины и Белоруссии, заодно прихватив и солидную часть исконных польских земель (Галиция), никогда не входивших в состав Российской империи. Этой акцией он фактически вступил во вторую мировую войну, находясь при этом даже формально на стороне Германии.

Ещё одна чисто империалистическая сделка фиксировалась в третьем параграфе протокола, где указывалось: "Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчёркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о её полной политической незаинтересованности в этих областях"².

В данном случае речь также шла о планировании советской аннексии, опиравшейся на некоторые международно-правовые основания. В 1918 году Румыния, выступившая одной из 14 держав, принявших участие в антисоветской интервенции, захватила Бессарабию. Этот захват никогда не признавался Советским Союзом. На советских географических картах Бессарабия заштриховывалась как "спорная территория".

Выйдя за рамки договорённостей, зафиксированных в секретном протоколе, Сталин в августе 1940 года заодно с Бессарабией захватил и Северную Буковину, никогда не входившую в состав Российской империи. Как и в случае с Галицией, эта акция мотивировалась тем, что данная территория была заселена преимущественно украинцами. Таким образом, "великая Украина" была образована усилиями СССР, а не Германии.

В свете всего сказанного очевидна несостоятельность утверждений советской историографии о том, что Советский Союз лишь вернул себе территории, отторгнутые от него в конце первой мировой войны. Даже если говорить только об этих территориях, то они были "возвращены" не путём международно-

¹ Год кризиса. Т. II. С. 321.

² Там же.

правовых соглашений и не в результате свободного волеизъявления их населения, а методом грубой военно-политической экспансии.

Четвёртый, последний пункт протокола гласил, что "этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете". Данный пункт был выполнен и гиллеровской, и сталинской кликой с особым усердием. Протокол, подписанный 23 августа 1939 года, равно как и последующие секретные соглашения между СССР и Германией, были изъяты из процедур ратификации, в силу чего эти документы можно с полным основанием рассматривать как продукты тайной дипломатии и личной политики - как по содержанию, так и по форме.

По-видимому, Сталин не счёл нужным ознакомить с текстом секретного протокола даже большинство членов Политбюро. Например, Хрущёв до последних лет жизни не видел этого документа и знал о его содержании только со слов Сталина¹.

Борьба за официальное признание советским руководством самого факта существования секретного протокола имела длительную историю. После второй мировой войны Сталин старательно заметал следы протокола. В этой связи представляют интерес события, развернувшиеся во время Нюрнбергского процесса.

Хотя Вышинский, обладавший на Западе одиозной репутацией режиссера судебных инсценировок, не выступал на этом процессе, он был послан Сталиным в Нюрнберг и находился там в составе делегации, планировавшей действия советских обвинителей. Вышинский провёл совещание делегации, утвердившее перечень вопросов, которых не следует касаться на суде, чтобы советское правительство не стало "предметом критики со стороны подсудимых". Составленный Вышинским список таких вопросов, о недопустимости обсуждения которых следовало договориться с обвинителями и судьями от других стран, включал десять пунктов. Кроме одного пункта ("вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР"), все остальные так или иначе затрагивали вопросы, связанные с пактом 1939 года или с его последствиями.

Вскоре после представления в трибунал соответствующего секретного советского меморандума защитник Гесса Зайдль получил письменные показания Гауса, включавшие описание хода переговоров в Москве и подробное изложение секретного протокола. Зайдль добился обсуждения этого вопроса на суде - во время допроса Риббентропа, который признал факт подписания секретного протокола. Хотя главный обвинитель от СССР пыгался оборвать Риббентропа, тот успел сказать: "Нет сомнения, что Сталин никак не может обвинить Германию в агрессии или захватнической войне против Польши. Если рассматривать это как агрессию, то в ней повинны обе стороны".

Далее Зайдль предложил вызвать в качестве свидетеля защиты Вейцекера, на что трибунал дал согласие. После того, как Вейцекер подтвердил показания Гауса, Зайдль обвинил СССР в совместной с Германией агрессии против Польши и поставил вопрос о правомочности участия Советского Союза в про-

¹ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 93.

цессе, потребовав вызвать Молотова в качестве свидетеля. Трибунал постановил исключить эту часть речи Зайдля из стенограммы.

Далее Зайдль, раздобывший копию с фотокопии секретного протокола, попытался огласить его текст. Поскольку он отказался назвать источник получения этого документа, трибунал запретил оглашать его, как доказательство, не вызывающее доверия. Спустя несколько месяцев Зайдль опубликовал текст протокола в одной из американских газет¹.

Это была первая публикация данного текста, не вызвавшая широкого международного резонанса. По-иному обстояло дело в 1948 году, когда протокол и связанные с ним документы, извлечённые из германских архивов, были опубликованы Госдепартаментом США в книге "Нацистско-советские отношения. 1939-1941 гг.". В ответ на эту публикацию в СССР от имени Совинформбюро была выпущена т. н. историческая справка под названием "Фальсификаторы истории". Судя по содержанию и стилю этой работы, её основная часть была написана самим Сталиным. В "исторической справке" категорически отрицалось подписание какого-либо секретного соглашения СССР с Германией в 1939 году.

Любопытно, что вплоть до конца своих дней Молотов, признававший (и оправдывавший) многие другие сталинские преступления, отказывался признать наличие секретного протокола. Когда Чуев сказал ему: "На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение", Молотов заявил, что никакого такого соглашения не было. Далее состоялся следующий диалог:

Чуев: Не было?

Молотов: Не было. Нет, абсурдно.

Чуев: Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

Молотов: Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут всё-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твёрдо сказать, что это, безусловно, выдумка.

В год смерти Молотова Чуев спросил у него ещё раз: "Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?". Молотов, верный своей линии умолчания о протоколе, ответил: "Не помню"².

Впрочем, Молотов отрицал лишь наличие позорного документа, на котором стояла его подпись, но не сам факт переговоров с Риббентропом о "разграничении сфер интересов". Неоднократно он высказывал следующие признания: "Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году"; "когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже *своё взяли*"³ (курсив мой - В. Р.).

¹ Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 279-281; Откровения и признания. С. 19.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 20.

³ Там же. С. 15, 26.

Молотов даже пытался дать теоретическое "обоснование" сговору с Гитлером. "Не надо огрублять, - говорил он по этому поводу, - но между социалистическими и капиталистическими странами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так"¹.

Здесь перед нами предстает идеальный образец мышления бюрократа сталинской заправки: сговариваться о разделе мира можно, но не следует этот сговор доводить до сведения общественности. Поэтому наличие соответствующего документа нужно непременно скрывать и отрицать даже спустя десятилетия.

Впервые достоверность текста секретного протокола была признана в СССР комиссией Яковлева, хотя она не затрудняла себя поисками самого этого документа. В докладе на II съезде народных депутатов Яковлев уверял, что оригинал протокола в советских архивах не обнаружен. Между тем дело было за немногим - желанием хорошо искать этот оригинал в архиве Сталина, ныне входящем в так называемый "президентский архив". Публикация этого и других секретных документов, связанных со сговором между Сталиным и Гитлером, была осуществлена по советским оригиналам лишь в 1993 году².

В 1939 году о секретной сделке Сталина с Гитлером не узнал никто за пределами Москвы и Берлина. Однако очень скоро она стала очевидной благодаря советским действиям по захвату чужих территорий.

В статье "Сталин - интendant Гитлера" Троцкий писал: "Двадцать лет дружина германского милитаризма оставалась свернутой. Когда она стала разворачиваться, дипломатические канцелярии растерялись. Вторым после Мюнхена этапом этой растерянности были долгие и бесплодные переговоры Лондона и Парижа с Москвой. Автор этих строк имеет право сослаться на непрерывный ряд собственных заявлений в мировой печати, начиная с 1933 года, на ту тему, что основной задачей внешней политики Сталина является достижение соглашения с Гитлером. Но наш скромный голос оставался неубедительным для "вершителей судеб". Сталин разыгрывал грубую комедию "борьбы за демократию"; и этой комедии верили, по крайней мере, наполовину... Как свирепо поучителен тот факт, что германо-советский договор ратифицирован сталинским парламентом как раз в тот день, когда Германия вторглась в пределы Польши!"³.

¹ Там же. С. 23.

² Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89-94.

³ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 142.

XXXVII

"Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей"

Переговоры в Кремле, занявшие всего один день, перешли в обильное пиршество, затянувшееся до утра и сопровождавшееся оживлённым обсуждением международного положения.

После подписания пакта и протокола, в помещении, где происходили переговоры (служебный кабинет Молотова), был сервирован ужин на четыре персоны. В самом начале его, как вспоминал Риббентроп, "произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнёс короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчёркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за многие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое согласие, о каком я при своём отъезде из Берлина и помыслить не мог..."¹.

Составленный одним из членов немецкой делегации служебный отчёт - запись беседы между Сталиным и Риббентропом - выразительно передаёт содержание и атмосферу этой беседы, фактически превратившейся в завершающий этап переговоров. Во время беседы оба партнёра наперебой демонстрировали друг перед другом свою осведомлённость и готовность поделиться имевшейся у них важнейшей внешнеполитической информацией. Тон такому доверительному характеру беседы задал упомянутый Риббентропом тост Сталина. Как указывается в отчёте, Сталин, не дожидаясь тоста Риббентропа в свою честь, внезапно произнёс: "Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего Фюрера, и поэтому хотел бы выпить за его здоровье"². Едва ли можно было придумать лучший зачин для задушевной неформальной беседы и едва ли что-либо могло больше порадовать душу Гитлера, чем упоминание о любви к нему немецкого народа.

Далее под аккомпанемент неоднократных тостов за "новую эру в германо-советских отношениях" состоялся откровенный обмен мнениями о международном положении. Сталин задал Риббентропу вопросы о намерениях союзников Германии: Италии и Японии. Риббентроп сообщил, что "Муссолини тепло приветствовал восстановление дружеских отношений между Германией и Советским Союзом. Он выразил своё удовлетворение по поводу заключения пакта о ненападении".

Когда Риббентроп сказал о готовности германского правительства "внести эффективный вклад в урегулирование разногласий между Советским Союзом и Японией", Сталин заявил, что считает желательной помощь Германии в деле

¹ Откровения и признания. С. 20.

² Советско-нацистские отношения. С. 84.

улучшения советско-японских отношений, но не хочет, чтобы у японцев со-
здалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза.

Затем партнёры обменялись враждебными замечаниями о политике Ан-
глии. Риббентроп заявил, что "Англия слаба и хочет заставить других бороться
за её самонадеянные претензии на мировое господство". Сталин "с жаром под-
держал это мнение" и дополнил мысль Риббентропа следующими словами:
"Британская армия слаба, британский флот не заслуживает больше своей бы-
лой репутации... Если Англия, несмотря на это, продолжает господствовать в
мире, то это объясняется глупостью других стран, которые всегда позволяют
себя надувать".

Риббентроп, в свою очередь, согласился с этими словами Сталина и поде-
лился с ним особо доверительной информацией, сообщив, что "недавно Ан-
глия попыталась прощупать почву... Это пример типично английского глупого
маневра". На это конфиденциальное сообщение Сталин откликнулся сообще-
нием сверхконфиденциальным, сказав, что "упомянутым прощупыванием бы-
ло наверняка то письмо Чемберлена к Фюреру, которое посол Гендерсон пере-
дал 23 августа в Оберзальцберге (ставка Гитлера - В. Р.)". Таким образом, Ста-
лин продемонстрировал свою информированность о строго секретном письме
английского премьер-министра, которое всего несколько часов назад было пе-
редано Гитлеру. Известие о том, что советская разведка способна в тот же день
передавать Сталину архисекретную информацию, не могло не поразить Риб-
бентропа, а вслед за ним и Гитлера.

Весьма тёплый характер имел и обмен мнениями о предмете, самом щекот-
ливом с точки зрения германо-советской "дружбы", - Антикоминтерновском
пакте. Риббентроп заметил, что этот пакт "был по существу направлен не про-
тив Советского Союза, а против западных демократий. Он (Риббентроп) знает
и смог заключить из русской прессы, что советское правительство полностью
признает этот факт". Сталин развил данную тему в том же ключе, заявив, что
"на деле Антикоминтерновский пакт испугал главным образом финансовые и
коммерческие круги Англии, а также мелких английских торговцев". Согла-
сившись с этим, Риббентроп "шутливо заметил", что "господин Сталин навер-
няка напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонское Сити и
мелкие английские торговцы. Что думает об этом немецкий народ, явствует из
шутки, которую придумали берлинцы, славящиеся своим остроумием и
юмором, и которая ходит уже несколько месяцев, а именно: "Сталин ещё ко-
гда-нибудь присоединится к Антикоминтерновскому пакту"¹.

Едва ли эта "шутка" представляла собой зондаж позиции Сталина по дан-
ному вопросу. Тем не менее замечание Риббентропа, которое в то время не
могло не показаться фантастическим и поэтому было выражено в форме "шут-
ки", едва не стало реальностью спустя год с небольшим. Во время переговоров
с Гитлером в ноябре 1940 года Молотов заявил, что "участие России в Трой-
ственном пакте представляется ему в принципе абсолютно приемлемым", если
будут "более точно определены цели и значение Пакта, особенно в связи с

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 38-39; Советско-нацистские отношения. С. 80-83.

определением великого восточно-азиатского пространства"¹. 26 ноября, т. е. через две недели после возвращения из Берлина, Молотов сообщил Шуленбургу о готовности советского правительства превратить тройственный пакт в пакт четырёх держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи². Эта акция не была осуществлена лишь потому, что в качестве её неперемennого условия Молотов выдвинул ряд неприемлемых для Германии новых территориальных притязаний.

В конце беседы Риббентроп ударился в рассуждения о том, как горячо немецкий народ приветствует соглашение с Советским Союзом. Сталин сказал, что "он охотно этому верит". Затем Сталин счёл нужным скрепить пакт ещё и своим честным словом. При прощании он обратился к Риббентропу со следующими словами: "Советское правительство относится к новому пакту со всей серьёзностью. Оно своим честным словом может заверить, что Советский Союз не предаст своего партнёра"³.

Описывая свои впечатления от фотоснимка, на котором Сталин и Риббентропжимают друг другу руки, Троцкий замечал: "На лице Риббентропа больше уверенности. На лице Сталина за улыбкой кроется неуверенность и сконфуженность провинциала, который не знает иностранных языков и теряется при столкновениях с людьми, которым он не сможет приказывать, которые его не боятся"⁴.

Не удивительно, что Риббентроп вернулся из Москвы с самыми восторженными впечатлениями о Сталине, которыми он не преминул поделиться со своими коллегами из окружения Гитлера. После восхищенных рассказов Риббентропа Розенберг записал в своём дневнике: "Большевикам уже впору намечать свою делегацию на Нюрнбергский партсъезд"⁵. Сам же Риббентроп в своих воспоминаниях упоминал о словах данцигского гауляйтера, сопровождавшего его в Москве: "Порой я чувствовал себя (в Кремле) просто среди своих старых партайгеноссен (товарищей по партии)"⁶.

¹ СССР - Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. II. Вильнюс, 1989. С. 109.

² Там же. С. 132.

³ Советско-нацистские отношения. С. 83-84.

⁴ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. II. С. 211.

⁵ Откровения и признания. С. 38.

⁶ Там же. С. 25.

XXXVIII

Члены Политбюро охотятся

В последние годы, помимо уже упоминавшейся версии о заседании Политбюро 11 августа, муссируется версия о заседании Политбюро, состоявшемся 19 августа, на котором Сталин якобы произнёс речь, обосновывающую его новую внешнеполитическую стратегию.

Эта версия впервые появилась на свет в ноябре 1939 года, когда французское агентство "Гавас" сообщило о "речи Сталина" на заседании Политбюро, в которой говорилось, что "война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить обе воюющие стороны".

Поскольку это сообщение могло насторожить Гитлера, Сталин инсценировал интервью, якобы проведённое по просьбе редактора "Правды". К такому приёму он прибегал в тех случаях, когда хотел изложить перед мировым общественным мнением свои мысли или отвергнуть нежелательные для него сообщения, появившиеся в зарубежной печати. В данном случае при ответе на вопрос о достоверности сообщения агентства "Гавас" он разразился особенно грубой бранью, заявив: "Это сообщение агентства "Гавас", как и многие другие его сообщения, представляют враньё. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафе-шантане сфабриковано это враньё"¹. Вслед за этим он изложил по пунктам свою оценку начавшейся войны, предназначавшуюся в основном для зарубежного общественного мнения (см. гл. XLII).

Несмотря на резкие опровержения Сталина, версия о его речи, произнесённой 19 августа, вошла во многие зарубежные труды по истории второй мировой войны, в том числе в фундаментальный трёхтомный труд Черчилля².

Вопрос о подлинности данной речи был вновь поднят в 1994 году, когда Т. С. Бушуева опубликовала текст, найденный "в секретных трофейных фондах Особого архива СССР". Этот текст, написанный на французском языке, по её мнению, представлял собой перевод речи, "сделанный, вероятно, кем-то из Коминтерна", присутствовавшим на заседании Политбюро.

Суть данного текста состоит в объяснении "предпочтительности" для СССР союза с Германией по сравнению с заключением англо-франко-советского союза. Согласно этому тексту, Сталин утверждал, что во втором случае война может и не вспыхнуть, тогда как в первом она непременно возникнет, в результате чего "Западная Европа будет подвергнута серьёзным волнениям и беспорядкам, что позволит в удачный момент вмешаться Советскому Союзу. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну... У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции"³.

¹ Правда. 1939. 30 ноября.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. С. 178.

³ Новый мир. 1994. № 12. С. 232-233.

Текст, опубликованный Бушуевой, нельзя рассматривать иначе, чем очевидную фальшивку, по следующим основаниям.

Во-первых, в перечне протоколов Политбюро за 1939 год отсутствуют упоминания о заседаниях, состоявшихся 11 или 19 августа. Имеются лишь Протоколы № 5 и 6, фиксирующие решения, принятые, по-видимому, опросом в период от 7 июля до 3 сентября.

В протоколах Политбюро первое упоминание о вопросах, связанных с советско-германским пактом, появилось 24 августа, когда было принято решение о созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР для ратификации пакта¹.

Во-вторых, на заседаниях Политбюро никогда не присутствовали представители Коминтерна.

В-третьих, Димитрову и другим руководителям Коминтерна до начала сентября не были известны сталинские установки, касавшиеся предстоящей и начавшейся войны (см. гл. XLII).

В-четвёртых, Сталину приписываются утверждения, немислимые в то время в его устах, например, о готовности Германии уступить Советскому Союзу в качестве зоны влияния Болгарию и Венгрию (об этих странах на переговорах, происходивших до 19 августа, как, впрочем, и позднее, не было и речи).

В-пятых, содержание текста, опубликованного Бушуевой, разительно отличается от действительных сталинских директив Коминтерну, высказанных в беседах с Димитровым. Давая эти директивы в сентябре 1939 года, Сталин рассуждал в чисто геополитических терминах, ничего не говоря о "мировой революции" (см. гл. XLII).

Самое же главное состоит в том, что Сталин скрывал свои замыслы даже от большинства членов Политбюро вплоть до появления сообщений о предстоящем визите в Москву Риббентропа. О том, как складывались в этот период отношения между Сталиным и членами Политбюро, выразительно рассказывает в мемуарах Хрущёва.

22 августа Хрущёв приехал из Киева на дачу к Сталину. Там Сталин сказал ему, что скоро на дачу должны приехать все члены Политбюро и он сообщит им о завтрашнем приезде Риббентропа. Хрущёв так описывал последовавшую за этим сцену: "Сталин смотрит на меня и улыбается, выжидает, какое это нововось произведет на меня впечатление. Я тоже на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии собирается, что ли? Сталин говорит: "Гитлер прислал о том телеграмму: "Прошу вас, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везёт конкретные предложения". Сталин добавил: "Вот завтра мы его и встретим"².

Из этого фрагмента мемуаров отчётливо видно: во-первых, Хрущёв, бывший в то время членом Политбюро, ничего не знал о предстоящих тайных советско-германских переговорах. Известие о предстоящем прибытии Риббентропа в Москву явилось для него громом с ясного неба. Во-вторых, поведав о

¹ Парсаданова В. С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года. - Вопросы истории. 1997. № 7. С. 18.

² Вопросы истории. 1990. № 7. С. 85.

предстоящем визите Риббентропа, Сталин представил этот визит как неожиданную инициативу германской стороны, даже ему, Сталину, непонятную до конца.

На следующий день Хрущёв собирался поехать на охоту. Когда он сказал об этом Сталину, тот ответил: "Хорошо, поезжайте. Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом вы приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат разговора"¹.

В охотничьем угодье Завидово Хрущёв встретил Ворошилова и целый синклит других военачальников - все они тоже оказались ненужными для участия в переговорах с Риббентропом. Компания развлекалась два дня, после чего Хрущёв вернулся с охоты и тотчас же направился к Сталину. "У Сталина должны были собраться все члены Политбюро, которые находились в Москве. Я похвастался своими охотничьими успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил... Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом договора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем... Сталин... полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор"².

Во время застолья Сталин сообщил членам Политбюро все детали намеченного раздела Восточной Европы. Он сказал, что, "согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападёт на неё, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населённая белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: "Тут идёт игра, кто кого перехитрит и обманет"³.

Изясняясь языком азартного игрока и мошенника перед людьми, достаточно хорошо знавшими его, Сталин, тем не менее, своим сообщением породил в них "смешанные чувства". Объясняя природу этих "смешанных чувств", Хрущёв писал: "И всё же было тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоящим на совершенно противоположных философских и политических позициях, - и вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией?... Было трудно понять и переварить это событие, найти оправдание случившемуся, чтобы, опираясь на него, разъяснить дело другим людям. Особенно больно было то, что оказалось совершенно невозможно разъяснить людям выгоду этого договора (под выгодой Хрущёв, очевидно, понимал предстоящий захват Советским Союзом чужих территорий - В. Р.)"⁴.

¹ Там же.

² Там же. С. 85-86.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 87, 89.

Фашистская печать о пакте

Подписание пакта вызвало чувства восторга и эйфории у Гитлера. 25 августа он направил письмо Муссолини, в котором говорилось: "Могу сказать Вам, Дуче, что эти соглашения гарантируют благоприятное отношение Советского Союза в случае начала любого конфликта... Могу Вам сказать, Дуче, что я считаю, что благодаря переговорам с Советской Россией создано совершенно новое положение в международных отношениях, которое должно принести Оси очень существенный из возможных выигрышей"¹.

Такого рода взгляды широко пропагандировались в официальной прессе Германии и Италии. В статье газеты "Дейче Альгемайне Цайтунг", опубликованной ещё до вступления советских войск в Польшу, говорилось: "На пространстве, растянутом от Западной границы Германии до Амура, есть всё, что требуется двум великим народам для их существования. Но этому хотели помешать, создав Польшу, вместо того, чтобы предоставить этим народам долю в ней. Силы, тяготеющие друг к другу, не могут долго оставаться в разлуке, они стремятся к общности действий"². Эти мысли развивались уже после раздела Польши эссенской "Национал-цайтунг". В её передовой от 23 сентября указывалось: "Величайший в мировой истории континентальный блок со спокойной решимостью противостоит теперь мелочной тактике шантажа со стороны государств, являющихся по отношению к нему лимитрофными. Даже английская блокада ничего не в состоянии сделать колоссу, опирающемуся на широчайший фундамент"³.

От своих немецких собратьев не отставала и итальянская печать. В "Джорнело д'Италия" появилась статья, возвещавшая, что "тоталитарные государства"^{4*}, несмотря на различие своей формы и содержания, договорились между собой в момент, находящийся под знаком наступательных планов великой империалистической и плутократической демократии"⁵.

Орган фашистской партии "Пололо д'Италия" открыто выражал своё восхищение Сталиным, называя его "единственной высокостоящей в моральном отношении личностью", обеспечивающей своей стране "многообещающее будущее"⁶.

Суммируя отклики итальянской официальной печати на заключение пакта, передовая немецкой газеты "Франкфуртер цайтунг" от 24 сентября указывала, что "Муссолини нашёл идею советско-германского сотрудничества правиль-

¹ Советско-нацистские отношения. С. 86.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 386, л. 160-161.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 388, л. 77-78.

⁴ Фашистская пресса в Италии неизменно использовала понятие "тоталитарный" как похвальное, а понятие "демократический" - как бранное слово.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 385, л. 188.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 386, л. 162-163.

ной; более того, дело выглядит так, что его самого с некоторого времени занимает эта идея... Происходит процесс образования действительного политического силового треугольника, который определяется тремя державами - Германией, Советской Россией и Италией¹.

В той же газете 29 августа появилась статья её московского корреспондента под названием "Из предыстории германо-советского пакта". В ней сближение Германии и СССР объяснялось тем, что в Советском Союзе "за последние годы произошли существенные организационные и кадровые перемены... Устранение из общественной жизни того верхнего слоя, который назывался "троцкистским", а он был устранён именно по этой причине, было, несомненно, весьма существенным фактором в достижении взаимопонимания между Советским Союзом и Германией"².

Мысль о том, что без террористической расправы над старыми большевиками советско-германский союз был бы невозможен, неоднократно высказывалась наиболее пронизательными врагами большевизма. В переписке руководящих деятелей РОВСа - самой крупной военизированной организации белоэмигрантов - указывалось, что устранение одного из ведущих деятелей Коминтерна Пятницкого "было непременным условием установления наиболее тесных контактов Сталина и Гитлера... Его падение и арест - закат деятельности Коминтерна. Теперь Сталин приступает к осуществлению своей имперской политики, сделав своим союзником Гитлера"³.

О том, что сговор с Гитлером был подготовлен не только внешней, но и внутренней политикой сталинизма, говорилось и в воспоминаниях Хильгера, который указывал на оправданность "предположения, что без предпринятой Сталиным широкомасштабной чистки государственного аппарата и партии союз между ним и Гитлером едва ли бы смог возникнуть из-за оппозиции со стороны Бухарина, Радека, Крестинского, Зиновьева, Раковского и им подобных"⁴.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 388, л. 60-62.

² Цит. по книге: Бармин А. Соколы Троцкого. С. 264-265.

³ Цит. по книге: Пятницкий В. И. Голгофа. СПб., 1993. С. 27.

⁴ Откровения и признания. С. 54.

XI

Звездный час Молотова

После подписания пакта перед Сталиным оставалась задача, которую, впрочем, он не считал сложной и обременительной: поставить точку на англо-франко-советских переговорах.

25 августа английская и французская делегации в последний раз встретились с Ворошиловым. Ошеломлённые сообщением о подписании советско-германского договора, руководители западных миссий спросили, не хочет ли советская сторона продолжить обсуждение военной конвенции. Ответ Ворошилова был лаконичен: ввиду изменившегося политического положения нет смысла продолжать это обсуждение¹. В тот же день обе миссии отбыли из Москвы.

27 августа было опубликовано интервью Ворошилова корреспонденту "Известий" о причинах разрыва переговоров с военными миссиями Англии и Франции. В нём содержалось очередное лживое утверждение: "Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий".

31 августа Молотов выступил с докладом на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, созванной для ратификации советско-германского пакта. В отличие от большинства его выступлений, отмеченных бесцветностью и сухостью, этот доклад включал ряд идеологических "новаций", содержал отточенные формулировки и саркастические выпады по отношению к зарубежным критикам пакта. Молотов как бы переживал свой звездный час в качестве одного из авторов наиболее масштабного политического решения, в принятии которого ему когда-либо приходилось принимать участие. Он утверждал, что "советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор... даёт нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира". Если же "не удастся избежать военных столкновений в Европе", то масштаб военных действий, по словам Молотова, "теперь будет ограничен". Недовольными советско-германским договором, безапелляционно утверждал Молотов, "могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всевропейский военный пожар".

В связи с подписанием советско-германского договора Молотов не преминул упомянуть о проницательности Сталина, напомнив о "том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому

¹ От Мюнхена до Токийского залива. С. 44-45.

назад на XVIII партийном съезде... т. Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликты с другими странами... Как видите, т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощённой антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов. Тов. Сталин, учитывая это обстоятельство, ещё тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы. Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось (*Бурная овация в честь тов. Сталина*).

Отождествляя германский народ с гитлеровской кликой, Молотов объявил договор воплощением стремлений к "развитию и расцвету дружбы между народами Советского Союза и германским народом". Касаясь причин столь резкого поворота в германо-советских отношениях, он отделался тавтологией: "Да, вчера ещё в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами".

Упомянув о том, что советско-германский договор был подвергнут резкой критике в английской, французской и американской прессе, в том числе социалистической, Молотов произнёс серию глумливых и злобных фраз перед радостно гогочущим залом. "Эти люди требуют, - заявил он, - чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (*Смех*)... Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза (*Смех. Аплодисменты*). Мы бы посмотрели, что это за вояки (*Смех. Аплодисменты*)".

С деланным возмущением Молотов говорил о критиках самого уязвимого аспекта договора: отсутствия в нём оговорки, что пакт может быть денонсирован, если одна из его сторон выступит в качестве агрессора (такая оговорка присутствовала в большинстве пактов о ненападении, заключённых ранее между различными европейскими странами). По этому поводу он заявил: "Доходят... до того, что ставят нам в вину, что, видите ли, в договоре нет пункта о том, что он денонсируется в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется вовлечённой в войну при условиях, которые могут дать кое-кому внешний повод квалифицировать её нападающей стороной"¹.

Доклад Молотова был встречен в Берлине с нескрываемым одобрением. Уже на следующий день после доклада Хильгер передал Молотову, вместе с сообщением о вторжении немецких войск в Польшу, сообщение о том, что Риббентроп "чрезвычайно обрадован" содержанием и "предельной ясностью" доклада и "горячо приветствует" сказанное в нём². 2 сентября "Правда" опубликовала фрагменты из речи Гитлера на заседании рейхстага, где Гитлер за-

¹ Известия. 1939. 1 сентября.

² Год кризиса. Т. II. С. 357.

явил, что "может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар иностранных дел Молотов".

Ответный шаг Берлина был выражен также в подчёркнуто дружественном приёме посла СССР А. А. Шкварцева^{1*}, только что прибывшего в Германию. 3 сентября Шкварцев был приглашён к Гитлеру, около резиденции которого по этому поводу был выстроен почётный караул. В донесении Молотову по поводу этого приёма Шкварцев сообщал: "Я... прочитал свою речь, составленную в Москве и утверждённую Вами. На эту речь Гитлер ответил следующей речью: "Немецкий народ счастлив, что заключён советско-германский договор о ненападении. Этот договор послужит делу содружества обоих народов как в политической, так и в экономической областях"².

Эти идеи нашли отражение и развитие в официозной германской печати. Орган национал-социалистической партии "Фелькишер беобахтер" 28 сентября с восторгом писал об "исторической речи" Молотова и подчёркивал, что её основные мысли нашли подтверждение в недавних речах Гитлера. "Пожалуй, никогда в истории не было такого случая, - говорилось в статье, - чтобы за один месяц в отношениях между двумя державами произошли такие перемены, как теперь между Германией и Россией... Переговоры с русскими завершились позорным провалом для англичан"³.

Среди множества выдумок, содержащихся в докладе Яковлева, одна касается последового периода. Яковлев утверждал, что "в упоении быстрой победой над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежеподписанный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну"⁴. Это утверждение, не подкреплённое в докладе никакими доказательствами, отражало реальные исторические события, как говорится, "с точностью до наоборот". По свидетельству Хильгера, Гитлер "в течение первых пяти-шести месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надёжной информацией о том, что зимой 1939-40 года Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нам на ослабленную войной Германию, в то время ещё явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твёрдо убеждённым в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключённых договоров"⁵.

¹ Назначение в столь ответственный момент послом СССР в Германии Шкварцева, переведённого на этот пост с должности доцента Московского текстильного института, свидетельствовало о том, что после чистки советских дипломатов у Сталина не осталось сколько-нибудь квалифицированных специалистов в этой области. В октябре 1940 года Шкварцев был сменён Деканозовым и возвратился на свою прежнюю работу в текстильном институте. Автору этой книги в 50-х годах довелось видеть Шкварцева и беседовать с ним.

² Год кризиса. Т. II. С. 359.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 388, л. 73-74.

⁴ Правда. 1989. 24 декабря.

⁵ Откровения и признания. С. 66.

Многие исследователи истории второй мировой войны сходятся на том, что, несмотря на всю остроту межимпериалистических противоречий, мировой войны можно было избежать, если бы не был подписан советско-германский пакт, резко улучшивший политическое и экономическое положение Германии. Такой информированный и проникательный историк, как К. Типпельскирх писал: "То, что Гитлер хотел войны, хотя бы локальной, является документально подтверждённым фактом. Но он бы не добился так легко этой цели, если бы не нашёл необходимых союзников и противников в лице Советского Союза, Англии и Польши. Решающее значение имела позиция Советского Союза... Так возникла война, которую никто не хотел, даже Гитлер, в той форме, какую она приняла (Гитлер вплоть до 3 сентября 1939 года надеялся, что удастся избежать вступления в войну Англии и Франции - В. Р.) и в которой могла быть действительно заинтересована только одна держава - Советский Союз"¹. Если в этой цитате заменить слово "Советский Союз" (война, конечно же, не отвечала политическим интересам СССР) словами "Сталин" или "сталинская клика", то мы получим адекватное описание ситуации, сложившейся осенью 1939 года.

"Общие причины войны, - писал Троцкий, - заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма. Однако непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-германского пакта. В течение предшествовавших месяцев Геббельс, Форстер и другие германские политики настойчиво повторяли, что фюрер назначит скоро "день" для решительных действий. Сейчас совершенно очевидно, что речь шла о дне, когда Молотов поставит свою подпись под германо-советским пактом. Этого факта уже не вычеркнет из истории никакая сила!"².

Советско-германский пакт явился тяжелейшим ударом по делу мировой революции - прежде всего потому, что во имя узко понимаемых прагматических конъюнктурных выгод Сталин предал коренные принципы международного коммунистического движения и тем самым нанёс ему неизгладимый моральный ущерб.

¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 8-9, 10.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 142.

Разрушение моральной силы

В работах 1921 года Ленин не раз касался вопроса о причинах победы советского народа в гражданской войне, когда "против нас в течение трёх с половиной лет воевали все богатейшие державы мира. Та военная сила, которая стояла против нас и которая поддерживала Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля... во много раз, безмерно и безусловно превышала наши военные силы". Развивая эту мысль, Ленин высказывал, на первый взгляд, парадоксальное соображение о том, что, "если бы против нас вместо передовых стран вели борьбу страны отсталые, в которых нет таких могучих пролетарских масс, то мы не продержались бы не только три с половиной года, но и три с половиной месяца. Могла ли быть у нашего пролетариата моральная сила, если бы он не опирался на сочувствие рабочих передовых стран, которые поддерживали нас, вопреки той лжи, которую в миллионах экземпляров распространяют империалисты про Советскую власть".

Причины победы русского рабочего класса над иностранными интервентами Ленин видел в его моральной силе, которая обуславливалась поддержкой со стороны пролетариата передовых стран Европы. "Рабочие передовых стран настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны, и в конечном счёте они сорвали войну против нас пассивным и полупассивным сопротивлением... Опираясь на эту поддержку, наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями и лишениями, победил, так как он силён своей моральной силой"¹.

Возвращаясь к этой мысли, Ленин подчёркивал: "Материально в отношении экономического и военном мы безмерно слабы, а морально, - не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлечённой морали, а понимая её, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, - мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернётся история, то это будет доказано и не раз"².

Комментируя эти ленинские слова, советский философ М. А. Лифшиц писал: "Значит, моральная сила имеет своё объективное содержание, только более всеобщее, безусловное, чем простое количество материальных средств, брошенных на чашу весов. Моральная сила есть отношение историческое, классовое, но всё же это величина, которую нужно беречь, как зеницу ока, ибо её можно растратить попусту, зря и совсем потерять. А заменить эту великую драгоценность ничем нельзя - ни богатством, ни хитростью, ни оружием. Без неё всё это было бы не к добру"³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 134-135.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 300.

³ Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции. - Коммунист. 1985. № 4. С. 50-51.

Моральные принципы Октябрьской революции превратились в могучую материальную силу, стали одним из главных слагаемых в сумме тех исторических факторов, которые обеспечили победу величайшей в истории социальной революции.

Огромное историческое преступление сталинизма и постсталинизма состояло в том, что они своей ущербной, антисоциалистической внутренней и внешней политикой подорвали моральное влияние, которое было завоёвано во всём мире Советским Союзом и международным коммунистическим движением. Тому можно найти прямые эмпирические доказательства. В 1919 году Ленин отмечал, что "морально советская система победила уже даже сейчас и... доказательствами правильности этого утверждения являются гонения на советскую литературу в свободных демократических странах"¹. Понадобились долгие годы дискредитации, извращения и фальсификации сталинистами коммунистических идей, чтобы господствующие классы капиталистических стран смогли без серьёзного ущерба для себя отказаться от подобных гонений. В то же время в СССР, в отличие от 20-х годов, когда публиковались книги даже заядлых врагов Советской власти, например, Деникина и Керенского, в последующие десятилетия была установлена жесточайшая информационная блокада (я имею в виду запрет на переиздание, распространение и даже чтение "анти-советской" литературы, выходящей за рубежом).

В крушении моральной силы СССР и международного коммунистического движения решающую роль сыграли практические акции сталинизма. Среди таких акций одно из ведущих мест принадлежит заключению советско-германского пакта.

До этого события во всём мире непримиримость идеологии и политики СССР и германского фашизма считалась абсолютной. С момента возникновения нацистской партии весь арсенал её пропагандистских средств был направлен на проповедь антибольшевизма, сочетаемую с идеей захвата "жизненного пространства" за счёт советских земель. В свою очередь советская пропаганда на протяжении многих лет осуждала "фашистских зверей" и призывала миролюбивые государства объединиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Советский Союз завоевал весомый моральный престиж как ведущий противник фашизма и защитник мира. После заключения советско-германского пакта весь этот моральный капитал оказался полностью и непоправимо утрачен.

Авторитет, завоёванный Советским Союзом в глазах мировой прогрессивной общественности, был подорван и тем, что Сталин, по сути, повторил мюнхенскую сделку. Советская историография на протяжении многих лет доказывала, что заключением пакта "Молотов - Риббентроп" Советский Союз добился для себя мира и времени для перевооружения, то есть сделал то, что сделали Англия и Франция годом ранее в Мюнхене. Однако здесь возникала серьёзная неувязка. Советская пропаганда справедливо обличала Чемберлена и Даладье как пособников Гитлера за то, что они принесли ему в жертву Чехословакию и открыли тем самым путь его дальнейшим аннексионистским акциям. Для любого мыслящего человека оставалось непонятным, почему следует

¹ Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 167.

принципиально иначе оценивать поведение Сталина, замирившегося с Гитлером ценой раздела Польши.

В публикациях последнего времени содержится немало злобных инсинуаций по поводу "заидеологизованности" советской дипломатии. Но в советско-германском пакте при всём старании нельзя обнаружить никаких следов подобной "идеологизации". Рукой Сталина двигали не идеологические, а чисто геополитические соображения. Советско-германский пакт представлял собой типичную аннексионистскую сделку, особенность которой состояла в том, что Гитлер собирался захватить "свою" долю войной, а Сталину предоставлялась возможность осуществить свои захваты "мирным" путём. Одна из важнейших особенностей пакта заключалась в том, что Советскому Союзу была обещана солидная доля в предстоящем разделе Восточной Европы при условии, что он не вступит в крупномасштабную войну, когда она разразится.

Естественно, что, встав на этот путь, Сталин и Молотов вынуждены были, по сути, отказаться от всех своих заявлений предшествующих лет. Ещё в мае 1939 года Молотов заверял мировую общественность, что "в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах"¹. Напоминания об этом спустя три месяца, Троцкий писал: "Какой зловещей иронией звучат теперь эти слова! Советский Союз занял своё место в заднем ряду тех государств, которых он до последних дней не уставал клеймить в качестве агрессоров"².

С первых же дней после подписания пакта была развёрнута активная идеологическая кампания по полной переориентации направленности советской пропаганды. Уже в сентябре 1939 года Шуленбург сообщал в Берлин: "Внезапный поворот в политике Советского Союза после многих лет пропаганды, направленной именно против немецких агрессоров, ещё не очень ясно понят населением. Особенные сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает всё возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как будто подменили. Нападки на Германию не только полностью исчезли, но все описания внешней политики в значительной степени основаны на немецких сообщениях, и вся антинемецкая литература изымается из книжной торговли и т. д."³.

Однако, несмотря на все усилия мощной идеологической машины, многие советскими людьми, особенно молодёжью, воспитанной в последовательно антифашистском духе, заключение советско-германского пакта было воспринято с чувством недоумения и горечи. Как вспоминал историк Слезкин, "договор 1939 года в той интерпретации, в которой он был преподнесён нам, произвёл на меня впечатление удручающее, - на комсомольца, который считал себя призванным бороться с чёрными силами фашизма"⁴.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 530.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 145.

³ Советско-нацистские отношения. С. 93.

⁴ Некрич А. М. 1941, 22 июня. М., 1995. С. 313.

Особенно выразительны свидетельства о настроениях политзаключённых при получении известий о пакте. А. Войтоловская вспоминала, что она и её друзья читали в лагере текст пакта и статьи о нём "с отчаянием и возмущением"; газеты "сыграли роль бури, взрыва, потрясения"; "договор с Германией казался чудовищным, а сговор с Германией о разделе Польши - святотатством"¹.

Тоталитарный режим, конечно, мог с лёгкостью подавить проявления подобных настроений. Сложнее обстояло дело с идеологическим оправданием пакта в глазах зарубежных коммунистов и соответствующей перестройкой политики зарубежных компартий.

¹ Войтоловская А. По следам моего поколения. Сыктывкар, 1991. С. 308.

XLII

Коминтерн защищает пакт

Подписание советско-германского пакта явилось, может быть, самой болевой точкой в истории международного коммунистического движения, и без того насыщенной авантюристическими зигзагами, осуществлёнными под гегемонистским диктатом со стороны Москвы.

Сталин пошёл на союз с Гитлером, не известив об этом зарубежные коммунистические партии. Однако ещё до подписания пакта Коминтерн был нацелен на отпор "антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией", которая открылась на Западе сразу же после сообщения о предстоящем визите Риббентропа в Москву. Необходимость такого "отпора" диктовалась в немалой степени тем, что подписание пакта подтверждало прогнозы Троцкого о возможности союза между Сталиным и Гитлером, к которым на Западе долгое время не желали прислушиваться. В письме Л. Эстрин Троцкому от 29 августа 1939 года говорилось: "Только и слышишь с разных сторон: "А старик-то был прав". Эстрин упоминала и о том, что заключение пакта произвело на Западе "впечатление потрясающее - таких форм, вероятно, даже Вы не ожидали, не правда ли?"¹.

Любопытно проследить эволюцию оценок пакта, содержащихся в документах ИККИ и западных коммунистических партий. Поначалу в них шла речь о "совместимости" пакта с оборонительным соглашением между Англией, Францией и СССР и выражалась надежда, что такое соглашение будет подписано. 22 августа секретариат ИККИ принял двусмысленную резолюцию, в которой коммунистическим партиям рекомендовалось "перейти в наступление против буржуазной и социал-демократической печати со следующей установкой: а) эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам... Переговоры с Германией могут побудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР"².

Во многих просоветских изданиях высказывалась надежда и даже уверенность в том, что пакт позволит оградить Польшу и весь мир от гитлеровской агрессии. Так, французская газета "Се суар" на свой страх и риск попыталась объяснить смысл предстоящего пакта. В её передовой статье, опубликованной 22 августа, утверждалось, что пакт будет способствовать отсрочке войны и потому его должны приветствовать все, кто предан делу мира. Редактор "Се суар" Луи Арагон уверял, что Советский Союз никогда не допустит международного преступления, подобного мюнхенскому сговору. В статье "Да здравствует мир!" он восхвалял "триумф сталинской политики" и заявлял, что "тройственный пакт Великобритании, Франции, Советского Союза... остаю-

¹ Архив Троцкого. № 907.

² Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. М., 1994. С. 69-70.

щийся основной частью фронта мира, будет прекрасно дополнен пактом о не-нападении между СССР и Германией¹.

Подобной же "проницательностью" отличалось первое сообщение "Юманите" о визите Риббентропа, опубликованное 23 августа под заголовком "Советский Союз спасет мир". Здесь утверждалось, что "Гитлеру не позволено напасть на Польшу, так как Советский Союз объединится со всеми, кто хочет оказать сопротивление таким насильственным действиям". Выражая уверенность в том, что "заключённый пакт ни в коем случае не является пактом помощи агрессору", "Юманите" высказывала предположение, что в нём будет содержаться пункт об утрате договором силы в случае, если один из партнёров совершит агрессию против какого-либо другого государства².

23 августа генеральный секретарь ЦК Компартии США Браудер выступил в Нью-Йорке против утверждений американских газет, что предстоящий пакт будет ударом, направленным против Польши. Отказываясь верить в коренное изменение советской политики, Браудер заявлял, что "эти переговоры являются замечательным образцом для всякой страны, которой угрожает Германия, и они показывают, как можно заставить Германию согласиться на прекращение агрессии"³.

Прежние антифашистские ноты звучали и в официальных заявлениях западноевропейских компартий, выпущенных в первые дни после заключения пакта. Так, в заявлении ЦК Итальянской компартии от 25 августа говорилось: "Если, несмотря ни на что, вспыхнет война, мы будем, не колеблясь, бороться за то, чтобы она принесла военное и политическое поражение и крушение фашизма, как одно из условий, открывающее перед всеми народами капиталистической Европы новое будущее, которое сулит свободу, мир и социальный прогресс". В передовой статье центрального органа бельгийской компартии советско-германский пакт расценивался как отступление Гитлера, который "видит себя вынужденным принять условия Советского Союза и таким образом публично воздать хвалу (Sic! - В. Р.) политике твёрдости СССР и силе страны социализма"⁴.

Антифашистская риторика доминировала и в декларации Политбюро ЦК ФКП от 25 августа, где утверждалось, что французская компартия "более чем когда-либо является непримиримым врагом международного фашизма, прежде всего гитлеровского фашизма, наиболее зверского и главного поджигателя войны и противника демократии". Декларация безапелляционно заявляла: "Все знают (! - В. Р.), что пакт своим единственным следствием будет иметь укрепление мира, не лишит ни одного народа его свободы и не выдаст ни одного вершка территории в Европе и ни одной колонии"⁵.

Даже когда нападение Германии на Польшу наглядно обнаружило цену подобных заявлений, руководители некоторых компартий продолжали выступать

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, л. 385, л. 127, 144.

² Там же. Л. 184-185.

³ Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. С. 78.

⁴ Там же. С. 80-81.

⁵ Там же. С. 75-76.

с антифашистскими речами. Так, Браудер говорил 2 сентября на пленуме ЦК Компартии США, что "вторжение в Польшу является варварским актом империалистической агрессии, угрожающим национальной независимости польского народа"¹.

Появление таких высказываний было возможно потому, что руководство Коминтерна не знало, какие установки следует давать зарубежным компартиям и на протяжении двух недель после заключения пакта не выступало ни с какими официальными заявлениями. О замешательстве, которое царило в это время в штаб-квартире Коминтерна, свидетельствует рассказ Тито о созыве Мануильским совещания представителей нескольких компартий, на котором каждому участнику было предложено срочно написать проекты воззваний для своих стран. Большинство участников совещания, как вспоминал Тито, "опасаясь ошибиться, что в тех условиях в СССР грозило Лубянкой, явилось на следующий день с пустыми руками". Тито же, по его словам, за ночь написал текст воззвания, в котором указывалось: германо-советский пакт не должен существенным образом влиять на политику компартий, ибо фашизм продолжает представлять главную опасность для всего человечества. Этот текст понравился Мануильскому, сказавшему, что следует по-прежнему писать об опасности фашизма для каждого народа, не упоминая о Советском Союзе, соглашение которого с Германией является "делом политики и тактики"².

По-видимому, даже такие искушённые сталинисты, как Димитров и Мануильский не сразу осознали суть новой политической стратегии Сталина, требовавшей от зарубежных компартий полного прекращения антифашистской пропаганды. Об этом свидетельствует их письмо Сталину от 27 августа, в котором говорилось, что "компартии, как подобает, реагируют на бешеную антисоветскую кампанию буржуазной и социал-демократической печати"³. В подтверждение этого Димитров послал Сталину, Молотову и Жданову справку о позиции, занятой компартиями капиталистических стран в связи с заключением пакта. Не получив ответа на этот документ, Димитров, видимо, осознал, что эти компартии ведут себя не так, "как подобает" с точки зрения Сталина. Поэтому он направил 5 сентября письмо Жданову, в котором сообщал о подготовке руководством Коминтерна документа, призванного определить политическую линию компартий в условиях начавшейся войны. "При намерении этой линии, - сокрушенно писал Димитров, -...мы встречаем исключительные трудности и для их преодоления, как и для принятия правильного решения мы нуждаемся больше, чем когда бы то ни было, в непосредственной помощи и совете тов. Сталина"⁴.

Такая "помощь" была оказана Сталиным 7 сентября, когда состоялась его встреча с Димитровым в присутствии Молотова и Жданова. На этой встрече Сталин определил основные позиции, по которым необходим кардинальный пересмотр политической стратегии и тактики Коминтерна.

¹ Там же. С. 9.

² Горенко Ю. С. Сталин-Тито. М., 1991. С. 75.

³ Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. С. 8.

⁴ Там же. С. 88.

Во-первых, Сталин потребовал отказаться от деления капиталистических держав на агрессивные и неагрессивные, фашистские и демократические, которое, по его словам, "во время войны... потеряло прежний смысл"¹. Руководствуясь этой установкой, Коминтерн снял лозунг о фашизме как главном источнике империалистической агрессии. Сам термин "фашизм" применительно к Германии исчез из документов Коминтерна, как и со страниц советской печати.

Во-вторых, Сталин навязал Коминтерну оценку войны как империалистической с обеих сторон, которая "ничего не даст рабочим, кроме страданий и лишений". Он заявил, что "война идёт между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром"². Такая оценка начисто игнорировала человеконенавистнические замыслы германского фашизма, его претензии на порабощение Европы и всего мира.

В соответствии с такой оценкой характера войны, подчинённой узко и неверно понятым государственным интересам СССР, компартиям всех воюющих стран была навязана ложная и ущербная пораженческая установка, согласно которой они должны решительно выступать против своих правительств. Следуя этой установке, западные компартии прекратили разоблачение гитлеризма и перенесли основное направление борьбы на свои правительства. Это вызвало запрет на деятельность компартий и преследование их активистов в буржуазно-демократических странах.

В беседе с Димитровым Сталин прибег к антикапиталистической риторике, подчёркивая желательность того, чтобы "руками Германии было бы распатано положение богатейших стран Европы (в особенности Англии)". "Мы не прочь, - заявил он, - чтобы они (капиталистические государства - В. Р.) подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались"³. Несмотря на псевдомарксистское облачение этих фраз, за ними крылись чисто геополитические соображения. И уж во всяком случае ничто в них не напоминало ленинской формулы о превращении войны империалистической в революционную.

В-третьих, Сталин высказался за ликвидацию Польши, которую он назвал фашистским государством. Из этой установки следовало, что исчезновение Польши с географической карты соответствует интересам мирового пролетариата.

Сталинские указания были почти буквально повторены в директиве Секретариата ИККИ об отношении к войне, принятой 8 сентября. В ней начавшаяся война характеризовалась как война империалистическая, несправедливая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. Из этого делался вывод, что международный пролетариат не должен поддерживать ни

¹ Новая и новейшая история. 1992. . № 6. С. 20.

² Там же. С. 18.

³ Там же.

одну из воюющих сторон и в особенности не должен "ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергшую помощь Советского Союза". Компартиям Франции, Англии, США, Бельгии, "выступающим вразрез с этими установками", предписывалось "немедленно выправить свою политическую линию"¹.

Все эти установки грубо игнорировали то обстоятельство, что в отличие от первой мировой войны, за развязывание которой ответственность лежала на обоих империалистических военно-политических блоках, новая война была развязана Германией.

25 октября Сталин ещё раз встретился с Димитровым для обсуждения программной статьи последнего "Война и рабочий класс капиталистических стран". В ходе беседы Сталин предложил снять все содержащиеся в статье революционные лозунги и ограничиться лозунгами типа: "Долой империалистическую войну!", "Прогнать правительства, которые за войну!"². Следование этим лозунгам ничем не могло помешать гитлеровской Германии, где компартия была по сути разрушена, но зато ставило в крайне тяжёлое положение компартии Англии и Франции, где коммунисты должны были противопоставлять свою пораженческую политику законным патриотическим и антифашистским устремлениям масс.

Среди важнейших преступлений Сталина на международной арене Эрнст Генри выделял, вслед за теорией "социал-фашизма", проложившей Гитлеру путь к власти, заключение пакта с Гитлером и приказ всем компартиям немедленно прекратить антифашистскую пропаганду. "Сталин в то время, - писал Э. Генри, - уже не ограничивался разобшением социал-демократов и коммунистов, теперь он начал дискредитировать и разоружать самих коммунистов на Западе! Ещё два-три года - и компартии Запада были бы разрушены... Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он её начал. Его фронт и тыл были усилены политикой "советского Макиавелли". Вместо того, чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал. Никогда, ни при каких обстоятельствах, никому в мире, Ленин не простил бы такой политики"³.

На обеде с членами Политбюро и военачальниками, состоявшемся 7 ноября 1939 года, Сталин пошёл ещё дальше в своих оценках руководителей фашистских и демократических государств. Он с явной похвалой отозвался о гитлеровской клике, заявив, что, в отличие от буржуазных деятелей типа Чемберлена, в Германии у власти стоят "мелкобуржуазные националисты, способные на крутой поворот, они гибки, не связаны с капиталистическими традициями"⁴.

Вследствие таких установок в документах Коминтерна с октября 1939 года стала подчёркиваться особая опасность и агрессивность не германского, а англо-французского империализма.

¹ Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. С. 88-89.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 210.

³ Дружба народов. 1988. № 3. С. 235.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 211.

Окончательная перестановка знаков в оценке воюющих сторон была произведена самим Сталиным в статье "О лживом сообщении агентства Гавас". Статья по форме представляла ответ редактору "Правды", который обратился к Сталину с вопросом: "Как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас?" "Правда" поместила присланный Сталиным ответ, в котором опровергались основные тезисы данного сообщения. Полностью обойдя вопрос об агрессии Германии против Польши, Сталин обвинил Англию и Францию в том, что они отклонили поддержанные Советским Союзом "мирные предложения" Германии, выдвинутые "после начала военных действий". (Захватив Польшу, германское правительство лицемерно обратилось к правительствам Англии и Франции с предложением прекратить военные действия и объявить состояние мира.) Более того, Сталин объявил Англию и Францию агрессорами, утверждая, что "не Германия напала на Англию и Францию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну"¹. Так интерпретировалось Сталиным выполнение Англией и Францией своих гарантий по отношению к Польше.

Естественно, что столь резкий поворот в стратегии и тактике Коминтерна вызвал массовый отлив коммунистов из компартий капиталистических стран. О неизбежности этого процесса, неотделимого от ослабления политического и морального влияния Коминтерна, Троцкий писал ещё 2 сентября 1939 года. Он подчёркивал, что "Коминтерн, важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран, явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта. Судьба Польши ещё не решена. Но Коминтерн уже труп. Его покидают с одного конца патриоты, с другого - интернационалисты"².

Многие деятели зарубежных коммунистических партий, отдававшие себе отчёт в чудовищных ошибках и преступлениях Сталина, тем не менее до 1939 года не порывали с Коминтерном, потому что видели в нём и в Советском Союзе оплот борьбы с гитлеризмом. Вдова члена ЦК КПГ Гейнца Неймана, погибшего в сталинском застенке, М. Бубер-Нейман в своих воспоминаниях писала: "Нейман считал, что должен подчиниться линии Коминтерна, иначе он стал бы врагом Советского Союза, единственной антифашистской силы в мире... Это была та же мысль, которая удерживала Вилли Мюнценберга после его разрыва с Коминтерном от открытого выступления против Советского Союза или Сталина до тех пор, пока заключение пакта Сталин - Гитлер окончательно не избавило его от такого рода иллюзий"³.

Вилли Мюнценберг, один из наиболее популярных лидеров международного коммунистического движения, прославившийся организацией в Париже и Лондоне контрпроцесса по делу о поджоге Рейхстага, в 1938 году порвал с Коминтерном и оказался среди антисталински настроенных участников борьбы с фашизмом в Испании. После поражения республиканских сил он был в 1939 году интернирован французским правительством. В июне 1940 года, ко-

¹ Правда. 1939. 30 ноября.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 146.

³ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М., 1995. С. 13.

гда немецкие войска приближались к лагерю, интернированные были освобождены французскими властями, и им было разрешено самостоятельно выбираться из Франции. Спустя несколько месяцев тело Мюнценберга было найдено в лесу с куском проволоки на шее.

Некоторые другие коминтерновцы или "друзья СССР" под влиянием советско-германского пакта превратились в ярых антикоммунистов. Так сложилась судьба известного писателя, члена КПГ Артура Кестлера, который вплоть до 1938 года продолжал сохранять симпатии к сталинизму, хотя его двоюродный брат и два близких друга были арестованы в СССР. Кестлер, игравший заметную роль в Испании, провёл четыре месяца в франкистских тюрьмах, откуда он был освобождён по просьбе английского правительства. После того, как функционер КПГ потребовал от него называть в лекциях об Испании ПОУМ агентом Франко, Кестлер направил письмо в ЦК КПГ о своём выходе из партии. Однако даже в этом письме он упоминал о своей преданности Советскому Союзу, который "представляет нашу последнюю и единственную надежду на планете". С такой позицией Кестлер расстался только в тот день, когда "флаг со свастикой был поднят в московском аэропорту в честь прибытия Риббентропа"¹.

Немало зарубежных коммунистов, возмущённых подписанием советско-германского пакта, перешли в лагерь социал-демократии. Так сложилась, например, судьба члена ЦК Германской компартии Герберта Венера. После прихода Гитлера к власти Венер находился в качестве коминтерновского эмиссара в Чехословакии, Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Польше. В 1937 году был вызван в Москву, где четыре года работал помощником секретаря ИККИ Эрколи (Тольятти). В 1941 году оказался в Швеции, где был арестован и предан суду. В 1942 году был исключён из КПГ за "высказывания на следствии и суде", которые якобы нанесли серьёзный ущерб антифашистской борьбе.

После второй мировой войны Венер возвратился к активной политической деятельности, но уже в качестве деятеля социал-демократической партии Германии. В 1949-1983 годах он был депутатом бундестага, заместителем председателя СДПГ, министром ФРГ по общегерманским вопросам, председателем парламентской фракции социал-демократов.

В 1982 году Венер выпустил автобиографическую книгу "Свидетельство", в которой объяснял причины своего разрыва с международным коммунистическим движением. Он подчёркивал, что во время своего пребывания в СССР он не строил иллюзий относительно того, что Советский Союз является идеальным государством социализма и демократии: "Я был знаком с его развитием после Октябрьской революции и не пытался внушить себе либо кому-нибудь ещё, что именно таким и никаким иным должен быть путь к социализму. Однако тупая непримиримость официальной социал-демократии по отношению к живому социализму, равно как и жуткая действительность фашистской диктатуры и аналогичные тенденции в других странах, накладывали на меня, последовательного социалиста, обязательство - стоять на стороне Совет-

¹ The God that Failed. New-York, 1959. P. 61-62, 64-65.

ского Союза, хотя бы ради того, чтобы давать отпор антибольшевизму нацистской и империалистической реакции".

Пытаясь объективно охарактеризовать свою позицию 30-х годов, Венер писал: "Хотя я всячески избегал участия в церемониальном славословии Сталину, но, несмотря на мое внутреннее неприятие назойливой официальной пропаганды, я был убеждён в необходимости поддерживать проводившуюся от имени Сталина политику, направленную на развитие и защиту социализма в России, ибо считал, что в конечном счёте СССР будет решающей опорой мирового пролетариата в его борьбе против реакции. С этой позицией было связано мое неприятие маниакальной агитации, которую вели отколовшиеся от Коминтерна группки и секты, в аргументации которых я явно чувствовал затаённые обиды незадачливых и отвергнутых претендентов на власть"¹. Нагромождение уничижительных эпитетов в последней фразе, очевидно, понадобилось автору для объяснения и оправдания своего нежелания присоединиться к движению IV Интернационала. Подобными соображениями руководствовались и многие другие зарубежные коммунисты, критически настроенные по отношению к сталинизму, но тем не менее предпочитавшие покровительство Москвы нелёгкой участи приверженца "троцкизма".

После заключения советско-германского пакта последние идейные подпорки, на которых Венер базировал сохранение своей службы Сталину, рухнули. В его воспоминаниях выразительно описывается смятение немецких коммунистов-эмигрантов, на которых "пакт лёг страшной тяжестью. Московское радио освещало начало войны в Польше и позицию западных держав при их вступлении в войну на основе подробного воспроизведения немецких сообщений. Один мой старый немецкий товарищ по партии, который часто приходил ко мне, чтобы обменяться со мной своими мыслями, рассказал, что его вдруг стал бурно приветствовать и поздравлять партийный секретарь его предприятия... Когда мой друг изумлённо спросил, по поводу чего его поздравляют, он получил ответ: по поводу успехов немецких войск в Польше. На это немецкий коммунист возразил: "Это не повод, чтобы поздравлять меня". Русский секретарь задал удивлённый вопрос: "Разве Вы не за то, чтобы немцы победили поляков?" Немецкий коммунист ответил: "Я за победу революции, а не за победу Гитлера". Тогда русский, недовольно качая головой, закончил разговор такими словами: "Это всё фразы. Гитлер поможет нам своей победой над польскими панями". Другой мой друг, тоже немецкий коммунист... рассказывал, что во время поездки в автобусе он слышал, как многие пассажиры, основываясь на последних газетных сообщениях о немецких победах в Польше, говорили: "Гитлер молодец"².

Ещё более тяжело чувствовали себя зарубежные коммунисты, находившиеся в своих странах, - и там, где они до заключения пакта действовали на свободе, и там, где они работали в подполье. Отмечая, что "для коммунистов всего мира, рабочих и интеллигенции заключение договора прозвучало как гром среди ясного неба", Бубер-Нейман вспоминала: "Особенно глубоко были потрясены

¹ Wehner. H. Zeugnis. Köln, 1982. S. 210-211.

² Ibid. S. 269.

те, кто жил в Германии нелегально, чьи товарищи находились в гитлеровских тюрьмах и концентрационных лагерях. Одни в безысходном отчаянии кончали жизнь самоубийством, другие находили в себе силы, чтобы окончательно порвать с партией. Перед верными Сталину функционерами и коммунистическими публицистами стояла чрезвычайно затруднительная задача - объяснить членам партии необходимость, более того, мудрость этого шага". В этой связи Бубер-Нейман характеризовала номер немецкой коммунистической газеты "Рундшау" от 24 августа 1939 года как "типичный публицистический танец людей, которых давно заставили приспособляться к постоянным изменениям линии, но даже от которых эта непоследовательность Сталина потребовала невероятных усилий". В "Рундштау" сообщение о пакте начиналось с перечисления преступных действий и зловещих намерений сталинского партнёра по договору и гневных тирад против западных держав, которые "в сентябре 1938 года позорно и трусливо капитулировали перед фашизмом". "Совершенно уникальным во всей мировой истории, - писала Бубер-Нейман по поводу этой общей установки коминтерновской прессы в первые дни после подписания пакта, - было то, что... один партнёр представлял другого как опасного политического интригана, для обезвреживания которого остальной мир так и не сделал всего необходимого"¹. Как мы помним, Коминтерн не долго удержался на этой "промежуточной" позиции, а вскоре принял ещё более худшую установку, оттолкнувшую от него новые сотни тысяч трудящихся.

Несмотря на террористическое подавление деятельности КПГ, в советское посольство, как сообщал в Москву временный поверенный в делах СССР в Германии Н. В. Иванов, в первые дни после подписания пакта поступали письма и раздавались звонки, выражавшие чувство возмущения "обманутых коммунистов"².

Не лучше, чем в Германии, чувствовали себя коммунисты демократических стран, в первую очередь Франции, где уже 26 августа было запрещено издание всех коммунистических газет и журналов. Один из руководителей ФКП А. Раммет позднее вспоминал: "Шок был тем более велик, что мы не предусматривали подобной возможности (советско-германского сговора - В. Р.)"³. В знак протеста против заключения пакта примерно треть коммунистов-депутатов парламента вышла из партии. Состояние дезорганизации и разобщённости, в котором оказались в 1939-1940 годах французские коммунисты, ярко описано в романе И. Эренбурга "Падение Парижа".

Находившийся в то время в Бельгии советский разведчик Л. Трешпер впоследствии вспоминал: "Годами руководство Коминтерна твердило, что борьба против Гитлера - это демократическая борьба против варварства. А в свете советско-германского пакта эта война вдруг стала империалистической. Коммунистам предписывалось начать ширококвещательную кампанию против войны и разоблачать империалистические цели Англии... Я не мог не видеть, до ка-

¹ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. С. 257.

² Год кризиса. Т. II. С. 323.

³ Крайе Ф., Эстаже Ш. Как это было. Французская коммунистическая партия в 1939-1940 гг. М., 1989. С. 113-114.

кой степени такая политика дезориентировала активистов бельгийской компартии.. Иные с тяжёлым сердцем подчинялись ей. Другие, отчаявшись, покидали партийные ряды¹.

¹ Трешпер Л. Большая игра. М., 1990. С. 101-102.

XLIII

Эрнст Тельман о пакте и его последствиях

Недавно в архиве Президента РФ были обнаружены ранее неизвестные письма Эрнста Тельмана Сталину и Молотову, написанные в нацистской тюрьме в 1939-1941 годах. Они были опубликованы в российском журнале "Новая и новейшая история" и изданы отдельной книгой в Германии¹.

Из этих писем мы узнаём, что Тельман, арестованный в марте 1933 года, подвергался неоднократному давлению со стороны гитлеровских чиновников, убеждавших его подать заявление об отказе от коммунистических взглядов².

Условия заключения Тельмана были намного более сносными, чем условия советских политзаключённых. Ему предоставлялись бумага, чернила, газеты, а также были разрешены свидания с женой и дочерью, которые лишь в 1944 году были арестованы и брошены в концлагеря, откуда их освободила Красная Армия.

После заключения договоров о ненападении и дружбе между Германией и СССР тюремные условия Тельмана были значительно улучшены. Его свидания с женой теперь происходили два раза в неделю и длились по 8 часов. Эти свидания проходили наедине, без наблюдения тюремных надзирателей. Поскольку Роза Тельман не подвергалась досмотру, она имела возможность тайно выносить из тюрьмы письма Тельмана советскому руководству. Хотя за Розой было установлено наблюдение, она около десяти раз посетила советское посольство, куда передавала письма своего мужа, которые немедленно переправлялись в Москву. Таким путём в 1939-1941 годах в Москве оказалось 24 письма Тельмана³.

В своих письмах, написанных до заключения советско-германского пакта, Тельман подробно анализировал международные отношения и выражал надежду на создание коалиции Англии, Франции, СССР и США, направленной против фашистских держав.

В письме Сталину от 1 марта 1939 года Тельман обращался с приветствием к XVIII съезду ВКП(б). Наряду с повторением банальных штампов советской пропаганды о "грандиозных успехах" СССР и справедливости самой суровой расправы над оппозицией, он высказывал мысли, которые едва ли могли понравиться Сталину. Так, он выражал уверенность в том, что "даже серьёзные недостатки и совершённые ошибки в партийной жизни будут обсуждены без страха, открыто перед общественностью на Партийном Съезде. Не только вождь, как избранный докладчик, произносит речь для партийного съезда и русского народа, а все остальные слушают и должны молчать, нет, все могут

¹ Ernst Thalmann: An Stalin. Briefe aus dem Zuchthaus 1939 bis 1941. Berlin, 1996.

² Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 107-108.

³ Там же. С. 79, 82,83.

принять участие в обогащении проблем и установок, высказать своё мнение и этим принять участие в воспитании партии и народа"¹.

Судя по содержанию приветствия съезду, Тельман надеялся на его публикацию в СССР. Однако в Кремле на этот документ была наложена резолюция: "Сообщить строго секретно! Для информации только членам Политбюро!"².

Особый интерес представляет письмо от 1 сентября 1939 года, явившееся откликом на заключение советско-германского пакта. Тельман писал, что пакт оказался для него большой неожиданностью, хотя и до этого он замечал некоторые признаки улучшения советско-германских отношений. "Начиная с конца февраля 1939 года, - писал он, - достопримечательно то, что почти совершенно прекратились в немецкой прессе и радиовещании ложь и клевета против Советского Союза и грязные нападки на его вождей... Даже по кратким заметкам в немецкой прессе относительно 18-го партийного съезда ВКП(б) можно было установить некоторое ослабление в напряжённости отношений"³.

Тельман выражал надежду и даже твёрдую уверенность в том, что во время переговоров в Москве обсуждался вопрос о его освобождении. "Был ли он разрешён так, что я могу надеяться на скорое освобождение, я могу не знать, - писал он, - но моя сегодняшняя надежда - что "да"⁴.

После заключения пакта на Тельмана усилилось давление с тем, чтобы он выступил с заявлением о своём положительном отношении к гитлеровскому режиму. Тельман сообщал, что на все такие предложения он отвечал: "Я именно теперь убеждён, что Сталин и Молотов не упустили и не забыли при переговорах в Москве с Риббентропом поставить вопрос об освобождении политических заключённых в Германии, в том числе и меня... для меня вполне понятно, что мои друзья могли поступить только так, а не иначе"⁵.

Такой позиции Тельман продолжал придерживаться и тогда, когда стало очевидно, что советско-германская "дружба" отнюдь не привела к изменению его судьбы. Ссылаясь на сведения, полученные от Розы Тельман, исполняющей обязанности начальника разведывательного управления Генштаба Красной Армии Проскуров сообщал в письме Димитрову от 17 февраля 1940 года: "К Эрнсту приходили с предложением подписать бумагу, документ, поносящий коммунизм и об отречении его от коммунизма потому, что его друзья решили покинуть его. В ответ на это он назвал имена руководителей и самого высокого руководителя (имеется в виду тов. Сталин) и сказал, что эти друзья его никогда не покинут"⁶.

Тельману не довелось узнать, что, ознакомившись с его письмом от 5 марта 1940 года, выразившим надежду на "активное вмешательство русских друзей" в дело его освобождения, Сталин наложил резолюцию: "В архив"⁷. Столь же

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 100, 103.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же. С. 109-110.

⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Часть I. С. 270.

⁷ Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 80.

безрезультатными оказались неоднократные обращения Розы Тельман в советское посольство с просьбой сообщить, какие меры предпринимает Москва для оказания помощи Тельману.

Возможно, что одним из мотивов безразличия Сталина к судьбе Тельмана были содержащиеся в письме последнего от 1 сентября 1939 года соображения о губительном влиянии, которое пакт неминуемо окажет на развитие революционного движения во всём мире. Правда, в выражении своих опасений Тельман исходил из сталинистского тезиса о приоритетности государственных интересов СССР над интересами мировой революции. Он указывал, что из-за советско-германских договоров "недолговременно должны пострадать революционные слои мира. Но... каждый последовательный революционер должен положить в основу и поставить выше всего роль и значение Советской России"¹.

Хотя Тельман и был лишён информации о реакции его товарищей по партии на советско-германский пакт, он достаточно точно описал возмущение немецких коммунистов этим пактом. "Часть сочувствующих за границей и бывших товарищей неудовлетворена, - писал он. - ...Они ставят вопрос: как это возможно, что Сталин и Гитлер объединились. У них сомнения заходят так далеко, что они даже осмеливаются вымолвить слово "предательство"... Они верят в то, что в случае европейской войны помощь со стороны Советского правительства, оказанная Германии, будет препятствовать уничтожению гитлеровского режима. И их самое горячее желание - освободиться от этого режима - теперь полностью разрушено"².

Предвидя неминуемость войны Германии с Польшей, Францией и Англией, Тельман указывал, что советско-германский альянс самым тяжким образом скажется на судьбах компартий в буржуазно-демократических странах и оттолкнёт от СССР и коммунизма новые сотни тысяч людей. "Позиция помощи со стороны Советского Союза будет иметь большое значение для Германии и поведёт к большему укреплению договора, чем в мирные времена. Для наших партий во Франции, Англии и в США наступит в этом случае очень тяжёлое положение, так как тогда германо-советский договор о ненападении будет использован как предлог для полного запрещения легальной деятельности коммунистических партий во время войны... На основе немецко-русского договора нужно предусмотреть рост большой антипатии против Советского Союза в случае войны"³.

Казалось бы, что в обстановке шовинистического угара, резкого снижения престижа коммунизма для Троцкого и троцкистского движения не остаётся никакой ниши в политической жизни мира. Однако в преддверии новой войны голос Троцкого звучал неумолчно, вызывая активный резонанс в самых разных социально-политических кругах. Перспективы развития IV Интернационала вызывали неослабевающую тревогу лидеров капиталистического мира.

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 106.

³ Там же.

Ещё больше страх перед Троцким и возглавляемым им IV Интернационалом
был присущ Сталину.

Часть 3
Троцкий и IV Интернационал

XLIV
Троцкистское движение
во второй половине 30-х годов

Троцкий придавал огромное значение своей работе по созданию IV Интернационала. В феврале 1935 года он оставил в дневнике примечательную запись. Отмечая решающую роль Ленина в годы Октябрьской революции и гражданской войны, он писал: "Таким образом, я не могу говорить о незаменимости моей работы даже по отношению к периоду 1917-1921 гг. Но сейчас моя работа в полном смысле слова "незаменима". В этом смысле нет никакого высокомерия. Крушение двух интернационалов поставило проблему, для работы над которой никто из вождей этих интернационалов абсолютно не пригоден. Особенности моей личной судьбы поставили меня лицом к лицу с этой проблемой во всеоружии серьёзного опыта. Вооружить революционным методом новое поколение через голову вождей Второго и Третьего Интернационалов - этой задачи сейчас, кроме меня, некому выполнить... Мне нужно ещё, по меньшей мере, лет 5 непрерывной работы, чтобы обеспечить преемственность". "Я думаю, - резюмировал Троцкий, - что работа, которую я сейчас выполняю - несмотря на её крайне недостаточный, фрагментарный характер, - является самой важной работой моей жизни, важнее 1917 г., важнее эпохи гражданской войны и пр."¹.

Уделяя пристальное внимание развитию рабочего движения во всех капиталистических странах, Троцкий считал важнейшей задачей создание там коммунистических партий большевистского типа. В этой связи он возлагал одно время большие надежды на английскую Независимую рабочую партию. В письме её лидеру Ф. Броквэю от 17 сентября 1935 года он положительно оценивал документы этой партии и статьи её печатного органа. Вместе с тем он критиковал иллюзии деятелей этой партии относительно возможности её сотрудничества с Коминтерном и его британской секцией. "Моя критика НРП, - писал он, - продиктована отнюдь не какой-либо предвзятой враждебностью, а, наоборот, сочувственным вниманием к её эволюции и искренним желанием ей успеха на пути *революционного марксизма*. Надвигающаяся война может временно изолировать *интернационалистов* и создать для них тягчайшие условия политического существования. Выдержать бешеный напор буржуазного общественного мнения (не говорю уж о репрессиях) они смогут

¹ Троцкий Л. Д. Документы и письма. М., 1994. С. 102-103.

лишь при наличии двух условий: а) полной ясности своих позиций, б) тесной интернациональной связи между собою"¹.

11 апреля 1936 года Троцкий дал интервью одному из членов НРП, в котором излагал свои взгляды на внутренний режим, который должен установиться в партиях IV Интернационала. Он подчёркивал, что "ограничений в отношении меньшинства быть не должно... Настоящее руководство должно быть лояльным и дружественно относиться к дисциплинированному меньшинству". Считая демократические дискуссии неотъемлемой частью деятельности партии, он обращал внимание на сложности, которые могут возникать в ходе таких дискуссий. "Политическая жизнь, - говорил он, - полна трудностей: личности сталкиваются - расширяют свои разногласия - вцепляются друг другу в волосы. Такие разногласия надо преодолевать на основе общего опыта, путём воспитания рядовых членов партии, причём руководство должно доказать свою правоту. К организационным мероприятиям надо прибегать лишь в крайних случаях. Дисциплина создаётся воспитанием, а не уставом. Как раз гибкость большевистской партии позволила ей создать у себя дисциплину".

Критикуя НРП за то, что она не порвала окончательно со сталинистами, Троцкий советовал ей расширить "нелегальную работу в массовых рабочих организациях", не раскрывая при этом своего "троцкистского" характера. "Вы, может быть, скажете: "Они нас не впустят, они нас исключат", - замечал в этой связи Троцкий. - Но вы ведь не станете кричать: "Я революционер", работая в профсоюзе с реакционным руководством... Нелегальная работа позволит вам оставаться в гуще рабочих масс"².

По совету Троцкого группы левой оппозиции в ряде стран изменили свою тактику, осуществив т. н. "французский поворот" - по примеру французских троцкистов, вступивших в 1934 году в качестве фракции во Французскую социалистическую партию, чтобы оказывать влияние на её левое крыло.

Большинство западных исследователей и их российских эпигонов типа Волкогонова утверждали, что троцкистское движение в 30-е годы было крайне малочисленным и состояло лишь из небольших сект в нескольких странах. Эти утверждения опровергаются материалами Коминтерна, агенты которого вели тщательное наблюдение за деятельностью троцкистов. В 1935 году аппарат Коминтерна подготовил справку, содержащую информационный материал о троцкистском движении. В этом документе, лишённом привычных политических ярлыков и дежурных антитроцкистских выпадов, излагались данные, характеризующие численность троцкистских сил в разных странах и их влияние на массы. Так, указывалось, что во *Франции* и *Бельгии* главным оплотом троцкистов являются организации социалистической молодёжи. В *Испании* троцкисты пользуются значительным влиянием в Социалистическом союзе молодёжи, насчитывающем около 50 тыс. человек, и влияют на левых социалистов, близких к Ларго Кабальеро. В *Англии* существуют несколько троцкистских групп, одна из которых действует в лейбористской партии, где оказывает серьёзное воздействие на молодёжь. В *Голландии* базой троцкизма является проф-

¹ Архив Троцкого. № 7432.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 837, л. 15, 17.

союзная организация НАС, насчитывающая 12000 членов. На последних выборах в этой стране коммунисты получили 134 тыс. голосов, а троцкистская группа РСРП - 51 тысячу. В справке подчёркивалось, что "главная опасность троцкизма заключается... в том, что он будет оказывать идеологическое влияние на социал-демократов"¹.

В документах Коминтерна, посвящённых международной кампании против троцкизма (февраль-май 1937 года), с тревогой указывалось, что троцкисты проникают в левые социал-демократические организации, например в Независимую рабочую партию Англии, Социалистическую партию США, группу "Молодая гвардия" в Бельгии².

На заседании Секретариата ИККИ, состоявшемся 5 апреля 1937 года, отмечалось, что троцкисты "стараятся перехватить сейчас левеющих социал-демократических рабочих" и что в Мексике "вся печать берёт под защиту Троцкого"³.

В постановлении ИККИ "О компартии *Югославии*" (январь 1938 г.) говорилось, что югославские троцкисты действуют в профсоюзных организациях, например в профсоюзе крупнейшего угольного бассейна в Словении⁴.

В докладе Коларова, зачитанном в марте 1938 года, называлась сотрудничающая с Троцким группа "архиво-марксистов" в *Греции* (от названия их журнала "Марксистский архив"). Эта группа, насчитывавшая 1200 человек, завоевала на свою сторону рабочих Пирея. В *Турции* сторонники Троцкого выпустили "гуманистическую библиотеку", включавшую 30 брошюр. Группы, имевшие контакты с Троцким, существовали также в *Болгарии* и *Румынии*⁵.

В *Азии*, охваченной революционным брожением, наиболее значительные троцкистские группы были в Китае, Цейлоне и Вьетнаме. Троцкий уделял большое внимание национально-освободительному движению в этих и некоторых других азиатских странах и вёл переписку с группами тамошних своих сторонников.

Ещё в конце 20-х годов к троцкистской оппозиции в СССР присоединилось большинство студентов из *Китая*, обучавшихся в Московском университете имени Сунь Ят сена. 200 человек из них было сослано в Сибирь. Однако в 1929 году часть китайских студентов сумела возвратиться на родину, где развернула активную политическую деятельность. В 1931 году произошло объединение троцкистских групп. В ряды левой оппозиции по предложению Троцкого был принят основатель китайской компартии Чен Ду сю, признавший свои ошибки 1925-1927 годов, когда он возглавлял КПК и проводил там сталинистскую линию. Впоследствии Чен Ду сю, арестованный чанкайшистской полицией и проведенный полгода в гоминдановской тюрьме, был выслан в отдалённую деревню. В 1943 году он был снова брошен гоминдановской полицией в тюрьму, где был убит.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 753, л. 96-101.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 750, л. 25-32.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 1192, л. 18-24.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 648, л. 24.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 282, д. 70, л. 82, 83, 86, 91-92, 94-95.

В настоящее время трудно определить, в каких случаях обвинения лидерами КПК друг друга в приверженности троцкистским взглядам соответствовали действительности, а в каких случаях они являлись продуктом беспринципной фракционной борьбы в Политбюро ЦК КПК. Так, в 1931 году член Политбюро ЦК КПК Ли Ли сянь был обвинён в левацком уклоне. После этого он направил руководству ИККИ покаянное письмо, в котором бичевал не только свои "ошибки", но и "троцкистские" и "чендусистские" уклоны, которыми, по его мнению, страдали другие члены Политбюро. Ли Ли сянь, в частности, утверждал, что "Цюй Цю бо (член Политбюро с 1927 года, казнённый гоминдановцами в 1935 году - В. Р.) попал под влияние "полутроцкистских взглядов тов. Ломинадзе (одного из руководителей Коммунистического Интернационала молодёжи - В. Р.)", а Чжоу Энь лай "поддался влиянию Цюй Цю бо"¹.

Созданные троцкистами партизанские отряды преследовались одновременно Гоминданом и маоистами, их руководители были убиты или брошены в концлагеря.

В 1938 году в китайском коммунистическом журнале "Фронт молодёжи" появилась статья об одном из деятелей КПК Чжан Му тао, который вместе со своими сторонниками выступал за самостоятельность компартии и отказ от её сотрудничества с Чан Кай ши. Под руководством Чжан Му тао была создана "армия самообороны". Сообщая, что Чжан Му тао передан под надзор полиции, статья призвала "развить наблюдение над судебным процессом над Чжаном" и добиться на нём "удовлетворяющего нас результата", поскольку "бандит Чжан Му тао заслуживает смерти"².

Во *Вьетнаме* зачинателями троцкистского движения были студенты, обучавшиеся во Франции. Будучи высланы на родину, они образовали там совместно с выходцами из компартии Индокитайскую левую оппозицию. С 1933 года проводилась тактика левого блока между троцкистами и сталинистами, которая была прекращена последними в 1937 году по приказу из Москвы. Тогда троцкисты создали свою группу "Ля лютт" и стали издавать газету с таким же названием³.

В советском труде по истории коммунистического движения в Азии признавалось, что в 30-е годы "серьёзная опасность возникла также и со стороны троцкистских группировок, которые имели большое влияние, особенно в Южном Вьетнаме... Выступления троцкистов против участия вьетнамской буржуазии в оргкомитете по подготовке конгресса (народов Индокитая), привели к тому, что представители национальной буржуазии вышли из Оргкомитета"⁴.

На выборах 1939 года в Колониальный совет Южного Вьетнама троцкисты нанесли поражение Демократическому фронту, контролируемому компартией Индокитая. Впоследствии в работах вьетнамских официальных историков ука-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 1305, л. 257-262, 265, 266.

² РЦХИДНИ. Ф. 532, оп. 4, д. 280, л. 157-165.

³ Пирани С. Троцкий и революции в Китае и Вьетнаме. В сб.: Идейное наследие Л. Д. Троцкого и современность. М., 1996. С. 165; РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 404, л. 27, 28.

⁴ Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 441-442.

зывалось, что "мы слишком переоценили свои силы, пренебрегая разоблачением троцкистских маневров"¹.

В 1939 году Троцкий писал: "В ряде колониальных и полуколониальных стран секции IV Интернационала существуют уже и успешно развиваются. На первом месте среди них стоит наша секция во французском Индокитае, ведущая непримиримую борьбу против французского империализма и мистификаций "Народного фронта"... Благодаря своей смелой революционной политике сайгонские пролетарии, принадлежащие к IV Интернационалу, на выборах в Колониальный совет в апреле этого года одержали блестящую победу над блоком правительственной партии и сталинцев"².

Сильные позиции троцкисты занимали и в *Цейлоне* (Шри Ланка), где в 1935 году была основана социалистическая партия Ланки - ЛССП. В начале 1940 года она исключила из своих рядов сталинистов и подала заявление о приеме в IV Интернационал³.

К концу 30-х годов наиболее многочисленная троцкистская партия существовала в *США*. Ещё в 1928 году один из руководителей компартии США Д. Кэннон, будучи делегатом VI конгресса Коминтерна, получил там экземпляр работы Троцкого "Критика программы Коминтерна" и по возвращении в США стал распространять её среди товарищей по партии. В конце 1928 - начале 1929 года Кэннон и несколько десятков его единомышленников были исключены из компартии США за открытую поддержку взглядов Троцкого. Они основали Коммунистическую Лигу Америки, влияние которой возросло в начале 30-х годов, когда в Соединённых Штатах наметился подъём масс на борьбу с безработицей и бедностью, резко возросшей в период великой депрессии. Члены Лиги в 1934 году возглавили крупную стачку транспортных рабочих в городе Миннеаполисе. С 1934 по 1936 год троцкисты сыграли известную роль в организации массовых забастовок ради того, чтобы правительство и предприниматели признали конгресс промышленных организаций - новый профсоюз, который противостоял реформистскому объединению профсоюзов АФТ (Американская федерация труда).

Осенью 1934 года Коммунистическая Лига объединилась с равной ей по численности Американской рабочей партией в единую Партию трудящихся. В 1936 году эта партия приняла решение о самороспуске и вступлении в Социалистическую партию Америки. В этой партии троцкисты пробыли около полутора лет. Они приняли активное участие в организации комиссии Дьюи по контррасследованию московских процессов. Ими была налажена постоянная связь с Троцким. Большинство секретарей и охранников Троцкого в Мексике прибыли из США.

В октябре 1937 года руководство Соцпартии, в котором преобладали представители правого крыла, исключило троцкистов из её рядов. После этого троцкисты учредили Социалистическую рабочую партию, во главе которой

¹ Там же. С. 443.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 25.

³ Норт Д. Перманентная революция и национальный вопрос сегодня. - Бюллетень IV Интернационала. Сауфилд (США). 1993. № 7. С. 162-163.

встали Д. Кэннон, М. Шахтман и Д. Бернхем. СРП организовала свои фракции в важнейших отраслевых профсоюзах.

В справке о деятельности троцкистов в США, подготовленной в 1938 году аппаратом Коминтерна, указывалось, что в этой стране насчитывается 500-600 троцкистов^{1*}, которые ведут активную работу среди интеллигенции, студентов, лиц свободных профессий, пользуются влиянием в профсоюзе моряков на Тихоокеанском побережье и в особенности в штате Миннесота, где руководят сильным профсоюзом шахтёров².

Весной 1936 года американские троцкисты распустили свою молодёжную организацию и вступили в Социалистический союз молодёжи. Один из лидеров троцкистского молодёжного движения Эрбер стал национальным председателем ССМ. Союз послал троцкиста в качестве своего делегата на международный конгресс молодёжи в Женеве. В сентябре 1937 года на съезде ССМ было исключено 52 (из 149) делегата, придерживавшихся троцкистских взглядов. Тогда троцкисты образовали свой Социалистический союз молодёжи, но многие из них остались в прежней организации для воздействия на её левое крыло³.

Троцкистская группа в *Австралии* возникла в 1933 году. Её руководителем стал профессор философии Сиднейского университета Андерсон. В 1935 году к троцкистам примкнул бывший секретарь ЦК КП Австралии Кавано. В 1936-1937 годах австралийские троцкисты издавали еженедельник "Милигант", сотрудничали в лейбористских изданиях "Labour Daily" и "Labour Call", выступали по радио с разоблачением московских процессов, указывая, что "вся старая ленинская гвардия расстреляна". Автор информационного материала о троцкизме в Австралии Артур Лондон (будущий подсудимый на процессе Сланского в Чехословакии) подчёркивал, что "австралийская компартия недооценила опасность троцкистских элементов"⁴.

В *Канаде* в 1939 году троцкисты образовали секцию IV Интернационала под названием "Социалистическая рабочая лига"⁵.

В *Латинской Америке* троцкисты активно участвовали в деятельности социалистических партий. В *Аргентине* они вступили в социалистическую партию, в *Бразилии* - в национально-освободительный альянс, на *Кубе* - в революционно-демократическую партию и в Кубинскую революционную партию. Особенно сильными были позиции троцкистов в *Чили*, где они вошли в социалистическую партию и Народный фронт, провели своего депутата в парламент. Отмечая, что "в Чили троцкисты имеют деятелей, популярных среди масс", авторы "Материала о троцкизме в странах Латинской Америки", с

¹ Эта цифра явно занижена. Дойчер указывает, что во время Учредительного конгресса IV Интернационала его американская секция насчитывала 2500 человек (Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 454).

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 536, л. 9-10.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 121, л. 7-12.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 303, л. 51-53, 91-92.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 495. оп. 14. д. 130. л. 7-9.

осуждением указывали, что "наша партия не ведёт энергичной борьбы против троцкистов, а работает с ними как с заблуждающимися союзниками"¹.

В *Боливии* возникла секция IV Интернационала - "Революционная рабочая партия" во главе с писателем Тристаном Марофом. В 5 томе Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1950 году, не упоминалось об участии Марофа в троцкистском движении, но указывалось, что он в своих произведениях "показал борьбу боливийских революционеров с кровавой диктатурой"². В "Краткой литературной энциклопедии", издававшейся в 60-е годы, говорилось, что Мароф "входил в организацию троцкистского толка", но вместе с тем отмечалось, что он в своих романах "разоблачал фальшивый демократизм буржуазного общества" и писал "острые социальные памфлеты"³.

Впоследствии боливийские троцкисты приняли активное участие в национально-освободительной революции 1952 года, спустя два года подавленной американским империализмом.

В Южной Африке троцкисты основали Рабочую партию, которая входила в IV Интернационал. Они издавали ежемесячный журнал "Пламя", печатавшийся на английском и "туземном" языках, участвовали в массовых общественных организациях, выступали в периодической печати со статьями о банкротстве сталинизма и фальсифицированных московских процессах⁴. Многие южноафриканские троцкисты в 30-х годах переехали в США, Англию, Китай и Индию, где стали активными участниками тамошнего троцкистского движения⁵.

На Учредительном конгрессе IV Интернационала присутствовали представители из 11 стран, в том числе Франции, Бельгии, Голландии, Англии, Швейцарии, Германии, Италии, США. Согласно данным руководства IV Интернационала, численность троцкистских партий в этих странах составляла 5485 человек⁶. Кроме этого, существовали и другие троцкистские партии и группы, не представленные на конгрессе, которые действовали в то время более чем в 20 странах, расположенных на всех пяти континентах.

Эти успехи троцкистского движения были достигнуты в условиях, когда множество советских и зарубежных коммунистов, испытывавших симпатии к троцкизму, были уничтожены в СССР и Испании, а коминтерновская пресса, щедро финансируемая из СССР, непрерывно нагнетала клеветническую кампанию против троцкистов. Официальные компартии всех стран утверждали, что любой человек, вставший на позиции троцкизма, тем самым автоматически становится готовым предать свой народ и вступить в сговор с фашистами. "Теперь назвать человека "троцкистом", - писал Д. Оруэлл, - значит назвать его убийцей, провокатором и т. д. С другой стороны, на каждого, кто критикует политику коммунистов слева, может быть наклеен ярлык "троцкиста"⁷.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 830, л. 49, 54, 57, 58, 62-63, 65, 67.

² Большая Советская энциклопедия. 2 изд. Т. 5. М., 1950. С. 497.

³ Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1968. С. 651-652.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 354, л. 1-4.

⁵ Revolutionary History. London, 1993. Vol. 4. № 4. P. 23, 26.

⁶ Чейз У. Троцкий в Мексике. - Отечественная история. 1995. № 4. С. 98.

⁷ Оруэлл Д. Памяти Каталонии. Paris, 1948. С. 215.

В 1937-1938 годах руководство Коминтерна неоднократно принимало решения о проведении идеологических кампаний против "троцкизма", "рассчитанных на широкие народные массы". В этих документах с сожалением констатировалось, что "рабочее движение в капиталистических странах не располагает против троцкистских шпионов и провокаторов теми средствами обороны, которые имеются в руках пролетарского государства". Секциям Коминтерна в капиталистических странах предъявлялось требование убеждать массы в "уголовно-преступном" характере троцкизма и в этих целях изображать Троцкого и троцкистов поджигателями войны, а также подробно рассказывать об организуемых троцкистами в СССР железнодорожных катастрофах, авариях и числе погибших в них людей. В этих целях использовались "выступления в крупнейших столицах Европы товарищей, присутствовавших на процессах"¹. Помимо этого, материалы о московских процессах, предназначенные для распространения в зарубежных странах, издавались в СССР на многих языках. Одним из главных организаторов всей этой бесстыдной кампании был будущий секретарь ЦК КПСС Пономарев.

Сталинисты сумели изолировать движение IV Интернационала от массового рабочего движения. Это было достигнуто с помощью мощной пропагандистской машины, изображавшей сталинизм наследником Октябрьской революции и большевизма, а троцкизм - "авангардом контрреволюционной буржуазии" и союзником фашизма. Разнузданная травля троцкизма явилась одной из главных причин того, что значительная часть людей и групп, принимавших с 1929 года активное участие в деятельности международной левой оппозиции, порвала к 1938 году с движением IV Интернационала.

Серьёзной слабостью троцкистского движения было отсутствие в его руководстве крупных политических деятелей, за исключением Д. Кэннона. В силу своей изолированности (сначала в Норвегии, а потом в Мексике) Троцкий не сумел привлечь на свою сторону деятелей из руководства II и III Интернационалов, равно как и лидеров международного профсоюзного движения. Сильный удар по троцкистскому движению был нанесён его разрывом в 1936 году с левосоциалистическими партиями, группировавшимися вокруг Лондонского бюро.

Подавляющее большинство активистов IV Интернационала вышло из рядов социал-демократии, а не Коминтерна. Во второй половине 30-х годов Коминтерн потерял много сторонников, разочаровавшихся в сталинизме, но большинство из них отошло от политики вообще, а некоторые перешли в лагерь буржуазии и даже фашизма (например бывшие члены Политбюро ЦК ФКП Дорио, Жийон и Барбе).

Троцкий лучше, чем кто-либо из его противников, представлял преграды и трудности, стоявшие на пути IV Интернационала. Он сознавал, что является единственным человеком, который воплощает преемственность революционной традиции, способность передать следующим поколениям драгоценный опыт большевизма. Но свои уникальные качества революционного вождя он

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 20, д. 750, л. 3-4, 25-32, 61-64; д. 751, л. 236-239.

не мог реализовать в полной мере из-за оторванности от основных центров рабочего движения.

Другой серьёзной трудностью, с которой приходилось повседневно сталкиваться Троцкому и троцкистам, была крайняя ограниченность материальных средств. "Сегодня нелегко понять тридцатые годы тем, кто не пережил их, - писал в своих воспоминаниях бывший секретарь Троцкого Жан ван Хейженоорт. - Сталинистская клевета и преследования были тогда обычным делом. Денег не хватало до такой степени, какую сегодня трудно представить: из-за нехватки денег мы часто не могли выполнить самые простейшие задачи"¹.

Сам Троцкий получал всё меньше денег за свои работы. В марте 1939 года издатели "Бюллетеня" сообщили ему, что парижский издатель согласился выпустить всего 600 экземпляров его книги о Сталине. В том же письме они ставили вопрос о переносе издания "Бюллетеня" в Америку, мотивируя это создавшимся положением во Франции: "реакция здесь усиливается, и нам представляется мало вероятным, чтобы впредь на страницах "Бюллетеня" (если он будет продолжать выходить в Париже) можно было бы свободно высказываться о положении во Франции и Западной Европе вообще"².

Можно предполагать, что в этом письме были намеренно сгущены краски - под влиянием Зборовского (см. гл. XLVII), которому ГПУ поручило добиться прекращения издания "Бюллетеня" в Париже. О влиянии, которое этот орган продолжал оказывать на общественное мнение, свидетельствует, в частности, письмо в редакцию "Бюллетеня" от Н. Дьяконова, находившегося в лагере для интернированных участников гражданской войны в Испании. "Прошу, если возможно, выслать ваш Бюллетень, - писал Дьяконов 20 июня 1939 года. - Здесь в лагере есть до 200 человек, владеющих русским языком (болгары, сербы, немцы, итальянцы, латыши и проч., приехавшие из СССР, но до сих пор сидящие здесь и почему-то не имеющие пока разрешения вернуться в СССР). Кроме того, до 130 русских эмигрантов, ещё в Испании подавших просьбу о возвращении, ибо им ещё во Франции (Союз Возвращения) было сказано, что путь в СССР лежит через Испанию... Если есть (Бюллетени) хотя бы за старые годы, то всё равно присылайте. Здесь в лагере произошёл раскол между сталинцами и троцкистами. Лагерь раскололся на две группы"³.

¹ Jean van Heijenoort. With Trotsky in Exile. From Prinkipo to Coyocan. London, 1978. P. 130.

² Архив Троцкого. № 891.

³ Там же. № 896. Письмо было напечатано в "Бюллетене оппозиции". 1939. № 79-80. С. 32.

XLV

Международные "резервы троцкизма"

Помимо партий и групп, принимавших участие в деятельности IV Интернационала, в рабочем движении 30-х годов существовали социалистические, революционные силы, которые открыто выражали свои симпатии к Троцкому и враждебность по отношению к сталинскому режиму.

В 1938 году Троцкий констатировал, что под влиянием "чисток" и других преступлений сталинского режима "либеральные и демократические круги на Западе начали уставать быть обманываемыми. Недоверие к советской бюрократии, которое, к несчастью, нередко совпадает с охлаждением к СССР, стало охватывать всё более широкие слои. С другой стороны, острая тревога стала проникать в рабочие организации"¹.

Выражением этой тревоги явились, в частности, документы анархистских партий, которые в то время выступали с призывом к социалистической революции. В декларации Международной рабочей ассоциации (Интернационал анархистов) от 28 марта 1936 года говорилось о Сталине как о душителе свободы русского народа². В воззвании французских анархистов от 15 марта 1936 года указывалось: "Советская Россия - это та страна, где ссылают в Сибирь, где людей обрекают на медленную смерть в Соловках... Это страна, являющаяся колыбелью ГПУ, самой жестокой и самой варварской полиции в мире"³.

Хотя в партиях II Интернационала под влиянием политики Народного фронта критика сталинизма оказалась на время заглушённой, в мире существовало немало социалистических партий и групп, которые не без основания были названы Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года "резервами троцкизма"⁴. К ним относилась, например группа Шеффо в *Норвегии*. Сам Шеффо в прошлом был активным деятелем Коминтерна и Норвежской коммунистической партии. В 1920-1924 годах он принимал участие в работе 2-5 конгрессов Коминтерна, в 1921-1927 годах являлся членом ИККИ, в 1924-1927 годах - членом Президиума ИККИ, членом Политбюро Норвежской компартии и главным редактором её печатного органа, в 1921-1930 годах - депутатом норвежского парламента. В 1935-1936 годах он неоднократно встречался с Троцким⁵.

Шеффо редактировал газету "Серландет", тираж которой к середине 30-х годов достиг 6 тыс. экземпляров. В ней Шеффо в разгар большого террора бичевал сталинские судебные подлоги. В августе 1937 года он писал: "Обвинения в троцкизме, выдвинутые против людей только за то, что они имеют соб-

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 140.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 330, л. 79.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. М., 1937. С. 32.

⁵ Lorenz E. *Norwegische Arbeiterbewegung und Kommunistische Internationale. 1919-1930.* Oslo, 1978. S. 425.

ственное мнение, - не аргументы. Они показывают духовную нищету тех, кто выступает с такими обвинениями... Борьба против террора в СССР - это борьба между теми, кто защищает истину и социалистическую мораль, и теми, кто полагает, что моральные принципы - это нечто вышедшее из моды, и что социализм представляет собой чисто материальные отношения. Само собой разумеется, что рабочий класс не примет такого определения социализма"¹.

В марте 1938 года Шефлю опубликовал статью о третьем московском процессе, который, по его словам, "в наглой лживости и нелепой недооценке здравых суждений превзошёл всё, что сталинская юстиция сотворила в последнее время... То, что сейчас происходит в СССР, не может быть охарактеризовано такими мягкими словами, как реакция, изнеможение или застой. Это борьба не на жизнь, а на смерть новых власть имущих - бюрократии против революционных социалистов". Шефлю завершал свою статью словами: "У китайцев есть поговорка о диктаторе, который господствует с помощью террора: человек, который едет верхом на тигре, не может спрыгнуть, т. е. не может остановиться и должен продолжать опасную езду, пока они оба не свалятся в пропасть. Сталин едет верхом на тигре"².

18 ноября 1938 года в газете, издаваемой Шефлю, была опубликована статья "Советская слабость", в которой говорилось: "Рабочие в Советском Союзе должны быть выведены из заблуждения, что в Западной Европе существуют только несколько "троцкистов" и "оппортунистов", которые осуждают сталинский террор. Они должны также узнать, что рабочие (на Западе - В. Р.) в большинстве своём отвергают те обвинения, которые Сталин выдвигал или до сих пор выдвигает против своих противников. Необходимо как можно больше изолировать сталинистов - разносчиков заразы, которой пытаются отравить рабочее движение в Западной Европе"³.

По-видимому, Шефлю оказывал значительное влияние на общественное мнение Норвегии и других стран, о чём свидетельствует особенно злобный выпад Сталина против него на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б)⁴. В документе "О троцкизме в Норвегии", направленном в секретариат ИККИ, указывалось, что в этой стране "среди интеллектуалов можно констатировать настоящую троцкистскую заразу"⁵. Основанием для такого утверждения явились, по-видимому, выступления деятелей норвежской культуры против высылки из Норвегии Троцкого и фальсифицированных московских процессов. Так, писатель Хельге Крог, именуемый в советских энциклопедических изданиях "ведущим представителем критического реализма в норвежской драматургии 20-30-х годов", "осуждавшим политическую и религиозную реакцию"⁶, выступил в декабре 1936 года против "сознательной нечестности" аргументов,

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 15, д. 128, л. 79.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. С. 33.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 15, д. 164, л. 21-23.

⁶ Театральная энциклопедия. Т. III. М., 1964. С. 277; Краткая литературная энциклопедия, М., 1966. С. 831.

которые использовало норвежское правительство для оправдания интернирования и высылки Троцкого. Эти акции Крог называл "грязной работой, выполняемой по палаческому заданию Сталина, - атакой на право политического убежища и, следовательно, на весь комплекс демократических завоеваний, которые рабочая демократия унаследовала от либерализма".

Крог напоминал, что Маркс и Ленин беспрепятственно занимались политической деятельностью в Англии и Швейцарии при весьма консервативных правительствах, а Троцкий оказался лишённым свободы действий и свободы слова "рабочим правительством, состоящим из социалистов", которое "своим предательством демократических и социалистических принципов нанесло удар в спину рабочему движению"¹.

После второго московского процесса Крог и ещё семь известных норвежских писателей опубликовали в газете Норвежской рабочей партии "Арбейдербладег" открытое обращение к Лиону Фейхтвангеру, в котором выражали своё возмущение утверждением последнего, будто процесс был проведён "в приемлемых юридических нормах". В обращении указывалось, что, хотя последние московские процессы стали открытыми для общественности, но представленный на них материал предварительного следствия остаётся секретным и избавленным от всякого контроля. "Удивительно однолинейные признания уже представлены включенными в обвинение. Обвинительный акт строится таким образом, как будто эти признания представляют собой неоспоримые факты. Последующие открытые слушания проводятся только как подтверждение добытых на закрытом следствии материалов... Обязанность представления доказательств перемещается от обвинителей к обвиняемым, подготовленным в процессе предварительного следствия, и этот груз выносятся на открытый суд".

Отмечая, что "такой способ действий отменяет все гарантии законности и справедливости", авторы обращения напоминали о непроверяемых доказательствах норвежских властей, показывающих, что некоторые события, на которых строилось обвинение (например полёт Пятакова в Норвегию), в действительности не имели места. Обращение заканчивалось вопросом к Фейхтвангеру: "На каком правовом, моральном или общечеловеческом основании Вы считаете возможным защищать нормы процесса, из которых прямо вытекает, что он представляет собой убийство под прикрытием закона?"².

В *Швеции* роль, аналогичную Шефлю, играл ветеран рабочего движения К. Хеглунд, до первой мировой войны - лидер левого крыла международного социал-демократического и юношеского социалистического движения. В годы войны Хеглунд стоял на позициях интернационализма и на Циммервальдской социалистической конференции примкнул к циммервальдской левой. С 1919 по 1924 год был членом ИККИ и одним из руководителей компартии Швеции. В 1924 году был исключён из компартии за открытое выступление против решений V конгресса Коминтерна, осуждавших "троцкизм"³.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 15, д. 128, л. 164.

² Там же. л. 128.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1973. С. 550.

Хотя Хеглунд в 30-е годы не относился к сторонникам Троцкого, он страстно разоблачал сталинские преступления в СССР и Испании. Указывая на недопустимость отождествления Советского Союза со Сталиным, он писал: "Ставить знак равенства между Сталиным и Советским Союзом - значит употреблять тот метод, который используют нацисты, чтобы идентифицировать Гитлера с немецким народом. Этот метод не имеет ничего общего с социалистическим мировоззрением и скорее наносит СССР вред, чем пользу". Хеглунд резко осуждал позицию "друзей СССР", которая сводилась к тому, чтобы "замалчивать, если не открыто восхвалять постыдные преступления против социалистической морали или одобрять бесстыдное поведение палачей и даже перенимать те методы, с помощью которых была подавлена оппозиция. Всё это равносильно участию в надругательстве над социалистическим учением, в проституировании его, за что прежде всего несёт ответственность Сталин. Социализм для нас - нечто большее, чем развитие промышленности в Советском Союзе. Для нас - это мироощущение и моральное кредо. Мы не намерены заглушать голос собственной совести только потому, что наша позиция раздражает Сталина и его нахлебников"¹.

Наряду с социал-демократической партией, в Швеции действовала относительно многочисленная левосоциалистическая партия под руководством К. Чильбума. Оценивая сталинскую политику Народного фронта как "протекающий ускоренными темпами процесс социал-демократизации коммунистических партий", Чильбум говорил на съезде соцпартии в 1936 году: "Позиция нынешних коммунистических вождей полностью обусловлена политикой Советского Союза как государства. Коминтерн как политическая организация в капиталистических странах исходит в своих действиях уже не из правильной марксистской оценки ситуации, а из того, что является полезным для внешне-политических маневров Советского Союза"².

В Англии троцкисты участвовали в деятельности Независимой рабочей партии, Социалистической Лиги и местных организаций лейбористской партии. После соглашения между Социалистической Лигой, НРП и компартией об организации единого фронта этих партий троцкистская группа вышла из НРП и создала свою собственную организацию. Однако орган НРП "Нью Лидер" продолжал печатать статьи Троцкого, а его редактор и секретарь НРП Броквэй выражал свою солидарность с троцкистами в вопросах о внешней политике Советского Союза, московских процессах и ситуации в Испании. В конце 1936 года он писал: "Мы все надеялись, что Россия в международных вопросах вернется к политике союза с рабочим классом вместо союза с капиталистическими правительствами; в таком случае была бы создана новая возможность для совместного действия. Но сталинская линия последних двух лет не может быть принята как цена за русскую помощь (в Испании)". Хотя Броквэй считал позицию троцкистов чересчур сектантской, он заявлял о своём согласии с "критикой троцкистами курса на "построение социализма в одной стране" и внешней политики, отражающей этот курс, их указанием на опасность пре-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 15, д. 128, л. 79.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 83, д. 331, л. 147.

вращения временной революционной диктатуры в постоянную диктатуру бюрократии, их возмущением обвинениями московского процесса и изображением Троцкого как союзника гитлеровского гестапо".

Лейбористская партия Англии напечатала брошюру Ф. Адлера о первом московском процессе, озаглавленную "Загадочный процесс в Москве". В информационной справке Коминтерна о троцкистском движении в Англии указывалось: "К сожалению, рекомендация читать эту брошюру попала на страницы нашей "Дейли Уоркер" как результат преступного отсутствия бдительности"¹.

В *Голландии* к троцкистам была близка группа Сневлита, избранного депутатом парламента Нидерландов. Она проводила "международную кампанию помощи Красной Испании", собирала денежные средства для ПОУМа. В 1937 году эта группа возглавила стачки в голландских портах². Сам Сневлит, принимавший во время второй мировой войны участие в движении сопротивления, погиб в 1942 году от рук нацистов. После войны в СССР был вывезен обширный архив Сневлита, который до сих пор остаётся засекреченным.

Во *Франции* многие люди, разделявшие троцкистские взгляды, входили во фракцию социалистической партии, возглавляемую Пивером.

Троцкистские идеи оказывали влияние на некоторых руководителей социалистической партии конгресса в *Индии*, в том числе на её генерального секретаря Массани. Коминтерновский агент сообщал в секретариат ИККИ, что один из членов этой партии привёз в 1938 году письмо Троцкого, адресованное Массани³. В дальнейшем связь Троцкого с индийскими социалистами не прекращалась, о чём свидетельствует его статья "Перед империалистической войной. Письмо передовым рабочим Индии", где содержались советы по поводу того, какой должна быть стратегия индийских революционеров в условиях надвигающейся мировой войны⁴.

В период Народного фронта руководство западных компартий уделяло большое внимание борьбе с "троцкистскими колебаниями" рядовых членов и функционеров социалистических партий. В этом отношении представляет интерес "дело Целлера", секретаря Комитета социалистической молодёжи одного из районов Парижа. После того, как Целлер начал выражать сомнения в справедливости обвинений, выдвигаемых против Троцкого, для воздействия на него были посланы в Париж секретарь Коммунистического Интернационала молодёжи Чемоданов и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев. Торез и другие деятели ФКП рассказывали Целлеру, что Троцкий живет в Норвегии как капиталист, что у него имеется свой замок с множеством прислуги⁵. Однако, несмотря на всё это, Целлер и его группа всё более сближались с троцкистами. Как рассказывал Жан ван Хейженоорт, "началась острая борьба в парижской молодёжной организации между троцкистами и друзьями Целлера, с

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 14, д. 246, л. 25-34.

² РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 18, д. 1230, л. 68-70.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 16, д. 59, л. 108, 109, 149.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 22-25.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 15, д. 128, л. 296-297.

одной стороны, и более консервативными элементами - с другой. В июле 1935 года национальный съезд молодых социалистов исключил из своих рядов троцкистов и фракцию Целлера. 8 августа группа исключённых встретилась с лидерами социалистической партии, в том числе с Блюмом, который уговаривал их вернуться на сталинистские позиции. Группа Целлера отказалась это сделать и вскоре объединилась с троцкистами в новую независимую молодёжную организацию"¹.

В октябре 1935 года Целлер отправился в Норвегию, где он встречался с Троцким на протяжении двух недель. Перед своим отъездом из Норвегии он послал Троцкому "вопросы о причинах победы сталинской бюрократии над революционным большевизмом". Эта заметка, в которой явно обнаруживались троцкистские взгляды Целлера, была напечатана в "Бюллетене оппозиции"².

С энтузиазмом неопита Целлер послал также своему другу-сталинисту в Париж открытку из Норвегии, которая заканчивалась словами: "Смерть Сталину! Да здравствует Троцкий!" Друг не нашёл ничего лучшего, как передать эту открытку руководству коммунистической партии. Оно перепечатало открытку во французской и норвежской коммунистической печати под заголовком: "Последователь Троцкого Целлер призывает к убийству Сталина"³.

¹ Jean van Heijenoort. With Trotsky in Exile. P. 82-83.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. С. 5-6.

³ Jean van Heijenoort. With Trotsky in Exile. P. 83.

XLVI

Троцкий и Виктор Серж

Одним из провокационных методов сталинистов было нагнетание подозрений Троцкого относительно "ненадёжности" его наиболее влиятельных соратников, в особенности французского писателя Виктора Сержа, широко известного в кругах европейской интеллигенции. Серж, находившийся в 20-е годы в СССР, примкнул там к левой оппозиции, неоднократно подвергался репрессиям и был выпущен из Советского Союза только благодаря настойчивым просьбам Р. Роллана, обращённым к Сталину и Горькому.

В беседе со Сталиным 28 июня 1935 года Роллан сказал, что дело Сержа "раздувалось в течение двух лет в общественном мнении Европы". Когда Сталин на это ответил, что ему неизвестно о самом существовании Сержа, Роллан напомнил, что последнего "преследуют за троцкизм". Тогда Сталин внезапно "вспомнил" о Серже и заявил Роллану: "Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть Советское правительство, но это у него не вышло. По поводу него троцкисты поднимали вопрос на Конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе и, кажется, работает там... Он нам не нужен и мы его можем отпустить в Европу в любой момент"¹.

Однако Серж и члены его семьи были выпущены из СССР лишь весной 1936 года, причём на таможне у него были отобраны все его рукописи. После приезда в Бельгию Серж немедленно вступил в интенсивную дружескую переписку с Троцким. В ней Серж подробно рассказывал о преследованиях троцкистов в СССР, об их пребывании и деятельности в ссылке и политизолаторах (значительная часть этой информации была опубликована в "Бюллетене оппозиции"). Рассказывая о своих впечатлениях от контактов с бельгийскими троцкистами, Серж критиковал их сектантские тенденции и подчёркивал, что на него "производит удручающее впечатление кружковщина с её болезненной психологией"². Он выступал за сотрудничество троцкистов с революционными синдикалистами³ и в особенности с ПОУМом.

Серж перевёл на французский язык многие работы Троцкого и посылал ему все свои статьи и книги. В своих письмах он неоднократно выражал желание встретиться с Троцким, но эта встреча так и не состоялась, прежде всего из-за изоляции, которой Троцкий был подвергнут с августа 1936 года норвежскими властями.

Разделяя основные политические идеи Троцкого, Серж разошёлся с ним в 1937-1938 годах по двум вопросам - о роли ПОУМа в Испанской революции и об оценке Кронштадтского мятежа 1921 года. Мне представляется, что в усло-

¹ Источник. 1996. № 1. С. 143, 147-148.

² Архив Троцкого. № 5017.

³ Там же. № 5012.

виях живого непосредственного общения Троцкого с Сержем эти разногласия могли быть улажены или по крайней мере значительно смягчены. Но, будучи оторванным от Сержа на тысячи километров и получая от Зборовского и Эстрина недоброжелательные отзывы о последнем, Троцкий явно преувеличил значение этих разногласий.

15 апреля 1938 года Троцкий направил Сержу письмо, в котором говорилось: "Мы с Н. И. с благодарностью получили в своё время ваше письмо, посвящённое смерти сына, и с благодарностью читали вашу тёплую статью о нём". Вслед за этим Троцкий, касаясь утверждений Сержа о том, что разногласия между ними носят второстепенный характер, отмечал: "С этим я, к сожалению, согласиться никак не могу". Особенно болезненно Троцкий воспринял присоединение Сержа к тем, кто усматривал преемственность между кронштадтскими событиями и сталинским террором. "Вместо того, чтобы заклеить предателей революции и фальсификаторов истории, - писал он, - вы немедленно же выступили на их защиту... Наши враги получают возможность говорить: "Даже Виктор Серж, у которого с Троцким только второстепенные разногласия, и тот признает, что..." и т. д."

Далее Троцкий выражал сожаление по поводу того, что Серж не поставил свой "превосходный талант" на службу движению IV Интернационала. "Со своей стороны, - писал он, - я и сейчас готов сделать всё, чтобы создать условия сотрудничества. "Второстепенные" разногласия, действительно *второстепенные*, неизбежны и не могли бы помешать сотрудничеству. Но при одном условии: если вы сами для себя решите, что вы принадлежите к лагерю Четвёртого Интернационала, а не к лагерю его противников... Крепко жму вашу руку и желаю всего лучшего"¹.

Конечно, Серж не был противником Троцкого. Однако вскоре после получения письма Троцкого он выступил с новой статьёй, в которой, повторяя утверждение о "второстепенном характере" своих разногласий с Троцким, заявлял о своём присоединении к ПОУМу. Это побудило Троцкого, считавшего ПОУМ "центристской организацией, сыгравшей в испанской революции печальную роль", опубликовать в "Бюллетене оппозиции" статью "Виктор Серж и IV Интернационал", в которой говорилось, что IV Интернационал "не имеет с Сержем ничего общего"².

В письме к Троцкому от 18 марта 1939 года Серж писал, что решил не отвечать на заметку в "Бюллетене", несмотря на то, что она "слишком неточна, несправедлива и излишне обидна. Не знаю, кто и как Вас информирует; но увы, здесь (во Франции - В. Р.) везде существуют целые гнёзда интриг (сыгравшие свою роль в гибели Льва Львовича, а до этого - в гибели Райсса, как и в неудаче всего французского движения IV-го (Интернационала) - и мой отход от "IV" отчасти объясняется *невозможностью для меня дышать воздухом интриги*. Могу Вас - лично - заверить, что ни в каких группировках "оппозиции" IV-го я не участвовал... Я не только не вёл с ними "фракционную" работу, но и старался, когда мог, смягчить неизбежный разрыв".

¹ Коллекция Николаевского. Ящик 92, папка 3.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 73. С. 16.

Серж сообщал, что он поддерживает товарищеские отношения со всеми течениями революционного рабочего движения, но ему пришлось порвать с парижской группой троцкистов; "может быть, точнее будет сказать, что они со мною порвали, проявив полное отсутствие простейших товарищеских понятий".

Рассказывая о конкретной причине этого разрыва, Серж писал, что у него появились подозрения относительно Л. Я. Гинзберг (Эстрин). В этой связи он предложил парижским товарищам провести расследование по поводу этих подозрений. Однако "от всякого выяснения дела *по существу* группа отказалась, по заявлению т. Этьена (Зборовского - В. Р.), присланного ко мне: наоборот, она возбудила "дело" против меня. Пришлось прекратить всякие разговоры". К этому Серж прибавлял: хотя он пришёл к выводу об ошибочности своих подозрений относительно Эстрин, он продолжает думать, что "вокруг группы "нечисто".

В этом письме Серж соглашался, что разногласия между ним и Троцким приобрели достаточно серьёзный характер. "О них я сейчас же по приезде в Бельгию Вам сообщил. Тогда я Вас "обвинял в сектантстве", как Вы сами выразились однажды. С тех пор те доводы против Вашей линии, которые я тогда Вам мельком указывал, значительно углубились".

Серж выделял два основных пункта этих разногласий. Во-первых, он считал, что нельзя создавать IV Интернационал, пока не существует сильных троцкистских партий, а существуют "маленькие группы, лишённые всякого динамизма, влияния и даже общего языка с рабочим движением".

Во-вторых, по его мнению, нельзя строить Интернационал на нетерпимости к инакомыслящим и на доктрине большевизма-ленинизма, ибо "во всём мире нет больше пары сотен человек (за исключением, может быть, уцелевших узников Сталина), понимающих, могущих понять, что такое большевизм-ленинизм. Нельзя строить одноголовую международную группировку и руководить ею издалека. А покамест - в группах IV-го никто не думает иначе, как Вашей головой".

Исходя из этих предпосылок, Серж выступал за сближение троцкистов со всеми течениями рабочего движения, стоящими на платформе классовой борьбы и интернационализма. В этой связи он писал о необходимости "товарищеской свободной дискуссии *о всём*, без ругательств и взаимных обид" и отказа от гегемонии большевиков-ленинцев (т. е. троцкистских групп) в левом рабочем движении. Серж подчёркивал, что на этих путях возможно "создать международное объединение, отражающее действительное идейное состояние передовых слоёв рабочего класса (я убеждён, что в таком объединении большевики-ленинцы имели бы больше влияния, чем в собственном горделивом Интернационале)".

Очевидно, что эти суждения Сержа были во многом спорными. Но столь же ясно, что они затрагивали важные политические проблемы и требовали серьёзного обсуждения. Тем более, что Серж подчёркивал своё прежнее тёплое отношение к Троцкому и желание восстановить с ним бывшие дружеские отношения. "Признаться, - писал он, - нет у меня настоящей охоты полемизировать

с Вами. Слишком мне ценна Ваша деятельность - несмотря на такие разногласия".

Письмо заканчивалось словами: "Шлю Вам и Н. И. самый сердечный привет и прошу помнить, что я остаюсь на посту и всегда - какие бы там не шли споры - буду счастлив Вам быть полезным"¹.

Троцкий, по-видимому, не написал ответа на это письмо. Находясь под влиянием ложной информации о деятельности Сержа, непрерывно подбрасываемой Эстрин и Зборовским (их письмо к Троцкому от 11 ноября 1938 года буквально начинено грязными выпадами и намёками относительно "подозрительного" поведения Сержа в СССР и во Франции²), он не сумел отнестись с достаточной объективностью к своему яркому и талантливому соратнику и в июне 1939 года выступил со статьёй, представлявшей, по существу, гневный памфлет против Сержа.

Эта статья, озаглавленная "Моралисты и сикофанты против марксизма"³, являлась откликом на критику различными авторами брошюры Троцкого "Их мораль и наша", переведённой Сержем на французский язык. Особое негодование Троцкого вызвала анонимная статья, опубликованная бельгийской социалистической газетой "Ле пепл", и проспект брошюры, выпущенный французским издательством. Троцкий посчитал, что и статья, и проспект, содержавшие грязные инсинуации против большевизма, были написаны Сержем, хотя у него не было никаких доказательств этого.

Мне представляется, что статья "Моралисты и сикофанты против марксизма" была одной из самых неудачных работ Троцкого. В ней эмоции явно преобладали над теоретической аргументацией, что вообще Троцкому не было свойственно. Статья, написанная в желчном, нервном, раздражённом тоне, фактически превратилась в жёсткую и непримиримую критику Сержа, тем более несправедливую, что Троцкий критиковал своего бывшего друга и единомышленника за поступки, которых тот не совершал.

Как только Серж познакомился со статьёй, он направил Троцкому письмо, в котором с законной обидой писал: "Вы усиленно меня "прорабатываете" и приписываете мне статейку, автором которой я не являюсь, в редактировании которой я не принимал никакого участия, автора которой я не знаю! Прибавляю, что, проделав над Вашей книжкой максимально добросовестную работу переводчика, я о ней *нигде* не написал ни строки! Прибавлю ещё, что вся "аргументация", которую Вы мне таким образом приписываете, сильно расходится со всем тем, что я в целом ряде книг и статей писал о гражданской войне и о социалистической этике. Во всей Вашей статье лишь десять строк (о ЧК) действительно относятся к нашим разногласиям"^{4*}.

¹ Архив Троцкого. № 5028.

² Коллекция Николаевского. Ящик 627, папка 2.

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 13-18.

⁴ Речь идёт о высказываниях Сержа, согласно которым "вырождение революции началось с того момента, когда ЧК получила право в закрытых заседаниях решать судьбу людей". По этому поводу Троцкий писал: "Гласный суд возможен только в условиях устойчивого режима. Гражданская война есть состояние крайней неустойчивости общества и государства. Как нельзя печатать в газетах планы собственного штаба, так невозможно в гласных процессах раскрывать условия и

Серж выражал надежду, что Троцкий сочтёт возможным напечатать его письмо в очередном номере "Бюллетеня оппозиции". "Моральное право на это удовлетворение я безусловно имею", - писал он¹.

Однако Троцкий ограничился публикацией своей заметки "Очередное опровержение Виктора Сержа", в которой упоминал о письме Сержа и писал, что "охотно принимает к сведению" заявление последнего о том, что он не принимал участия в написании проспекта. Далее Троцкий упрекал Сержа в том, что он "подпадает всё больше и больше под влияние мелкобуржуазного скептицизма"². После этого произошёл окончательный разрыв отношений между Троцким и Сержем.

Тем не менее Серж после гибели Троцкого и вплоть до своей кончины в 1947 году сохранял глубоко уважительное отношение к Троцкому. В последние годы жизни он написал совместно с Н. И. Седовой книгу "Жизнь и смерть Льва Троцкого" - первую биографию великого революционера.

обстоятельства заговоров, ибо они тесно связаны с ходом гражданской войны. При тайных судах возможности ошибок, несомненно, чрезвычайно возрастают. Это означает лишь, признаем охотно, что обстановка гражданской войны неблагоприятна для отправления беспристрастного правосудия. А дальше что?" (Бюллетень оппозиции. №77-78. С. 15).

¹ Архив Троцкого. № 5029.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 31.

XLVII

Судьба провокатора

Постоянным бичом троцкистского движения было внедрение в него провокаторов - агентов Коминтерна и ГПУ.

В первой половине 30-х годов наиболее заметными из них были выходцы из Литвы братья Соболевичусы. Их партийные клички были Сенин и Велл. В конце 30-х годов они перебрались в США, где продолжали свою агентурную деятельность среди троцкистов под именами Джек Собл и Роберт Соблен.

Собл (Сенин) встречался с Троцким в Принкипо, а затем - в Копенгагене, куда Троцкий в конце 1932 года прибыл для чтения лекций. После копенгагенской беседы с Соблом Троцкий сказал, что никогда больше не будет встречаться с ним, и сообщил друзьям о своих подозрениях в том, что Соболевичусы являются сталинистскими агентами. Однако до самой смерти Троцкий считал, что Соболевичусы до определённого времени были его действительными сторонниками, и не верил, что с самого начала деятельности Собла, как руководителя троцкистской группы в Берлине, он действовал как агент-provokator ГПУ (это обнаружилось только в 50-е годы)¹.

Собл вёл провокаторскую работу и в СССР, где по указке ГПУ выслеживал связи между Троцким и советскими троцкистами. Сообщая Троцкому о следствии по своему делу, Виктор Серж писал: "Во время следствия я убедился, что в Международном Секретариате (IV Интернационала) и где-то в Французской коммунистической лиге (троцкистская организация во Франции - В. Р.) несомненно были провокаторы; и что некий Соболевичус (Сенин?), бывший когда-то у Вас в Константинополе и посетивший меня в 1932 с приветом от Льва Львовича, или провокатор или, будучи арестованным, держался хуже провокатора"².

С марта 1936 года основные усилия НКВД по борьбе с троцкистами были перенесены на троцкистскую организацию в Париже. Для слежки за ней была создана специальная группа во главе с кадровым разведчиком Афанасьевым. В составе группы был иностранец, получивший кодовую кличку "Томас". Согласно материалам архивов советской разведки, "Томас" сблизился со многими деятелями троцкистской организации, в том числе с Львом Седовым. Он постепенно добился того, что корреспонденция Троцкого попадала к нему ещё до получения её Седовым, вслед за чем она перлюстрировалась и её фотокопии направлялись в Москву.

Группа Афанасьева с конца 1936 и до начала 1938 года провела ряд операций, в результате которых была похищена значительная часть архивов Троцкого, Седова и Международного секретариата IV Интернационала. Среди похищенных документов были письма Седова о встречах с представителями

¹ Writing of Leon Trotsky. 1931-1933. P. 94; Levin I. D. The Mind of an Assassin. 1959. P. 26.

² Архив Троцкого. № 5009.

троцкистских групп, приезжавшими из СССР, а также списки и адреса лиц в СССР, сотрудничавших с Троцким¹.

В 1936-1937 годах на квартирах Троцкого и Эстрин была установлена техника для прослушивания телефонных разговоров.

Особенно опасным агентом-provokatorом НКВД в Париже был Марк Зборовский, который в 1935 году вступил в группу парижских троцкистов и вскоре после этого стал ближайшим другом и сотрудником Льва Седова. Он получил доступ ко всем троцкистским документам, включая нелегальную информацию из Советского Союза. Донесения, регулярно передаваемые Зборовским Афанасьеву и другим резидентам НКВД, направлялись непосредственно Сталину.

С самого начала деятельности Зборовского в троцкистском движении большинство лиц из окружения Седова, в особенности руководитель парижской группы троцкистов П. Навилль, подозревали Зборовского в связях с НКВД. Тесно сотрудничавший с Седовым Сневлит был убежден в том, что "Этьен" (кличка Зборовского, под которой он был известен в среде троцкистов) является provokatorом². Однако Седов и его ближайшая сотрудница Эстрин упорно не соглашались с этим и продолжали полностью доверять "Этьену".

На слушаниях сенатской подкомиссии США в 1956 году Зборовский сообщил, что сталинская агентура стремилась завлечь Седова в такое место, где его собирались похитить для насильственной и тайной отправки в СССР³. Эти показания подтверждаются извлеченной из архивов советской внешней разведки запиской разведчика Серебрянского, который в 1937 году получил задание доставить Седова живым в Москву. Предусматривалось два варианта такой доставки - морской и воздушный. Для этого были приобретены рыболовецкое судно, которое должно было совершить переход в Ленинград, и самолёт, который якобы должен был совершить спортивный перелёт по маршруту Париж-Токио. Однако "ряд обстоятельств помешал операции осуществиться". Спустя несколько месяцев Седов, попавший в больницу, умер там при таинственных обстоятельствах. И. Я. Ермаков, автор главы о тайной борьбе советской разведки с троцкистами в "Очерках истории российской внешней разведки", утверждает, что "к смерти Седова, как видно из архивных документов, разведка отношения не имела"⁴. Можно полагать, что документы об этой "акции" были уничтожены, подобно некоторым документам об убийстве Троцкого (см. гл. L).

После смерти Седова Зборовский наряду с Эстрин стал издателем и редактором "Бюллетеня оппозиции". Этому не смогло помешать полученное Троцким анонимное письмо (написанное невозвращенцем - генералом Орловым, проживавшим в США под чужим именем), в котором достаточно полно опи-

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933-1941 годы. М., 1997. С. 80-82.

² Poretzky E. Our Own People. Ann Arbor, 1970. P. 254, 255, 262.

³ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. February 29. March 2. 1956. Washington. 1956. P. 89-90.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 83.

сывалась шпионская деятельность Зборовского. Поначалу Троцкий принял некоторые меры по проверке этой информации, но Лола Эстрин, прибывшая в Мексику летом 1939 года, сумела убедить его, что это письмо - дело рук НКВД, стремящегося оторвать от Троцкого одного из его верных помощников, находящихся во Франции. В этой связи она сослалась на другое анонимное письмо, недавно полученное Троцким, где утверждалось, что сама Эстрин прибудет в Койокан с тем, чтобы отравить его.

В 1938 году в Париже был зверски убит бывший секретарь Троцкого Рудольф Клемент, принимавший активное участие в подготовке Учредительного конгресса IV Интернационала. По словам Хансена, секретаря Троцкого в Мексике, Троцкий считал, что Клемент был убит потому, что он обладал важной информацией о деятельности троцкистов во многих странах и знал имя агента НКВД, действовавшего внутри троцкистского движения¹.

Убийство Клемента было сопряжено с провокацией - рассылкой Троцкому и его соратникам писем, якобы написанных Клементом, в которых говорилось, что он собирается совершить самоубийство в результате "разочарования" в Троцком из-за его сотрудничества с нацистами. Подобными аргументами, подсказанными агентами НКВД, впоследствии пользовался на суде Меркадер, объясняя мотивы, по которым он убил Троцкого.

Многие троцкисты считали, что смерть Седова, убийство Клемента и другие преступления сталинской агентуры за рубежом связаны с деятельностью Зборовского. Тем не менее он оставался неразоблачённым долгие годы. В 1941 году он прибыл из Франции в США, причём разрешение на его въезд в эту страну было получено благодаря усилиям супругов Даллиных (Лола Эстрин стала к тому времени женой эмигранта-меньшевика Давида Даллина, проживавшего в США).

Впоследствии Д. Даллин подробно описал агентурную деятельность Зборовского во Франции и в США². Многие факты об этой деятельности он узнал от Орлова, который активно способствовал разоблачению Зборовского. В 1954 году Орлов впервые встретился с Даллиным для того, чтобы побеседовать на темы, связанные с книгой о советском шпионаже, над которой Даллин тогда работал. Во время этой встречи Орлов спросил Даллина, не знает ли он, где сейчас находится "Марк", с которым была дружна Лола, и сказал, что ему достоверно известно о шпионской и провокаторской деятельности "Марка" во Франции. Тогда Орлов впервые узнал фамилию Зборовского, до этого известного ему только по имени.

На следующую встречу Даллина с Орловым пришла Лола, которая сообщила, что Зборовский находится в Соединённых Штатах и в 1947 году получил американское гражданство. К тому времени, когда происходил этот разговор, судьба Зборовского складывалась самым благополучным образом. Используя свой диплом специалиста по этнологии, полученный в Сорбонне, Зборовский успешно занимался антропологией, получая гранты для ведения

¹ Levin I. D. The Mind of an Assassin. P. 52.

² Dallin David J. Mark Zborowski, Soviet Agent. The New Leader, March 19. 1956. P. 8-10; March 26, 1956. P. 15-16.

научной работы от Американского еврейского комитета, Министерства здравоохранения США и других государственных и общественных организаций¹.

Лола Даллин отказывалась верить тому, что Зборовский был агентом-provokatorом. Тогда Орлов сказал, что во время работы в НКВД ему приходилось читать донесения Зборовского, и назвал некоторые упоминавшиеся в этих донесениях факты, которые могли быть известны только Зборовскому и Лоле. Особое впечатление на Лолу произвёл рассказ Орлова о хорошо известном ей случае: когда во время прогулки со Зборовским по Парижу Седов случайно увидел газету, из которой впервые узнал о первом московском процессе, он прямо на улице разразился отчаянными рыданиями.

Даллины познакомили Орлова с Порецкой, вдовой советского разведчика-невозвращенца Райсса, зверски убитого сталинской агентурой в Швейцарии. Порецкая рассказала, что при первой её встрече со Зборовским в США он спросил, не связана ли она с американскими троцкистами, и заявил, что хочет работать в американском троцкистском движении².

Узнав обо всём этом, Орлов направился к своему адвокату, который передал его сообщение о Зборовском Федеральному бюро расследований. ФБР вызвало Зборовского для допроса, на котором последний полностью отрицал обвинения в агентурной деятельности не только в США, но и во Франции.

Не доверяя сказанному Зборовским, сенатская подкомиссия по национальной безопасности провела в 1956 году слушания по его делу, на которые в качестве свидетелей были вызваны Орлов и супруги Даллины.

Припёртый к стене свидетельскими показаниями, Зборовский признался, что вёл агентурную деятельность во Франции, но заявил, что после смерти Седова встречался с советскими резидентами крайне редко, а в 1939 году окончательно порвал связи с НКВД. Что же касается этих связей в США, то Зборовский сообщил следующее: в 1943 году в Нью-Йорке к нему подошел неизвестный человек, сказавший: "Мы долго вас искали. Наконец-то мы нашли вас". В дальнейшем этот человек и другие агенты НКВД неоднократно звонили ему и вызывали его на свидания, где требовали от него продолжения шпионской работы в троцкистском движении, заявляя, что он "снова находится в их руках". По словам Зборовского, он решительно отказался шпионить за американскими троцкистами и русскими эмигрантами, заявив: "Я больше не буду иметь с вами дела"³.

Эту версию Зборовский повторял и в личных беседах после своего разоблачения. Так, он сказал Порецкой: "День смерти Седова был самым счастливым в моей жизни, потому что я не должен был больше шпионить за ним. Я думал, что моя работа окончена"⁴.

Выступивший на слушаниях Орлов заявил, что Зборовский работал на НКВД не из-за идейных соображений, а за деньги и что сталинская резиденту-

¹ The New York Times. April 22. 1958.

² Poretsky E. Our Own People. P. 271.

³ Scope of Soviet Activity in the United States. Hearing... February 29. March 2. 1956. P. 103-107; The New York Times. March 3. 1956:

⁴ Poretsky E. Our Own People. P. 273.

ра, имевшая в своём распоряжении собственноручные донесения Зборовского, никогда бы не выпустила его из своих рук и не позволила бы ему порвать с советской разведкой.

Как свидетельствуют рассекреченные ныне документы из архивов НКВД и ФБР, перед прибытием в США Зборовский получил из Москвы указание поддерживать связь с Центром через Соболевичусов¹. Одно из первых заданий, полученных им в США, было связано со слежкой за новым советским невозвращенцем Кравченко, получившим в 1944 году политическое убежище в США. Как рассказывал Даллин, он попросил Зборовского о помощи в деле охраны Кравченко от возможных провокаций. Впоследствии обнаружилось, что Зборовский одновременно получил от советских резидентов задание постоянно наблюдать за Кравченко².

ФБР пристально следило за группой, возглавляемой Соболевичусами, деятельность которой оно контролировало с 1947 года через своего агента. В 1957 году все участники этой группы были арестованы. Роберт Соблен был приговорён к пожизненному тюремному заключению. Ему удалось добиться временного освобождения под крупный денежный залог, после чего он сбежал в Израиль. Будучи выданным израильскими властями американцам, он покончил жизнь самоубийством в сентябре 1962 года в Лондонском аэропорту - по пути в Нью-Йорк, куда его доставляли под стражей из Израиля³.

Джек Собл, арестованный в январе 1957 года, сообщил на следствии, что перед приездом в США он побывал в Москве, где был принят Берией, который сказал ему: "Товарищ Сталин помнит ваше имя и ваши заслуги в борьбе против врага нашего государства Троцкого"⁴. Собл признался, что в конце 30-х годов он получал от секретаря Джеймса Кэннона Сильвии Франклин копии писем Троцкого и документы IV Интернационала, которые передавал советским секретным службам. Собл непосредственно контактировал с первым секретарем советского посольства Василием Зубилиным, который позднее был объявлен персоной нон грата и выдворен из США⁵. Под именем Зубилина действовал один из главных резидентов НКВД Зарубин.

Спустя месяц после ареста Собла Зборовский предстал перед Федеральным большим жюри - органом, принимавшим решения о предании суду. На этот раз он признал, что после прибытия в США передавал информацию советским резидентам, но решительно отрицал, что знал Собла и когда-либо встречался с ним. Между тем Собл сообщил, что с 1943 по 1945 год Зборовский неоднократно передавал ему информацию о деятельности троцкистов в США, за что получал 150 долларов в месяц⁶.

¹ Царёв О., Костелло Д. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С. 420.

² Новый журнал. Нью-Йорк. 1966. № 83. С. 243.

³ Царёв О., Костелло Д. Роковые иллюзии. С. 422.

⁴ Levin I. D. The Mind of an Assassin. P. 41.

⁵ The New York Times. April 22. 1958.

⁶ The New York Times. 1958. November 21; December 9; Царёв О., Костелло Д. Роковые иллюзии. С. 422.

Поскольку показания давались Зборовским под присягой, он был предан в 1958 году суду по обвинению в нарушении клятвы и получил максимальный срок, полагающийся в США за это преступление, - 5 лет тюремного заключения. Апелляционный суд отменил этот приговор. Зборовский был повторно судим в 1962 году, после чего два года находился в тюрьме. Умер он в США в 1990 году.

XLVIII

Учредительный конгресс IV Интернационала

Провокаторские действия Зборовского наложили отпечаток на работу Учредительного конгресса IV Интернационала, который был призван положить начало систематической и координированной деятельности этой международной организации.

Незадолго перед конгрессом погибли активные деятели троцкистского движения: Лев Седов, Рудольф Клемент и Ирвин Вольф. Вместе с Клементом, непосредственно отвечавшим за организацию конгресса, исчезли и подготовленные к конгрессу документы о деятельности троцкистов в различных странах. Опасаясь новых ударов со стороны НКВД, конгресс провёл всего одно пленарное заседание, продолжавшееся целый день без перерыва, и отказался допустить на это заседание нескольких членов ПОУМа и французской Социалистической рабоче-крестьянской партии, выразивших желание присутствовать на конгрессе в качестве наблюдателей.

Однако все конспиративные усилия организаторов конгресса оказались тщетными благодаря провокаторской деятельности Зборовского, который участвовал во всех приготовлениях к конгрессу, встречал делегатов и доставлял их к дому близкого друга Троцкого, французского социалиста А. Росмера, где происходил конгресс. Донесения Зборовского помогли агентам НКВД осуществлять свою подрывную работу во время работы конгресса. Так, один из делегатов оставил в вокзальной камере хранения чемодан с секретными документами, о чём знал только Зборовский. Когда хозяин чемодана вернулся за ним, то обнаружил, что ячейка камеры хранения вскрыта и все документы исчезли¹.

На Учредительном конгрессе, состоявшемся 3 сентября 1938 года, присутствовал 21 делегат из 11 стран. Председательствовал на конгрессе американец Макс Шахтман. Участники конгресса направили письмо Троцкому, в котором говорилось: "Конгресс IV Интернационала шлёт Вам горячий привет. Варварские репрессии, направленные против нашего движения в целом, и в особенности против Вас, не позволили Вам быть среди нас и внести в наше обсуждение свой вклад создателя Красной Армии, организатора Октябрьского восстания... и непосредственного преемника Ленина"².

Против провозглашения IV Интернационала выступили только два польских делегата, зачитавшие заявление, подготовленное И. Дойчером. Аргументацию, изложенную в этом заявлении, Дойчер повторил и в своей книге о Троцком, где утверждал, что для создания IV Интернационала нужно было ждать подъёма рабочего движения, и расценивал его провозглашение в 1938 году как "пустой жест и глупость"³.

¹ Levin I. D. The Mind of an Assassin. P. 52.

² Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933-1940). New York, 1973. P. 169.

³ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 454.

Ораторы, выступавшие за провозглашение IV Интернационала, мотивировали необходимость этого состоянием политической изоляции, в котором оказались троцкисты. Шахтман констатировал, что, начиная с 1936 года, все центристские партии "порвали с нами". Другой делегат, Бойтель, отмечал, что ныне уже стало невозможно работать внутри социал-демократических партий¹.

19 голосами против двух конгресс провозгласил создание IV Интернационала и принял другие резолюции, основная часть которых была написана Троцким. Троцкий был избран почётным председателем и членом Исполкома IV Интернационала.

Перед выборами Исполкома Зборовский, представлявший в единственном числе "русскую секцию", выступил с протестом против того, что этой секции не было предоставлено место в списке кандидатов. В результате демарша Зборовского конгресс постановил: поскольку Троцкий не может непосредственно участвовать в работе Исполкома, место от "русской секции" предоставляется в нём Зборовскому².

¹ Documents of the Fourth International. The Formative Years (1933-1940). P. 298.

² Ibid. P. 299, 431.

XLIX

В чём и почему ошибся Троцкий

В статье, посвящённой Учредительному конгрессу IV Интернационала, Троцкий оценил его созыв как крупный успех международной левой оппозиции, "Непримиримое революционное течение, которое подвергается таким преследованиям, каких не испытывало, пожалуй, никакое другое политическое течение мировой истории, снова показало свою силу, - писал он. - Преодолев все препятствия, оно собрало, под ударами могущественных врагов, своё международное совещание. Этот факт является безошибочным доказательством глубокой жизненности и непоколебимого упорства международных большевиков-ленинцев... Нужно, в самом деле, исключительно высоко ценить международную связь пролетарского авангарда, чтобы собрать воедино международный революционный штаб теперь, когда Европа и весь мир живут ожиданием надвигающейся войны".

Вакханалия развернувшегося во всём мире шовинизма, которая имеет своей целью преодолеть или приглушить невыносимые классовые противоречия, указывал Троцкий, ставит перед IV Интернационалом величайшие трудности. II и III Интернационалы парализуют и разлагают революционную волю трудящихся. "Никогда ещё путь мирового революционного движения не был загромождён такими чудовищными препятствиями, как ныне, накануне новой эпохи величайших революционных потрясений". В этих условиях рост IV Интернационала идёт медленнее, чем рассчитывали его основатели. "Несоответствие между нашими сегодняшними силами и завтрашними задачами нам гораздо яснее, чем нашим критикам. Но суровая и трагическая диалектика нашей эпохи работает на нас. Доведённые до последней степени ожесточения и возмущения массы не найдут другого руководства, кроме того, какое предлагает им Четвёртый Интернационал"¹.

Состояние отступления или, в лучшем случае, выжидания, в котором находился рабочий класс, особенно в Европе, Троцкий объяснял тем, что "трудящиеся массы всего мира находятся сейчас под гнётом страшных поражений, которые они потерпели в Италии, Польше, Китае, Германии, Австрии, Испании, отчасти во Франции и ряде мелких стран". Эта непрерывная цепь поражений обусловила податливость масс к социальной демагогии и патриотическому угару, которые разжигали господствующие классы капиталистических стран, равно как и лидеры II и III Интернационалов. "Правда, по отношению к Германии, Италии, Японии социал-демократы, как и коммунисты, являются пораженцами; но это значит лишь, что они борются против войны только в тех странах, в которых они не имеют никакого влияния. Чтоб подняться против милитаризма, массы должны были бы предварительно сбросить с себя опеку

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 4-6.

официальных Интернационалов. Это не простая задача. Она не будет разрешена ни в день, ни в месяц"¹.

В результате предательства революционного движения II и III Интернационалами значительная часть трудящихся впала в состояние *отчаяния*, делающего их добычей самых реакционных сил. Включая это понятие в своё определение фашизма, Троцкий писал: "Фашизм есть форма отчаянья мелкобуржуазных народных масс, увлекающих за собой в бездну и часть пролетариата. Отчаянье, как известно, наступает тогда, когда все пути спасенья отрезаны. Предпосылкой успехов фашизма явилось тройственное банкротство: демократии, социал-демократии и Коминтерна... Все три не приносят массам ничего, кроме отчаянья, и тем помогают торжеству фашизма"².

Такая слепая политика, по мнению Троцкого, диктовалась страхом всех этих сил перед социалистической революцией в Европе. Мюнхенское соглашение и успех Франко в Испании, во многом освободившие буржуазные правительства от этого страха, вместе с тем неумолимо приближали мировую войну.

Характеризуя этапы грядущей войны, Троцкий особое внимание уделял их зависимости от поведения не только ведущих политических лидеров, но и широчайших народных масс. "В месяцы надвигающейся военной опасности, как и в первый период войны, - писал он, - массами овладеют, с силой естественного рефлекса, "государственные", центростремительные, патриотические тенденции"³. Эти тенденции будут известное время сплачивать массы вокруг своих правительств. Однако в дальнейшем бедствия войны приведут массы к крайнему возмущению, которое должно будет, как считал Троцкий, завершиться глобальным революционным взрывом.

В этой связи Троцкий напоминал, что в годы первой мировой войны за её перерастание в международную социалистическую революцию выступала лишь небольшая группа интернационалистов. Однако именно им удалось на исходе войны пробудить и возглавить международное коммунистическое движение - самое массовое революционное движение в истории. По аналогии с этими событиями Троцкий полагал, что в ходе второй мировой войны массы, убедившись в банкротстве II и III Интернационалов, встанут под знамя нового, IV Интернационала. Именно этот Интернационал сумеет решить важнейшую историческую задачу, которую своими, империалистическими и варварскими методами пытается решить Гитлер и в решении которой он неизбежно потерпит историческую неудачу. Речь идёт об объединении Европы, диктуемом потребностями экономического и политического развития этого континента. Европейская социалистическая революция под водительством IV Интернационала положит начало Социалистическим Штатам Европы - ядру будущей мировой коммунистической интеграции.

Историки типа и уровня Волкогонова не раз заявляли, что внутренняя ущербность и несостоятельность марксизма проявилась в том, что прогнозы

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1939. № 70. С. 2.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58-59. С. 14.

его теоретиков не реализовались. Мне кажется, что любой непредвзятый читатель этой книги будет, напротив, поражён тем, насколько близкими к истине оказались многие прогнозы Троцкого о характере будущей войны (см. гл. XXII). Но вместе с тем столь же бесспорно, что главный прогноз Троцкого - о перерастании второй мировой войны в победоносную международную социалистическую революцию - оказался далёк от реализации. В этой главе я попытаюсь рассмотреть, *что* отразилось в этом факте: уязвимость социального мышления Троцкого или же объективные противоречия исторического развития, подтвердившие основную логику его мышления.

В несоответствии (как будет показано дальше, частичном) предвидений Троцкого реальному ходу исторических событий, заключено, на мой взгляд, больше, чем просто ошибка исторического зрения. Поэтому следует более детально остановиться на судьбе прогнозов Троцкого, касающихся, во-первых, судеб СССР, и, во-вторых, судеб мирового капитализма в ходе и на исходе второй мировой войны.

Анализируя первую группу прогнозов, важно прежде всего подчеркнуть, что Троцкий разграничивал в них судьбы СССР и сталинской клики. Вопреки суждениям западной печати о предельном и бесповоротном ослаблении Красной Армии в результате сталинской чистки, он утверждал: "Сегодняшняя уничижительная оценка Красной Армии так же односторонняя, как и вчерашняя вера в несокрушимость сталинского господства. Подложные обвинения и расстрелы вчерашних идолов вносят, разумеется, неуверенность и деморализацию в ряды армии. Однако смотры и маневры, обнаружившие пред иностранными генералами выносливость, подвижность и находчивость советского солдата и офицера, остаются реальностью, как и высокие качества советских танков и самолётов, отвага и искусство советских лётчиков"¹.

Троцкий не раз выражал уверенность в том, что социальные основы советского общества, под которыми он имел в виду национализированные формы собственности и плановое хозяйство, выдержат испытание войной и даже окрепнут в ней. Статью "Сталин - интендант Гитлера" он завершил следующими словами: "Война сметёт многое и многих. Хитростями, уловками, подлогами, изменами никому не удастся уклониться от её грозного суда. Однако наша статья была бы в корне ложно понята, если бы она натолкнула на тот вывод, будто в Советском Союзе сметено будет всё то новое, что внесла в жизнь человечества Октябрьская революция. Автор глубоко убеждён в противном. Новые формы хозяйства, освободившись от невыносимых оков бюрократии, не только выдержат огненное испытание, но и послужат основой новой культуры, которая, будем надеяться, навсегда покончит с войной"².

Сегодня очевидно, что действительность оказалась сложней и противоречивей этого прогноза, пронизанного оптимистическим духом (таков характер всех суждений о будущем, которые являются не только прогнозами, но одновременно - революционными лозунгами и программами). Советский Союз выдержал испытание войной и окреп в ней, но вместе с ним укрепился и сталин-

¹ Там же. С. 15.

² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 146.

ский тоталитаризм, распространивший своё влияние на новые страны, населённые третьей частью человечества. Троцкий, несомненно, переоценил революционные возможности, которые могли возникнуть в СССР в ходе войны. В этой переоценке отразились, однако, не только и не просто противоречия его социального сознания, но противоречивость самой исторической реальности 40-х годов.

Касаясь противоречий социального сознания Троцкого, следует прежде всего обратить внимание на то, что он неоднократно повторял: сталинский террор и внешняя политика сталинизма представляют собой не эпизоды исторического процесса, а "полное и окончательное социальное перерождение того, что было некогда большевистской партией"¹. Такой вывод оставлял открытым вопрос о том, каким образом могут возродиться в СССР революционные, подлинно большевистские силы, способные свергнуть сталинский режим. Кроме того, Троцкий не имел достаточно полных данных относительно масштабов учинённого Сталиным политического геноцида^{2*}. Он вынужден был пользоваться официальными советскими данными, согласно которым число исключённых из ВКП(б) за 1934-1939 годы оценивалось в полмиллиона человек³ (цифра, заниженная по крайней мере в 3-4 раза). "Троцкий лучше, чем кто-либо другой знал, что лишь ничтожная часть террора проявилась на процессах, - писал И. Дойчер. - Он мог только догадываться о творимом в тайне. Но даже он не мог постичь всю правду. А если бы даже и мог, то едва ли сумел бы понять всё происходящее и осознать последствия этого в немногие оставшиеся ему годы. Он по-прежнему полагал, что антисталинистские силы, способные выразить свои цели и политически эффективные, вскоре выйдут на авансцену и в особенности что они смогут свергнуть Сталина во время войны, приведя её к победоносному и революционному завершению. Он всё ещё надеялся на возрождение старого большевизма, о силе и глубоком влиянии которого невольным доказательством служили бесчисленные крестовые походы Сталина... Он не знал, что все антисталинистские силы были ликвидированы, что троцкизм, зиновьевизм и бухаринизм - всё потонуло в крови, как некая Атлантида, исчезло с политического горизонта. Он был единственным выжившим атлантом"⁴.

Последствия сталинского террора, как справедливо замечал Дойчер, выразились в том, что "в последние 15 лет сталинского правления в советском обществе не осталось ни одной группы, даже в тюрьмах и лагерях, способной бросить ему (Сталину) вызов... (Такова была аморфность народного мышления, что даже после смерти Сталина не могло возникнуть никакого антисталинского движения снизу, из глубин советского общества, а реформы самых

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 181.

² В зарубежной печати многие расстрелянные жертвы чистки, о судьбе которых официально не сообщалось в СССР, именовались "исчезнувшими".

³ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 9.

⁴ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 452.

анахронических сторон сталинистского режима могли быть проведены только сверху бывшими наёмниками и соучастниками Сталина)¹.

Эта логика надстроечных, социально-психологических процессов, закрепляемых тоталитарным контролем над всеми проявлениями духовной (не говоря уже о политической) жизни и свирепостью полицейского аппарата ко всякому, а особенно к "троцкистскому" инакомыслию, оказалась сильнее, чем логика развития социального фундамента советского общества, требовавшая ликвидации сталинистского режима.

Было бы неверным однозначно оценивать состояние массового сознания в эпоху сталинизма. В нём присутствовали не только ослепление, оболваненность и покорность, но также громадная ненависть и гнев по отношению к бюрократии и сталинскому режиму, которые, однако, по справедливому суждению Дойчера, "были загнаны внутрь, где сберегались на будущее"². Эти социальные чувства нашли отражение в лучших произведениях советской литературы (наиболее значимыми из них являются романы "Жизнь и судьба" В. Гроссмана, "Страх" и "Прах и пепел" А. Рыбакова, политическая лирика А. Ахматовой). Достаточно было приоткрыть клапаны и дать известный простор свободной духовной и политической деятельности, чтобы эти чувства претворились на рубеже 90-х годов в массовый социальный протест. Другое дело, что отсутствие в стране прогрессивных политических сил позволило силам реакции направить этот протест в сторону, глубоко противоположную подлинным интересам советского народа.

Возвращаясь к прогнозам Троцкого о судьбах СССР, замечу, что они включали и вариант союза СССР и западных демократий, направленного против фашистского блока. Однако Троцкий не учитывал того, что этот союз будет способствовать укреплению сталинского режима.

"Если бы СССР в союзе с демократиями вышел из войны победоносным, - писал он, - то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию"³. Этот прогноз также оставлял открытым вопрос о том, каким образом могли возродиться и консолидироваться революционные силы в СССР, тем более в обстановке освободительной войны с фашизмом, требующей сплочения народа вокруг его руководства.

Тот факт, что Сталин сумел удержать народ в узде даже в самые критические моменты для его режима, не опровергает его характеристики Троцким как "выдающейся посредственности". За посредственные, мягко говоря, качества Сталина как политика (особенно в период, предшествовавший нападению Гитлера на СССР) и полководца, советский народ заплатил миллионами жизней. Сталин был плоть от плоти и кровь от крови термидорианской бюрократии, которая и после его смерти не выдвинула из своих рядов ни одного политического деятеля, сколько-нибудь сравнимого по интеллектуальным и нравственным качествам с Лениным и Троцким. Напротив, все "наследники Сталина", вплоть до Горбачёва и Ельцина были ещё более ограниченными и не-

¹ Там же.

² Там же. С. 447.

³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 409.

дальновидными эмпириками, чем Сталин. Но Сталин действовал в такую эпоху, когда ошибки в политике оплачивались не только огромными экономическими и духовными потерями, но и бесчисленными человеческими жертвами. И если Советский Союз смог выстоять во второй мировой войне, то только потому, что вектор мирового развития был в то время направлен в сторону социализма.

Секрет победы СССР во второй мировой войне заключался не в государственной и полководческой мудрости Сталина, а в героизме и стойкости советского народа, в новой приливной войне освободительного движения в Европе и Азии, в глубине всеохватывающего кризиса капитализма, из которого в 40-е годы имелся революционный выход, заблокированный сталинизмом.

Троцкий не раз называл Сталина агентом империализма. Это определение следует понимать, конечно, не в прямом смысле, а как характеристику объективного содержания сталинской внешней политики, отражавшей на определённых этапах истории интересы классовых сил, враждебных международной социалистической революции. Но в годы второй мировой войны произошло то, чего Троцкий не предвидел: "солидарность" трёх фактических диктаторов (Сталин, Черчилль и Рузвельт), вершивших судьбами всего человечества, приняла такие формы и масштабы, которые в конечном счёте позволили сохраниться и капитализму, и сталинизму. Подобно двум лидерам капиталистического мира, "коммунист" Сталин руководствовался не революционно-интернационалистскими целями, а геополитическими соображениями, на основе которых он вёл политический торг со своими партнёрами.

Троцкий не предвидел и масштабов военной и материальной помощи, которую оказали США и Англия в годы войны Советскому Союзу. Эта помощь, явившаяся одним из решающих условий победы антифашистской коалиции, в то же время укрепила сталинистский режим, расширивший сферу своей геополитической экспансии от Восточной Германии до Северной Кореи.

Троцкий не предвидел и того, что три мировых диктатора смогут продиктовать условия мира побеждённой Германии (без закрепления их каким-либо международно-правовым документом типа мирного договора) и поделить мир на сферы своего влияния. Он не предвидел, как отмечал Дойчер, "положения, сложившегося во время и после второй мировой войны, когда ход классовой борьбы на Востоке и Западе управлялся, а в определённом смысле извращался сначала союзом между сталинской Россией и Западом, а затем их антагонизмом, захватившим весь мир"¹.

Констатируя факт перехода под сталинский контроль трети человечества, псевдоисторики типа А. Солженицына и Д. Штурман раздражаются ожесточёнными филиппиками в адрес Черчилля и Рузвельта за то, что они "позволили" Сталину подчинить своему господству или влиянию около пятнадцати стран в Европе и Азии. По логике этих рассуждений выходит, что будь эти лидеры капиталистического мира более дальновидными и твёрдыми, они сумели бы "отбросить" Советский Союз, революционный Китай и другие страны, где утвердились новые режимы, основанные на национализированной собственности и

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 461.

плановом хозяйстве. Похоже, что подобные авторы были бы удовлетворены, если бы такой результат был достигнут даже ценой атомной войны.

Конечно, загнивающий капитализм XX века не рождал гениальных политических деятелей. Однако едва ли кто-либо станет отрицать, что и Черчилль, и Рузвельт были самыми выдающимися капитанами капиталистического мира в нашем столетии и осознавали интересы своего класса не хуже, чем их запоздалые критики. Но они были достаточно проникательными и в том, чтобы осознать возможность революционного взрыва на исходе мировой войны. Оградить капиталистический строй от революционных потрясений в крупнейших странах Европы они могли лишь путём негласной, чисто империалистической сделки со Сталиным, который "в обмен" на "право" насаждения угодных ему режимов в странах Восточной Европы отдал приказ компартиям Франции и Италии разоружить рабочих и не доводить дело до схватки с буржуазными режимами.

В прогнозах Троцкого неизменно присутствовала идея о связи судеб СССР с судьбами международной революции. Он не раз подчёркивал, что решающая роль в пробуждении и активизации подлинно социалистических сил в Советском Союзе будет принадлежать революционному движению в передовых капиталистических странах. Он хорошо помнил опыт первой мировой войны, которая началась после длительного периода капиталистического просперити и тем не менее привела к революционизации масс во всех воюющих странах. Подобно этому, вторая мировая война, возникшая после длительной череды кризисных явлений в капиталистическом мире, по его мнению, должна была вывести массы из временной спячки и повсеместно поднять их на революционную борьбу, которая достигнет уровня, далеко превосходящего её размах на исходе первой мировой войны. Троцкий считал исключённой такую возможность, чтобы мировой капитализм, ослабленный экономическими и политическими кризисами 30-х годов, вышел невредимым из социальных потрясений, которые неминуемо принесёт новая мировая война.

Этот исторический прогноз осуществился в том смысле, что на исходе второй мировой войны антифашистское сопротивление в большинстве стран Европы и Азии стало перерастать в антиимпериалистические и национально-освободительные движения. Сама мировая война, явившаяся продуктом противоречий мирового империализма, с небывалой силой способствовала дальнейшему обострению этих противоречий. Ещё до её завершения или вскоре после неё вспыхнули революционно-освободительные войны в Греции, Индокитае, Алжире, Малайе, Индонезии и т. д. Некоторые из них продолжались годами и даже десятилетиями. Однако победу одержали в основном лишь национально-освободительные революции в странах Азии и Африки. Спонтанные (т. е. выросшие не на советских штыках) социалистические революции победили только в Китае, Вьетнаме, Югославии и Албании. Главным революционным последствием второй мировой войны стало крушение мировой колониальной системы, но не мирового капиталистического порядка.

Конечно, Троцкий никогда не придерживался идеи об абсолютном и автоматическом крахе капитализма. Он глубоко понимал всё значение субъективного фактора и потому неоднократно повторял на протяжении 30-х годов, что

современный "исторический кризис человечества сводится к кризису революционного руководства^{1*}². Без такого руководства рабочий класс неизбежно потерпит новые и даже более катастрофические поражения, чем те, которые он потерпел в 20-30-е годы.

Троцкий считал, что новое революционное руководство рабочим и национально-освободительным движением выдвинется в горниле битв будущей войны. Однако, как и в случае с Советским Союзом, он недооценил масштабов ущерба, нанесённого сталинизмом международному коммунистическому движению, - путём физического истребления одной части деятелей зарубежных компартий и деморализации другой их части. Даже те руководители коммунистических партий, которые отважились в 40-50-е годы бросить вызов сталинизму, были в предшествующие годы активными участниками истребительной войны против своих товарищей по партии (как Тито и его ближайшие соратники) или даже прямыми агентами НКВД (как И. Надь).

Что же касается компартий капиталистических стран, то не будь они ослаблены предшествующими фракционными расколами, отколами и чистками, не будь они подчинены прямому диктату Москвы, они могли бы оказаться способными возглавить возникший революционный подъём (прежде всего во Франции и Италии, где численность коммунистов за годы войны выросла в несколько раз), способный перерасти в международную социалистическую революцию. Троцкий не предвидел того, что коммунистические партии этих стран станут разменной монетой в империалистической сделке между тремя диктаторами, присвоившими себе право безраздельно распоряжаться судьбами мира и кроить по своему усмотрению его географическую карту.

В этом отношении особенно показательны отношения Сталина к героической борьбе греческого народа, которая с 1944 года велась под руководством Коммунистической партии Греции. Результатом партизанской войны, проводившейся Демократической армией Греции во главе с членом Политбюро ЦК КПГ Маркосом, стало создание Временного демократического правительства Греции на территории, контролируемой партизанскими силами. Руководство Болгарской и Югославской компартий считало, что СССР и страны народной демократии должны признать это правительство и усилить помощь греческим революционерам. Тогда Сталин вызвал руководителей этих партий в Москву и на встрече с ними, состоявшейся 10 февраля 1948 года, заявил: "Если вы не уверены, что партизаны победят, нужно свернуть партизанское движение. Американцы и англичане... в Греции хотят иметь базу и не пожалеют средств, чтобы сохранить там правительство, которое бы их слушалось"³.

Возвращаясь к исторической ситуации 30-х годов, следует особо подчеркнуть, что ожидание международной революции как результата грядущей мировой войны было в то время чертой политического мышления отнюдь не только Троцкого. С одной стороны, многие деятели рабочего движения обра-

¹ Этим тезисом открывалась одна из наиболее фундаментальных работ Троцкого "Агония капитализма и задачи Четвёртого интернационала", именуемая также "Переходной программой".

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 66-67. С. 2.

³ Исторический архив. 1997. № 4. С. 99; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т. I. М.-Новосибирск, 1997. С. 760.

щали внимание на объективные и субъективные факторы, способствующие революционизации масс в передовых капиталистических странах. Так, генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо говорил в 1939 году, что "Франция приближается к возобновлению классовых битв, ибо безработица возрастает, пролетариат левеет, а правительство Даладьё-Бонне продолжает свои попытки ликвидировать социально-политическое завоевания Народного фронта". Жуо был убеждён, что это правительство неминуемо будет свергнуто в предстоящих столкновениях с левыми силами¹.

С другой стороны, буржуазные политические деятели не скрывали своих опасений относительно возможности завершения мировой войны международной социальной революцией. Так, известный американский дипломат Буллит ссылаясь на мнение военных экспертов, что война кончится "торжеством коммунизма во всех государствах"². Английский премьер-министр Болдуин говорил в ноябре 1936 года, что нужно избежать войны, поскольку она послужит целям мировой революции³. Аналогичные суждения высказывал и Гитлер, перемешивая в них элементы блефа и свой страх перед революционным движением масс. Как сообщал в Москву посол СССР в Чехословакии Александровский, ссылаясь на сведения, полученные от чехословацких политических деятелей, Гитлер на переговорах с Чемберленом "прямо поставил перед ним вопрос о том, что не только война будет означать близкую социальную революцию, но даже просто неуспех Гитлера поведёт в конечном результате и в очень близком будущем к развалу национал-социалистской системы и к торжеству большевизма в Европе. Это якобы совпадало с оценкой Чемберлена, и отсюда его усердие в деле спасения Гитлера и его режима... К такому же убеждению быстро была приведена и Франция, а также правящая верхушка в самой Чехословакии. Отсюда понятна и естественна измена Франции, а также несомненна и измена в Чехословакии"⁴.

Ещё более определённо Гитлер высказался 25 августа 1939 года, когда он ещё надеялся избежать вступления в войну Англии и Франции после его нападения на Польшу. В этот день состоялась беседа Гитлера с французским послом Кулондром, который заявил, что "в случае возникновения войны между Германией и Францией единственным победителем в ней будет Троцкий". На это Гитлер ответил как о само собой разумеющемся: "Я (это) знаю"⁵.

Страх перед возможностью подъёма IV Интернационала, возглавляемого Троцким, в ходе будущей мировой войны характеризовал не только политиков и дипломатов капиталистического мира. Ещё в большей степени он был свойствен Сталину, который предпринял единственно доступные для него меры против превращения IV Интернационала в весомый фактор мирового политического развития.

¹ Год кризиса. Т. II. С. 55.

² Год кризиса. Т. I. С. 111.

³ 1939 год. Уроки истории. С. 60.

⁴ Год кризиса. Т. I. С. 104.

⁵ Le livre Jaune Français. Documents diplomatiques. 1938-1939. Paris, 1939. P. 313.

Л

Подготовка к операции "Утка"

Сталин считал, что, хотя в конце 30-х годов позиции IV Интернационала в рабочем движении были крайне слабыми, они могли существенно укрепиться в ходе грядущей мировой войны. Поэтому он поставил перед НКВД задачу скорейшего обезглавливания IV Интернационала, чего можно было добиться только посредством убийства Троцкого.

О подготовке и осуществлении этого убийства существует немало литературных произведений и кинофильмов. Однако они, как правило, основаны на неправдоподобных, неполных или неточных исторических версиях. Даже в наиболее честных и достоверных научных исследованиях на эту тему присутствуют элементы вымысла или искажения исторической правды. Во всём этом нельзя винить одних только деятелей искусства или историков. Сталинисты сделали немало для того, чтобы похоронить правду об этих событиях в своих потайных архивах. Когда же в 90-е годы некоторые исследователи получили доступ к архивам советской внешней разведки, они обнаружили, что материалы об убийстве Троцкого сохранились там далеко не полностью. Некоторые документы были частично уничтожены в 50-х годах, другие оказались разбро- санными по разным досье¹.

На протяжении многих лет не высказывались по поводу убийства Троцкого ни отечественные, ни зарубежные исполнители злодейского сталинского приказа. Лишь в середине 90-х годов в США и России были опубликованы воспоминания Судоплатова - человека, которому Сталин поручил непосредственное руководство подготовкой террористического акта против Троцкого.

Судоплатов принадлежал к младшему поколению чекистов, выдвинувшихся на ведущие роли в годы великой чистки. По его словам, он ещё в ноябре 1937 года вместе с Ежовым дважды встречался со Сталиным, который приказал ему осуществить убийство главы эмигрантской украинской военизированной организации Коновальца². Возможно, что успешное выполнение Судоплатовым этого задания определило выбор его на пост руководителя группы, которой предстояло реализовать новый террористический замысел Сталина.

В марте 1939 года Берия и Судоплатов были приняты Сталиным. Их беседа, по словам Судоплатова, развёртывалась следующим образом. Сталин предложил Берии рассказать о главных направлениях деятельности НКВД за рубежом. В ходе своего рассказа Берия сделал упор на том, что левое движение на Западе находится в состоянии серьёзного разброда из-за влияния на него Троцкого и троцкистов, которые стремятся лишить Советский Союз роли лидера мирового коммунистического движения. Чтобы устранить эту опасность, Берия предложил использовать все возможности НКВД для организации убийства Троцкого и назначить Судоплатова ответственным за проведе-

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 91.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 29-31.

ние этой операции. Выслушав это, Сталин напомнил, что "устранение Троцкого" было ещё в 1937 году поручено тогдашнему заместителю начальника Иностранного отдела НКВД Шпигельглазу, но тот провалил это правительственное задание¹.

Возвращение Сталина в начале 1939 года к идее убийства Троцкого не означало, что в промежуток времени между заданием, порученным Шпигельглазу, и заданием, возложенным на Судоплатова, в НКВД не вынашивались и другие варианты осуществления этого зловещего сталинского замысла. В этом плане интересны воспоминания И. Я. Врачёва, активного участника левой оппозиции в 1923-1928 годах, перешедшего в 1929 году на капитулянтские позиции. В 1927 году Врачёв был исключён XV съездом ВКП(б) из партии в числе 75 наиболее видных деятелей левой оппозиции. В 1938 году он остался одним из немногих членов этой группы, уцелевших после репрессий предшествующих лет.

Осенью 1938 года Врачев был вызван в Москву из Коми АССР, где он находился в ссылке. Ему было разрешено переехать вместе с семьёй на постоянное жительство в один из подмосковных городов. Примерно в то же время сотрудники НКВД предложили ему поехать в Мексику. По словам Врачёва, он воспринял предложение "отправиться к Троцкому" с ужасом и даже обдумывал в этой связи планы самоубийства, так как боялся, что "Троцкий передаст его американским экстремистам, чтобы они с ним расправились". Однако скоро "надобность в его поездке отпала", поскольку "в Мексике было уже 25 агентов ГПУ". Рассказывая об этом, Врачев подчёркивал, что передаёт эти сведения "в секретном порядке" и они могут быть опубликованы только после его смерти².

Незадолго до своего ареста Шпигельглаз направил в Мексику двух агентов из числа бывших участников войны в Испании - по кличкам "Фелипе" и "Марио". Однако после ареста Шпигельглаза осенью 1938 года было решено вернуть их в СССР. "Фелипе", прибывший в Москву в январе 1940 года, подробно доложил о системе круглосуточной охраны дома Троцкого, о порядке допуска туда посетителей и т. д. Вскоре "Фелипе" был вновь переправлен в Мексику, а собранные им сведения были использованы находившимися там террористическими группами³.

В беседе с Берией и Судоплатовым Сталин заявил, что убийство Троцкого должно быть осуществлено в кратчайшие сроки, а именно в течение ближайшего года, до того, как разразится неминуемая мировая война. Подчеркнув, что в троцкистском движении нет крупных политических фигур, кроме самого Троцкого, он сказал: "Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена... Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению". Сталина явно беспокоило то обстоятельство, что может повто-

¹ Там же. С. 76-77.

² Магнитофонная запись беседы И. Я. Врачева с М. В. Головизиным 18 ноября 1993 года.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 94-95.

риться ситуация в Испании, когда, наряду с коммунистами, против фашистов действовали леворадикальные политические силы, враждебные сталинизму.

Как вспоминал Судоплатов, Сталин в этом разговоре предпочитал употреблять обтекаемые выражения, например, слово "акция" вместо слов "ликвидация" или "убийство".

Согласившись с тем, что Судоплатову надлежит отобрать и подготовить группу боевиков для проведения "акции", Сталин подчеркнул, что в случае её успеха "партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей".

Обращаясь к Судоплатову, Сталин сказал: "Докладывайте (о ходе подготовки "акции") непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику". В целях конспирации Сталин приказал всю отчётность, связанную с подготовкой террористического акта, представлять исключительно в рукописном виде, не привлекая к этому делу машинисток¹.

После встречи со Сталиным Судоплатов был немедленно назначен заместителем начальника Иностранного отдела НКВД.

Обдумывая план проведения операции, Судоплатов решил привлечь к участию в ней Эйтингона, который за время прошлой совместной работы стал его близким другом.

Н. И. Эйтингон (1899-1981 гг.) действовал в 1936-1938 годах в Испании в качестве помощника генерала Орлова, советника испанского правительства и главы секретной службы НКВД в этой стране. Оба они выполняли две задачи. Первая, официальная, заключалась в отборе людей для партизанской деятельности в тылу франкистов, обучении их в специальных школах и организации отрядов для проведения террористических и диверсионных операций. Второй задачей была беспощадная расправа с троцкистами, поумовцами и членами других антисталинистских партий и групп, сражавшихся в рядах республиканских сил. После бегства Орлова из Испании в июле 1938 года Эйтингон занял его место.

В Испании Эйтингон действовал под фамилией "Котов". Описывая в своих мемуарах некоторые эпизоды испанской войны, И. Эренбург замечал: "Человека, которого звали в Испании Котовым, я остерегался - он не был ни дипломатом, ни военным"².

Приказ о ликвидации Троцкого не удивил ни Судоплатова, ни Эйтингона, поскольку они знали: "уже больше десяти лет ОГПУ-НКВД вели против Троцкого и его организации настоящую войну"³.

По предложению Эйтингона операция по подготовке и осуществлению террористического акта была названа "Утка". "В этом кодовом названии, - вспоминал Судоплатов, - слово "утка", естественно, употреблялось в значении

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 77-78.

² Эренбург И. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 9. С. 223.

³ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 79.

"дезинформация": когда говорят, что "полетели утки", имеется в виду публикация ложных сведений в прессе"¹.

В июле 1939 года был составлен "План агентурно-оперативных мероприятий по делу "Утка", который был доложен Сталину и одобрен им не позднее первых чисел августа. В этом плане были названы средства, которые могут быть использованы для убийства Троцкого: "отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар - удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооружённое нападение группы"².

Для участия в операции "Утка" были отобраны десятки агентов из различных стран. Специальные поручения были даны резидентурам в Париже и Нью-Йорке. В Центре действовал штаб по руководству операцией. Руководителем террористических групп, которые должны были быть направлены в Мексику, был назначен Эйтингон, получивший кличку "Том".

В начале разработки операции Берия предложил Судоплатову и Эйтингону использовать связи Орлова, для чего следовало разыскать последнего и обратиться к нему от его, Берии, имени (Берия был знаком с Орловым ещё по Грузии, где тот в начале 20-х годов командовал пограничными войсками). Место пребывания Орлова было неизвестно НКВД, так как после получения Ежовым письма Орлова с предостережением, что в случае охоты за ним будут раскрыты все известные ему разведывательные сети за рубежом, был отменён уже подготовленный приказ о выслеживании и ликвидации Орлова.

Эйтингон решительно возразил против предложения Берии, заявив: "Замечив слежку или любые попытки выйти на него, он (Орлов) может поставить под удар всех наших людей". Скрепя сердце, Берия вынужден был согласиться с этими доводами³.

Из-за исчезновения Орлова была отозвана из Мексики Мария де Лас Эрас, которую Судоплатов называл "нашим лучшим агентом "Патрия", которую мы сумели внедрить в секретариат Троцкого ещё во время его пребывания в Норвегии и которая была с ним в Мексике... Её планировал использовать Шпигельглаз в 1937-1938 годах, но бегство Орлова, хорошо её знавшего, разрушило этот план... Не исключено, что вынужденный временный отказ от боевой операции в Мексике обусловил трагическую участь Шпигельглаза. Он слишком много знал и перестал быть нужным"⁴.

После отъезда из Мексики Мария де Лас Эрас на протяжении многих лет выполняла задания НКВД за рубежом и вернулась в СССР в звании полковника только в 70-х годах. Она умерла в Москве в 1988 году.

Судоплатов и Эйтингон допускали, что Орлов может известить Троцкого о террористических замыслах НКВД, вынашивавшихся ещё в 1937-1938 годах. Эти их опасения были недалеки от истины. В конце 1938 года Орлов направил Троцкому анонимное письмо, в котором сообщал, что НКВД готовится послать в Мексику убийц через "Марка" (Зборовского) или через агентов-

¹ Там же. С. 80.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 93.

³ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 82.

⁴ Там же. С. 80.

провокаторов, прибывающих в Мексику из Испании под видом зарубежных троцкистов¹. Однако Орлов, опасавшийся, что его письмо может быть перехвачено агентами НКВД, которые по некоторым деталям смогут "вычислить" его, ничего не написал Троцкому о "Патрии".

Первоначальный план Судоплатова совпадал с предположениями Орлова. Этот план состоял в том, чтобы использовать завербованную Эйгингоном агентуру из числа западноевропейских, особенно испанских троцкистов. Однако Эйгингон не согласился с предложением Судоплатова и настоял на том, чтобы использовать тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали в операциях против Троцкого и его соратников.

Судоплатов и Эйгингон изложили Берии свои финансовые "прикидки", согласно которым для перебазирования и оснащения террористических групп требовалось выделить не менее 300 тысяч долларов. Необходимость в столь значительной, по тем временам, сумме они мотивировали тем, что в настоящее время в окружении Троцкого нет ни одного агента, который мог бы помочь террористам, и что скорее всего дом Троцкого придётся брать штурмом. На это Берия ответил, что следует приступить к подготовке акции, не беспокоясь о финансовой стороне дела: все нужные средства будут предоставлены². Можно не сомневаться, что Сталин утвердил бы и втрое больший бюджет для проведения данной операции.

Эйгингон предложил создать две параллельно действующие и самостоятельные террористические группы, которые не должны были не только общаться между собой, но и знать о существовании друг друга.

Первая группа под кодовым названием "Конь" возглавлялась известным мексиканским художником Давидом Альваро Сикейросом, участником испанской гражданской войны, к тому времени возвратившимся в Мексику. Эта группа осуществила в мае 1940 года налет на дом Троцкого, в результате которого Троцкий и члены его семьи чудом оказались невредимыми.

Во главе второй группы под кодовым названием "Мать" была поставлена испанка Каридад Меркадер, которая после развода с мужем в 1928 году поселилась со своими четырьмя детьми в Париже. Позднее она вместе с подрастающими детьми принимала участие в испанском революционном движении. В 1934 году её сын Рамон, будущий убийца, был арестован барселонской полицией, что помогло впоследствии мексиканским властям установить его настоящее имя. Оно, равно как и национальность Рамона, было установлено только в 50-х годах. До этого Р. Меркадер был судим и находился в тюрьме под именем Жака Морнара³.

Во время гражданской войны в Испании Каридад, придерживавшаяся ультрасталинистских взглядов, согласно собственным конфиденциальным признаниям, участвовала лично в расправе над двадцатью троцкистами и другими

¹ Архив Троцкого. № 6137.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 82-83.

³ Нева. 1989. № 3. С. 202-203.

"контрреволюционными элементами"¹. Рамон воевал на Арагонском фронте в звании лейтенанта и выполнял партизанские задания в тылу франкистов. В 1937 году "Мать" и "Раймонд" (кодовая кличка Р. Меркадера) дали обязательство о сотрудничестве с советской разведкой².

Рамон Меркадер обладал многими качествами, необходимыми для того, чтобы стать главной фигурой в осуществлении операции "Утка". Он в совершенстве говорил на французском и испанском языках и достаточно хорошо владел английским. Участие Меркадера в операции было признано желательным и потому, что он был совершенно неизвестен в среде троцкистов.

Меркадера готовили к внедрению в окружение Троцкого ещё до разработки плана операции "Утка". В этих целях сталинская агентура предназначила ему роль обольстителя женщины, которая могла иметь свободный доступ к Троцкому. Таковой оказалась Сильвия Агелофф, член американской секции IV Интернационала. "Она была хорошей избранницей со стороны ГПУ, потому что её сестра Руфь Агелофф была близка к Троцкому, - вспоминал Жан ван Хейженоорт. - Руфь, которая находилась в Мексике во время слушаний комиссии Дьюи, очень много помогала нам в переводе, перепечатке и поиске документов. Она не жила в доме Троцкого, но на протяжении нескольких недель посещала его почти ежедневно. У Троцкого остались очень благоприятные воспоминания о ней, так что её сестра должна была быть хорошо принята им и Натальей"³.

В 1937 году было организовано знакомство Сильвии Агелофф с Руби Вайль, доверенным лицом советской резидентуры, впоследствии работавшей секретарем Луи Буденца, главного редактора газеты "Дейли Уоркер" - органа компартии США. Это знакомство вскоре переросло в дружбу. Обе одинокие женщины снимали общую квартиру в Нью-Йорке. Оказавшись "неожиданно" наследницей крупного денежного состояния, Руби предложила сопровождать Сильвию в поездке в Париж, куда последняя готовилась отправиться для участия в качестве переводчика в работе Учредительного конгресса IV Интернационала⁴.

Уже через несколько дней после прибытия Сильвии и Руби в Париж произошла их "случайная" встреча с Меркадером, представившимся Сильвии Жаком Морнаром, сыном бельгийского дипломата и давним знакомым семьи Вайль. Спустя десять дней после этой встречи Руби, выполнившая свою задачу, отправилась в Нью-Йорк.

Рамон, изображавший себя преуспевающим бизнесменом, не интересующимся вопросами политики, вскоре стал любовником Сильвии, хотя он был моложе её на семь лет. Он тратил на Сильвию много денег, обещал на ней жениться, но упорно не выказывал малейшего интереса к её политическим делам.

Весной 1939 года Сильвия покинула Париж и возвратилась в Нью-Йорк. Рамон остался в Париже, где Судоплатов и Эйгингон обучали его и Каридад

¹ Levin I. D. The Mind of an Assassin. P. 61.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 94.

³ Jean Van Heijenoort. With Trotsky in Exile. P. 146.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 95-96.

основам террористическо-диверсионной работы. В июле Судоплатов вернулся в Москву. Эйтингон ещё в течение месяца оставался с Каридад и Рамоном, после чего отправил их в США.

Рамон Меркадер прибыл в Нью-Йорк с фальшивым паспортом на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Он объяснил Сильвии этот свой поступок желанием избежать призыва на военную службу в Бельгии. Рамон заявил, что намерен заниматься коммерческой деятельностью, и в октябре 1939 года уехал в Мексику якобы в качестве сотрудника агентства по экспортно-импортным операциям. В январе 1940 года в Мехико приехала и Сильвия - для помощи Троцкому в работе. Она поселилась вместе с Рамоном и всем представляла его как своего жениха, хотя вплоть до мая 1940 года не вводила его в дом Троцкого¹.

Осенью 1939 года в Америку направился Эйтингон, которого советский резидент Василевский, работавший генеральным консулом в Париже, снабдил поддельным французским видом на жительство, необходимым для получения заграничного паспорта².

Перед отъездом в Мексику из США Эйтингон получил инструктивное письмо, в написании которого принимали участие Берия и его заместитель Меркулов. В этом письме зашифрованным языком излагались советы по подготовке заключительного этапа операции "Утка": "Свою научную работу продолжайте. Имейте в виду, что всякая научно-исследовательская работа требует терпения, вдумчивости и умения ожидать результатов. Готовясь к снятию урожая, помните, что плод должен быть полностью созревшим... Если нет уверенности, лучше ожидать полного созревания... Не делайте непродуманных экспериментов, идите к получению результатов наверняка, и тогда Вы действительно внесёте ценный вклад в науку, но обязательно с таким расчётом, чтобы Ваши опыты не отразились на Вашем здоровье и здоровье Ваших ассистентов"³.

Берия мог доложить Сталину, что подготовка к операции "Утка" осуществляется успешно.

О завершении этой "операции" я предполагаю рассказать в седьмом, заключительном томе исследования "Была ли альтернатива?" - книге "Конец означает начало".

¹ Папоров Ю. Убийство Троцкого. - Огонек. 1990. № 37. С. 9.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 84.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 97.

Оглавление

Введение.....	2
Часть 1 СССР после великой чистки	
I Экономика.....	5
II XVIII съезд ВКП(б) о главной экономической задаче СССР.....	9
III Социальный состав и жизненный уровень населения СССР.....	13
IV Сталинизм и крестьянство.....	15
V Социальное неравенство.....	18
VI Общественные нравы.....	22
VII Политический режим: партия.....	26
VIII Политический режим: государство и бюрократия.....	30
IX Политический режим и социальные отношения.....	36
X Армия.....	40
XI Террор после "ежовщины".....	51
XII Национальная политика.....	59
XIII Сталин и сталинизм глазами белой эмиграции.....	64
XIV Антисемитизм.....	67
XV Два типа социального сознания.....	71
XVI Духовная культура.....	76
XVII Троцкий о характере советского государства.....	83
Часть 2 Мир в преддверии мировой войны	
XVIII Сталинизм и гитлеризм.....	89
XIX На путях к сближению.....	94
XX Две армии.....	99
XXI "Тоталитарные пораженцы".....	102
XXII Троцкий о характере будущей войны.....	105
XXIII Грядущая война и мировое рабочее движение.....	111
XXIV "Если мы победим здесь, мы победим везде".....	115
XXV Взлёт и падение ПОУМа.....	119
XXVI Поражение испанской революции, его причины и последствия.....	128
XXVII Мюнхенский сговор.....	136
XXVIII Кампания по поводу "Великой Украины".....	142
XXIX Начало политических маневров.....	146
XXX Изменения в политике западных держав.....	151
XXXI Отставка Литвинова.....	155
XXXII "Ближайший соратник".....	162
XXXIII Переговоры - явные и тайные.....	166
XXXIV Переговоры на высшем уровне.....	193

XXXV	Договор.....	197
XXXVI	Секретный протокол.....	207
XXXVII	"Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей"	213
XXXVIII	Члены Политбюро охотятся.....	216
XXXIX	Фашистская печать о пакте.....	219
XL	Звездный час Молотова.....	221
XLI	Разрушение моральной силы.....	225
XLII	Коминтерн защищает пакт.....	229
XLIII	Эрнст Тельман о пакте и его последствиях	239
Часть 3	Троцкий и IV Интернационал	
XLIV	Троцкистское движение во второй половине 30-х годов.....	243
XLV	Международные "резервы троцкизма"	252
XLVI	Троцкий и Виктор Серж.....	258
XLVII	Судьба провокатора	263
XLVIII	Учредительный конгресс IV Интернационала	269
XLIX	В чём и почему ошибся Троцкий.....	271
L	Подготовка к операции "Утка"	280